ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА: КОГНИТИВНЫЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

МАТЕРИАЛЫ
IV МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕРЕЗИНСКИХ ЧТЕНИЙ

Выпуск 14

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА: КОГНИТИВНЫЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

МАТЕРИАЛЫ
IV МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕРЕЗИНСКИХ ЧТЕНИЙ

Выпуск 14

Москва 2008

ББК 81.002
Я 41

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, профессор ***В. А. Пищальникова*** (отв. редактор)
доктор филол. наук, доцент ***Т. А. Голикова***
кандидат филол. наук ***Е. В. Нагайцева***

Рецензенты:
доктор филол. наук, профессор ***Л. О. Бутакова***
доктор филол. наук, профессор ***Е. В. Лукашевич***

Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы IV Международных Березинских чтений. Вып. 14. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. – 312 с.

ISBN 978–5–291–00166–1

Сборник содержит научные статьи, относящиеся к разным направлениям и разделам современной лингвистики. Он подготовлен по материалам IV Международных Березинских чтений «Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты» (16–18 февраля 2008 г.) и потому в известной степени отражает реальную картину исследования определенных проблем языковедения в разных регионах России. В сборнике представлены статьи по методологии лингвистических исследований, переводу и переводоведению, психолингвистике и этнопсихолингвистике, когнитивной лингвистике, исследующие различные проблемы языкознания в теоретическом и экспериментальном аспектах. Сборник предназначается для широкого круга лингвистов.

Е. Г. Баянкина

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПАТЕНТНОГО ТЕКСТА

Текст патента, как и любой иной текст, может рассматриваться как коммуникативное средство реализации когнитивных структур, то есть структур, в которых сосредоточены знания и представления человека о вещах, их свойствах и отношениях друг к другу. Коммуникативный план текста формирует его коммуникативный аспект, а когнитивный – собственно семантический [1. С.53]. Анализ когнитивного аспекта текста конкретного типа ставит перед исследователем две основные задачи. Первая предполагает выявление и описание знаний, как экстралингвистических, так и лингвистических, которые служат обязательным условием порождения и понимания текста. Вторая заключается в определении характера связей между языковыми структурами и лежащими в их основе когнитивными структурами.

Патентный текст характеризуется стандартностью структуры и стереотипностью организации содержания, что позволяет использовать для его анализа самые различные теоретические структуры – модельные процедуры, семантические сети, фреймы, сценарии, схемы и пр. Одним из наиболее разработанных методов когнитивного анализа текста является принцип «ситуационных моделей», предложенный Т. Ван Дейком. Ситуационные модели – это находящиеся в памяти индивида когнитивные репрезентации ситуаций, которые описываются в дискурсах. Они включают аккумулированный опыт предыдущих событий с теми же или подобными предметами, вещами и явлениями. Модели являются центральными репрезентациями в процессах производства и понимания текста, основной целью этих процессов становится установление понимания, то есть построение или модернизация модели, или передача модели получателю. Средством создания моделей служат эпизодические репрезентации текстовых структур и значений [2].

Если основываться на теории ситуационных моделей, то представляется возможным выделить типовые ситуации, обеспечивающие фоновое знание для восприятия и порождения патентного текста. Поскольку существуют три основных объекта изобретения – устройство, способ и вещество, то можно соответственно различать и три ситуационные модели: 1. Устройство – apparatus, device, machine; 2. Способ – method, mode, process; 3. Вещество – material, compound.

Каждая ситуация образована некоторой совокупностью взаимосвязанных компонентов. В структуре ситуации различают дискретные сущности – предметы. Подобным же образом выделяют разные категории сущностей (классы, виды объектов). Единичные объекты, принадлежащие к той или иной категории, могут рассматриваться как обладающие определенными свойствами или вступающие в определенные отношения. Наконец, объекты, обладающие определенными свойствами и состоящие в некоторых отношениях, производят процессы, события, действия, то есть «факты» некоторой реальной или воображаемой ситуации. Так, ситуация «устройство» предполагает наличие некоторого набора деталей (узлов), имеющих определенные параметры, т. е. обладающих рядом свойств и находящихся в определенных состояниях, а также характеризующихся различными связями. Ситуация «способ» – это некоторая совокупность действий (приемов, операций), производимых с помощью инструментов, оборудования или непосредственно субъектом. Ситуация «вещество» подразумевает характеристику некоторого продукта производства (технологического процесса), который состоит из компонентов и имеет определенные свойства.

Важным фактором воздействия на когнитивный аспект патентного текста является характер информации, передаваемой данным видом текстов. Патент относят к разряду текстов, обеспечивающих момент практики и передачу готового знания. Определение «готовое знание» носит несколько условный характер и используется в основном для описания научных и научно-технических текстов, которые отражают не сам процесс научной творческой мысли, связанный с получением нового знания, как, например, в теоретической научной статье, а результат этого процесса. Специфика научно-технической информации, которую передает патент, заключается в том, что она отражает не только результаты процесса познания мира, но и результаты практической деятельности человека по созданию новых искусственных объектов материального мира.

Изобретатель, имеющий в результате своей деятельности некоторый единичный материальный объект (способ обращения с материальным объектом), сталкивается с необходимостью обобщения полученного эмпирического знания и включения его в общественное знание, что неизбежно предполагает акт категоризации объекта. Язык при этом выступает как средство обобщения, формирования понятия.

В наиболее общем виде собственно описание изобретения, то есть та его часть, которая служит целям сообщения новой научно-технической информации, может рассматриваться как генетическое определение понятия. Генетическое определение согласно типологии Д. П. Горского, представляет собой разновидность классификационных определений и является спецификацией определяемого объекта посредством описания способов возникновения, образования, построения [3. С.63–84]. Для патентного описания генетическое определение наиболее эффективно, так как в нем также описывается процедура (рецепт) изготовления определяемого объекта, что, в конечном счете, отвечает требованиям правил патентования, принятым в большинстве стран. Логический прием определения (дефиниции) понятия может быть дополнен такими приемами как описание, объяснение, указание, сравнение, различение, характеристика, к которым прибегают тогда, когда существенные признаки объекта еще недостаточно изучены.

Развернутая, богатая по содержанию категоризация, содержащаяся в патентном описании, позволяет адресату текста точно установить соотношение между новым понятием и имеющимся знанием, что обеспечивает его правильное толкование и усвоение. Основой для осуществления категоризации является выделение существенных признаков, которые позволяют выявить сходство нового объекта с некоторым классом существующих объектов и включить его в этот класс, как правило, в пределах подгруппы некоторого подкласса. Знание существенных, «классовых» признаков составляет часть фоновых знаний коммуникантов или «старое» знание. «Новое» знание образуют те отличительные (дифференцирующие) признаки, которые позволяют вывести объект за пределы установленного сходства. Характер преемственности старого и нового знания зависит во многом от его типа, абстрактно-теоретического или эмпирического. Считается, что преемственность гораздо сильнее проявляется в сфере фактов и эмпирических описаний, так как здесь приращение знания носит непрерывный, кумулятивный характер. С подобным явлением мы сталкиваемся и в патентном описании, которое представляет собой разновидность эмпирических описаний. Новые признаки предмета, за счет которых идет углубление представления о классе объектов, а, следовательно, и усложнение понятия, присоединяются к старым, дополняют уже известные, и в общей их совокупности проявляется квалитативная сторона нового объекта.

Учитывая, что одной из форм языкового выражения признаков предмета, то есть его атрибута, служит синтаксический атрибут (определение), можно объяснить наличие в тексте патента значительного числа определительных конструкций. В связи с этим интересно провести параллель между кумулятивным характером накопления знания и аккумулятивным типом синтаксической связи, которая оформляет отношения между атрибутами в рамках именного словосочетания, что особенно ярко проявляется в языках аналитического типа и, прежде всего, в английском языке.

Анализ материала показал, что в семантической структуре атрибутивного словосочетания, которое является способом обозначения сложного элемента детально описываемой ситуации, находит свое отражение некоторая когнитивная структура, сформированная познавательными связями, на основе которых образуются объекты, а из объектов – ситуации. К таковым относятся связи между частью и целым, признаком и целым, движущимся объектом и движением; связи, в основе которых лежит множество, и связи, в основе которых лежит количество. В рамках данной статьи (на материале английского языка) рассмотрим способы отражения в значении атрибутивного словосочетания таких когнитивных структур как *часть-целое* и *признак и целое*.

1. Когнитивная структура *часть-целое* может быть представлена словосочетаниями различных типов:

а) словосочетание, где определение выражено релятивным существительным, в значении которого присутствует сема отношения *часть-целое*. Такие существительные обнаруживают способность к синкретичному обозначению отношения и члена отношения. Среди названий части – партитивов – выделяются общие*: part, portion, bit, piece, component, segment, etc. (a segment of wire; data bit; a part of tank circuit)*; и типичные, т. е. характерные для определенной отрасли знания. Так, например, для химии типичными партитивами будут *agent, ingredient, particle*; а для машиностроения – *member, element, unit;* типичными частями процесса являются *step, operation, procedure*. Предпочтительное употребление того или иного имени целого также связано с предметной областью. Например, в химии это – *composition, mixture, blend, chain*; а в машиностроении – *system, set, structure assembly*.

б) помимо релятивных существительных со значением *часть* или *целое* для номинации членов отношения также используются имена таких конкретных предметов, которые в реальной

действительности могут быть и частями других предметов, и выступать как целое. Так, в словосочетании *a transformer core lamination* предмет, обозначенный существительным *core (сердечник)*, выступает как целое по отношению к *lamination (пластина сердечника),* и как часть по отношению к *transformer (трансформатор)*.

в) особо выделяются имена предметов – «пустот», то есть таких объектов, которые образованы границами других объектов, например *slot, slit, opening, bore, hole, groove, gap, channel, passage, etc.* Например, *an axial bore in the tool head*.

Следует отметить, что если в словосочетаниях с именем части/целого, выраженным релятивным существительным, значение отношения находит свое выражение в значении существительного, то в словосочетаниях с именами конкретных предметов отношение задано имплицитно и для его установления необходимы определенные фоновые знания.

г) Словосочетания, в которых определение выражено причастным оборотом с Причастием I. Имя целого обычно занимает позицию определяемого, а названия частей входят в состав определения, при этом само отношение передается Причастием I от переходных глаголов со значением «состоять из». Наиболее употребительными являются причастия от глаголов *to include, to consist of, to contain, to comprise*.

2. Структура, образованная соотнесением предмета и признака, который данный предмет проявляет в описываемой ситуации. В этой группе можно выделить ряд подгрупп.

а) словосочетания, в семантической структуре которых признак проявляется как одноместный предикат свойства или состояния. Сюда относятся, во-первых, словосочетания с прилагательным, которое может обозначать физические или химические свойства объекта, например, *magnetic, resistive, pure, transparent*; во-вторых, прилагательные, указывающие на расположение в пространстве, например, *internal, external, inner, outer*; или обозначающие форму предмета – *triangular, square, annular*. Кроме прилагательных предикатным знаком в таких словосочетаниях может являться имя существительное, образованное от прилагательного. В таких словосочетаниях имя свойства занимает позицию определяемого, а определение обозначает объект, который характеризуется данным признаком (свойством), например, *density of flux; brightness of color; intensity of field*. При одинаковой базовой семантической структуре «предмет + свойство» данные словосочетания имеют смысловые отличия от

предыдущей группы. Они кроются в изменении фокуса познавательного интереса: если в первом случае объектом познания является вещь, то во втором случае – само свойство (опредмеченное), а вещь служит лишь для его детерминации.

б) словосочетания с многоместными предикатами. В синтаксической структуре такого словосочетания эксплицитное выражение могут получить не все элементы такой семантической структуры, причем в импликацию может переходить как один из аргументов, так и само отношение. В данной группе можно выделить несколько подгрупп. В первую входят словосочетания с причастным оборотом с Причастием I. Причастие I как форма компонента постпозитивного определения служит указанием на важную роль в семантике словосочетания семы «субъектность». «Субъект» действия выражен определяемым, а имя объекта входит в состав определения; например, *an output representing a logical 0*. Материал исследования показывает, что атрибутивные конструкции данного типа в патентном тексте образованы, как правило, причастием от двухвалентного переходного глагола и отражают структуру, которую формирует отношение между двумя предметными переменными.

Вторая подгруппа образована словосочетаниями, в которых определение выражено причастным оборотом с Причастием II. В отличие от Причастия I, Причастие II служит показателем направленности передаваемого признака на объект, то есть свидетельствует о важной роли в семантике словосочетания общей семы «объектность». Имя «субъекта» действия может входить на правах одного из компонентов в состав определения; при этом существительное, обозначающее «субъект» действия, вводится предлогом “by”, подобно агентивному дополнению в пассивных конструкциях. Например, *the light reflected by the mirror*. Следует отметить, что в семантической конфигурации словосочетаний, отражающих ситуацию функциональной связи технических объектов (частей одного объекта), семантическая роль объекта устанавливается однозначно, в то время как второй аргумент может быть либо субъектом, либо инструментом (средством). Например: *Under certain conditions of service these changes in the field are very small at the point sensed by the total field magnetometer and obviously to be suitable for such an ordnance application the magnitude of the signal generated by the magnetometer when the magnetic field of the vessel is sensed…* . В первом из выделенных словосочетаний предмет, обозначенный как *“magnetometer”*, является скорее инструментом, в то время как во втором – семантическая роль

данного аргумента – это роль субъекта действия. Патентные тексты дают достаточно большое число примеров употребления словосочетаний, в которых Причастие II с зависимым словом функционирует в качестве препозитивного определения: *the output of a crystal controlled generator is …; the helicopter carried magnetometer is compensated for…* . В связи с тем, что схема синтаксической конструкции с Причастием II переходного глагола в роли препозитивного определения в норме не предусматривает позиции для выражения обоих аргументов, конструкции указанного вида представляют некоторую сложность для восприятия, а их понимание, несмотря на экспликацию всех членов отношения, требует определенного уровня фоновых знаний. С этой точки зрения как более «грамматичные» воспринимаются словосочетания, в которых языковой формой выражения инструмента («субъекта») действия является наречие, которое у Р. Кверка названо «наречием инструмента действия» (“instrument process adjunct”) [4. С.202]: *The preferred embodiment includes a thermostatically controlled current source.* В словосочетаниях с препозитивным определением, выраженным Причастием II, ядерное существительное может обозначать объект действия, при этом субъект может быть переведен в импликацию, например: *a fixed tube; dyed yarn; sampled core.*

Если в техническом описании предполагается, что субъектом действия является изготовитель (пользователь), то в таком случае субъект не получает языкового выражения в тексте, а восстановление имплицированного смысла происходит на основании фоновых знаний, в частности, знаний о способах обращения с предметами реального мира, знаний узко специальной области и т. п.

Если «субъектом» действия является некоторый технический предмет (физическое явление), связанный с другим предметом функционально, то в таком случае «субъект» обычно эксплицируется. Для этого может быть использована одна из описанных выше конструкций, или «субъект» получает экспликацию в предтексте (ближайшем контексте). Например: *a) A levitational magnetic field suspends a magnetic body in space and… b) The suspended body is exposed to…*, где первое предложение является развернутой предикативной формой экспликации признака, который потом в свернутой форме выражен атрибутивной конструкцией во втором предложении. Конструкции с импликацией субъекта следует отличать от тех, где форма с –ed причастием не является, то есть не имеет соответствующего

исходного глагола. Например, *ungrounded ends; multilegged valve; uninverted currents.*

Как показывают результаты наблюдений, конструкции с эксплицитно выраженными элементами употребляются тогда, когда каждый из элементов является значимым с точки зрения когнитивной установки автора текста для формирования и уточнения понятия об объекте изобретения.

В патентном тексте атрибутивное словосочетание с определением – причастным оборотом с Причастием II широко используется для представления семантической структуры, которая образована некоторым отношением между тремя предметными переменными. Причастие в таком случае образуется от трехвалентного глагола. Например: *data recorded by the electric pulse on a magnetic medium.* Четырехчленная семантическая структура редко имеет прямое соответствие в синтаксической структуре. Эксплицитное выражение, как правило, получает значение отношения и лишь два из трех возможных аргументов. Для патентного текста наиболее характерны конструкции, где эксплицитно выражены объект действия, при этом имя объекта является одним из определений, и один из следующих аргументов: инструмент (средство); субстанция (вещество, материал), из которого сделан объект; пространственное расположение объекта. Например: *a rod surrounded by an oscillator coil*, где представлен сам объект – *rod*, и средство – *coil*; *a sleeve composed of non-magnetic material* – указаны объект и материал; *the shank installed at the top end of the core* – указаны объект и место его расположения.

В состав третьей подгруппы входят словосочетания существительное+существительное. Данный тип встречается в аналитических языках, а также характерен для английского языка. Наименование предмета (в широком смысле) в таких словосочетаниях становится наименованием признака, характеризующего другой предмет только в том случае, если они объединены некоторым отношением. В таких словосочетаниях синтаксический атрибут на семантическом уровне выступает не в качестве предиката, а в качестве аргумента при предикатном знаке, который в процессе трансформации исходной структуры эксплицитного выражения не получает. Например: *chuck jaws – the chuck has jaws; circuit diagram – the diagram shows the circuit.* Словосочетания данного типа достаточно хорошо описаны во многих работах, например у О. Н. Труевцевой [5]. Они характеризуются большой семантической емкостью, обусловленной разнообразием логико-предметных отношений,

отражающих связи между предметами во внеязыковой действительности. Понимание этих словосочетаний осуществляется только на основе фоновых знаний. Так, например, *surface exploration* может означать и «исследование на поверхности», в таком случае между его компонентами существует локативная связь; и «исследование поверхности» – отношение интерпретируется как объектно-предикатное. Положение объекта в логико-предметной области оказывает влияние на то, каким образом употребляется обозначающее его словосочетание – «цельнономинативно» или как расчлененная коммуникативная номинация. С точки зрения когнитивного анализа такое различение является принципиально важным, так как словосочетание, употребленное цельнономинативно отражает результат процесса ограничения понятия и образования нового, **единого** понятия, в то время как расчлененная номинация отражает когнитивную структуру «предмет+признак». Так, *river system* функционирует в области гидрологии как расчлененная номинация и именует два отдельных объекта: сравним *mountain system, lake system*, а в области энергетики тот же комплекс употребляется в качестве цельной номинации и обозначает единое понятие – «каскад ГЭС», при этом когнитивная структура затушевывается и может быть выявлена только с учетом анализа развития и становления самого понятия.

Наконец можно выделить подгруппу словосочетаний, в которых определение выражено предложным оборотом. Как известно, функциональным значением предлога является указание на факт отношения объектов (вещей, их свойств, ситуаций). Скрытое, имплицированное значение, показателем которого является предлог, функционирует как предикат, выполняющий координирующую роль, как признак, образующий когнитивную структуру, придающий ей свойство связности и целостности.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Шахнарович А. М., Голод В. И. Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 1986. – № 2. – С. 52–56.
2. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 319–336.
3. Горский Д. П. Определение. – М.: Наука, 1974. – 311 с.
4. Quirk R. University Grammar of English. – N.: Vyssaja Škola, 1982. – 391 p.
5. Труевцева О. Н. Английский язык: особенности номинации. – М.: Наука, 1986. – 248 с.

Н. В. Беляева

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ГИПЕРТЕКСТА

В литературе по проблематике понимания текста неоднократно указывалось, что всякий текст гипертекстуален, т. е. обладает нелинейной внутренней логикой, создается как линейно (в большинстве случаев) выстроенная последовательность изначально нелинейных идей и соответствующим образом воспринимается читателем. На концепцию нелинейного построения и понимания текста опираются работы Т. Ю. Губаревой [1], М. Л. Корытной [2] и др. исследователей, подробно данная концепция рассматривается в книгах А. А. Залевской [3] и Ю. А. Сорокина [4]. Ярче всего явление нелинейности прослеживается на примере энциклопедических изданий, научной литературы со множеством ссылок (данный текст не является исключением) и некоторых художественных произведений («Хазарский словарь» М. Павича, «Сад расходящихся тропок» Х.-Л. Борхеса и др.). Но нас в данном случае интересует не явление гипертекстуальности как таковое, а гипертекст в более узком понимании, а именно, «соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания, и технической среды, технических средств, дающих возможность человеку осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [5. С.24]. Согласно В. Л. Эпштейну, гипертекст «можно определить как нелинейную документацию, документацию, которая ветвится и взаимосвязывается, позволяя читателю исследовать содержащуюся в ней информацию, в последовательности, которую он сам выбирает» [6. С.38]. Приведенные определения относятся не к традиционному тексту, а к электронному гипертекстовому документу, для которого нелинейность – не внутреннее свойство, а изначально присущая форма существования. Данное качество было одной из целей создания электронных гипертекстов (подробнее об истории их возникновения см. [6]). Д. Энгельбарт, работавший над т. н. «проектом расширения возможностей ума» [7. С.14] и Т. Нельсон, стремившийся облегчить процесс создания текстов и работы с ними при помощи Всемирной паутины [8], полагали, что человеческие возможности возрастут за счет эффективного использования накопленных знаний, хранящихся в компьютере. Оправдались ли их ожидания в настоящее время, когда электронные гипертексты входят в жизнь человека со школьной скамьи и неотступно следуют за ним повсюду? Привело ли расширение технических возможностей работы с текстом к расширению

«возможностей ума» при понимании и переработке текста человеком?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо определить, чем отличается понимание гипертекста (здесь и далее мы подразумеваем под этим термином электронный гипертекст) от понимания линейного текста (который, впрочем, также может быть электронным, однако не обладает разветвленной сетью гиперссылок и читается от начала до конца как обычная книга).

Рассматривать понимание гипертекста нам представляется наиболее целесообразным в связи с популярной в последние годы в психолингвистике теорией ментальной репрезентации текста. Многие исследователи в той или иной форме указывают, что возникающая в сознании индивида проекция текста, в отличие от самого текста, нелинейна. Более того, модели ментальной репрезентации текста, созданные, например, А. А. Залевской [9], М. Л. Корытной [2], У. Кинчем [10], по внешним характеристикам схожи с формой и структурой гипертекстового документа: соединение (согласно моделям репрезентаций) основных понятий в подобие сети, ключевые слова текста в которой выступают в роли связующих узлов, подобно соединению фрагментов гипертекста при помощи ссылок. Внешнее сходство позволило нам предположить, что и внутренняя логика построения ментальной репрезентации текста может быть подобна логике построения гипертекстового документа.

С этой целью в 2006–2007 гг. нами было проведено экспериментальное исследование [11. С. 83–87], в ходе которого по сделанным реципиентами конспектам и графическим изображениям прочитанных текстов мы реконструировали особенности их ментальных репрезентаций.

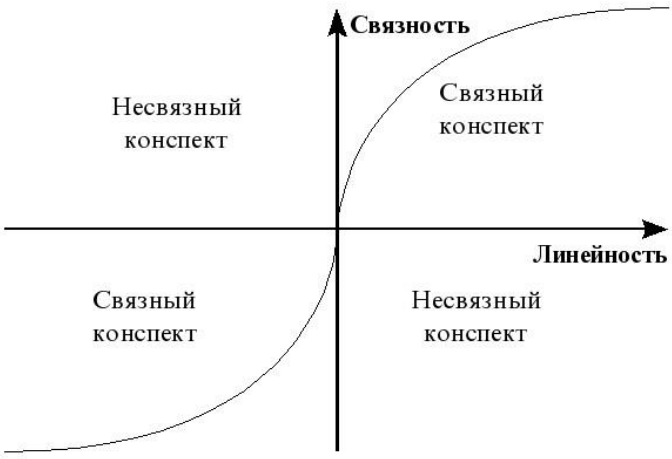
Зависимость между видом предъявляемого реципиентам текста и продуктами его переработки прослеживалась нами по двум основным переменным. Во-первых, одна часть реципиентов работала с линейным текстом (бумажным или электронным, что в целом не сказалось на результатах эксперимента), а другая часть – с гипертекстовым документом. Во-вторых, для эксперимента были подготовлены два текста, различающиеся по структуре: один представлял собой отрывок из энциклопедии, изначально дискретный и нелинейный, а другой – публицистическую статью, имеющую начало, конец и в определенном порядке выстроенные смысловые части.

Остановимся подробнее выводе, наиболее важном для нас в ходе текущих исследований.

Почти все участники эксперимента, имевшие дело с электронным гипертекстом-энциклопедией, изобразили его как цельное, логически связное сообщение. Гиперссылки воспринимались ими как вспомогательный материал, раскрывающий содержание «центрального» текста. При этом сведения, почерпнутые из текста, были дополнены информацией из личного опыта читателей. Конспекты испытуемых, которые читали тот же текст на бумаге, гораздо более напоминают энциклопедию: в большинстве работ скрупулезно передано содержание тех или иных (не обязательно всех) сегментов текста без добавлений. Пользуясь терминами конструктивно-интегративной теории У. Кинча, мы можем постулировать, что большинство конспектов и изображений линейного текста представляют собой попытку запечатлеть «текстовую базу» переработанного отрывка из энциклопедии, а конспекты и изображения гипертекста репрезентируют его различные «ситуативные модели» (см. [10. С.95–103]). В данном случае испытуемые, хотя имели дело с энциклопедией, т. е. с изначально нелинейным дискретным текстом, который создавался как гипертекстовый документ, пытались преодолеть его дискретность и выстроить связный образ того, что они прочитали, чего не наблюдалось в группе, работавшей с линейным вариантом текста.

В случае со связным текстом (также предъявленным реципиентам как в линейном виде, так и в виде гипертекста) были получены результаты если не прямо противоположные, то, по крайней мере, выявляющие интересную тенденцию. На этот раз связные конспекты-пересказы были созданы теми, кто работал с линейным текстом, а конспекты гипертекста, более разнообразные по форме, по содержанию отстояли дальше от оригинального документа.

Выявленная в результате экспериментов закономерность представлена на рис. 1.



Отсюда следует, что более успешно усвоение материала гипертекста происходит в том случае, если последний представляет собой справочный материал. Этот вывод коррелирует с результатами исследований Дэвида и Кристин Хейли (David E. Hailey, Jr., Christine E. Hailey), касающихся особенностей обучения при помощи гипертекста [12]. Серия экспериментов Хейли, в которых принимали участие студенты Университета штата Юта, показала, что гипертекстовые технологии не только не всегда способствуют усвоению учебного материала, но и могут отрицательно сказаться на нем. Авторы исследования утверждают, что «технология гипермедиа может нанести значительный ущерб, если с ее помощью преподносить неподходящий материал неподготовленным студентам» [12. С.340–342] и не рекомендуют применять гипертекст и гипермедиа в обучении студентов со средними способностями, а тем более навязывать им гипертекстовую среду обучения. Не столь категоричны в отношении использования гипертекстовых технологий в обучении авторы «Теории когнитивной подвижности» Спиро и Дженг. Под «когнитивной подвижностью» авторы теории подразумевают «способность произвольно реконструировать свои знания различными способами, адаптируя их к кардинально меняющимся требованиям среды» [13. С.165]. Согласно Теории когнитивной подвижности, усвоение материала происходит нелинейно, сообразно с гибкой природой познания, и поэтому целесообразно при обучении представлять материал в нелинейной форме. Делать это стоит только на этапе продвинутого обучения, когда все основы материала прочно усвоены учащимися, в противном случае нелинейное представление информации только запутает учащихся и затруднит ее усвоение (что согласуется как с результатами эксперимента Хейли, так и с данными нашего исследования).

Данные исследований свидетельствуют, что электронные гипертексты оказываются наиболее полезными для поиска и воспроизводства информации, а не для ее переработки по ходу чтения. Поэтому (а не только вследствие лени) современным студентам при написании курсовых и дипломных работ так трудно отказаться от соблазна собирать их, подобно мозаике, из отрывков чужих мыслей вместо того, чтобы создавать собственные тексты.

По всей видимости, описанные явления связаны с особенностями конструирования ментальной репрезентации гипертекста читателем. Создание модели такой репрезентации и изучение закономерностей ее построения – задача, которую необходимо решить по ряду причин. Во-первых, знание

особенностей понимания гипертекста позволит найти оптимальную методику обучения с его помощью. Во вторых, правильное обращение с гипертекстом как с инструментом научного познания (особенно на этапе обучения студентов и аспирантов) поможет избежать превращения научного познания в научное копирование.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Губарева Т. Ю. Психолингвистический анализ понимания письменного текста: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1997. – 20 с.
2. Корытная М. Л. Вихревая и математическая модели понимания художественного текста // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1997. – С. 163–167.
3. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
4. Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
5. Субботин М. М. Гипертекст – новая форма письменной коммуникации // Итоги науки и техники. Т. 18. – М., 1994. – 158 с.
6. Эпштейн В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ipu.ru/publ/epstn.htm (18.10.07).
7. Engelbart D. C. A conceptual framework for the augmentation of man's intellect // Vistas in Information Handling,</i> vol. 1. Washington, D.C.: Spartan Books, 1963. – Pp. 1–29.
8. Nelson T. Literary machines. – Sausalito, CA: Mindful Press, 1993. – 220 p.
9. Залевская А. А. Слово на пути к пониманию текста // Залевская А. А., Каминская Э. Е., Медведева И. Л., Рафикова Н. В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста: Коллективная монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. – С. 4–46.
10. Kintsch W. Comprehension: A paradigm for cognition. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. – 149 p.
11. Беляева Н. В. Психолингвистическое исследование понимания гипертекста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 18 (44): Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб., 2007. – С. 83–87.
12. Hailey D.E., Hailey C. E. Hypermedia, Multimedia, and Reader Cognition: An Empirical Study // Technical Communication, Vol. 45, №. 3, 1998. – Pp. 330–342.
13. Spiro R.J. & Jehng J. Cognitive flexibility and hypertext: Theory and technology for the non-linear and multidimensional traversal of complex subject matter. // D. Nix & R. Spiro (eds.). Cognition, Education, and Multimedia. Hillsdale. – NJ: Erlbaum, 1990. – Pp. 163–168.

В. Л. Бернштейн

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТА-НЕЛИНГВИСТА

Дискурсивная компетенция является одним из важнейших факторов осуществления успешной коммуникации. Во всех культурах существуют правила коммуникативного взаимодействия, определяющие желательное, допустимое и недопустимое поведение [1]. Правила приемлемости являются для говорения центральными. Изучая иностранный язык, особенно важно понимать, в какой степени функции говорения одинаковы для разных групп и личностей и чем они различаются, что личность, общество и культура вносят в функционирование языка.

Дискурсивная компетенция – это способность понимать и порождать тексты различного типа в соответствии с коммуникативным намерением говорящего/пишущего в конкретной ситуации общения. Описание сущности и структуры дискурсивной компетенции требует рассмотрения термина *дискурс*. Дискурс – динамически порождаемое и воспринимаемое, связное, коммуникативно-организованное речевое произведение в совокупности с экстралингвистическими факторами или контекстом. Лингвистический компонент дискурса – текст – рассматривается узко, под ним мы понимаем объединенную смысловой связью последовательность предложений, основными свойствами которой является связность и цельность.

Экстралингвистический компонент дискурса – контекст – это ситуация коммуникации, включающая условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, коммуникантов, их отношения друг к другу и т.п. [2].

Некоторые исследователи в понятие экстралингвистический контекст включают говорящего/пишущего (субъекта), коммуникативную ситуацию, в которой продуцируется дискурс, а также тип текста (М. М. Бахтин, А. Вежбицка, К. А. Долинин, В. И. Карасик, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелева и др.). В том же значении могут употребляться термины *тип дискурса*, *тип коммуникативного акта* или события, который можно обозначить термином *жанр*. Дискурс, понимаемый большинством исследователей как текст в экстралингвистическом контексте, может быть определен как текст определенного жанра, реализующий коммуникативное намерение субъекта речи в конкретной ситуации общения. Текст в рамках дискурса, помимо реализованных в нем лингвистических характеристик, отражает

специфику реализации коммуникативного намерения в заданной ситуации общения, которая проявляется как в выборе типа текста (жанра), так и в ряде текстовых категорий, таких как адресованность, модальность и др. Таким образом, в понятие *дискурс* включают четыре компонента: текст, жанр, коммуникативная ситуация, субъект.

В соответствии с выделенными в структуре дискурса составляющими в дискурсивной компетенции выделяют также четыре компонента [3].

Текстовая компетенция – умение организовать последовательность предложений таким образом, чтобы они составляли единое целое – связный текст со всеми присущими ему свойствами.

Жанровая компетенция – знание жанровых норм и умение организовать дискурс в соответствии с канонами конкретного жанра, выбранного для достижения коммуникативного намерения субъекта в заданном контексте.

Тактическая компетенция – умение анализировать коммуникативную ситуацию и на основе этого отбирать соответствующие ей адекватные и наиболее оптимальные в данном лингвистическом сообществе средства и способы достижения коммуникативного намерения субъекта.

Стратегическая компетенция – умение субъекта осознавать свое коммуникативное намерение и планировать коммуникативное событие.

Поскольку отправной точкой и определяющим дискурс моментом является коммуникативное намерение автора, а текст – продуктом, результатом дискурса, то компоненты дискурсивной компетенции логично рассматривать в такой последовательности: стратегический, тактический, жанровый и текстовый, т.к. именно в таком порядке они соответствуют процессу продукции дискурса в реальной коммуникации.

Подробное изучение и анализ каждого из компонентов дискурсивной компетенции позволяет описать ее в практических целях обучения иностранному языку как совокупность составляющих ее знаний и умений. Выделяют следующие знания и умения дискурсивной компетенции:

Стратегический компонент: осознавать цель собственного речевого поведения; осуществлять общее планирование дискурса в соответствии с коммуникативной целью.

Тактический компонент: анализировать коммуникативную ситуацию; уточнять коммуникативное намерение и планировать

свое высказывание; учитывать параметры коммуникативной ситуации на всех стадиях речевого произведения.

Жанровый компонент: выбирать жанр текста; соблюдать каноны жанра.

Текстовый компонент: представлять информацию как иерархию смысловых предикатов; отражать данную иерархию в построении частей текста; осуществлять интеграцию отдельных частей в единое целое через использование различных групп признаков цельности; организовывать связную последовательность предложений при помощи лексических и грамматических средств когезии на уровне сегмента текста и цельного текста.

Стратегический компонент является по сути «зерном», из которого произрастает коммуникация. В то же время в процессе обучения иностранному языку в вузах, целью которого является формирование межкультурной профессиональной компетентности, стратегическому компоненту дискурсивной компетенции внимание уделяется фрагментарно. Это противоречие препятствует осуществлению успешной коммуникации студента в будущей профессиональной деятельности т.к. неумение осознать цель своего общения и спланировать его ведет к коммуникативным неудачам. Понимание того, что находится в основе коммуникативных стратегий, поможет в поиске рациональных путей формирования стратегической компетенции студента.

В настоящее время нет четких представлений о том, как в реальности происходит процесс прогнозирования предстоящего общения. В исследованиях многочисленных авторов отражена мысль о том, что любой разговор является упорядоченным [4; 5; 6], но механизмы диалогического общения и принципы данной упорядоченности окончательно не определены. В то же время осознание этих явлений может быть достигнуто путем описания стратегических направлений и тактических приемов, реализуемых в процессе общения.

Общеизвестно, что стратегический подход базируется на общих знаниях и когнитивных моделях социума и индивида, и результаты социального взаимодействия связаны с использованием больших объемов знаний как эпизодических, так и общих абстрактных, представленных в семантической памяти. Важно отметить, что в стратегическом процессе успех не может быть гарантирован, так как даже в монокультурной среде не существует единого представления о том или другом виде взаимодействия. Однако, если условия, при которых достигнут определенный

позитивный стратегический результат, установлены, то возможно прогнозировать, какие речевые действия могут привести к успеху.

Онтологическая предпосылка речевого общения была разработана в общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева [7]. В соответствии с данной теорией в процессе речевого общения, коммуниканты, регулируя поведение друг друга, осуществляют совместную деятельность. Внутренним стимулом данной деятельности является желание достичь цели общения, поэтому любой субъект, вступая в общение, должен четко сформулировать свою цель и представить средства для ее достижения.

Установлено, что коммуникативные стратегии связаны с мотивами, управляющими речевым поведением субъекта. Исследователи данной проблемы [8] видят в любом межличностном общении два ведущих мотива: стремление индивида создать положительный имидж и уберечься от посягательств, просьб и т.п., ущемляющих его интересы. Таким образом, в основе механизма речевых стратегий находится превращение мотива в мотив-цель, выбор одной из нескольких целей, выделение промежуточных целей и определение способов их достижения.

Для классификации речевых стратегий разграничивают два типа целей, отражающих мотивы человеческого поведения: желание быть эффективным, т.е. реализовать интенцию, и стремление приспособиться к ситуации [9]. На основании данных мотивов выделяют первостепенные и второстепенные цели общения. Первостепенными являются те, ради которых инициировалась коммуникация. Эти цели позволяют сегментировать процесс общения, выявить стратегически значимые единицы и в результате понять содержание общения. Второстепенные цели можно назвать производными от разных мотивов деятельности. Они служат своего рода рамками, которые определяют вербальный выбор, тип речевого поведения субъекта.

Эффективность речевых стратегий определяется результатами или последствиями социального взаимодействия, независимо от того, является ли данный результат преднамеренным, осознанно планируемым. Из этого следует, что мотивация речевой стратегии зависит от установок субъекта, который, например, в процессе диалога, оценивает изменение ситуации и соответственно корректирует свои речевые действия.

В качестве конституентов речевых стратегий необходимо рассматривать цели и установки обоих коммуникантов: говорящего

и слушающего. Общеизвестное положение о том, что каждый слышит именно то, что хочет услышать [10], подтверждает необходимость учета этого аспекта в построении моделей речевых стратегий.

Часто стратегические и тактические задачи могут решаться неосознанно для самого говорящего [11]. В лингводидактическом плане их функции дифференцируются. Осознаваемые речевые стратегии можно сравнить с оружием, позволяющим прогнозировать речевые действия – как свои, так и партнера - и предпринимать упреждающие шаги [12]. Неосознанное импульсивное поведение дает возможность по речевым маркерам обнаружить скрытые установки и мотивы поведения.

Процесс общения регулируется целым рядом закономерностей и правил. Интуитивно большинство из этих правил известны носителям одного языка, и они ощущают, соблюдает ли партнер по коммуникации эти правила. В процессе межкультурного общения интуиция помогает в меньшей степени и первостепенным становится знание правил общения.

Основные правила, которым подчиняется речевое общение, широко обсуждаются в прагматических исследованиях, главным образом на основе так называемых принципов и максим общения [13]. Одним из первых содержание этих принципов исследовал П. Грайс. В его концепции основным является принцип кооперации (cooperative principle). Известны и другие правила, которые регулируют процесс общения [14], предлагаются и другие максимы, относящиеся к психологии общения [10].

Большинство исследователей механизмов речевого общения исходят из того, что стандартным является случай, когда в соответствии с принципом Кооперации все участники коммуникации идут навстречу друг другу. Но в реальных ситуациях общения эти оптимистические установки выполняются редко, а правила нарушаются. Коммуниканты часто не стремятся к сотрудничеству и противостоят друг другу в мнениях, взглядах и оценках происходящего [4]. Поэтому, кроме принципа Кооперации выделяют принцип Некооперации, который базируется на приоритете интересов говорящего над интересами слушающего, что заставляет считать исходной точкой в анализе речевых стратегий цели говорящего.

Установка на кооперацию либо ее отсутствие является одним из параметров модели речевой стратегии, который находится в основе классификации речевых стратегий на два типа: кооперативных (одобрения, апологетики, утешения, уговоров и

т.п.) и некооперативных (дискредитации, ссоры и т.п.). Любая установка проявляет себя через категорию вежливости, которая имеет ярко выраженные языковые маркеры.

Каждый субъект имеет собственные убеждения, мнения и установки, относящиеся к событиям, аналогичным предстоящим. До акта общения субъекту необходимо иметь информацию: о предстоящем речевом событии, о когнитивных пресуппозициях, о ситуации или контексте общения. На основании этой информации возможно построить план взаимодействия. Отсутствие информации у говорящего о мотивах и целях слушающего, а также его установках и системе ценностей требует включения в когнитивный план не менее двух вариантов речевого поведения – на сотрудничество и на конфронтацию. Построение, по крайней мере, двух гипотез является непременным условием речевого прогнозирования, при условии, что личность адресата и его установки не определены [15].

Стратегическое речевое планирование должно иметь продолжением контроль осуществления плана. Исследователи данной проблемы доказали, что понятие контроля и языковых средств его осуществления является ключевым в теории речевого воздействия [5]. Контроль может включать как вербальные, так и невербальные действия, нацеленные на развитие коммуникативного контакта в искомом для говорящего направлении.

Таким образом, стратегию можно определить и как гипотезу о будущем и как когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера. Исследователями определены параметры выбора речевой тактики и коммуникативных ходов на этапе планирования [12]. К данным параметрам относятся: 1) общие знания о коммуникативной ситуации (уместность/ неуместность определенного речевого акта); 2) знание о соответствующем речевом акте (ритуальный, стереотипный, нестереотипный, вообще не имеющий прецедента в индивидуальном опыте); 3) знания о собеседнике как о личности/ партнере.

Итак, в основе коммуникативных стратегий лежат мотивы, потребности и установки коммуникантов. Степень их осознанности бывает различной и, в конечном счете, зависит от уровня развития и психологической культуры субъекта. Для того чтобы планировать речевые действия, участник коммуникации должен не только иметь представление о стандартных ситуациях общения, но

и обладать элементарным опытом анализа речевых действий и практики общения. Вышеизложенное еще раз подтверждает необходимость систематического предоставления студенту дискурсивной /коммуникативной практики на занятиях иностранного языка для достижения искомой цели обучения.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Schiffrin D. Discourse Markers. Studies in International Sociolinguistics 5. – New York: Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Под ред. Ярцевой В.Н. – М.: Сов. энциклопедия, 1998. – 683 с.
3. Голикова Н. П. Формирование дискурсивной компетенции учащихся старших классов в процессе обучения: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – СПб, 2004. – 28 с.
4. Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики или о пользе спора // Логический анализ языка. Вып 3. Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990. – С.175–189.
5. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–100.
6. Sacks H. Lectures on conversation. Ed. G. Jefferson: Blackwell. 1992. – V. 1, 2.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
8. Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language use. – New York: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
9. Cody M.J. and McLaughlin M.L. Perception of compliance-gaining situation: A dimentional analysis // Communication Monographs. 1980. – 47. – 132–148.
10. Беркли–Ален М. Забытое искусство слушать. – СПб: Питер Пресс, 1997. – 256 с.
11. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. – М.: Дубль-В, 1994. – 128 с.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. – Омск: Изд. ОмГУ, 1999. – 285 с.
13. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–250.
14. Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. – М.: Высш. шк., 1992. – 175 с.
15. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, Или переговоры без поражения. – М., 1990. – 157 с.

Л. О. Бутакова

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЧИ

Любой лингвист, занимающийся прикладными исследованиями речи, так или иначе сталкивается с разными типами экспертиз, большая часть из которых имеет лингвоюридический характер. На этом пути неизбежны свои тернии, а звезды оказываются не всегда достижимыми. Попытаемся разобраться в теории, методологии подобных лингвистических занятий, обобщая попутно практику.

Теория и методология лингвоюридических экспертиз глубоко обобщена в книге А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» [1], в пособии М. В. Горбаневского [2], в книге Е. И. Галяшиной [3], в работах Н. Д. Голева и его учеников [4; 5] и пр. Это означает признание теоретического и методологического статуса подобного рода лингвистической деятельности. Обобщая собственные наблюдения на эту тему, классифицируем объекты анализа и характер анализа по субъектному и объектному параметрам. С точки зрения субъектного параметра объекты экспертного анализа можно разделить на «трудные» и «нетрудные», заведомо ясные и неясные.

К «нетрудным» по исполнению, временным затратам следует отнести экспертизы отдельных лексем, предлагаемых для оценки формы и содержания, формы и / или содержания и т. п. вне текста (речевого фрагмента). Эти экспертизы носили **инициативный характер**, поскольку запросы на их проведение исходили от частных лиц, представителей нотариата, работников юридических фирм, патентных служб и т. п. (см. деление на официальные и инициативные в [1. С.13].

Например, нужно было доказать, что лексемы Наталья и Наталия – варианты одного и того же имени. В рамках экспертиз подобного рода мы оценивали и доказывали единство имен Афанасий – Афонасий, Мария – Марья, Люся – Людмила, Эдуард – Эдгард. Логика экспертного анализа разворачивалась в направлении выявления фонологических, ортологических, стилевых закономерностей и законов русского языка: наличия межстилевой вариативности, возможности ошибочной передачи гласного в слабой позиции, специфики передачи иноязычных фонем и их сочетаний в русской графической системе, наличия разговорного и литературного варианта имени и пр.

В качестве наиболее интересных с лингвистической точки зрения можно привести 2 экспертных заключения: 1. Экспертизу товарных знаков ЭВОЙЛ // ЭВОЛ. Эксперту предлагалось доказать графическую и фонетическую разницу товарных знаков (оценивалась внешняя форма слова). Эксперт опирался на то, что в системе русского языка фонема Й может выполнять смыслоразличительную роль, например, в словах ВОИН [вojин] // ВОН [вон]. Кроме того, была учтена разница фонем и графем оцениваемых лексем [эвojил] // [эвол].

2. Экспертизу медицинских терминов *инвалидизация, инвалидизировать*.

На разрешение эксперта в ходе второй экспертизы были поставлены следующие вопросы:

1. Корректным или некорректным является употребление термина «инвалидность» для обозначения популяционного уровня феномена патологий?
2. Является закономерным с точки зрения грамматических и семантических законов русского языка появление терминов «инвалидизация», «инвалидизированность»?
3. Является ли правомерным использование термина «инвалидизация» для характеристики организационного (популяционного) уровня феномена патологий?

Эксперт при ответе на поставленные вопросы признал **некорректным** термин «инвалидность» для обозначения популяционного уровня феномена патологий**.** Основание: анализ семантики и словообразовательных особенностей данного слова (признакового существительного), частотного в русском узусе. Существительное «инвалидность» образовано от прилагательного «инвалидный» путем присоединения суффикса – ОСТЬ. Данный суффикс имеет традиционную в системе языка семантику опредмеченного качества, является регулярным словообразовательным средством. Образуемые с помощью него слова обозначают присущее определенному субъекту / объекту качество или совокупность свойств. Высокой системной продуктивностью обладает словообразовательная модель, в рамках которой он применяется: «основа прилагательного + суффикс – ОСТЬ» = существительное со значением опредмеченного качества». Данная модель функционирует при образовании слов типа *бедный – бедность, индивидуальный – индивидуальность, инвариантный – инвариантность*.

Прилагательное «инвалидный» образовано от существительного «инвалид» с помощью прибавления суффикса -Н- и

традиционно обозначает «нечто, присущее инвалиду» или «нечто, принадлежащее инвалиду, предназначенное для него». Ср.: **Инвалидный**. Прил. к инвалид. *Инвалидная артель* // Предназначенный для инвалидов. *Инвалидная коляска* [6. С.664]. Ср.: **Инвалид:** Человек, утративший трудоспособность (полностью или частично), вследствие ранения, увечья, болезни или старости. **Инвалидность:** Спец. Состояние, положение инвалида; нетрудоспособность. *Перейти на инвалидность* [там же].

Обе производные лексемы (*инвалидный, инвалидность*) сохраняют семантическую близость к исходному слову **инвалид**, обозначают **только** субъектный уровень охвата феномена. Эти особенности значения в полной мере отражены в словарных статьях, приведенных выше.

Слово «инвалидность» является словом специального употребления (термином), на что есть соответствующее указание в словаре (помета *спец.)*. Это слово имеет вполне определенное значение, передающее *состояние, положение инвалида или отсутствие у него трудоспособности*. В словаре содержится однозначное указание на отнесенность описываемого феномена к отдельному субъекту. Словообразовательная цепочка для анализируемого слова такова: *инвалид → инвалидный → инвалидность*. На уровне грамматических отношений также актуализируется принадлежность индивиду.

На основании вышесказанного делаем **вывод** о том, что данное слово не может употребляться для обозначения популяционного уровня феномена.

Термины «инвалидизация», «инвалидизированность» не нарушают грамматических, словообразовательных и семантических законов русского языка.

Термин «инвалидизация» образован в рамках продуктивных словообразовательных моделей: основа иноязычных глаголов на –ицировать, –ировать, -изировать и т. п. + суффикс -ациj- / -циj- = существительное, например, *идеализировать – идеализация; оптимизировать – оптимизация; консервировать – консервация.* Данные модели обладают высокой продуктивностью не только в литературном языке, но и в сфере специальной терминологии. Семантика модели следующая: опредмеченное действие, процесс или результат, направленные на широкий круг объектов [7. С.161–162].

Термин, образованный по высоко продуктивной модели, активно включается в терминосистемы в силу активности самой модели, распространенность словообразовательной и лексической

семантики, регулярно воспроизводимой в дериватах, созданных по модели.

На основании вышесказанного **делаем вывод** о том, что создание слов специального назначения (терминов) «инвалидизация», «инвалидизированность» является закономерным с точки зрения активных процессов, происходящих в русской грамматике и лексике.

Термин «инвалидизированность» образован от прилагательного / причастия «инвалидизированный». В свою очередь термин «инвалидизированный» является производным прилагательным / причастием, образованным от глагола «инвалидизировать». Глагол «инвалидизировать» создан по продуктивной модели, активно воспроизводимой в русском литературном языке и в специальной (терминологической) сфере русского языка: основа существительного + иноязычный суффикс –ировать, -изировать и т. п. = глагол со значением «распространять, вносить, добавлять то, что названо производящей основой; насыщать тем, что названо в производящей основе».

Его дериваты сохраняют выраженную процессуальность. Это касается и отглагольного прилагательного / причастия, и образованного от него существительного «инвалидизированность». Для последнего слова СО модель такова: основа отглагольного прилагательного / причастия + суффикс – ОСТЬ = существительное. Семантика модели: опредмеченное качество, появившееся в результате предварительно произошедшего действия, названного производящей основой.

Общий вывод. Семантика указанных дериватов сохраняет процессуальность, свойственную исходным производящим и самой СО модели. Эта процессуальность передается без изменения по соответствующим словообразовательным цепям от одного деривационного звена к другому. Указанные факторы подтверждают предназначенность терминов «инвалидизация», «инвалидизированность» для обозначения популяционного уровня феномена.

Официальные экспертизы, в отличие от инициативных, выполняются по постановлению суда или органов дознания, имеют статус доказательств. Их официальное название – «заключение эксперта», обычно оно сопровождается подпиской о нелжесвидетельствовании. К числу таких экспертиз принадлежат большинство выполненных кафедрой русского языка и лабораторией когнитивных исследований ОмГУ экспертных заключений. При их написании мы использовали имеющийся

научный опыт и методологические приемы, разработанные в исследовательских работах. В частности, пришлось применять разнообразные типы рассуждений, базирующиеся на логико-семантических, прагматических, структурных методиках анализа текста. Это принципиально, т. к. объектом экспертной оценки в большинстве случаев является именно текст.

Если стоять на позициях, акцентированных в начале статьи, и считать лингвистическую экспертизу разновидностью текстового анализа, то вперед выходят проблемы выработки процедур исследования, оптимальных целям и задачам анализа. Это означает следующее: эксперт работает с целостным речевым произведением, его фрагментами и единицами, все его действия связаны между собой, поэтапно представляют содержание анализируемого объекта, выявляют в нем определенные те аспекты, которые заданы в вопросной части.

Текстологическая направленность экспертного подхода принципиальна: в обширном поле филологического, лингвистического, психолингвистического анализа текста в разных парадигмах накоплен огромный методологический и прикладной материал. Ощутимый прикладной эффект заметен там, где исследователи понимают текст как цельное, связное, речевое произведение, обладающего стабильностью формы и динамичностью содержания, выражающее концептуальные, эмотивные, коммуникативные особенности автора. Следовательно, текст – следствие речевой деятельности автора, содержащее актуализированные посредством субъективных смыслов когнитивные структуры его сознания. При понимании художественного текста как «коммуникативно направленного вербального произведения, обладающего эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [8. С.3], исключение из трактовки преобладания эстетической мотивации дает интерпретацию любого типа текста. Триада «результат, продукт и процесс речевой деятельности, направленной на создание речевого произведения» основана на признании текста речемыслительным коммуникативным феноменом, находящимся во взаимонаправленных процессах порождения / восприятия. Исследование текста со стороны говорящего и слушающего (автора и читателя) имеет целью раскрытие определенной части психологических механизмов текстообразования.

В психолингвистике разработаны процедуры описания текста в аспекте рецепции, в том числе с учетом воздействующего эффекта [9; 10; 11; 12; 13]. Экспертизу воздействующей силы текста или

характера воздействия отдельных его фрагментов и / или структур допустимо производить с опорой на указанные достижения и по методологии, разработанной на их основе [13; 14. С.138–145].

Любые тексты обнаруживают специфику смысловой системы автора или характерные черты процесса речепорождения. Тексты теле-радио-передач, газетные и журнальные тексты могут рассматриваться с позиций выявления смысловых и эмотивных доминант, мест выражения повышенной экспрессии и т. п. Именно так приходится поступать, когда необходимо анализировать тексты, фигурирующие **в делах о защите чести и достоинства человека.**

В ходе экспертизы нужно обычно отвечать на вопросы: 1. Содержится ли в статье негативная информация об истце, его трудовой деятельности, личных, деловых и моральных качествах, в каких конкретных высказываниях или в каком контексте содержится негативная информация, и в какой форме она выражена – утверждения, предположения, вопроса или иной; 2. Если статья содержит негативную информацию, то воспринимается ли она как порочащая доброе имя истца, его честь и достоинство?

Чтобы ответить на такие вопросы при написании экспертного заключения по статье «Милосердие по расчету», опубликованной 15 декабря 2005 г. в газете «Тарское Прииртышье», пришлось анализировать все стороны текстовой организации, включая гарнитуру шрифта, соотношение абзацев, заголовка, подзаголов-ков, позиционное распределение мест акцентного выражения доминантного смысла, доминантной эмоции и пр.

Было установлено, что до того, как начинается передача информации о жизни женщины, находящейся под социальной опекой, автором с помощью средств смыслового, эмоционального, коммуникативно-прагматического уровней текста акцентирована **негативная характеристика социального работника как нечестного, корыстного человека**. Именно поэтому при восприятии текста информация, содержащаяся в четвертом абзаце, переданная в форме утверждения, относится к конкретной личности – социальному работнику Ф. Именно она в этом абзаце названа мошенницей и аферисткой.

Таким образом, необходимость ответить на две небольшие группы вопросов повлекла за собой многосторонний лингвистический анализ большого газетного текста.

Цель лингвистической экспертизы бывает разной. Это определяет ограничение применяемых методов и методик анализа. При решении частных задач о способах, качестве выражаемых оценок, эмоций, экспрессии, необходимости оценить намерения

говорящего исследоваться практически всегда должен фрагмент текста (не только слово или контекст). Часто заголовок статьи (или подзаголовок раздела) задает эмотивно-оценочную и смысловую доминанту всего текста, а эксплицитных форм выражения дальше не следует. Если вычленить конкретные слова или фразы (части высказываний), то анализ даст неполные или неверные результаты.

Это выводит проблемы экспертизы в поле необходимости / достаточности методологических и методических усилий, обращаться к достижениям функциональной грамматики, семантики, коммуникативного синтаксиса, прагматике (интент-анализу, контент-анализу). Все перечисленное – разновидности анализа **смыслов**, а не традиционных значений. Он требует выявления всего комплекса знаков текста / фрагмента, передающих тот или иной смысл (например, порядка слов, тема-рематического устройства, специфике грамматических структур и пр.). Эксперт работает с высказыванием, текстом, речью, а не словом, предложением, языком.

В связи с этим требованием выдвигается вперед известная дихотомия «значение – смысл». При динамично-функциональном подходе к языку/ речи, слову острота противопоставления снимается, т. к. *«речевая ситуация уже исключает актуализацию всего значения*, она актуализирует лишь то, что ситуативно важно для индивида, – ***смысл***» [15. С.19].

В рамках такого понимания значение интерпретируется не как жестко заданная и неизменная для индивида семно-семемная структура, а как *устойчивая, но внутренне (принципиально) динамичная структура, реализующая определенный способ познания действительности, дискретированный определенным звуковым образом, который поэтому и входит в значение, и символизирует его* [15. С.28]. Эта принципиальная динамичность изначально предполагает наличие множества смыслов для говорящего. В процессах речепорождения какая-то часть из них актуализируется, а потому – опознается воспринимающим.

Анализируя смысл высказывания, смысловую доминанту или смысловой набор текста, лингвист-эксперт намеренно на базе значений языковых знаков интерпретирует смысловое содержание, подтверждая мнение о том, что знак «не вещь (экспонент, тело знака и под.), а значение, выведенное из вещи на основе имеющихся когнитивных структур сознания. Слово как материальный репрезентант знака (звуковая / графическая оболоч-ка) возбуждает значение и порождает смысл» [15. С.39].

Указанная постановка проблемы тянет за собой еще одну: современное описание лексического значения слова. Традиционное системно-структурное изложение семантики лексем содержится в толковых словарях. Это означает, что, во-первых, традиционные толковые словари никогда не отражают всей полноты картины, поскольку не опираются на исследование языкового сознания, а содержат обобщение сем и семем, выведенное лексикографами на основе разновременной и разножанровой картотеки. Во-вторых, объективно словари отстают от живых языковых процессов. В-третьих, словарь есть следствие лексикографического взгляда коллектива авторов и их понимания языка, речи, значения, языкового знака. В-четвертых, многие смысловые компоненты не зафиксированы в словарях литературного языка в силу ограничительного действия нормы.

Специфика словарной ситуации диктует необходимость в экспертизах обращаться не только к «норме», но и к «узусу» или, если есть такая возможность, уточнять семантику по электронным словарям, функциональным или традиционным грамматикам, синтаксическим словарям, словарям разговорной речи, городского просторечья, жаргона. Лингвист-эксперт должен учитывать все указанные факты, иметь представление о разнообразии словарей, не исключать из своей работы в случае необходимости и словари ассоциативного типа.

В идеале возможно проведение эксперимента. В ряде случаев проверка на наличие скрытых оценочных и иных смыслов реальна в форме экспресс-эксперимента с участием работников правоохранительных органов или коллег-лингвистов.

Функционально-семантическую и прагматическую направленность имеют экспертные заключения, целью которых является установление национальной нетерпимости, наличие призывов к осуществлению экстремистской деятельности или возбуждению ненависти по признаку расы, национальности, языка. Ранее мы проводили анализ лингвистических и психолингвистических методик определения этноязыковой агрессивности, а затем – толерантности [16; 17]. Этот анализ был направлен на установление пригодности или непригодности того или иного типа процедур для прикладных исследований. Эксперт при работе с речью или текстом в состоянии выявить средства языковой агрессии – вербальные компоненты соответствующих когнитивных структур, инструменты мышления, направленные, на провоцирование конфликтной ситуации, на негативное эмоциональное воздействие речевых произведений любого типа, в том числе листовок.

Поликодовый текст является системой неоднородных знаков. Для лингвоюридической экспертизы эффективны при описании такого текста методики исследования поликодовых объектов, в которых смысловые доминанты актуализируются разными способами. Листовка, комикс, плакат – совокупность вербальных и авербальных компонентов, в силу разницы происхождения по-разному воздействующих на перцептивные системы воспринимающего, но всегда акцентно задающих смыслы [18]. Важны цвет рисунка, размер, положение в пространстве всего произведения, шрифт, величина надписей, их соотнесение с рисунком и пр. Как правило, вербальная часть таких речевых произведений минимальна, зато рисунок передает негативную эмоцию, оценку, угрозу, содержит этнические или политические маркеры (например, по рисунку одежды и обуви можно определить принадлежность изображенных к политическим и / или социальным группам, по изображению поз – агрессивность / неагрессивность намерений и пр.).

В лингвоюридических экспертизах важен «субъектный фактор». Спорные тексты, по поводу которых проводятся судебные разбирательства, требуют внимания лингвиста. Это значит, что входе ведения некоторых дел с использованием лингвистической экспертизы и показаний эксперта в суде требует подготовки самого юриста, т. к. последний не всегда может точно расставить акценты и правильно поставить вопросы по спорному речевому произведению и по тексту экспертизы.

Лингвисты, работающие как эксперты, не всегда могут однозначно ответить на все вопросы, поставленные юристами в силу специфики текста или характера вопроса (особенно это касается экспертиз на выявление признаков экстремизма и разжигания национальной розни). Это должны понимать юристы. Лингвист работает только с текстом и не имеет право вмешиваться в правовые вопросы. Это должны помнить лингвисты.

Качественная лингвоюридическая экспертиза требует от лингвиста высокой филологической квалификации, владения разными методиками анализа текста, обширных знаний в области психолингвистики, теории значения, теории текста и опыта применения этих знаний на практике, а главное – современные подходы к языку, речи, тексту, слову.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 592 с.

2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов /Под ред. М. В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006. – 112 с.
3. Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. М. В. Горбаневского. – М.: Юридический мир, 2006. – 96 с.
4. Юрислингвистика–6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Межвуз. сб. научн. ст. / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 419 с.
5. Юрислингвистика–8: Русский язык и современное российское право. Межвуз. сб. научн. ст. / Под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 531 с.
6. Словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 1.
7. Русская грамматика. В 2-х т. – М.: Наука, 1980. Т. 1. – 793 с.
8. Пищальникова В. А. Психопоэтика. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 176 с.
9. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. – М.: Книга, 1977. – 263 с.
10. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного. – М.: «КСП», 1996. – 384 с.
11. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП (практикум по психотерапии). – СПб.: Питер, 2004. – 559 с.
12. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. – М.: Тривола, 2000. – 246 с.
13. Авдеенко О. Ю. Заговорные формулы в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: Дис. … канд. филол. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2005. – 250 с.
14. Бутакова Л. О. Художественный текст в аспекте его суггестивных параметров: поиск оптимальной методики лингвистического анализа // Текст и языковая личность. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007.
15. Пищальникова В. А. Общее языкознание: Учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 240 с.
16. Петренко В. Ф. Исследование этнических стереотипов психосемантическим методом «множественных идентификаций» // Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
17. Пищальникова В. А., Рогозина И. В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – М.; Барнаул, 2004. – С. 120–128.
18. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов. Дис. … докт. филол. наук. – М., 2005. – 311 с.

Т. А. Винникова

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КИНОФИЛЬМА ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИЕЙ

В современной этно- и психолингвистике большое внимание уделяется феномену восприятия одной культуры другой. При этом заметную актуальность приобретает направление, связанное с анализом восприятия и понимания текста реципиентом. В рамках этого направления, называемого психосемантическим, исследуются факторы, влияющие на восприятие, и изучаются протекающие в сознании реципиента ментальные процессы [1. С.325].

Особым интересом для психосемантического направления является изучение текстов, продуцируемых кинематографом разных лингвокультурных сообществ. Предполагается, что кинематограф представляет собой одну из форм выражения национального сознания и часть национальной культуры, поскольку, кино, как вид искусства, отражает специфические черты менталитета народа, его национальные ценности и модели поведения. Поэтому восприятие и понимание текста кинофильма в большой мере будут определяться картиной мира, существующей в сознании представителей того или иного языкового сообщества, ее национально-культурной спецификой.

Восприятие кинотекста имеет свойственную художественному тексту особенность. Он характеризуется наличием завуалированной авторской позиции, подтекстовых связей, что может усложнять понимание текста, но также и являться причиной разнообразия интерпретаций. В результате работы по осмыслению текста у индивида образуется проекция текста, под которой понимается «продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающейся к авторскому варианту проекции текста» [2. С.35].

Считается, что реципиент может воспринять текст более или менее адекватно в том случае, если он принадлежит к тому же культурному сообществу, что и автор. В том случае, если они находятся в разных лингвокультурных сообществах, задача по осмыслению текста усложняется, поскольку требует от иноязычных реципиентов не только сформированных лингвистической, лингвокультурологической и коммуникативной компетенции, но и приобщения к иному национальному сознанию. Иначе говоря, «необходимо, чтобы в когнитивной системе индивида были выстроены вторичные когнитивные конструкции – значения, соотносимые со знаниями о мире представителей другой лингвокультурной сообщности» [3. С.24].

В настоящее время в лингвистике утверждается, что именно через тексты, продуцированные в иной культуре, реципиент открывает для себя концепты этой культуры и приобщается к иному образу национального сознания [3. С.24]. С этой позиции определенный интерес представляет исследование вопроса: насколько возможно изменение национально обусловленного образа сознания индивида под влиянием инокультурного текста.

Инструментом к исследованию индивидуального сознания, а также формой его модельного представления являются субъективные семантические пространства [1. С.82], поскольку они позволяют наглядно отобразить содержание образа сознания, выносить суждения о сходстве и различиях в знаниях и оценках субъектов путем вычисления расстояний между соответствующими значениями координатных точек в пространстве [1. С. 67].

В качестве предмета исследования был выбран кинофильм «The Queen» – «Королева» режиссера Стивена Фрирза. Выбор был обусловлен национально-специфической тематикой произведения: оно посвящено проблеме взаимоотношения британского народа со своей королевой. Это фильм о британской монархии и ее месте в общественном сознании.

В основе сюжета лежит история конфликта Елизаветы II со своими подданными, произошедшего во время трагической смерти принцессы Дианы. В этот момент консерватизм и верность традициям королевы не нашли понимания у ее народа, в то время как новый премьер-министр Тони Блэр, благодаря своей открытости и эмоциональности, приобрел большую поддержку и популярность в глазах британцев.

Композиционной особенностью «Королевы» является то, что фильм представляет собой ряд последовательных, законченных в смысловом отношении отрывков, сегментов, воспроизводящих определенные события, которые ограничены указанными перед каждым эпизодом датой и местом действия. Таким образом, у зрителя создается впечатление, что он имеет дело с исторической хроникой событий, произошедших десять лет назад с королевской семьей. Ощущение достоверности усиливается за счет нагруженности документальными и псевдодокументальными кадрами (как реальными репортажами британских каналов, так и детальными воспроизведениями настоящих репортажей, но с участием актеров).

Для того чтобы установить изменения содержания образа сознания реципиента, произошедшие в результате восприятия

этого кинотекста, было решено провести экспериментальное исследование.

Особого внимания заслуживает тот факт, что все персонажи фильма воплощают реальных людей (Елизавета II, принц Филипп, принц Чарльз, королева–мать и другие), следовательно, у зрителей еще до просмотра есть сложившиеся образы. Хотя инокультурный реципиент, как правило, менее осведомлен о жизни и характерах героев, благодаря действию русских СМИ, у него должны были сформироваться определенные представления об основных персонажах фильма.

Поскольку в основе фильма лежит вопрос о взаимоотношениях представителей власти со своим народом, была поставлена задача проанализировать существующие в сознании реципиентов представления об этих взаимоотношениях до и после просмотра кинофильма и исследовать роль кинотекста в формировании новых смыслов у иноязычной (русской) аудитории.

Процедура эксперимента. Испытуемых, в роли которых выступали студенты – переводчики 2–3 курсов (всего 18 человек), просили оценить отношения героев с британским народом по следующим категориям:

– Искренность
– Близость
– Заботливость
– Прочность
– Духовная общность
– Комфортность
– Внимание
– Любовь
– Доверие

по 7-ми балльной шкале:

3–это качество выражено максимально;

2 – это качество выражено в значительной степени;

1 – это качество выражено в некоторой степени;

0 – это качество не выражено;

-1 – скорее, в некоторой степени выражено противоположное качество;

-2 – противоположное качество выражено в значительной степени;

-3 – противоположное качество выражено в максимальной степени.

Объектами анализа были следующие личности: королева Елизавета II, принц Чарльз, принцесса Диана и премьер-министр Тони Блэр.

На следующем этапе эксперимент был повторен в другой группе студентов-переводчиков (тоже 18 человек), но уже после

просмотра кинофильма. Просмотр осуществлялся на языке оригинала – английском.

Полученные таким образом индивидуальные матрицы данных суммировались в общегрупповую, которая затем подвергалась процедуре факторного анализа.

В результате обработки данных после поворота факторных структур по принципу varimax было выделено 2 относительно независимых, ортогональных фактора, интерпретация которых дается ниже.

1 фактор (48% общей дисперсии) включал следующие шкалы, перечисленные в порядке убывания веса факторной нагрузки:

– Близость 0, 87
– Прочность 0, 83
– Заботливость 0, 76
– Духовная общность 0, 75
– Искренность 0, 74
– Комфорт 0, 73

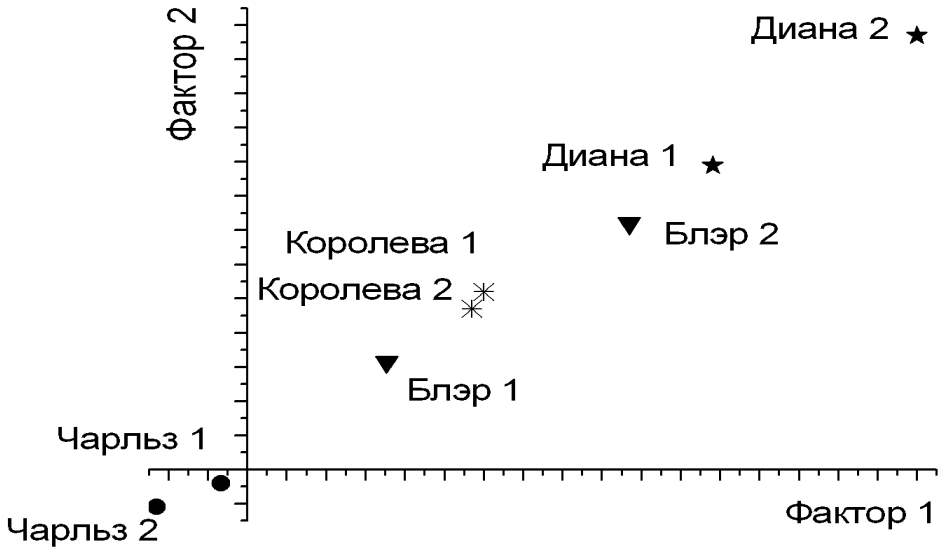
Исходя из содержания шкал, образующих полюса фактора, фактор был назван «Духовная близость с британским народом».

Второй фактор (32% общей дисперсии) включал шкалы:

– Внимание 0, 87
– Любовь 0,86

Данный фактор был интерпретирован как «Любовь к британскому народу».

Семантическое пространство взаимоотношений героев фильма со своим народом выглядит следующим образом (рис. 1), где индекс 1 обозначает представление о личности до просмотра, а 2, соответственно, после просмотра кинофильма.



Из схемы видно: как до, так и после просмотра наиболее полярными по обоим факторам оказываются принц Чарльз и

принцесса Диана. Причем принц получает наиболее негативные, а принцесса – наиболее положительные оценки. Интересен тот факт, что оценка Дианы значительно возросла, хотя в фильме ее образ воссоздан косвенно – документальными кадрами из репортажей и интервью. Возможно, это происходит потому, что на фоне других действующих лиц, а именно королевской семьи, она действительно выглядит «Народной принцессой». Принц Чарльз, хоть и не показан конфликтующим с британцами (напротив, он стремится наладить с ними связь за счет уступок требованиям и объявить траур по Диане), все же из-за постоянного акцента создателей фильма на его страхе перед своим народом (боязнь покушения) ухудшает свои позиции в восприятии зрителей.

Интересно соотношение двух главных персонажей – королевы и Тони Блэра. На графике видно насколько возросла оценка Блэра в его взаимоотношениях с британцами. Более того, максимальное изменение оценки на схеме отмечается именно у этого героя. Этот факт можно объяснить относительно невысокой осведомленностью молодого русского зрителя до знакомства с фильмом о роли бывшего премьер-министра в британском обществе и взаимоотношениях с представителями власти. Большой разрыв в оценке 1 и оценке 2 говорит о том, насколько сильно меняются представления об этой личности вследствие восприятия фильма.

Базируясь на полученных данных, можно утверждать, что представления русского зрителя о монархине и ее отношении со своими подданными практически не претерпевают трансформаций после просмотра фильма. Вероятнее всего, это объясняется стабильным в русском сознании образом британской королевы. Последний оказывается более устойчивым, чем образы менее заметных в политическом отношении личностей. Это свидетельствует о том, что единичный кинотекст может оказаться неспособным изменить укоренившийся в сознании субъекта образ человека.

Итак, полагаем, что в результате деятельности по восприятию и осмыслению кинотекста у иноязычного реципиента может произойти некоторое изменение содержания сознания, не вызывающее, однако, кардинальных трансформаций в когнитивных структурах сознания индивида.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

2. Залевская А. А., Каминская Э. Е., Медведева И. Л., Рафикова Н. В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. – Тверь, Изд-во «Твер. гос. ун-т», 1998. – 206 с.
3. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языками. Лингводидактика и методика. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 336 с.

Е. В. Гейко

МАНИФЕСТАЦИЯ ОЦЕНКИ ЗАПАХА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В силу принципиальной субъектности ситуация восприятия (в частности, обонятельного) всегда оценочна. Эта оценочность может быть проанализирована в связи с модусными смыслами, которые выражены в лексико-семантических компонентах высказываний, содержащих информацию о запахах (далее – ВИЗах) (предикате, объекте, субъекте и факультативных – определителях при предикате и объекте), – в номинативном составе высказываний.

Формирование позитивной и негативной оценки в ВИЗах подробно рассмотрено ранее [1; 2]. Но, говоря о формировании оценки в высказываниях, описывающих обонятельное восприятие, нельзя ограничиваться только оценкой со знаком «плюс» или «минус». Запах как физическая субстанция характеризуется и оценивается по своим качествам, силе, эмоциональному воздействию.

Сила (интенсивность) воздействия запаха выражается качественными определителями адъективного (при предикате типа «запах») и адвербиального (при предикате типа «пахнуть») характера.

В данном случае речь идет о так называемом градуировании или градуальности. И. Рузин [3] считает, что запахи не содержат собственных градуальных атрибутов, все эти признаки запахов (сильный, слабый и т. д.) не собственные, а перенесены метафорически из других областей. С этим нельзя не согласиться. Но все же в языке устойчиво зафиксированы при обозначении запахов признаки их проявления по интенсивности. И можно говорить о градуальности субстанции «запах» в языковой картине мира, а именно об имплицитном градуировании (сильный запах – относительно более слабого и т. д.) или об эксплицитном градуировании (этот запах сильнее, чем тот): 1) *…И скользит*

далекий запах травы, пыли, сирени, нагретого камня (Куприн). 2) *… слышала еле уловимый запах лука* (Ганина). 3)*… в которой еще оставался чуть слышный фиалковый запах* (Бунин). 4)*… донесся и скользнул по палубе слабый запах меда и сырой травы* (Куприн). 5) *Легкий запах вербены улавливался в воздухе* (Куприн). 6) *Я… втягивал в себя крепкие запахи … порта* (Куприн). 7) *Атмосфера была пропитана крепким, першащим в горле запахом махорки, «жукова» и «цигарок»* (Крестовский).

В подобных высказываниях оценивается сила восприятия запаха субъектом восприятия по шкале от самого слабого (*далекий* (1) и *едва – еле уловимого* (2) через *чуть слышного* (4) и *слабого* (5), *легкого* (6) до *крепкого* (7) и *крепкого до першения в горле* (8)).

Подобным же образом представлена градация восприятия запаха адвербиальными определителями: 1) *От палуб корабля так смутно тянет дегтем* (Э. Багрицкий). 2) *Пахло йодом, озоном, рыбой, водорослями, арбузом … и чуть-чуть резедою* (Куприн). 3) *... и потому в комнате до сих пор слегка пахнет клеем* (Куприн). 4) *Из пещеры ощутимо воняло серой* (И. Деревянко). 5) *Как сильно пахнет полынь на межах* (Тургенев), 6) *Крепко пахнет от оврагов грибной сыростью...* (Бунин). 7) *Всюду сильно пахнет яблоками, тут – особенно* (Бунин). 8) *Сильно до духоты пахло хвоей* (Чехов). 9) *Несло от нее – будь здоров!* (Н. Гончаров) от незначительного *смутно* (1) и *чуть-чуть* (2) через *особенно сильно* (7) и, наконец, *до сильно до духоты* (8) и *будь здоров* (8).

Запах оценивается воспринимающим и по его **концентрации.** Эта оценка также не воспринимается с каким-либо знаком (если оценка такого рода и складывается, то только контекстуальным окружением (выбором предиката типа «запах», «пахнуть» с отрицательной коннатацией или обозначением источника запаха): 1) *Аромат инея и опавшей листвы тонко потянул по стойлам* (Куприн). 2) *... слышится довольно плотный букет махорки* (Успенский); *именно этот жасминовый куст наполнил ее комнату густым ароматом в прошлую ночь*. 3) *... от вязких и тучных запахов посиневшего сена* (Распутин).

Лексика определителей, характеризующих запах по концентрации, представляет собой метафорически переосмысленные определители из области характеристик физических субстанций (жидкости, воздуха и т. п.).

Отметим, что в языке закрепляется такая характеристика восприятия запаха, как его **стойкость.** И в основном фиксируется устойчивость запаха, в то время как противоположное качество (улетучиваемость) описано не на уровне определителей, а на

глагольном уровне, где обозначено движение запаха: *1) Тонкий многоцветный аромат устойчиво держится над садами...* (Шолохов). 2) *где неисходно пахло жестяною полудой* (Крест.). 3) *она переступила порог крохотной комнатушки,... с устоявшимся запахом табачного дыма* (З. Каткова).

Качество запаха оценивается носителями языка через **вкусовые ощущения**. Восприятие вкуса трудно отделить от запаха (французская исследовательница Аник Форион из Компьенского ун-та в своих исследованиях доказала, что даже если заткнуть при еде обе ноздри, пахучие молекулы поднимаются к обонятельной слизистой части неба. Лишь вдувание воздуха в нос позволяет полностью устранить запах – тогда поток воздуха из ноздрей в носоглотку мешает пахучим молекулам подниматься к органу обоняния).

Психологами отмечается, что вкус и запах тесно взаимосвязаны. Речь идет о синестезии. С точки зрения лингвистики, синестезия – употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств. При интермодальности всегда можно выделить первичный модус, по аналогии с которым рассматривается другой. В данном случае (вкус и запах) доминирующим будет всегда вкус: сладкий запах – первичность вкусового модуса очевидна и выражение представляет собой метафору. И. Рузин [3] не считает такие выражения метафоричными на том основании, что запахи действительно дифференцированы по вкусовым качествам. Однако достаточно часто вкусовые определители употребляются применительно к несъедобным объектам (1–4; 7; 8). Поэтому вернее говорить о метафорически переосмысленных названиях вкуса: 1) … *горько тянуло откуда-то дымком…* (Бунин); *Горек запах черной гари* (Есенин). 2) *Сладко пахнет васильками* (Бунин). *3) По буфету пряно запахло этим ночным вокзальным самоваром* (Бунин). 4) *Прозрачно чистый воздух был наполнен доносившимся откуда-то со стороны сладко-горьким ароматом цветущей гвоздики и едва распустившегося жасмина.* 5) *Стоял кислый запах пива...* 6) *По кухне распространялся острый и терпкий запах очищенного лука* (журнал). 7) *... и они (листья) пахли сладко, лекарственно* (К. Паустовский). 8) *... ощутила соленый запах океана* (газета).

Вкусовые определители количественно ограничены при обозначении запаха перечисленными в приведенных примерах. Еще Аристотель выделял определенное количество вкусов: сладкий, горький, маслянистый, соленый, острый, терпкий,

вяжущий и кислый. В 80-90 гг. 20 в. этот список продолжен, например, металлическим вкусом; остальные вкусы выведены на уровне пищевых добавок. Обычный человек распознает и называет только основные вкусы. Следовательно, и при определении запаха вкусовые номинации представлены ограниченным количеством лексем. Часто качество запаха оценивается просто прилагательным / наречием «вкусный» / «вкусно» (с актуализацией семы «приятный»): 1) *Пора возвращаться в дощатый домик полярной станции, где вкусно и уютно пахнет печеным хлебом и уютом человеческого жилья* (И. Соколов-Микитов). 2) *Картошка жарилась на сковороде, от нее шел острый вкусный запах, и зверь, очевидно, прибежал на этот запах* (Паустовский).

Интересно отметить и такие определители, которые передают и оценивают восприятие запаха с помощью метафорически переосмысленных **осязательных ощущений:** 1) *Влажно пахнут тополя* (Ахматова). 2) *Зарница осторожно мелькала над Троицким лесом и тепло, сухо пахло дубом* (Бунин). 3) *В полях сухо и знойно пахнет душицей и полынью, а в лесу овевает теплой влагой...* (В. Язвицкий); **физических ощущений**: 1) *Пахло едко нашатырем*. 2) *Свежо пахло морем* (едкий – резкий, вызывающий физическое раздражение; свежий – прохладный, воспринимаемый дыханием, т. е. физически).

В отличие от определителей вкуса и осязания **определители цветообозначения** редко служат для дифференциации запаха. Запах и цвет существенно различны. Сочетание цветообозначения и обозначения запаха всегда парадоксально и создает «семантический взрыв», что обусловливает его экспрессивную силу. Подобные сочетания характерны для художественных текстов, особенно поэтических: *розы алый аромат* (Ф. Сологуб), *лиловый запах шалфея* (М. Волошин), *и запах совсем особый-какой-то густой, зеленый* (Шмелев), *Гаврик остановился, вдыхая какой-то синевато-свинцовый запах пороха* (Катаев), *Этот запах был желт, как желто было лежавшее на камнях двора ... солнце, да, да, желтый солнечный запах* (Олеша), *... насыпали дом серебристым запахом нафталина* (Цветаева) [4]. В основе подобных сочетаний – перенесение цветового признака с предмета-источника запаха на сам запах.

Определители отражают также **психологический процесс переживания** говорящим обонятельного восприятия, эмоциональную реакцию на это восприятие. Как уже отмечалось, связь запахов и эмоций научно обоснована [5]. Все запахи эмоционально окрашены, и это отражается в языке прежде всего в

определителях: 1) *... неизъяснимо грустный запах излучают умерщвленные заморозками травы* (Шолохов). 2) *Волнующе пахнет политый асфальт* (Р. Достоян). 3) *Слышишь этот меланхолический, чисто осенний запах, и тоскуешь*. (Куприн). 4) *Меня встретил радостный запах новогодней елки*. 5) *Пугающий запах больницы преследовал меня***.**

Запахи влияют на психику воспринимающего, вызывая различные чувства и состояния*: еще пахнет им тревожно и шально воздух* (С. Никитин) – наречие «тревожно» отражает чувственный аспект, а «шально» – психологический; *«вас касался задумчивый и щемящий запах лесной хвои...* (Т. Гэсс), *от цветов жасмина исходил пьянящий аромат; ... лепестки которых издают вечером одуряющий запах*. Используются определители и из других сфер человеческой деятельности, также метафорически переосмысленные: *... и потечет по лесу улыбчивый добрый дух от сосны к березе...* (Троепольский) – из области этики; *... и смешивался с прохладой мирный запах нафталина* (Бунин); *От него всегда так уютно пахнет горным хлебом и чуть-чуть вином* (Куприн) – из области образа жизни.

Метафоры используют при описании ситуации восприятия запаха и просто как образные средства, привнося эмоционально-экспрессивный потенциал оценки восприятия запаха, способствуя смягчению или усилению этой оценки: 1) *... смолистый ласковый запах березовых распускающихся почек* (Куприн).

Метафорически переосмысленное определение «ласковый» в подобных высказываниях обозначает силу запаха, автором в данном случае актуализируется сема «слабый»: 1) *Прохладная тихая полутьма и строгий мистический запах древних каменных соборов* (Куприн). Метафорически переосмысленный смысл номинации «мистический» относительно запаха подчеркивает загадочность, необычность определенного запаха, отражает экспрессивное восприятие определенного запаха. 2) *Не могу забыть этого запаха, который исходил от него, угрожающего и напоминающего смерть* (Ю. Бондарев). Подобным образом обозначено экспрессивное восприятие опасности, что подтверждается в ряду однородных членов с «напоминающий смерть».

Запах характеризуется **узнаваемостью,** следовательно, оценивается носителями языка и с этой точки зрения. В подобных высказываниях используются определители, выражающие осознанное отношение к восприятию запаха, квалифицирующие запах по признаку принадлежности в оппозиции: свой / чужой;

знакомый / незнакомый; привычный / необычный – и представленные следующими номинациями: *свой, по-своему, особый, особенно неповторимый, знакомый, знакомо, странный, подозрительный, привычный, привычно, непривычный, непривычно, наш / не наш, тот, прежний* и т. д.: 1) *Комната пахла особенно, по-своему: кожей, лаком и одеколоном, которым пользуется отец.* 2) *... дом, так знакомо пахнущий восковыми свечами, липовым цветом, буфетной* (Бунин). 3) *... и свой, особый запах есть у каждого ее острова* (Бунин). 4) *Он заснул счастливый ... вдыхая неповторимый железнодорожный запах краски* (Ильф-Петров). 5) *и тотчас же почувствовала странный, очень подозрительный запах* (Чехов). 6) *Можно представить, какие муки при этом испытывал человек, реагирующий даже на несуществующие для простых смертных запахи* (газ.). 7) *В квартире пахло тестом и ванилью и еще чем-то неуловимо знакомым, чему он не знал названия, но что прочно ассоциировалось у него с детством* (Маринина). 8) *«Не наш запах,»-отрапортовали газовики, приехав по вызову в один из домов Кировского района* (газ.). 9) *... и от него чуть пахло теми, прелестными, прежними рождественскими духами (Куприн*). Как правило, такая оппозиция в восприятии запаха уточняется еще и обозначением источника запаха (прямым (1, 5) или косвенным, описательным (2, 3, 7, 8, 9) или отсутствием такого обозначения (5, 6) во второй части оппозиции (чужой, незнакомый, необычный).

Интересно заметить, что психологи, изучая эмоциональную сферу методом оценки запахов, применяют оценку запахов с помощью специального варианта семантического дифференциала, содержащего следующие шкалы: добрый-злой, хороший-плохой, жестокий-милосердный, скупой-щедрый, суровый-мягкий, веселый-грустный, активный-пассивный, холодный-теплый, ласковый-грубый, мягкий-твердый, яркий-тусклый, простой-сложный, сильный-слабый, интересный-скучный, знакомый-незнакомый, громкий-тихий, круглый-угловатый, легкий-тяжелый, чистый-грязный, быстрый-медленный, противный-приятный, глупый-умный, горький-сладкий [5].

В языковой картине мира не все характеристики этих шкал представлены (совсем не представлены характеристики запаха по шкалам круглый-угловатый, глупый-умный).

Таким образом, можно отметить, что оценка запаха не ассоциируется с формой и практически не связана с интеллектуальной (рациональной) сферой, в отличие от эмоциональной и физиологической сфер.

Смысловую картину оценочного высказывания определяет не только семантика предиката (1, 2) и эмоционально-экспрессивные возможности определителей. Существует ряд других грамматических и лексико-семантических средств, участвующих в формировании оценки и определяющих ее количество и степень проявления этого качества. Одно из средств связано с **эксплицитным сравнением.** Выделяются следующие средства:

а) основанные на эксплицитном градуировании, выраженном сравнительной степенью прилагательных и наречий: 1) ... *а запах гнилых яблок казался еще острее и противнее* (Чехов). 2) ... *она почувствовала, что запах дыма стал куда сильнее* (Арсеньева). 3) ... *и эти тленные запахи делались еще нежнее и слаще* (Бунин). В таких случаях сравнительная оценка дается относительно восприятия одного и того же запаха, наблюдается градация в восприятии какого-либо конкретного запаха во времени.

б) основанные на противопоставлении какой-либо характеристики запаха в ряду однородных членов*:* 1) *Цветы издавали не резкий, а нежный запах (запахи противопоставлены по интенсивности резкий (очень сильный) – нежный (слабый)*. 2) ... *прижалась лицом к плечу, услышав за внешними, чужими запахами пряный и чистый, свой, дочкин запах* (Ганина) (запахи противопоставляются по оппозиции свой – чужой);

в) сравнение двух запахов с целью идентифицировать, конкретизировать качества запаха через называние принадлежности определенному источнику: 1) *И крапива запахла, как розы, но только сильнее* (Ахматова) – запах крапивы уточняется через запах розы с указанием на большую интенсивность; 2) *чувствую холод и свежий запах январской метели, сильный, как запах разрезанного спелого арбуза* (Бунин) – конкретный запах метели сравнивается с конкретным запахом спелого арбуза по интенсивности и, следовательно, силе восприятия.

Как правило, в речи восприятие запаха оценивается разносторонне, воспринимающий одновременно оценивает запах и со стороны качества, и со стороны интенсивности, насыщенности, эмоционально-экспрессивного и психологического воздействия: 1) ... *грустный, чуть внятный запах вишневой коры поднимается* (Шолохов) – запах оценивается по интенсивности и переживается эмоционально. 2) *Я даже услышал с удовольствием давно знакомый мне, милый, свежий, чуть-чуть яблочный запах полированного ясеневого дерева* (Куприн); при нейтральном предикате восприятия «услышал», неоценочной номинации

источника запаха положительная оценка формируется определителем «с удовольствием», выражающим положительную оценочность при предикате восприятия, определителями «давно знакомый» (в оппозиции свой – чужой они воспринимаются со знаком положительной оценки), милый, свежий (метафорически переосмысленные обозначения запаха с актуализированной семой «приятный»), качественный определитель с указанием на конкретный запах (яблочный) и указанием на интенсивность запаха в наречии «чуть-чуть».

Оценка запаха может быть обозначена в языке не только с помощью определителей адъективного, адвербиального характера, не только эмплицитно обозначенными сравнениями, но и **имплицитно**: описательно, перифразами: *Гранжеры – это относительно молодое неформальное течение. Как их распознать? Нет ничего проще – по запаху (мыться они не любят)* – оценка выражена в перифразе, отсылающей носителей языка к фоновым знаниям, социально-бытовому опыту (запах немытых тел дурной).

Таким образом, запахи как субстанция имеют особые характеристики. Оценка запаха формируется не только как негативная – положительная. Запахи как физические сущности характеризуются рядом признаков: силой (интенсивностью), качеством (спецификой, принадлежностью к определенному предмету), эмоциональными (по терминологии психологов) признаками. Отсюда бедность словаря запахов, объясняемая психологами слабой связью обоняния с вербальными процессами и сложностью называния запахов [6], восполняется в речи различными средствами, в частности рассмотренными здесь качественными определениями адъективного, субстантивного, адвербиального лексико-грамматических типов; использованием метафорически переосмысленной номенклатуры других ощущений. Именно в определителях запах получает свою оценку, или же определители конкретизируют оценку, отсутствующую в предикате (не маркированном или маркированном оценочно).

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Гейко Е. В. Выражение оценки запаха в конструкции безличного типа (к проблеме выражения частной оценки в современном русском языке) // Семантические проблемы системы языка и текста – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – С. 59–63.
2. Гейко Е. В. Семантико-синтаксический аспект характеристики высказываний, содержащих информацию о запахе: модус //

Восприятие: лингвистический и психолингвистический аспекты. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 25–33.
3. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии наименования: модусы перцепции и их выражение в языке // ВЯ. – 1994. – №6. – С. 79–101.
4. Кожевников М. А. Необычные сочетания с цветовыми прилагательными // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. – Калинин, 1980. – С. 67–83.
5. Моносова А. Ж., Хомская Е. Д. Изучение эмоциональной сферы методом оценки запахов // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 17–23.
6. Lawless H. T., Engen T. Associations to odors interference. Mnemonics and verbal labeling // G. of Experimental Psychology. – 1977. – V. 3. – № 1.

Т. А. Голикова

ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «АЛТАЙ»: МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

Центральным концептом разрабатываемого нами алтайского этнокультурологического словаря является «Алтай».

Хозяином всего Алтая и всех горных вершин считался дух – **Алтай-ээзи**. Его почитали повсеместно и в каждой местности указывали ту или иную гору, на которой он обитает, как правило, самую высокую. Говорили также, что живет он на ледниках, в пещерах. Дух Алтая всемогущ и милостив к людям. Но, как и все иные духи, он может наказать человека: наслать зимою бурю и ненастье, уничтожить скот, лишить охотников удачи на промысле, если люди забудут о жертве, что должны ежегодно приносить хозяину Алтая. Для него закалывали белого барана с рыжей головой, угощали молоком и чегенем (чеген – кислое молоко, напиток из кислого молока. – *Т. Г.*). Двойственность по отношению к людям – характерная черта всех алтайских духов, но несчастье человека не их «специальность». Зло настигает человека только в ответ на его непочтение, пренебрежение и жадность [1].

Алтайцы с древнего периода свою жизнь считают связанной с природой, с Алтаем, поэтому в первую очередь, алтайцы поклоняются Алтаю (восхваляют его – алкап, аластап jат), он дал возможность человеку выжить в суровых условиях, поклоняются его богатству, которое необходимо человеку, его водам и рекам, без чего невозможна жизнь минеральным источникам, которые

восстанавливают здоровье человека [2. С.3]. Алтайцы возносили такие благопожелания (алкыш сöс) Алтаю (дается в русском переводе [3]):

Объезжая молодые деревья,
Приехали наш Алтай!
На Алтай зеленью цветущий,
Приехали в гости, наш Алтай!
Объезжая кедровый лес.
Приехали наш Алтай!
На серебром цветущий Алтай
Приехали в гости, наш Алтай
На звенящие стремена упираясь,
Приехали, наш Алтай.
К подножию голубых вершин
Приехали в гости, наш Алтай.
На блестящие стремена упираясь.
Приехали наш Алтай.
К подножию белых вершин
Приехали в гости, наш Алтай!
Алтаю, раскинувшемуся как чепрак,
Его перевалу – поклон.
Морю с катящимися волнами,
его броду – поклон.
Алтаю, раскинувшемуся как потник,
Его перевалу – поклон!

Восхваление Алтая, выражение благопожелания ему непосредственно связано с уважением и бережным отношением к богатству природы.

Согласно алтайским легендам, богатый хан Алтай жил на огромной равнине, у которого самым главным сокровищем была дочь – красавица Катунь (Легенда о реке Катунь).

Большой Алтай разделен на множество малых, подобно делению всего населения горной страны, на родовые группы. Земля, на которой жили люди одного рода, формально считалась родовой собственностью (память о ней и по сей день сохраняется на Алтае). В родовую территорию входили пастбища и лесные угодья, места зимовок, стойбищ. На этой земле стояли деревянные или войлочные юрты, загоны для скота, хозяйственные постройки. Такой малый Алтай и был для членов рода истинной Родиной, Вселенной. Когда в сказании говорится, что богатырь расстается со «своим Алтаем», это значит, что он покидает пределы родовой земли. Ради нее совершает он подвиги, о благополучии ее жителей заботится мудрый хан. Весь необъятный физический мир для членов рода сужался до размеров своей земли. А центром небесного мира для алтайца была и остается гора. Когда-то каждая родовая территория тоже имела священную гору, но уже реальную [4. С.66].

Алтай – название гор, местность. По сообщению А. Гумбольдта [5. С.24], Алтай означает, по-китайски и монгольски, Золотая гора *(Алтаӳн оола)* или Кин-шанъ Древних. Существует несколько точек зрения по поводу этимологии лексемы Алтай. Так, В.В. Бартольд утверждает: «Древнейшее тюркское название для Южного Алтая – Алтын-йыш «золотая чернь», по-китайски Цзинь-Шань или Гинь; эта же горная цепь

иногда называется в научной литературе именем Эктаг, происходящим из записок греческих путешественников VI в. н.э. (очевидно, Ак-таг – Белая гора), однако, по новейшим исследованиям, упоминаемые греками горы следует искать не на Алтае, а в Тянь-Шане... Если нынешнее название также восходит к слову, означавшему «золото», то это может быть только монгольское алтан или алта; к тому же, по-видимому, это название появляется лишь при калмыцком владычестве» [6. С.100]. Напротив, Э. М. Мурзаев отмечает: «Не убедительно: Алтай – «золотой»... это название, как и Хан-гай, имеет типологическое значение, на что обратил внимание Владимирцов... Нельзя ли сравнить: *Ал+тай, Хан+тай, Тай+га...* В.В. Радлов исходил из основы *ал* «высокий», а не *алт* «золото», что, видимо, более убедительно» [7. С.9]. Ряд исследователей связывают Алтай с тюркским *ала+тау* «пестрые или пегие горы», т.е. горы, не обладающие вечноснежным покровом, вертикальной поясностью почвенного и растительного покрова. Так, Г. К. Конкашпаев по поводу названия Алтай пишет: «Некоторые исследователи... полагают, что название Алтай состоит из двух слов *ал* и *тай.* Причем они, считая их тюркскими, этимологизируют *ал* – высокий, *тай* – гора (горы)... В словаре В.В. Радлова (со ссылкой на алтайский язык и с пометой ср.: *улу, улук)* даны следующие значения слова *ал:* возвышенный, могущественный, лютый... Но нет примера на «возвышенный» (в смысле «высокий»). Вероятно, слово *ал* и в алтайском, и хакасском языках не имеет такого значения. В других тюркских языках слово *ал* не употребляется в смысле «высокий» как эпитет гор. Слова *улу, улук в* тюркских языках имеют значение «большой», «великий», но не «высокий». Так, что слог *ал* в названии Алтай осмысливать как «высокий» нет основания. В толковании Алтай решающую роль играет значение слога *тай,* так как некоторые авторы видят в нем измененную форму тюркского термина *таг* (гора) и его вариантов. Но ни в одном тюркском языке *тай* не имеет такого значения. Его также нельзя считать искажением *тау, таг* и т.д. Районы Алтая с древних времен были местом обитания многих тюркских народов. Но они не могли бы исказить распространенный термин родного языка до такой степени, чтобы затем перестать понимать его значение. Таким образом, версия, что Алтай означает «высокая гора» оказывается несостоятельной... По нашему мнению, Алтай есть название именно монгольского происхождения, имеющее значение «золотоносный» или «место, где есть золото». В монгольских языках слова *алтан* и *алт* означают золото. Если к этим словам

(основам) прибавить словообразующий аффикс, то получаются относительные прилагательные *алтантай* и *алттай* со значением золотоносный (или место, где есть золото)» [8. С.48-49]. Действительно, в древние времена, еще до нашей эры, в юго-западной части Алтая велась добыча золота. Сами тюркско-монгольские племена в годы их господства на Алтае разработкой золотых месторождений не занимались, россыпные месторождения золота по рекам Алтая им также оставались неизвестными, они были открыты русскими лишь в первой половине XIX в., признаков их более ранней разработки не отмечалось. Из этого следует, что у тюрков, а также и у монголов не было оснований связывать название гор с наличием там золота.

Как указывает О. Т. Молчанова, Алтайские горы когда-то имели, по представлению населения, духа покровителя *Каан Алтая.* У Алтая есть прозвище *Аjа пии,* в песнях и преданиях он награждается эпитетами: *ада такырчак* «отеческая трава»; *ак* «белый»; *алты* или *тӧрт толукту* «имеющий шесть или четыре угла»; *артык кежиктӱ* «счастливейший»; *кӧк* «голубой или синий». В ряде языков Сибири Алтай приобрело значение нарицательное – высокие горы, горная страна, родина. Алтай служит личным именем людей. На территории Сибири довольно много мест, носящих имя *Алтай,* например, оз., н.п. *Алтай* (Алтайский р-н Хакасской авт. обл.), хр. *Алтай-Сын* (Усть-Абаканский р-н Хакасской авт. обл.). По данным Картотеки топонимов Сибири при Томском пединституте, *Алтай* является наименованием семи н.п., в форме *Алтайская* служит в качестве имени двух станций и н.п., есть село *Алтайское,* три оз. *Алтай,* хр. *Южный Алтай* и т. д. Можно предположить, что *Алтай* имело значение вообще духа земли [9. С.131].

Слово *алтай*, согласно заключению академика Б. Я. Владимирцова, представляет древнюю форму монгольского произношения слова *золото*. Употреблялось оно не только в значении драгоценный металл, но также и в другом понятии. Наряду с собственным именем (Алтай – конкретный горный массив), в Северо-Западной Монголии этим словом пользовались в таких значениях, как горная страна вообще, алтайские горные луга, кочевья на высоких горах, родные горные кочевья. М. Ф. Розен и А. Д. Сергеев считают, что слово *алтай (золото)* имело другие значения. На карте Алтая имеется несколько географических объектов, в названия которых входит слово *алтын*, но не имеющего ничего общего с «золотом». Самое большое и замечательное озеро Алтая Телецкое, называют Алтын-Кель

(Алтын-Көл) – Золотым озером. Название дано озеру только за его исключительную красоту [10. С.110]. Гораздо больше основания считать, что всей горной области было дано имя Алтай за ее величие, красоту природы, богатые пастбища. В языках многих народов, в том числе и в русском, под словом золото, золотой очень часто подразумевают вообще что-то близкое, дорогое, родное.

В связи с этим нельзя не обратиться к эпосу алтайцев, их мифологии. По представлением алтайцев мироздание распадается на три мира: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный). В верхнем мире обитает верховное (положительное) божество, в нижнем, подземном царстве живет злой дух (Эрлик). Средний мир, где находится золотой Алтай, есть мир реальных вещей, реальной жизни, божество среднего мира есть одновременно дух Алтая, высший дух, господствующий, по анимистическим представлениям шаманистов, в средней сфере, т.е. на поверхности земли. Таким образом, одним словом *Алтай* обозначается территория, где живут герои эпоса, вообще люди, земля как таковая, и, вместе с тем, этим словом нарекается дух-покровитель.

В алтайском эпосе «Маадай-Кара» двояко обозначается понятие Алтай: в первом случае *Алтайтына* означает «своя земля» и «свой Алтай»: *Јетен јылга јуртай берген, Алып-күлүк Алтайына јатпай кайтты* (Семьдесят лет на своей земле Алып-кюлюк [алып – богатырь; кюлюк – богатырь] живет) [Маадай-Кара, с. 67, 251]; во втором случае *Алтайга* означает одновременно и *своя земля* и собственно *Алтай*: *Элезиндӱ бу Алтайга Эки конуп, једип-ий тӱшти, Кӱзӱ᷄ илӱ бу Алтайга Кӱн бардырбай, једип келди. Алтын ташту Алтайына Аткан октый келбей кайтты* (На свою землю, где чистые пески, За два дня приехал, На Алтай свой со звоном колокольчиков До захода солнца прибыл, На Алтай свой златокаменный, Как пущенная стрела, примчался) [11. С.81, 266]. В примечаниях указано: «На своей земле – *букв.*: «на своем Алтае». Алтай – в эпосе обозначает «земля», «территория какого-либо каана, племени», «родина богатыря». Вместе с тем, это слово служит и для обозначения всей земли: айлу-кӱндӱ Алтай «солнечно-лунный Алтай». В этом смысле «Алтай» противопоставляется верхнему и подземному мирам» [11. С.461].

В связи с этим Б.Я. Бедюров говорит о формировании Алтая как этноэпического феномена [12. С.372–373]. Алтай предстает стыкующим блоком между тюрками и монголами, а также между тремя мировыми религиями: буддизмом, исламом и христианством. Алтай сумел поэтому совместить в себе

архаические черты эпической общности. Однако эта эпическая общность не ограничивается Горным Алтаем, она простирается от Иртыша до Енисея, с одной стороны, от сибирских лесов до пустынь центра Азии, с другой. В эпосе это также страна, олицетворяющая собой среднюю землю между верхним и нижним мирами; это страна, воспетая в ойрато-калмыцком, бурятском, урянхайском, киргизском, тувинском, хакасском и алтайском эпосах.

В алтайском эпосе Алтай – это огромная страна с прекрасными величественными горами, дремучими лесами, огромными пустынями, могучими реками, безбрежными морями: *Алтын ташту бу* ***Алтайы*** *Амыр јаткан эм болуптыр* (Златокаменный его Алтай Мирно лежал, оказывается) [11. С.81, 266]; *Кўмўш ташту* ***Алтайына*** *Кўн чалыган бу көрўнди* (Среброкаменный его Алтай Под солнечными лучами сияет) [11. С.82, 266].

На солнечно-лунном Алтае (айлу-кўндў) не бывает ни зимы, ни лета: *Јайгы өйдиv ол тужунда Јаvмыр тўшпес јай Алтайлу, Кышкы өйдиv бу тужунда Кыру тўшпес бий тайгалу* (В летнее время На его земле [Алтае] ливней не бывает, В зимнее время На его горе-господине снега не бывает) [11. С.67, 251]; не смолкает пение вещих кукушек: *Јети ўйелў мөvкў терек бу бажында Эки тўvей ат бажынча алтын кўўк Тўнге-тўшке ўн алыжып, Јыvкылдаган бу отурды. Алтайына ол болгозын, Ак чечекти јайап турар јаvду болды. Јер ўстине бу болгозын, Көк чечекти бычыпий јўрер јаvду болды* (На вершине семиколенного вечного тополя Две одинаковые, с конскую голову, золотые кукушки, Днем и ночью гулко кукуя, Перекликаясь, сидят. [От кукования их] белые цветы На Алтае расцветают. Синие цветы На земле распускаются, – таков их обычай) [11. С. 68-69, 253].

Живет на Алтае шестьдесят каанов [кааан – предводитель, глава рода], семьдесят кезеров [кезер – богатырь], владеющих разномастным неисчислимым скотом и разноязыкими многоплеменными народами: *Алтай ўсти алтан каан Көлзөй берген бу болуптыр. Јер ўстиниv јетен каан Тўймей берген бу болуптыр. Алтайында бу болгозын, Ат-нерелў јыргал болтыр, Јеринде ле бу ла эмди Ады јаан той болуптыр* (Шестьдесят каанов на Алтае – Все зашевелились, Семьдесят каанов на земле – Все задвигались, оказывается. В его стойбище теперь Славный пир устроили, На его земле теперь Большой той затеяли) [11. С.77, 261].

Алтай в эпосе – это вообще обитаемая земля; и сегодня в обыденном сознании **алтай** – синоним **земля, родина**. В шаманских и бурханистских гимнах и мистериях разделяются

понятия **Јаан Алтай** (Большой Алтай) и **Кичинек Алтай** (Малый Алтай).

Для современного алтайца Алтай – это его родина, его земля, его народ. В современной алтайской литературе выделяются следующие признаки.

1. **Родина.** *Камчы сынду **Алтайым** канайып сени јурайын? Канымла тудуш јерлерим, кандый сӧстӧр табайын?* (С хребтами, как камча, мой Алтай, как тебя изобразить мне? Родимые места мои, какие слова найти мне?) [Кокышев]; [традиционный образ народной алтайской лирики: Алтай с хребтами, как камча; *камча* – плеть, нагайка]; *Салкыны јок бу ӧйдӧ санам ыраак **Алтайда**. Сӱттий айдыѵ бу тӱнде, сӱнеем чаѵкыр сындарда* (В это безветренное время думы мои на далеком Алтае. В эту молочную лунную ночь душа моя на голубых хребтах [гор]) [Самыков]; *Кезик студенттер ӱредӱзин једимдӱ божодып, **Алтайына** јанып келзе, олорго специальнозы аайынча иш болбос болор деп ажындыра јӱректери оорыйт* (У некоторых студентов заранее болят сердца из-за того, что им, возможно, не будет работы по своей специальности, когда они, успешно закончив обучение, возвратятся на Алтай) [Алтайдыѵ чолмоны]; ***Алтай** кижи бир катап ак-јарыкты айланган. Тӧрт таланы катандап, – Тӧрӧлим – **Алтай**! – деп бурылган* (Однажды алтаец весь мир [*букв*.: белый свет] объехал. Четыре части света обошел, – Моя родина – Алтай, – сказал, возвратившись) [Укачин].

2. **Территориально-административная единица.** *Туулу **Алтайды** Кузбассла колбойтон јол јоныбыска јаан туза берер* (Дорога, которая свяжет Горный Алтай с Кузбассом, принесет нашему народу большую пользу) [Алтайдыѵ чолмоны]**.**

3. **Природа.** *Айлу-кӱндӱ **Алтайыс** эм ӱстине тыш, амыр* (в лунно-солнечном Алтае тихо, спокойно) [Укачин]; *айлу-кӱндӱ **алтайлар** ачадыс* (мы открываем лунно-солнечные алтайские земли) [Кокышев]; *Кумран чакта јайы-кыжы билдирбес айлу-кӱндӱ **алтайда** Алтай-Буучай деп батыр јуртаган* (В древние времена на лунно-солнечном Алтае, где неразличимы лето и зима, жил батыр Алтай-Буучай) [Алтай-Буучай].

4. **Оценка-эмоция.** *Айланып, апагаш кар тӱшсе, **Алтай** јараш – оны сӱӱ. Ак чечектер сергизе, **Алтай** јараш – оны сӱӱ* (Кружась, белый снег падает, Алтай прекрасен – его люблю. Белые цветы расцветают, Алтай прекрасен – его люблю) [Укачин; *Аргымак аттары ак кӧбӱктӱ кӧп суулар кечер, **Алтайга** јаѵарлары јажына торгуланып турар… Албатызы «јакшы ба» – деп, јажына суражар, **Алтай** јаѵыла айылы-јуртына аракылу айылдажар*

(Кони-аргамаки будут переходить еще много белопенных рек, Алтай будет вечно наполнен песнями. Народ будет говорить «здравствуйте!», будет приветствовать друг друга, По алтайскому обычаю ходить друг другу в гости [*букв*.: семьей пить араку]) [Кокышев]

5. **Культурологические.** *Ай јаркынын јабынып, амырап калган* ***Алтай****… Түнүрдий төvдөрин јастанып, түженип јаткан* ***Алтай*** (Сиянием луны накрывшись, покою предался Алтай… Бубны-холмы под голову подложив, в сон погрузился Алтай) [Кокышев]; *Кумран чакта јайы-кыжы билдирбес айлу-күндү* ***алтайда*** *Алтай-Буучай деп батыр јуртаган* (В древние времена на лунно-солнечном Алтае, где неразличимы лето и зима, жил батыр Алтай-Буучай) [Алтай-Буучай]; *Бажыvайга чач өргүскен Бай* ***Алтайыv*** *бир болужын берзин – деди* (Твоей голове волосы давший Богатый Алтай пусть поможет тебе, – сказал) [Маадай-Кара]; [образное выражение, означающее, что ребенок родился благодаря вмешательству духа Алтая]; *Айлу-күндү бу* ***Алтайга*** *Алып чыгып, јуртай берген, Күн алыстыv* ***Алтайына*** *Күндү-айлу бу* ***Алтайга*** *Албанбыла эм экелип* (В лунный и солнечный Алтай Взяв, с ней живет, Из мира, где солнца нет, В солнечный и лунный Алтай Насильно приведя…) [Маадай-Кара].

6. Компоненты, обусловленные лексической сочетаемостью **алтай** (алтайский):

– **земля:** *Алтын јерим –* ***Алтайым*** (Моя золотая земля – мой Алтай) [Адаров]; ***Алтай*** *јеримде адаларды v сүнези јүрер… Айды v түнде уулдары ойынга келер, Ак чырайлу* ***алтай*** *кыстар јаvы кожоvдор чүмдеер, Айдышкан кысты уулдар качыра берер* (Духи отцов на алтайской земле вечно будут обитать… В лунную ночь их сыновья выйдут на игры, Белолицые алтайки будут слагать новые песни. По взаимному согласию парни украдут их в жены) [Кокышев];

– **народ:** *Айылда өскөн* ***алтай*** *уулдар* (выросшие в аилах алтайские парни [сыновья]) [Кокышев]; *Мен кезикте отурала, сананарым: бу бис* ***алтайлар****, өрө чыкпас кайтканыс деп* (Я иногда сижу и думаю: вот мы, алтайцы, почему такие невезучие) [Алтайдыv чолмоны]; *Түлкү бөрүкту* ***алтай кыстарга*** *түнде Түvей ле уулдар туйка белегин берер. Ас та болзо, албаты деп адалып артар,* ***Алтай кижи*** *мен деп оморкожып јүрер…* (Алтайским девушкам в лисьих шапках Все равно парни будут тайком давать задаток. Хоть мал числом, народ останется со своим именем, Я алтаец, буду гордиться этим...) [Кокышев];

– **язык.** ***Алтай тилим****, кару тилим* (Мой алтайский язык, мой дорогой язык) [Кокышев].

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Потанин Г. Н. Духи Алтая (духи гор, воды, культ огня, Алтайские шаманы) // http://www.ded-altai.ru/articles/dukhi_i_legendy_altaja/dukhi_altaja_dukhi_gor_vody_kult_ognja_altajjskie_shamany/.
2. Кандаракова Е. П. Алтайские благопожелания и обряды их исполнения. – Горно-Алтайск: Г.-А. типография, 1993. – 19 с.
3. Укачина К. Арчынла аластаган Алтайым // Алтайдыv-Чолмоны. – 1991. – 4 июль.
4. Сагалаев А. М. Мифологии и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. – Новосибирск: Наука, 1981. – 175 с.
5. Гумбольдт А. Путешествие в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю. – СПб., 1837.
6. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2., Ч. 1. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. – 1023 с.
7. Мурзаев Э.М. К познанию топонимики Монголии // Топонимика. – Вып. 1. – М.: Наука, 1967. – С. 14–23.
8. Конкашпаев Г. К. Название «Алтай» // Географические науки. – Алма-Ата, 1974.
9. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтай. – Горно-Алтайск: Г.-А. отд. Алт. книжного изд-ва, 1979. – 397 с.
10. Розен М. Ф., Сергеев А. Д. Алтай: Топонимический и топологический термин // Алтайский сборник. – Барнаул, 1991. – Вып. XIV. – С. 109–112.
11. Маадай-Кара. – М.: Наука, 1973. – 474 с.
12. Бедюров Б. Я. Алтай и центральноазиатская эпическая общность (К постановке вопроса) // Слово об Алтае. История, фольклор и культура. – Горно-Алтайск: Г.-А. отд. Алт. книжного изд-ва, 1990. – С. 368–377.

Е. С. Гриценко

ВКЛАД КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ В РАЗРАБОТКУ ПРОБЛЕМЫ ЗНАЧЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Когнитивная теория углубила современные представления о значении, связав его с механизмами сознания и акцентировав активную природу понимания. Слова языка соотносятся со схемами (фреймами, скриптами, сценариями), так что употребление каждого слова соответствует части какой-либо схемы

или активизирует некую схему. Значение слова определяется относительно его схемы («встроено» в нее). Например, слова «земля» и «суша» (*ground and land*) могут использоваться для обозначения одного и того же участка земной поверхности, но слово «земля» принадлежит вертикальной схеме (которая отделяет небо от земли), а слово суша к горизонтальной схеме (отделяющей сушу от моря). Этот пример принадлежит Ч. Филлмору, который утверждал, что «знать значение слова – это иметь представление о хотя бы каких-то деталях его схематизации» [1. С.89].

Чтобы понять слово так, как это задумал говорящий, или употребить его соответствующим образом, необходимо знать схему (или схемы), к которым оно принадлежит в данном конкретном контексте. Так, слово «человек» может определяться по крайней мере относительно двух типов когнитивных моделей. В рамках первой оно получает метагендерное значение, отделяясь от иных сущностей (*человек vs вещь, человек vs животное*), в рамках второй – гендерно маркированное значение, становясь синонимом слова «мужчина» (*молодой человек vs молодая женщина*).

Когнитивный подход к пониманию значения позволяет по-новому взглянуть на феномен многозначности. Варьирование плана содержания языковых единиц в рамках когнитивного подхода к семантике трактуется как трансформация исходного фрейма, осуществляющаяся в каждом конкретном акте речи в результате специфических когнитивных преобразований [2. С. 455]. При таком подходе грани между собственно языковым и неязыковыми значениями стираются. Например, значения слова «мужской» *(такой как у мужчины, характерный для мужчины* [3. С. 369]) в разных контекстах существенно различаются, актуализируя те или иные стороны базового концепта (*мужское рукопожатие, мужская походка, мужской разговор, мужская дружба* и т. д.). Эти значения, хотя и не фиксируются словарем, конвенциональны, т. е. культурно и социально детерминированы и закреплены в соответствующих идиомах.

Значение может возникать в процессе его интерпретации участниками речевых интеракций. В тех случаях, когда традиционных и буквальных значений недостаточно, чтобы охватить ситуацию (событие, опыт), в действие вступает когнитивная способность дискурсивного конструирования значений. Даже самые простые слова/выражения могут приобретать новые значения в соответствии с ситуацией. Фраза *«ты же мужчина»*, обращенная ко взрослому, может служить призывом к действию, а адресованная ребенку – просьбой не

плакать. Эпитет *tough* – быть позитивной характеристикой кандидата-мужчины на выборах и негативно характеризовать кандидата-женщину: «*recent Pew Research Center poll found that 67 percent of respondents consider Clinton "tough" ... Hillary tried in the last week of the campaign to be gentle and kind and civil, but it was too little, too late»* (http://mediamatters. org/items/200711010005).

Дискурсивно конструируемые значения делят на ситуативные (situated) и эмерджентные (emergent) [4. С. 37]. В первом случае речь идет о взаимодействии традиционных языковых значений с конвенциональными ситуациями – «событиями употребления» (Р. Лэнекер) – в результате чего конструируются значения, которые являются и конвенциональными, и соотнесенными с различными дискурсивными ситуациями (см. примеры выше). Во втором – о схематизации относительно нового и незнакомого опыта и обработке/интерпретации его в терминах конвенциональных категорий. Идентификация подобных значений требует внимания к идентичностям и опыту коммуникантов, а также к истории самого дискурса как феномена, конструируемого участниками. Поскольку идентификация того, что является уместным, релевантным или значимым, часто зависит от точки зрения и социальной позиции, определение значения должно быть интерпретативным и принимать во внимание конструктивные схемы как говорящего, так и слушающего. Например, прозвище кандидата от демократов на президентских выборах 2004 г. Дж Керри – *Mr. Ketchup («мистер Кетчуп»)* – может быть правильно интерпретировано лишь теми, кому известны независимые взгляды его супруги – наследницы пищевой империи «Хайнц». А пренебрежительная характеристика «девушка-бомж», данная И. Хакамаде В. Жириновским, понятна лишь знавшим о выходе Хакамады из «Союза правых сил».

Включение в текст гендерно маркированных языковых знаков есть способ индуцирования желательной семантики – прямой апелляции к гендеру или соответствующего «окрашивания» темы, явным образом с гендером не связанной. Пример совместной актуализации концептуально инвариантного и дискурсивно релевантного смыслов, как способа, которым объект предстает перед воспринимающим его субъектом, содержит фрагмент статьи обозревателя «Нью-Йорк Таймс» Ф. Рича «Как из Керри сделали неженку» (*"How Kerry Became a Girlie-Man"*), в которой разоблачаются стратегии дискредитации кандидата от демократов на президентских выборах в США, имплицирующие недостаток мужественности (перевод мой. – *Е. Г.)*: *«Говорили, что мистер Керри*

похож на француза (читай – "баба"). Слухи об уколах Ботокс и модном парикмахере регулярно обсуждались в Интернете. В канун Дня Памяти респектабельная "Нью-Йорк Пост" опубликовала неизвестно откуда взявшиеся записки от обоих кандидатов, где Буш заказывал себе на праздничный пикник сосиски и пиво, а Керри выражал желание съесть устриц, Шардене и крем-брюле. <…> Наконец Дик Чейни, вырвав из контекста выступления Керри прилагательное sensitive, заявил, что тот собирается "чутко вести войну с терроризмом" (слово "чуткий" в этом контексте означает то же, что и "француз")».

Как отмечал Р. Лэнекер, «важная часть значения любого выражения включает оценку говорящим общего контекста (лингвистического, социального, культурного и интеракционного)», а поскольку «ничто не перемещается между говорящим и слушающим кроме звуковых волн» [5. С. 162], задача слушателя – «сконструировать разумную гипотезу о характере концептуализации, побудившей к высказыванию». Другими словами, «в любой момент дискурса интерпретатор должен осознавать сцены, образы или воспоминания, которые в данный момент активизируются» [6. С. 80]. Индивид не просто «декодирует», а интерпретирует высказывание путем активного сопоставления его черт с репрезентациями, хранящимися в долговременной памяти. Эти репрезентации являются прототипами очертаний слов, грамматических моделей предложений, типичной структуры нарративов, характеристик объекта, лица, ожидаемых действий в конкретном типе ситуации и т. д. Восприятие денотативно сходных текстовых фрагментов (например, предвыборных деклараций кандидатов от одной политической партии) может определяться полом субъекта и/или адресата речи. Показателен в этой связи комментарий к «дуэли» Хилари Клинтон и Барака Обамы на праймериз в Айове, где большинство выборщиков-мужчин отдали свои голоса Обаме (4. 01. 08): *«When Barack Obama speaks, men hear, 'Take off for the future'. And when Hillary Clinton speaks, men hear, 'Take out the garbage»* (http://mediamatters. org/items/200801050004).

Положение, при котором значение, создаваемое говорящим, предполагает приписывание слушателем определенного намерения говорящему, внутренне присуще любой форме коммуникации, начиная с развития речевой способности у детей (когда, например, мать «узнает» в нечленораздельном «ммммм» попытку назвать ее словом «мама»). Поскольку наделение лингвистических форм значением социально и ситуативно обусловлено, буквальные значения слов становятся своего рода «величинами по

умолчанию», работающими до тех пор, пока в дискурсе не спровоцированы альтернативные интепретации. Можно сказать, что сами буквальные значения существуют, пока у коммуникантов имеется консенсус относительно того, что обозначает данное слово или языковая форма. Например, в англоязычном обществе метагендерное использование местоимения “he” до недавнего времени считавшееся незыблемым, более не является таковым. Сейчас, употребляя “he” в значении “he and she”, все труднее рассчитывать на то, что данное значение будет правильно истолковано, поскольку в обществе почти не осталось тех, кому не были бы известны дискуссии вокруг андроцентризма данной языковой формы. Иллюстрацией может служить ироничное высказывание литературного критика С.К. Стеда (перевод мой. – *Е. Г.)*: *“На первых порах феминистские требования освободить язык от сексизма я попросту игнорировал. Я чувствовал, что, как писатель, должен защищать мое собственное понимание стиля от любых посягательств. Но постепенно жалобы феминисток привели к тому, что то, о чем они говорили, стало реальностью. Настаивая, что родовое “he” не нейтрально, а мужского рода, они добились, что так и стало на самом деле; и теперь, для мужчины-писателя продолжать употреблять “he” значит давать сигнал для неуместных и неправильных выводов – что он не осуждает сексуальное насилие, бьет жену, пренебрежительно относится к женщинам и т. п. ”* [7. С.279].

Таким образом, понимание языковых выражений не ограничивается знанием языка, а предполагает обращение к другим структурам знания (специально-научному, культурному, обыденному). Когнитивное обоснование потенциальной многомерности структуры значения и процесса создания контекстуальных импликатур дает теория релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон. Ключевым элементом теории является трактовка контекста как психологического конструкта, который не задан заранее, а выбирается (конструируется) в момент интерпретации с опорой на различные источники – лингвистическое окружение, визуальные образы, культурные знания, социальные нормы, фреймы, сценарии, стереотипные ситуативные типы, мнения коммуникантов [8. С.137]. Чтобы использование языковой формы в процессе коммуникации привело к созданию значения, которое говорящий хочет создать, необходимо «сотрудничество» других участников коммуникации, которые должны «узнать» по этой форме его намерение и тем самым «помочь» в создании желаемого значения. Хотя логическим выводом из сказанного является то, что интерпретация в большей мере определяется доступом к релевантным контекстуальным

посылкам, нежели самой языковой единицей, очевидно, что для «запуска» процесса интерпретации нужно, чтобы форма высказывания повышала ожидания релевантности. Поэтому, чтобы быть адекватно воспринятым, отправитель речи сообразуется с представлениями об адресате, предполагая, доступны ли ему те контекстуальные посылки, которые необходимы, чтобы понять передаваемое значение; оформлено ли высказывание так, чтобы активизировать нужные контекстуальные посылки и т. д. В этой взаимной направленности когнитивной деятельности адресата и адресанта заключается диалогичность любой формы коммуникации.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Fillmore Ch. Some Thought on the Boundaries and Components of Linguistics // Talking Minds: The Study of Language in Cognitive Sciences / Bever T., Carrol J. and Miller L. – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1984. – P. 73–108.
2. Баранов А. Н. Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1990. – Т. 49. – № 5. – С. 451–458.
3. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Е. Ю. Ваулина, Т. И. Гайкович, А. В. Зеленин и др.; РАН, Ин-т лингвистических исследований. – СПб: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
4. Palmer G. Toward a Theory of Cultural Linguistics. – University of Texas Press: Austin, 1996. – 348 p.
5. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 504 p.
6. Fillmore Ch. Topics in Lexical Semantics // Current Issues in Linguistics / Roger W. Cole. – Bloomington: Indiana University Press, 1975. – P. 76–138.
7. Romaine S. Communicating Gender. – New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1999. – 406 p.
8. Sperber D. Relevance: Communication and Cognition, Wilson D. – 2nd edition. – Cambridge, Mass: Blackwell Publishers, 1995. – 326 p.

Е. Н. Гуц

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЯДРА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПОДРОСТКА

В психолингвистике на основании экспериментальных ассоциативных методик сделан вывод о наличии в языковом сознании носителей языка ядра, которое «формируется из тех слов (идей, понятий, концептов) в ассоциативно-вербальной сети, которые имеют наибольшее число связей, т. е. вызваны в качестве ответов на наибольшее число стимулов» [1. С.194].

Предположение о наличии ядерных некодифицированных элементов в языковом сознании усредненной, совокупной языковой личности подростка основывалось и на теоретических выводах, сделанных в Тверской психолингвистической школе, о специфике ядра ментального лексикона индивида (А. А. Залевская, Н. О. Золотова). Для нас важно понимание того, что «единицы ядра служат целям идентификации, конкретизации, приобщения к живому знанию (неразрывно связанному с личностными смыслами и переживаниями) новых усваиваемых единиц лексикона, которые увязываются друг с другом по множеству параметров» [2. С.40–41]. Таким образом, предполагая наличие ядерных некодифицированных языковых единиц, мы одновременно признаем «особую значимость таких единиц, «присвоенных личностью в качестве средства выхода на образ мира и необходимого условия оперирования языком в речемыслительной деятельности и общении» [2. С.41].

Гипотеза о возможности ядерного положения некодифицированного языкового знака в языковом сознании подростка основана и на результатах предпринятого нами исследования некодифицированной лексики в свете концепции языковой личности [3]. Полученные результаты показывают потенциальную возможность некоторых жаргонных слов, в основном принадлежащих общему жаргону, выполнять функции единиц ядра, что связано с наличием у них специфических «ядерных» свойств, таких, как «выраженная степень конкретности значений и легкости, с которой эти единицы могут включаться в более обширную категорию, способности без труда вызывать мысленный образ в сознании, эмоциональная значимость для носителя языка как личности и т. п. » [2. С. 37].

Итак, была сформулирована гипотеза: некодифицированная языковая единица потенциально *может* входить в ядро языкового сознания усредненной, совокупной языковой личности подростка,

выполняя роль идентификатора в процессах познания и общения. Потенциальные некодифицированные элементы ядра языкового сознания подростка овнешняют какие-либо образы сознания, ставшие доминирующими на данном этапе развития личности, но для которых в кодифицированной сфере национального языка нет соответствующих лексем.

Для того чтобы повысить объективность (достоверность) и проверяемость результатов сравнительно-сопоставительного изучения «подросткового» ядра языкового сознания, мы максимально приблизили условия проведения ассоциативного эксперимента к тем условиям, которые представлены в исследовании Н. В. Уфимцевой [4]: был использован тот же список стимулов (112 лексических единиц), количество испытуемых (500 человек), письменная форма выполнения (каждый испытуемый получал бланк анкеты и должен был отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом).

По данным эксперимента были составлены ассоциативные поля, а компьютерная обработка реакций (построение Обратного словаря) позволила выявить ядро языкового сознания подростков. Состав ядра определялся по методике А. А. Залевской [5], разработанной ею для расчета ядра ментального лексикона и широко используемой для выявления ядра языкового сознания индивида [1; 4]. Из обратного ассоциативного словника были выбраны 30 слов, вызванных наибольшим количеством стимулов.

Сравним полученные результаты с ядром языкового сознания русских [4], рассчитанным на тех же стимулах и с тем же количеством испытуемых. Совпадают следующие слова: *жизнь, человек, дом, любовь, радость, хорошо, друг, счастье, плохо, деньги, большой, ребенок, мир, я, добро, красивый, смерть, сила, сильный, много, зло, время, день* (23 из 30, т. е. 76%) В ядро языкового сознания подростков не вошли слова *нет, есть, свет, жить, все, всегда, любить*. Во «взрослом» ядре не обнаружены жаргонные *лох* и *кайф*, а также *урод, мужчина, люди, семья*. Итак, самое главное отличие ядра языкового сознания подростка – наличие в его структуре некодифицированных (жаргонных) элементов (*лох* и *кайф*).

Цель следующего этапа исследования – определить, могут ли жаргонные слова *кайф* и *лох,* зафиксированные в ядре языкового сознания подростка, заменять соответственно слова *счастье*, *радость*; *дурак*, представленные во «взрослом» ядре, или они репрезентируют какие-либо иные образы, доминирующие в сознании подростка.

Для анализа мы использовали группы ассоциативных полей: 1) «кайф», «удовольствие», «наслаждение», «радость», «счастье»; 2) «лох», «дурак», «жертва».

Каждая исследуемая группа включает поля, чьи **имена** (названия, слова-стимулы) являются синонимами и используются лексикографами для интерпретации значения / значений этих слов, например: кайф – **удовольствие, наслаждение** [6]; наслаждение – высшая степень **удовольствия**; **удовольствие –** чувство **радости** от приятных ощущений, переживаний, мыслей; **радость** – веселое чувство, ощущение большого душевного **удовлетворения**; счастье – чувство и состояние полного, высшего **удовлетворения** [7].

Анализ результатов эксперимента проводился в несколько этапов:

1) сравнение ассоциативных полей «кайф, удовольствие, наслаждение, радость, счастье» (1 группа); «лох, жертва, дурак» (2 группа) по представленным в них собственно семантическим реакциям (синонимам); 2) обработка экспериментальных данных методом факторного анализа с использованием пакета SPSS 10. 0.; 3) кластерный анализ результатов эксперимента (группа 1).

На первом этапе исследования ассоциативных полей, используя анализ **синонимических пар (стимул → реакция),** мы планировали выявить эксплицитные факторы, объединяющие или разъединяющие исследуемые слова. Так, анализ реакций (1 группа) позволил сделать следующие наблюдения и предварительные выводы: 1) слова *удовольствие* и *наслаждение* вызывают стереотипную реакцию *кайф,* и, кроме того, они являются ядерными реакциями друг для друга. Эти факты подтверждают наличие семантических связей анализируемых слов в языковом сознании наших испытуемых. *Кайф* как стимул вызывает разнообразные реакции, среди которых *наслаждение* и *удовольствие*. Эти реакции хотя и первые по частотности в данном ассоциативном поле, но в сумме составляют всего лишь 21% от общего числа реакций. Это, видимо, объясняется различными коммуникативными тактиками, которые выбирают испытуемые. Участники эксперимента не только хотят объяснить значение жаргонного слова, используя известный им синоним, но и оценить состояние, чувство, названное словом-стимулом, или указать причину возникновения этого чувства (состояния), наконец, построить словосочетание, т. е. показать умение пользоваться этим словом в речи.

2) радость (‘веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения’) и счастье (‘чувство и состояние полного,

высшего удовлетворения’) взаимосвязаны и, видимо, являются, с точки зрения наших испытуемых, синонимами;

3) в парах *радость – кайф; счастье – кайф* все реакции неядерные, единичные.

На этом основании можно сделать вывод, что в языковом сознании подростков эти лексемы почти не связаны, и предположить, что *кайф*, представленный в «подростковом» ядре языкового сознания, не заменяет лексемы *радость* и *счастье*, зафиксированные как во «взрослом», так и в «подростковом» ядре. *Кайф* – это не просто радость или счастье в «жаргонном ореоле». В ядре языкового сознания подростков (по крайней мере по данным нашего эксперимента) представлена лексема, овнешняющая какой-то иной образ сознания, для которого в литературном русском языке есть два слова (*удовольствие* и *наслаждение*), однако ни одно из них не представлено в ядре языкового сознания русских (и по данным ассоциативных словарей, и по результатам нашего эксперимента, проведенного в подростковой аудитории).

Методика факторного анализа (второй этап исследования), как мы предполагали, должна была выявить скрытые, статистически значимые новые факторы (переменные, или признаки), которые отражают основные реакции испытуемых на слова-стимулы. Факторный анализ позволяет уменьшить количество переменных, максимально объяснить суммарную дисперсию (сумму разброса данных по каждой переменной относительно ее среднего значения). Факторы, как результат анализа, «зависят от входящих в факториальную матрицу переменных, поэтому очень важно выбрать данные для такого эксперимента» [8. С.31]. В нашем исследовании в качестве переменных использованы реакции на стимулы – объекты факторного анализа. Особое место в процедуре факторного анализа занимает качественная интерпретация полученных факторов, которая предполагает поиск обобщенного названия для группы нагружающихся на него переменных и производится на основе таблицы корреляций факторов со словами-реакциями. Оставляются те реакции, которые максимально коррелируют с *главными* факторами, т. е. с теми факторами, которые в основном объясняют суммарную дисперсию. В результате список реакций резко сокращается, и по оставшимся реакциям находится адекватное название. Главные факторы наиболее полно отвечают реакции испытуемых сразу по всему списку стимулов. Тем самым факторный анализ позволяет выяснить, что выходит на первое, второе место (и так далее) в реакциях испытуемых на полный

список стимулов. На первом месте оказывается тот фактор, который дал основной вклад в процентном выражении в объяснение суммарной дисперсии. Мы получаем не только качественную картину реакций испытуемых на стимул, но, что важно, количественные характеристики основных реакций. Последнее позволяет резко снизить субъективные предпочтения исследователя в анализе материалов эксперимента.

Понимая, что при «интерпретации ассоциативного материала существенную роль и влияние на результат оказывает мнение интерпретатора» и желая избежать этого «общего недостатка всех ассоциативных экспериментов» [9. С.406], а также субъективности в интерпретации полученных методом факторного анализа результатов, мы использовали апробированный нами ранее [3] метод экспертной оценки, особенно необходимый в работе с некодифицированным языковым материалом. Эксперты-подростки, явные и «скрытые» носители жаргона, помогали в поиске обобщенного названия полученного фактора, используя при этом свою языковую компетенцию и применяя, причем успешно, метод интроспекции.

Покажем применение методики факторного анализа на примере первой группы стимулов. Исследуемые слова (объекты факторного анализа): *кайф, удовольствие, наслаждение, радость, счастье*. Переменные (признаки): слова-реакции, частотные и единичные, элементы одноименных ассоциативных полей (105). Для этих слов значимыми оказались четыре фактора.

Фактор 1. Объясняет 39,435% суммарной дисперсии. Для его интерпретации выделяем переменные (реакции) с нагрузкой ≥ 0,99 (до вращения): *адреналин, героин, глюки, игла, круто, косяк, клево, кофе, компания, ловить, музыка, наркота, наркоман, наркотик, оттянуться, отрываться, получать, прикол, пиво, расслабление, расслабляться, сигарета, скорость, улет, удовлетворение.*

Обобщенное название – «расслабление». Стимулом, источником, причиной этого состояния, может быть не только наркотик, но и пиво, музыка, кофе и даже скорость. Получают же его, конечно, в компании.

Фактор 2. Объясняет 25,766% суммарной дисперсии. Для его интерпретации выделяем переменные с нагрузкой ≥ 0,99 (до вращения): *гулять, жить, есть, искушение, книга, кушать, любить, «Марс», получать, приятно, развлекаться, «Сникерс», соблазн*.

Обобщенное название – «развлечение». Гулять, любить, кушать, например, «Марс» или «Сникерс», читать книги,

поддаваться искушению, не в силах (или не желая) преодолеть соблазн.

Фактор 3. Объясняет 20,716% суммарной дисперсии. Для его интерпретации выделяем переменные с нагрузкой ≥ 0,95 (до вращения): *Баунти, блаженство, вкус, вкусно, встреча, еда, кока-кола, нега, нравиться, пирожное, рай, сладкое, страсть, томление, шоколад, торт.*

Обобщенное название – «вкусная еда». Она может быть самой разной (хотя преобладают, конечно, сладости); главное все-таки вкус, «наслаждение вкусом», «райское наслаждение», блаженство, нега, страстное томление (пусть опять же от рекламных яств), полное довольство, сиюминутная радость.

4. **Фактор 4.** Объясняет 14% суммарной дисперсии. Для его интерпретации выделяем переменные с нагрузкой ≥ 0,8 (до вращения): *близкие, деньги, в деньгах, добро, жизнь, иметь, любовь, нет, радость, семья, хотеть, чувствовать.*

Обобщенное название – «радости жизни». Хотеть, иметь, чувствовать… Конечно же, радость. Ее хотят, но часто не имеют (ср. категорическое, а может, уже разочарованное и циничное «нет», или все-таки ее чувствуют в деньгах, в любви, в семье, среди близких.

Выделенные факторы являются статистически значимыми для всех (что особенно важно) объектов, участвующих в исследовании. Эти факторы выходят за пределы погрешности процедуры опроса, ошибки набора и т. д., максимально характеризуя объекты (в нашем исследовании – слова *удовольствие, наслаждение, кайф, радость, счастье*). Остальные переменные (признаки, реакции) фактически никакой роли не играют, т. е. являются незначимыми.

Таким образом, учет не только высокочастотных (стереотипных, ядерных) реакций, но и единичных (периферийных), а также использование факторного анализа при определении степени близости (синонимичности) исследуемых слов позволил дополнить и во многом изменить предварительно сформулированные вывод. Анализируемая эмоция, вербально представленная в русском языке лексемами *радость, счастье, удовольствие, наслаждение* и жаргонным *кайф*, безусловно, многогранна (или хотя бы, по результатам факторного анализа, «четырехгранна»). Она функционирует в индивидуальном образе мира, будучи вырабатываемым по законам психической деятельности перцептивно- когнитивно-аффективно обусловленным образом сознания [10. С. 43], как УДОВЛЕТВОРЕНИЕ (ср. в ТСРЯ: «чувство того, кто доволен

исполнением своих стремлений, желаний, потребностей»). И это «глобальное» удовлетворение имеет свои довольно четкие очертания в языковом сознании наших испытуемых.

Следующий этап исследования **— кластерный анализ результатов эксперимента.**

Кластерный анализ – это «процедура редукции больших баз данных в небольшое, сравнимое с объемом оперативной памяти человека количество кластеров для дальнейшего качественного анализа… Это математические методы, с помощью которых формируются группы (классы) объектов (точек, векторов) на основании критического расстояния или связей (мер близости) между ними» [11. С.70].

В нашем исследовании кластерный анализ экспериментальных данных был проведен с помощью пакета SPSS, облегчающего применение этого математического метода в лингвистике. Если каждое слово-реакцию на стимул рассматривать как отдельно взятую координату, то мы имеем математическое многомерное пространство, представляющее фрагмент ассоциативно-вербальной сети. Это пространство назовем семантическим пространством. Стимулы в таком пространстве являются точками, их i-я координата – это число испытуемых, указавших в своем ответе i-ю реакцию (все реакции мы пронумеровали).

Нам было важно выяснить, какие точки-стимулы можно считать близкими в моделируемом семантическом пространстве. Такая задача является типичной задачей кластерного анализа, причем для ее решения используется целый ряд различных мер близости. В нашем распоряжении были меры близости точек (и кластеров), которые предлагаются в пакете SPSS.

Объединение стимулов в кластеры производится с помощью специально выбранных алгоритма кластеризации и расстояния между кластерами (в SPSS имеется семь различных способов измерения расстояний между кластерами). Мы взяли широко распространенный иерархический алгоритм. Объединение стимулов в кластеры в этом алгоритме происходит по шагам. На каждом шаге видно, какие стимулы с какими объединяются. На последнем шаге все стимулы входят в один общий кластер. Процесс кластеризации хорошо графически представляется с помощью дендрограммы.

Анализ полученной дендрограммы показал, что на первом шаге в один кластер объединяются *удовольствие* и *наслаждение*, на втором – *кайф* и *счастье*, на третьем сливаются в один суперкластер кластеры *удовольствие-наслаждение* и *кайф-*

счастье, и потом к этому суперкластеру *удовольствие-наслаждение-кайф-счастье* присоединяется *радость*.

Кластерный анализ вскрыл сущность отношения между изучаемыми пятью ассоциативными полями. Независимо от взятого способа измерения расстояния между кластерами *удовольствие и наслаждение*, *кайф-счастье*, *радость* – это три различных кластера. Иначе говоря, *удовольствие* близко к *наслаждению*, *кайф* к *счастью*, а *радость* представляет одинокий, обособленный кластер.

Использование кластерного анализа подтвердило семантическую близость слов *удовольствие и наслаждение,* а также близость их **психологических значений**, т. е. систем соотнесенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их сопоставления как единиц лексикона [12. С.11]. Методика кластерного анализа, в «распоряжении» которой были не только частотные реакции, но и единичные, выявила скрытые, имплицитные связи слов, именно поэтому, как нам кажется, результаты кластерного анализа не подтвердили наши выводы, сделанные на первом этапе анализа относительно слов *кайф* и *счастье*. Эти слова объединяются уже на втором шаге иерархического алгоритма, применяемого в данной методике. Результаты кластерного анализа так же, как и факторного, еще раз подтверждают тезис о необходимости учета **всех** реакций, а не только стереотипных (А. А. Залевская), при проведении исследования ассоциативного поля (полей) как модели языкового сознания усредненной, совокупной языковой личности носителя языка.

Комплексная методика анализа ассоциативного материала (качественный анализ взаимных и перекрестных реакций-синонимов, факторный и кластерный анализы) позволяет верифицировать экспериментальную гипотезу: ядро языкового сознания усредненной, совокупной языковой личности подростка может включать и некодифицированные элементы, заменяющие семантически близкие кодифицированные слова или овнешняющие какие-либо образы сознания, ставшие доминирующими на данном этапе развития личности.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С.191–206.

2. Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона: функциональная роль в познании и общении // Вопросы психолингвистики. ─ 2003. ─ № 1. – С.35–41.
3. Гуц Е. Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в свете концепции языковой личности): Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 1995. – 304 С.
4. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. ─ М.: ИЯ РАН, 2000. – С.207–219.
5. Залевская А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. ─ Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. – С.28–44.
6. ТСРОЖ – Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – М.: Азбуковник, 1999. – 273 с.
7. ТСРЯ – Ожегов С.И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Ин-т рус. яз. 4-е изд., доп. ─ М.: Азбуковник. ─ 1999. – 944 с.
8. Любимов Ю. В. Природа ассоциации: структура словесной памяти и понятие ассоциативного значения // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С.25–32.
9. Горошко Е. И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма: Дис. … докт. филол. наук. – М., 2001.
10. Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной лингвистики. ─ М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С.35–49.
11. Серкин В. П. Методы психосемантики: Учебное пособие. ─ М.: Аспект Пресс, 2004. ─ 208 с.
12. Леонтьев А. А. Психолингвистическая структура значений // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С.7–27.

А. Р. Давлетбердина

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ОКРАСКЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Одним из актуальных направлений в современной лингвистике является изучение национально-культурной специфики языковых единиц. Это обусловлено, во-первых, необходимостью создания прочной исследовательской базы для последующего комплексного изучения лексического словаря носителей различных языков, во-

вторых, − выявления общих и специфических закономерностей, присущих представителям разных культур. К числу языковых единиц, отражающих специфику национальной картины мира того или иного народа, безусловно, относятся сравнения. Представляя собой устойчивые структуры (далее – УС) с особой внутренней формой, признаками и способами выражения, они являются образным средством, которое позволяет изучающим язык «войти в ту широкую и сугубо национальную языковую сферу, без освоения которой практическое знание языка не может быть ни полным, ни совершенным» [6. С.24]. Устойчивым сравнением в работе называется не только понятие, фигура речи или стилистический прием, но и особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная значением и особой формой его выражения (Л.А.Лебедева). Эти формы в русском языке очень разнообразны: это и творительный падеж сравнения (*губы сердечком*), и сравнительная степень прилагательных при существительных в творительном падеже (*лицо мрачнее тучи*), и сравнения с лексическими элементами «похож», «подобный» (*специалист подобен флюсу*), и сложные прилагательные, содержащие элементы «подобный», «образный» (*дугообразные брови*), и наречия, образованные от притяжательных прилагательных с формантом «по-» (*по-лисьи хитер*) [6]. К числу признаков УС, отличающих их от других языковых единиц можно отнести, прежде всего, устойчивость формы и содержания, четкую определенность грамматического строя, постоянство компонентного состава, прагматическую направленность. Структура УС условно обозначается следующей формулой: А – С – mВ, где А – субъект сравнения (то, что сравнивается), С – основание (признак) сравнения, В – объект сравнения (то, с чем сравнивается), а m – модус сравнения, выраженный одним из сравнительных союзов (*глупый, как баран; преданный, как собака; ленивый, как кот*).

В настоящее время активно ведется работа над составлением дву- и многоязычных словарей устойчивых сравнений [2; 3; 8; 9], в которых фиксируется национально-культурная специфика.

Компаративные структуры, обладая особой внутренней формой, отражают экстралингвистический компонент значения, то есть являются носителями информации о национально-культурных особенностях народа. Отметим, что такие же качества присущи и фразеологизмам. Разница между ними может показаться незначительной, едва уловимой на первый взгляд, однако это не так. УС действительно близки фразеологизмам по некоторым характеристикам: например, оба языковых явления обладают

национально-культурной маркированностью, являются образными средствами, отражающими языковую картину мира, характеризуются постоянной структурой. Однако они имеют существенное различие, которое заключается в специфической форме (наличие сравнительных союзов в объектной части) и содержании компаративных структур (устойчивая компаративная семантика). Принимая во внимание тот факт, что устойчивые сравнения «представляют в совокупности особый и значительный пласт русской фразеологии» [11. С.5], высказывание Н.Г.Брагиной «фразеология – это память относительно *прошлого* и догадка относительно *будущего*» [1. С.47], может характеризовать в полной мере и устойчивые сравнения. Подтверждением данного положения стали результаты направленного ассоциативного эксперимента (далее – НАЭ/АЭ), который был проведен нами в 2004–2007 гг. с испытуемыми башкирами, татарами и русскими в возрасте от 16 до 60 лет со средним и высшим образованием. По нашему убеждению, ассоциации позволяют выявить особенности восприятия, понимания и усвоения слова и интерпретировать полученные данные с позиций социо- и этнопсихолингвистики. В ходе работы каждому испытуемому предлагался буклет, на страницах которого были напечатаны списки исходных слов. Инструкция к заполнению давалась устно, в случае необходимости следовали объяснения: в частности, предлагалось ответить первым пришедшим в голову после прочтения исходного слова сравнением. Выбор языка ответа не ограничивался, чем и решалась проблема положительной мотивации к деятельности информантов. Список, предлагаемый испытуемым, включал единицы, использованные в АЭ отечественными и зарубежными исследователями: ВЕСЕЛЫЙ КАК, ГЛУПЫЙ КАК, ДОБРЫЙ КАК, ЖЕСТОКИЙ КАК, ЗАВИСТЛИВЫЙ КАК, ЛЕНИВЫЙ КАК, ПРЕДАННЫЙ КАК, СИЛЬНЫЙ КАК, ТРУДОЛЮБИВЫЙ КАК, ЧЕСТНЫЙ КАК. Всего проанализировано около 3000 реакций. Для межъязыкового анализа привлекались результаты от белорусских [7], алтайских информантов [2] (в [2] из числа ассоциатов мы рассматривали только R-сравнения), что в значительной мере увеличило количество сравниваемых единиц. Полученные нами реакции были условно объединены в несколько групп, наиболее частотные из которых приводятся в таблице с указанием количества реакций.

Таблица 1.

Группы сравнений, полученные от испытуемых – носителей разных языков

испытуемые / название группы	носители алтайского языка (по данным [2])	носители русского языка (по данным [2])	носители белорусского языка (по данным [8])	носители русского языка	носители татарского языка	носители башкирского языка
кол-во ии.	1079	953	80	100	100	100
Сравнения с животными	-	-	16	252	241	233
Семейно-родственные отношения	229	133	-	70	116	65
Род занятий, профессия	194	109	2	110	73	76
Имена собственные	11	13	-	129	59	65
Поло-возрастные	118	103	-	32	121	144
Этносоцио-региональные	96	26	1	6	1	6
Эмоционально-оценочные	431	571	-	67	45	43

По итогам анализа можно сделать вывод о том, что представители татарской и алтайской национальностей склонны чаще использовать сравнения с близко-родственным окружением, а среди ответов русских ии. большую часть занимают реакции, содержащие в себе имена собственные, сравнения с животными одинаково часто присутствуют во всех группах. Эти факты, по-видимому, можно объяснить следующим образом. Внешность человека, а также объекты окружающей действительности, включающие природные и различного рода рукотворные предметы, являют собой внешне воспринимаемые физические сущности, при восприятии которых действуют одни и те же механизмы. Это способствует появлению разных ассоциаций, на которых и основываются сравнения. Реакции-сравнения, определяющие черты характера (ТРУДОЛЮБИВЫЙ, КАК *сноха, невестка*; ЧЕСТНЫЙ, КАК *еврей, праведник;* ЛЕНИВЫЙ, КАК *кот, двоечник;* ГЛУПЫЙ, КАК *курица, баран*), бóльшей частью являются идеальными объектами, имеющими несколько иную, чем у физических предметов, природу. Свое отображение в сознании носителей языков они находят путем воздействия на органы чувств опосредованно, через наблюдение за целыми комплексами действий, поступков, высказываний человека. При этом сужаются

объективные условия для возникновения ассоциаций, лежащих в основе сравнения черт характера с объектами реального мира, – природных явлений, растений, животных. Такие группы слов вызывают с достаточно большой вероятностью реакции определенного типа, их разброс при этом будет меньше.

Рассмотрим наполнение некоторых ассоциативных полей (далее – АП) слов. На стимул ЧЕСТНЫЙ КАК башкиры часто реагировали словом *пионер.* Такие реакции являются отголосками недавнего исторического прошлого и в то же время свидетельствуют о наличии у данного (микро)социума «застывшего» и в каком-то смысле реанимированного стереотипа, поскольку во многих школах региона действуют организации «Пионеры Башкортостана» с соответствующей символикой и вновь складывающимися традициями. Принимая во внимание этот факт, мы можем прогнозировать дальнейшую судьбу сравнительного оборота ЧЕСТНЫЙ, КАК ПИОНЕР, частотность которого не так уж велика в массиве проанализированного материала. Примечательно, что в АЭ на татарском языке такой реакции не было выявлено. Чаще респонденты-татары соотносили это слово-стимул с учителем. Среди русских испытуемых наблюдается определенный пессимизм в данной характеристике человека – частотными реакциями были *таких не бывает, никто* или же приводились персонифицированные ответы (имена знакомых и друзей). Реакции взрослых респондентов данной группы иногда носили откровенно ироничный характер: например, ЧЕСТНЫЙ, КАК *еврей, как мент, как простофиля, продавец*.

Прослежена такая закономерность: на слова, обозначающие черты характера, которые имеют позитивную оценку в (микро)социуме, респонденты дают больше разных ответов, чем на слова, называющие отрицательные черты характера, где ответы более стереотипны. Казалось бы, это противоречит известному факту, что все негативное в языке фиксируется подробнее и тщательнее. При детальном рассмотрении выясняется, что слова с негативной оценкой (в данном случае – черты характера), поскольку их больше, членят континуум картины мира на меньшие отрезки. Иными словами, даются более точные характеристики, а значит, сравнений к таким словам-стимулам должно быть меньше, чем к размытым по семантике стимулам положительной окраски.

На идентичное слово-стимул в эксперименте В.А.Масловой самой частотной реакцией среди белорусов явилось сравнение с другими людьми, а русские ии. более охотно соотносили его с представителями какой-либо партии (*комсомолец, коммунист,*

пионер). Исследователь полагает, что носители белорусского языка гораздо чаще, нежели русские испытуемые, употребляют сравнения с разными людьми и природными явлениями ([7. С.188]; см. также данные выше представленной таблицы). Русские, по ее мнению, более склонны к сравнениям из области культуры, литературы, с людьми определенных национальностей. Отметим, что в целом реестр рассмотренных нами сравнений вполне соотносим. Гипотеза об универсальности основных категорий, характеристик и свойств, применяемых при описании человека и об этнокультурной специфике их наполнения, находит подтверждение и в данных нашего эксперимента. Носители нескольких языков не соотносят с собой ни одну из негативных черт характера, хотя активно сравнивают их с другими людьми: ЖАДНЫЙ, КАК *сосед*; ГЛУПЫЙ, КАК *пень, индюк, препод, придурок* и др. [10. С.62, 64]; ГЛУПАВ *не аз, ученик, ръб, Джим Кери, малко интеллигентен* (болг.) [10. С.63, 65]; ДУРНЫ *як бот, як варона, Иван, идиот, конь* (белорус.) [10. С.62].

Об этнокультурной специфике некоторых сравнений свидетельствуют такие реакции белорусов: *прагны, як багна, як дрыгва* (как трясина [7, С.188-189]) на стимул ЖАДНЫЙ, КАК, что обусловлено географическими особенностями проживания этого народа – большую часть их территории занимают болота.

Сходные ответы у носителей нескольких языков объясняются несколькими причинами. Например, на исходное слово ЖЕСТОКИЙ, КАК респондентами сопоставляемых групп даны R: *враг, Шварценеггер, маньяк* (русские*), як садзіст, як палач* (белорусы), *как киле, как изверг* (татары), *как Гитлер, как деспот* (башкиры). Причину подобного мы усматриваем во влиянии средств массовой коммуникации (телепередач, информационных программ) на формирование сознания испытуемых. Полученные в эксперименте сравнения позволяют выявить некоторые имплицитные параметры значения образных языковых единиц. Рассмотрим ответы ии. на синонимичные и антонимичные слова – характеристики человека: ВЕСЕЛЫЙ КАК; ЛЕНИВЫЙ КАК; ДОБРЫЙ КАК. Носители русского, башкирского, татарского языков дают сходные ответы на первый стимул – ВЕСЕЛЫЙ КАК, сравнивая человека с *клоуном*; на второй – сравнение дано с *котом, кошкой*; третье – сравнения с *мамой, солнечным днем*. Академические словари, к сожалению, не отмечают данных различий, а в ответах носителей соответствующего языка они проявляются.

Придерживаясь отдельных положений концепции Н.Г.Брагиной, мы рассматриваем устойчивые сравнения как языковые единицы, представляющие собой результат взаимодействия языка и культуры того или иного народа и говорить о том, что в устойчивых сравнениях находят частичное отражение и факты истории народа, и элементы национально-культурных традиций, и сложившиеся стереотипы. Целесообразно в этой связи сделать акцент на выявлении связей устойчивых словосочетаний в целом с разными типами дискурса: философским, религиозным, идеологическим, литературным, мифологическим [1. С. 294]. Под дискурсом в данном контексте следует понимать «...весь процесс говорения и зафиксированный за относительно длительный отрезок времени результат этого процесса» [5. С. 238].

При изучении АП слова-стимула ТРУДОЛЮБИВЫЙ КАК, выяснилось, что в корпусе реакций присутствуют два устойчивых сравнения с данным прилагательным: ТРУДОЛЮБИВЫЙ КАК *муравей* и ТРУДОЛЮБИВЫЙ КАК *пчелка*. Здесь, в частности, обнаруживается связь с литературным дискурсом. Эти образы пришли к нам из басен и сказок и присутствуют во всех исследуемых языках с той лишь разницей что у башкир более частотным является второй ответ, а у татар – первый. В реакциях русских информантов количество таких сравнений было примерно одинаковым. Привлекая данные, полученные в эксперименте с белорусами, отметим, что представители данной национальности также склонны ассоциировать стимул с различными насекомыми и животными, в частности, с лошадью. Так, совпадение структурно-семантических компараций в разных языках позволяет считать данные сравнения универсальными. С другой стороны, по справедливому замечанию Л.А.Лебедевой, система устойчивых сравнений в каждом языке уникальна, поскольку отражает национальное мировидение и миропонимание носителей языка [6]. Так, в русском языке, желая подчеркнуть сходство двух людей, мы скажем *как две капли воды*, в английском – *as two peas* (досл. как две горошины), а в башкирском – *икенсе атасы* (досл. второй папа) или *тик папаһына ошаган* (только на папу похож). Как видим, в башкирском языке для выражения подобия используется совершенно другая модель, в которой может отсутствовать сравнительный союз *как,* что подтверждает выраженную национально-культурную специфику устойчивых сравнений. Такие факты вновь подтверждают положение о том, что система

понимания не является адекватной в разных культурах в силу различий концептуальных и лингвистических единиц [7. С.67].

В таких языковых единицах, как сравнение, фиксируется социальный и культурный опыт языковой общности. Становится очевидной необходимость различного рода словарей, фразников, тезаурусов [2; 3; 8; 9], фиксирующих устойчивые сравнения разных народов и позволяющих исследователям языка стать на шаг ближе к изучению национальной и языковой картин мира.

Основные выводы, полученные на данном этапе исследования:

1. Сравнение (в том числе устойчивое) представляется нам двухкомпонентной конструкцией, в которой различимы два компонента – главный и вспомогательный.
2. Механизм сравнения заключается в том, что к главному компоненту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных с вспомогательным.
3. Рассмотренные импликации обычно есть не что иное, как общепринятые (национально окрашенные) ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом/объектом, но в некоторых случаях это могут быть и нестандартные импликации, устанавливаемые испытуемым.
4. Отдельные сравнения влекут за собой сдвиги в значениях слов и могут в этом смысле приравниваться к метафорическим переносам.
5. По-видимому, не существует строгих «предписаний» относительно обязательности сдвигов значения, которые объяснили бы, почему одни сравнения исчезают, а другие переходят в разряд клишированных, устойчивых.
6. Исследуемые языковые единицы несут в себе часть фоновых знаний лингвокультурной общности, полученных в процессе многовековой практической и познавательной деятельности народа и передаваемых по традиции в качестве готового языкового материала из поколения в поколение, осуществляя межпоколенную трансляцию культуры, сохраняя «ценности концептосферы культуры» [11].

Полагаем, что сравнение можно рассматривать как сложный когнитивный феномен, возникающий в результате двух смысловых комплексов, которые у разных исследователей называются по-разному: *содержание* и *оболочка, фокус* и *рамка* (фрейм), *источник* и *цель*, понятия *сигнификативного* и *денотативного дескрипторов*.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
2. Голикова Т. А. Алтайско-русский ассоциативный словарь. – М.: Изд-во ОЛСИБ, 2004. – 380 с.
3. Дмитрюк Н. В. Казахско-русский ассоциативный словарь. – Шымкент-Москва, 1998. – 242 с.
4. Дударева З. М. Время в русской и башкирской языковых картинах мира. – http://www. osu.ru.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
6. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Краснодар, 1999. – 34 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология: Уч. пособие для студентов вузов – М.: Академия, 2001. – 208 с.
8. Огольцев В. М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. – Ижевск: Удмуртский ГУ, 1994. – 511 с.
9. Русский ассоциативный словарь: в 6-ти тт. /Под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова и др. – М.: «Помовский и партнеры», ИРЯ РАН , 1994–1998.
10. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М.: МГЛУ, ИЯ РАН, 2004. – 792 с.
11. Этнопсихолингвистика /Под ред. Ю.А. Сорокина. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

О. В. Евсеева

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ СТРАХА)

В работе исследуются проявления национально-культурной специфики языкового сознания, под которым, вслед за А. А. Леонтьевым, понимаются «психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [1. С.144].

Еще в работах А. Р. Лурия поднят вопрос, «изменяется ли в зависимости от культуры содержание мышления, т. е. основные категории, используемые для описания опыта» [2. С.47]. Современные исследования в области психолингвистики и смежных наук позволяют утвердительно ответить на данный

вопрос и предоставляют обширную теоретическую базу и фактические доказательства национально-культурной специфики языкового сознания.

Цель нашего исследования – определить психологически реальное значение глаголов эмоций для носителей английской, французской и русской культур. Методологической основой исследования являются работы А. А. Залевской [3] и Е. Ю. Мягковой [4]. Предпосылкой исследования стало противоречие между теорией дифференциальных эмоций К. Изарда [5], согласно которой «эмоции рассматриваются не только как основная мотивирующая система, но и как личностные процессы, которые придают смысл и значение человеческому существованию» [5. С.52] (и которую поддерживает В. И. Шаховский [6]), и подходом А. Вежбицкой.

Прежде всего необходимо дать определение общенаучному понятию «эмоция». В Большой Советской Энциклопедии, в статье, составленной А. Н. Леонтьевым и К. В. Судаковым, эмоции определяются как «субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т. д. Сопровождая практически любые проявления жизнедеятельности организма, эмоции отражают в форме непосредственного переживания значимость (смысл) явлений и ситуаций и служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей (мотивации)» [7]. Для нас важно, что эмоции – это внутренние субъективные реакции, они манифестируют аксиологическую значимость явлений и ситуаций.

С точки зрения К. Изарда, мотивационная основа существования человека, независимо от его национально-культурной принадлежности, определяется следующими базовыми эмоциями: interest, joy, surprise, sadness, anger, disgust, contempt, fear, shame/shyness, guilt. А. Вежбицкая в главе «Are emotions universal or culture-specific» своей монографии [8] оппонирует данному утверждению: «If lists such as the preceding are supposed to enumerate universal human emotions, how is it that these emotions are all so neatly identified by means of English words? For example, Polish does not have a word corresponding exactly to the English word *disgust*» [8. P. 119]. Далее А. Вежбицкая приводит примеры того, как в различных культурах перечисленные эмоции не выражаются эксплицитно, либо несколько эмоций из данного списка могут

репрезентироваться одной лексемой. Таким образом, необходима широкая программа межкультурных сопоставительных исследований языкового сознания с тем, чтобы на основе фактических данных сделать выводы об универсальности или национально-культурной специфике эмоций, или о соотношении универсальности, «врожденности» и уникальности, специфики.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что общие стратегии ассоциирования, типовые модели ассоциативных связей будут совпадать в ответах носителей английской, французской и русской культур, но актуальность данных типовых моделей и их лексическая наполняемость для представителей различных культур будет различной.

В качестве материала исследования мы выбрали именно глаголы, репрезентирующие эмоции, так как в современной лингвистической науке представления о национально-культурной специфике языкового сознания определенных этносов в основном сформированы на языковом материале существительных или прилагательных, отражающих предметы и явления действительности, а также их качества. На наш взгляд, глаголам как основным репрезентациям поведения человека не уделялось должного внимания. Кроме того, по результатам исследования В. Рейна, психологически реальные значения глаголов отличаются в различных культурах больше, чем психологически реальные значения существительных и прилагательных [9. P.303], а потому предъявление глаголов эмоций в качестве стимулов свободного ассоциативного эксперимента, на наш взгляд, должно предоставить ценную фактическую информацию.

Для эксперимента было сформировано три максимально сопоставимых списка глаголов-стимулов, обозначающих эмоции в английском, французском и русском языках с использованием словарей перечисленных языков [10; 11; 12]. Для группировки глаголов использована семантическая классификация, предложенная Л. Г. Бабенко [13. С.26–27]. Согласно данной классификации, глаголы эмоций подразделяются на глаголы эмоционального состояния (*беспокоиться*), становления эмоционального состояния (*вспылить*), эмоционального отношения (*любить*) и эмоционального воздействия (*пугать*). Мы не рассматриваем группу глаголов внешнего проявления эмоций (*засмеяться*). В дальнейшем список стимулов был сокращен из-за естественных различий языков. Так, в английском языке значение «становления эмоционального состояния» чаще передается аналитически (с. f. *разозлиться – get angry*).

Полученный список стимулов сопоставлен со списком стимулов, использованных в ассоциативных словарях [14; 15; 16], и включили в анкету-опросник глаголы эмоций, относящиеся к следующим сферам: страх, уважение, любовь, страдание, вера, сочувствие. Среди стимулов можно выделить 50% слов с негативной коннотацией (*ненавидеть*) и 50% – с позитивной (*любить*). В итоге получен следующий список стимулов (Таб. 1):

Таблица 1.

Английский	**Французский**	**Русский**
to worry	s'inquiéter	беспокоиться
to love	adorer	любить
to sympathise	sympathiser	сочувствовать
to fear	craindre	бояться
to hope	espérer	надеяться
to frighten	effrayer	пугать
to respect	respecter	уважать
to humiliate	humilier	унижать
to admire	admirer	восхищаться
to suffer	souffrir	страдать
to hate	haïr	ненавидеть
to believe	croire	верить

В данной статье мы рассмотрим лишь реакции на стимулы, относящиеся к сфере «страх»: «to fear/craindre/бояться» (глаголы эмоционального состояния) и «to frighten/effrayer/пугать» (глаголы эмоционального воздействия).

Было выдвинуто предположение о том, что аналогичные модели ассоциирования при различной их актуальности будут представлены в ответах респондентов всех трех культур, поскольку во всех трех культурах архетипические страхи будут совпадать (страх высоты, темноты), а осознаваемые, современные страхи – значительным образом отличаться. Согласно гипотезе, для носителей русской культуры доминирующими являются экономические страхи (потеря работы, нехватка денег), для англичан важен страх «потерять лицо»: либо чрезмерно проявить свои эмоции, либо поступить не так, как этого ожидает общество

[17]. Согласно этническим стереотипам, для носителя французской культуры аксиологически важным является триумф в разговоре, успех в личной жизни и безукоризненный внешний вид [18].

Эксперимент был проведен в период с августа по декабрь 2007 г. на территории Великобритании (в Лондоне, Оксфорде, Виндзоре, Портсмуте, Плимуте, Бате и Нориджe), Франции (в Париже, Шантильи и Руане), а также в России (в Челябинске, Чебаркуле и Москве). В эксперименте участвовало равное количество мужчин и женщин, респондентов младшего и старшего возраста (от 18 до 75 лет). В ходе эксперимента было получено 87 отказов, что оставило для анализа 300 анкет, по 100 анкет на каждом из трех языков.

Анализ данных позволил выделить следующие модели ассоциирования по психологическому основанию: воздействующее лицо (*enemy, guerre, семинар*); интерпретация через синонимизацию (*dread, peur, паника*) или через определение лексического значения (*to be made concerned, выводить из равновесия других*); субъект страха (*children, enfants, трус*); боязнь страха (*nothing, non, не надо*); физические проявления страха (*tremble, cri, орать, прятаться*); оценка (*no justification, anormal, плохо*); культурологическая реакция (*всегда*).

В Таб. 2 приведено процентное соотношение данных моделей ассоциирования на материале РАС [14; 15], ассоциативного тезауруса Дж. Киша [16], анкет носителей английской (далее – АК), французской (далее – ФК) и русской (далее – РК) культур:

Таблица 2.

модель (%)/ источник	**Дж. Киш**	**АК**	**Дж. Киш**	**АК**	**ФК**	**ФК**
	fear		frighten		craindre	effrayer
Воздействующее лицо	35	30	16	22	32	29
Интерпретация через синонимизацию	47	53	68	56	51	54
Интерпретация через определение лексического значения	1	0	1	0	2	0
Боязнь страха	5,1	7	2	6	6	3
Субъект страха	2	3	4,1	5	0	2
Физические проявления	7,1	5	3	5	0	2
Оценка	0	0	0	0	1	2
Культурологические реакции	0	0	0	0	0	0

модель (%)/ источник	**РАС прям.**	**РАС обрат.**	**РК**	**РАС прям.**	**РАС обрат.**	**РК**
	бояться			пугать		
Воздействующее лицо	64	18	43	17	33	41
Интерпретация через синоним.	12	16	29	14	0	18

Интерпретация через определение лексического значения	0	0	0	0	0	3
Боязнь страха	3,5	5,2	11	1,9	11	11
Субъект страха	2	3,3	6	48	0	8
Физические проявления	3	9,2	7	1,9	11	2
Оценка	0,8	0	0	0	0	0
Культурологические реакции	3	2	0	5,8	0	1

Основной результат сопоставления процентного соотношения моделей ассоциирования: при сходных моделях ассоциирования для носителей английской и французской культуры ассоциирование происходило, в основном, по модели «интерпретация через синонимизацию», в то время как носители русской культуры называли в 41–43% анкет воздействующее лицо. Данные эксперимента согласуются с данными РАС и ассоциативного тезауруса Дж. Киша. Таким образом, первая часть гипотезы подтвердилась.

Рассмотрим лексическое наполнение ответов респондентов, акцентируя причины страха, воздействующие лица и факторы. Мы выделили 4 подгруппы архетипических причин страхов: животные (АК 10 реакций, ФК 14, РК 5, причем ожидаемой реакции *волк* не было отмечено в РК, но реакции *wolf* и *loup* присутствовали в АК и ФК соответственно), болезни, смерть (АК 4, ФК 9, РК 7), неизвестное (АК 6, ФК 5, РК 16, в эту группу вошли такие реакции, как *темнота, высота, пустота* и т. п.) и мифологические персонажи (АК 0, ФК 6, РК 7, в этом плане ФК и РК сходны, респонденты упоминают монстров, привидения и т. п.). По данным эксперимента архетипические страхи сходны в трех подвергшихся анализу культурах.

В группе осознаваемых причин страха можно выделить 3 подгруппы: общественно-политические, карьерные и личностные страхи. Вопреки предположению, респонденты РК более подвержены карьерным (*отчисления из ВУЗа/ провалиться, неудач/ семинар/ экзамен*) и личностным (*мужик плохой/ позор/ за детей*) страхам, нежели общественно-политическим (*война/ демократы*). Для респондентов АК, напротив, карьерные страхи не играют большой роли (0 реакций), общественно-политические страхи представлены 1 реакцией (*war*), высказанной женщиной 62 лет, однако четко выражены личностные страхи (*enemy, knife, attack, nasty people*), связанные с неуверенностью в своей безопасности и, скорее всего, вызванные общественными причинами. Было отмечено большое количество осознаваемых страхов респондентов ФК, а так же их разнообразие:

общественно-политические причины страха (*guerre 2/ racisme/ Sarkozy*), карьерные (*chef, defaillance, epreuve, fin de mois, la pauvreté, supérieurs*), личностные (*la perte d'identité, pas avoir assez de temps, actualité, mere, violence*). Как оказалось, респонденты ФК одержимы самыми различными страхами, постоянно думают о работе и нехватке денег, озабочены проблемами потери идентичности и насилия. Таким образом, гипотеза, основанная на этнических стереотипах, не подтвердилась. Для носителей РК финансовые проблемы не кажутся столь актуальными сегодня, носители АК в реакциях не боятся проявлять свои эмоции, а у носителей ФК были выявлены более глубокие причины страха, чем внешний вид или успех в обществе. Тем не менее соревновательность и перспектива неуспеха находят отражение в анкетах носителей данной культуры.

Данные ассоциативного эксперимента подлежат дальнейшему анализу с точки зрения специфики проявления пола, возраста и рода занятий респондентов в корпусе реакций. Предварительные выводы таковы:

- носители изучаемых культур прибегают к сходным моделям ассоциирования, но для носителей АК и ФК доминирующей является модель интерпретации через синонимизацию, а для носителей РК – модель «воздействующее лицо»;

- лексическое наполнение архетипических причин страха сходно в изучаемых культурах, хотя носители РК не упоминали в анкетах мифологические существа;

- лексическое наполнение осознаваемых причин страха резко отличается в изучаемых культурах и не соответствует широко распространенным этническим стереотипам. Для носителей АК основными являются личностные страхи, РК – карьерные и личностные, ФК – карьерные, личностные и общественно-политические, особенно акцентирован страх неуспеха перед лицом начальства.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Стернин И. А. Психолингвистика и виды сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. статей / Под общ. ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С.141–159.
2. Лурия А. Р. Культурные различия и интеллектуальная деятельность // Лурия А. Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С.47–69.

3. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
4. Будянская О. О., Мягкова Е. Ю. Сопоставление средств описания эмоций в английском и русском языках (на примере страха) // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – С.79–87.
5. Изард К. Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980.
6. Шаховский В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В. А. Пищальниковой. – М.; Барнаул, 2003. – С.215-221.
7. http://bse. sci-lib. com/article126494. html.
8. Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p.
9. Reyna V. F. Understanding verbs: easy extension, hard comprehension // Progress in the psychology of language /ed. by A. W. Ellis. – London; Hillsdale (N. J.): L. Erlbaum, 1985–87. – Vol. 1. – P. 301–315.
10. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford University Press. – 1998. – 1428 p.
11. Le Petit Robert CDROM (60000 слов и выражений).
12. Толковый словарь русского языка /Сост. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. – М.: А Темп., 2006. – 940 с.
13. Бабенко Л. Г. Обозначение эмоций в языке и речи (на материале глагольной лексики в художественном тексте): Учеб. пособие. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 100 с.
14. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1 От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов /Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 784 с.
15. Русский ассоциативный словарь. В 2т. Т. 2 От реакции к стимулу: Более 10000 реакций/ Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 992 с.
16. Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. – Edinburgh: Univ. of Edinburgh, MRC Speech and Communication Unit, 1972. -1539 p.
17. Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. Пер. с англ. И. Тогоевой. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 72 с.
18. Япп Н., Сиретт М. Эти странные французы. Пер. с англ. И. Тогоевой. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 72 с.

С. В. Закорко

СВОБОДНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Предлагаемая статья рассматривает словесные ассоциации, полученные в результате проведения эксперимента с испытуемыми, принадлежащими к разным психологическим типам (экстравертам и интровертам). Первый этап эксперимента показал, что процессы развития и функционирования значения слова у людей с разной психологической установкой отличаются [1. С.239]. Основанием для подобного предположения послужили исследования К.Г.Юнга, который предложил различать две основные установки человека: на внешний мир, мир окружающих вещей – E (extraversion) и на внутренний мир собственных мыслей, переживаний, представлений – I (introversion) [2. С.121].

Задействованные в психолингвистическом эксперименте испытуемые (ии.) были разделены при помощи теста Майерс-Бриггс (MBTI) на 4 группы: интровертов и экстравертов – по 50 мужчин и 50 женщин в каждой [3]. Данный тест был разработан на основе идей К. Г. Юнга, создавшего теоретическое обоснование психотипов, тем самым определив базу для дальнейших научных изысканий. Попутно отметим, что им впервые было предложено использовать методику ассоциативного эксперимента для выявления скрытых аффективных комплексов [4. С .65-66].

Следующим этапом в исследовании послужило проведение свободного ассоциативного эксперимента, суть которого сводится к тому, что испытуемым предлагается реагировать на предъявляемый исходный стимул первым пришедшим в голову словом или словосочетанием. В числе слов-стимулов предлагались существительные, составляющие ядро лексикона носителя языка, а также некоторые технические термины и квазислова. На данном этапе исследования проанализировано 5088 реакций, полученных от 200 испытуемых. Информантами являлись студенты 1–3 курсов разных специальностей Уфимского государственного авиационного технического университета г. Уфы.

Как справедливо полагает Т. М. Рогожникова, для обобщения полученных результатов требуется изучение различных оснований для классификации [5. С.160]. Исчерпывающей классификации частных стратегий реагирования ии. на стимул, по-видимому, не существует в силу многообразия самих способов идентификации [6. С.63]. Всегда найдется пример ассоциирования, с трудом подводимый под какой-либо тип стратегии. Первоначально нами

был проведен количественный анализ данных с позиций парадигматики и синтагматики. В соответствии с традиционным определением, к числу первой группы реакций относятся ответы, принадлежащие к тому же грамматическому классу, что и слово-стимул, синтагматическими считаются реакции, которые составляют со словом-стимулом словосочетание. При достаточном числе испытуемых может быть составлена обширная картина признаков и связей, лежащих за исследуемыми словами и направляющих процессы идентификации и поиска слов, а количественная обработка полученных данных, по убеждению А. А. Залевской, позволяет судить как об относительной степени актуальности обнаруженных признаков, так и о силе связей, существенных для организации лексикона [7. С.10–11]. При этом лексикон трактуется как «лексический компонент речевой организации человека, обладающий теми же свойствами, какие специфичны для речевой организации в целом, т.е. он должен пониматься не как пассивное хранилище сведений о языке, а как *динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами*, поскольку новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта» [8. С. 154].

Было выявлено, что в ответах на предлагаемый в исследовании список слов-стимулов во всех группах ии. преобладающими стали парадигматические реакции. В редких случаях наблюдаются нулевые реакции (R_0). Например, на термины ЗОЛЬНОСТЬ были даны 2 R_0: экстраверт-муж.; экстраверт-жен., ТРАВЕРСА – 1 R_0 экстраверт-жен., РОЯЛТИ – 1 R_0 экстраверт-жен., квазислова ЛЯПУПА – 1 R_0 экстраверт-жен., КАЛУША – 1 R_0 экстраверт-жен., полисемантичное слово-стимул КИНО – 1 R_0 интроверт-муж. Интровертами-жен. не было дано нулевых реакций.

В литературе указывалось, что не всегда при анализе ассоциативного материала правомерно учитывать только один параметр – в частности, принадлежность S и R к одному или разным грамматическим классам [9. С.49]. В массиве полученных данных имеются примеры, свидетельствующие о том, что интерпретация должна вестись и на семантическом уровне. Например, при анализе совокупности ответов, полученных на S-ЖИЗНЬ, были зарегистрированы следующие реакции: *свобода, счастье, смерть, радость, вода, благополучие, вечность, время,*

любовь, мир, природа, смысл и др. – существительные, то есть принадлежат к одному и тому же грамматическому классу, что и стимул. Следовательно, перечисленные реакции могут быть охарактеризованы как парадигматические. Тем не менее выявляется неоднородность в их значениях. Так, реакции *смерть* и *благополучие* не могут стоять в одном ряду, поскольку первое обозначает противопоставление, а второе в совокупности с исходным словом некую характеристику определенного состояния субъекта/субъектов. Данное положение натолкнуло нас на мысль о том, что существует некая модель *полярности* ассоциаций, некая оценка позитивности (*благополучие*)/негативности (*смерть*) реакций. Для уточнения *полярности* ассоциаций нами дополнительно был проведен пилотажный эксперимент, по результатам которого все полученные реакции, кажущиеся на первый взгляд спорными, условно были разделены на два класса: 1) *положительные* реакции (далее – ПР); 2) *отрицательные* реакции (далее – ОР). После обработки данных пилотажного эксперимента нами были сделаны следующие выводы: на полисемантичные слова-стимулы в реакциях всех четырех групп ии. больше ПР, чем ОР. Например, на S-ЖИЗНЬ в реакциях экстравертов-муж. были зарегистрированы следующие **положительные реакции (ПР)**: *свобода, счастье* ***6****, радость* ***5****, существование* ***4****, вода, долгая, человек* ***2****, благополучие, вечность, водопад, время, движение, дерево, долго, здоровье, земля, игра, интересная, кайф, кислород, клево, красиво, любовь, мир, небо, прекрасна, прекрасно, природа, родители, свет, смысл, солнце, счастливая, удивительна, удовольствие, учиться чему-то, хороша, хорошая, яркая*; отрицательные реакции (ОР): *смерть 2, сложно* **(ПР 59; ОР 3).**

В реакциях экстравертов-жен. на S-ЧЕЛОВЕК были зарегистрированы такие реакции: **положительные (ПР):** *я* ***8****, жизнь, добрый, друг, животное* ***3****, любимый, разум,* ***2****, близкие и т.п., верный друг, взаимопонимание гражданин, Да Винчи, добродетель, должен познать себя, женщины, живое, живой, индивид, личность, любить всех вокруг, любовь, мир, мужчина, men, найти свое место, общество, отзывчивый, помощь, притягивающее, прямоходящий, разумный, свобода, семья, справедливый, счастливый, счастье, хороший, цивилизация***; **отрицательные реакции (ОР):** *все друзья, высокоразвитое существо, гомосапиэнс, homo sapiens, зверь, злой, марионетка, мужчины, обезьяна, страдание, существо* ***4****, существо сознательное, толпа, хорошего человека должно быть много* **(ПР 56; ОР 17).**

Реакции интровертов-муж. на S-СЧАСТЬЕ: **положительные реакции (ПР):** *радость* ***16****, любовь* ***5****, музыка, солнце, улыбка, хорошо* ***2****,*

*большое, весело, веселье, девушка, доброта, дождь, дом, достижение цели, друзья, желание, жизнь, любовь и деньги, мечта, много, огромное, огромный шар, она, позитив, помощь, светлое, семья, сердце, спокойствие, фото, хорошее настроение, ценность, человеческое***; отрицательные реакции (ОР):** *кратковременно* **(ПР 56; ОР 1).**

Реакции интровертов-жен. на S-КИНО: **положительные реакции (ПР):** *фильм **6**, кинотеатр, комедия, отдых **4**, развлечение **3**, интересное, культура, смотреть, театр (зрелище) **2**, А.Чадов, большой экран, Вин Дизель, времяпровождение, гламур, группа, движение, жизнь, здорово, интересно, канун, картинка, новые ощущения, мелодрама, мечта, ощущения, «Питер FM», познание другого мира, понедельник, радость, романтика, сериал, смех, C.Farell, удовлетворение, хорошее, Цой, ЦТиР «Мир», экран, это клево, яркие впечатления***; отрицательные реакции (ОР):** *Виктор Цой, Виндетта, мина, отчуждение, пика, плохое, слезы, триллер, ужастик* **(ПР 60; ОР 9).**

При анализе реакций, данных на исходные термины и квазислова, наблюдается увеличение ОР. По-видимому, это связано с тем, что эти стимулы многих ии. незнакомы. По этой причине основными стратегиями реагирования стали *определительные* реакции, когда ии. пытается дать свое толкование слова: КАЙОДЛА *– что-то смешное, что-то из пустыни, что-то связанное с индейцами, японский термин;* БУТЯВКА *– еще один друг детского воображения, кличка собаки, кого-то ругать, ласковое обзывательное слово*; КАЛУША *– человек, который долго одевается*; БАББИТ *– что-то черное*; ЗОЛЬНОСТЬ *– когда вместо соли используют золу, отрицательное качество человека, темное пятно*; ПИТТИНГ *– специально разработанная программа для похудения, что-то с физикой*. при идентификации незнакомого исходного слова наблюдается также преобладание фонетических реакций, представляющих собой слова, схожие со стимулами по звукобуквенному комплексу: ПАРОНИТ *– ранит, перитонит, гранит, пародонтит*; БУТЯВКА *– козявка, букашка, булавка*; КАЛУША *– калоша, галоша, капуша, клуша*; БАББИТ *– хоббит, бандит, гамбит, ваххабит, бомбит*; ЗОЛЬНОСТЬ *– вольност*ь; ПЕРЕБИРЮШКА *– хрюшка*; РОЯЛТИ *– рояль*; ДЕФЛЕКТОР *– детектор, директор, рефлектор*; ПИТТИНГ *– читтинг, пилинг, шопинг, лифтинг*; ТЕПМЛЕТ *– триплет, омлет*; ЮЗ *– шлюз*. На термин ПАРОНИТ в реакциях экстравертов-жен. были зарегистрированы такие ассоциации: **положительные реакции (ПР):** *камень **9**, вещество, гранит, предмет, химия **2**, вещь, динамит, знание, зубы, карбонид, материал, незнакомый, нет пара, парафин, пародия, полезное ископаемое, препарат медицинский, проронить слово, русский язык, свеча, свечка, таблетки, твердый, химическое соединение***; отрицательные реакции (ОР):** *болезнь **14**, заболевание **2**, взрыв, некрасивый, паралич, параноя, пародонтит, плохое, ужас, чушь*

какая-то **(ПР 36; ОР 24).** У экстравертов-муж. ПР 27, ОР 26; у интровертов-муж. ПР 27, ОР 28; у интровертов-жен. ПР 20, ОР 28. На квазислово КАЛУША в реакциях интровертов-жен. были зарегистрированы такие реакции: **положительные (ПР):** *обувь **4**, птица, растяпа, резина **2**, баклуша, ворона, деревня, деревянный, игра, изделие мучное, инструмент, кто-то женского пола, кура, курица, лепешка, одежда, пряник, улитка, уменьшительно-ласкательное прилагательное, что-то долгое длинное*; **отрицательные реакции (ОР):** *калоша **7**, галоша, клуша **4**, капуша **3**, галоши, запутанная ситуация, коллоквиум, мокро, недотепа, несобранный человек, неудачник, неуклюжее, олух, простофиля, робкая, слякоть, тучный (полный) человек* **(ПР 26; ОР 31).** У экстравертов-муж. ПР 16, ОР 36; у экстравертов-жен. ПР 17, ОР 26; у интровертов-муж. ПР 31, ОР 20.

Следует отметить, что выделяется незначительное количество реакций, которые участники пилотажного эксперимента не смогли отнести ни к ПР, ни к ОР. Например, на S-ВОДА была зарегистрирована реакция H_2O **3**, S-ЮЗ – СТРАНА ОЗ, 100, S-КИНО – «Питер FM», C.Farell и т.п. Мы условно назвали эту группу ответов нейтральными (срединными). Целесообразность выделения *срединных* ответов очевидна, поскольку они, по нашему мнению, позволят выявить различные оценочные смыслы в зависимости от того, какой аспект будет характеризоваться.

Ии.-женщинам свойственна идентификация слова с опорой на эмоционально-оценочное переживание, при этом оценка чаще положительная. Наличие в разных соотношениях негативной и преобладающей позитивной оценки можно объяснить так. В восприятии каждого исходного слова «и эмотивное, и ценностное содержание присутствует всегда: и мир знаний опосредован эмоционально-оценочной палитрой, и мир человеческих отношений обязательно эмотивен, что делает невозможным надиндивидуальное, обобщенное выражение…» [10. С.6].

Итак, в реакциях на термины и квазислова наблюдается увеличение ОР (см. таб. 1, таб. 2); в ассоциациях на полисемантичные слова наблюдается большее количество ПР, в среднем показатель у всех четырех групп одинаковый (см. таб. 3):

Таблица 1.

Соотношение положительных и отрицательных ответов на термины, данных разнополыми испытуемыми разных психотипов

Стимулы	**Экстраверты**		**Интроверты**	
	муж.	жен.	муж.	жен.
ПАРОНИТ	ПР 27, ОР 26	ПР 26, ОР 35	ПР 27, ОР 28	ПР 20, ОР 28
ТРАВЕРСА	ПР 28, ОР 25	ПР 33, ОР 20	ПР 45, ОР 9	ПР 51, ОР 3
ДЕФЛЕКТОР	ПР 29, ОР 23	ПР 37, ОР 19	ПР 49, ОР 6	ПР 48, ОР 6

ПИТТИНГ	ПР 26, ОР 27	ПР 31, ОР 26	ПР 36, ОР 19	ПР 46, ОР 5
ЮЗ	ПР 27, ОР 28	ПР 31, ОР 24	ПР 32, ОР 23	ПР 48, ОР 6
БАББИТ	ПР 32, ОР 19	ПР 29, ОР 26	ПР 25, ОР 27	ПР 47, ОР 10
ЗОЛЬНОСТЬ	ПР 20, ОР 35	ПР 18, ОР 36	ПР 30, ОР 25	ПР 32, ОР 30
РОЯЛТИ	ПР 48, ОР 6	ПР 42, ОР 14	ПР 42, ОР 13	ПР 56, ОР 2
ТЕМПЛЕТ	ПР 38, ОР 11	ПР 38, ОР 19	ПР 30, ОР 24	ПР 53, ОР 5
ЭМУЛЯЦИЯ	ПР 25, ОР 27	ПР 27, ОР 29	ПР 29, ОР 26	ПР 46, ОР 7
МЕСДОЗА	ПР 25, ОР 30	ПР 20, ОР 34	ПР 38, ОР 18	ПР 40, ОР 19

Таблица 2.

Соотношение положительных и отрицательных ответов на квазислова, данных разнополыми испытуемыми разных психотипов

Стимулы	**Экстраверты**		**Интроверты**	
	муж.	жен.	муж.	жен.
КАЙОДЛА	ПР 26, ОР 25	ПР 30, ОР 26	ПР 42, ОР 11	ПР 44, ОР 9
ЛЯПУПА	ПР 27, ОР 23	ПР 30, ОР 22	ПР 29, ОР 23	ПР 41, ОР 13
КАЛУША	ПР 16, ОР 36	ПР 17, ОР 26	ПР 31, ОР 20	ПР 32, ОР 25
БУТЯВКА	ПР 28, ОР 25	ПР 28, ОР 34	ПР 31, ОР 18	ПР 45, ОР 16
ПЕРЕБИРЮШКА	ПР 20, ОР 31	ПР 30, ОР 34	ПР 29, ОР 22	ПР 44, ОР 16

Таблица 3.

Соотношение положительных и отрицательных ответов на полисемантичные слова-стимулы[1], данных разнополыми испытуемыми разных психотипов

Стимулы	**Экстраверты**		**Интроверты**	
	муж.	жен.	муж.	жен.
ЖИЗНЬ	ПР 57, ОР 4	ПР 70, ОР 8	ПР 48, ОР 11	ПР 64, ОР 6
ВОДА	ПР 63, ОР 2	ПР 64, ОР 4	ПР 54, ОР 5	ПР 59, ОР 4
ДЕНЬГИ	ПР 43, ОР 16	ПР 46, ОР 21	ПР 41, ОР 12	ПР 48, ОР 9
ЧЕЛОВЕК	ПР 48, ОР 15	ПР 47, ОР 12	ПР 47, ОР 8	ПР 57, ОР 4
СЧАСТЬЕ	ПР 62, ОР 3	ПР 70, ОР 5	ПР 56, ОР 2	ПР 61, ОР 2
КИНО	ПР 46, ОР 18	ПР 61, ОР 14	ПР 52, ОР 5	ПР 62, ОР 7

Соотношения, представленные в таблицах, обязывают нас вести дальнейший поиск оснований для группировок и классификаций ассоциативных реакций. Выявленные различия в ассоциативном поведении ии. позволяют говорить о специфике процесса семантического развития в индивидуальном сознании интровертов и экстравертов.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

[1] Данные полисемантичные слова являются единицами ядра языкового сознания носителей русского языка по результатам исследований Ю. Н. Караулова, А. А. Залевской, Н. В. Уфимцевой, Н. О. Золотовой.

1. Закорко С. В. Вопросы организации экспериментального исследования семантики слова // Актуальные проблемы в науке и технике. Том 2. – Уфа: Изд-во «Технология», 2007. – С. 239–241.
2. Закорко С. В. Структура семантики слова и разные психологические типы: история вопроса // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – С. 119–122.
3. Опросник Майерс-Бриггс (MBTI) // www. adminru.com.
4. Аналитическая психология: прошлое и настоящее // К. Г. Юнг, Э. Самюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк. – М.: Мартис, 1997. – 320 с.
5. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова: Монография. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. – 242 с.
6. Исмагилова Н. В., Калимуллина Л. А., Салихова Э. А. Социо- и психолингвистический портрет носителя языка в условиях полиязычного Башкортостана. – Уфа: Восточный университет, 2007. – С. 34–136.
7. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж гос. ун-та, 1990. – 206 с.
8. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. Ун-т, 2000. – 382 с.
9. Салихова Э. А. Изучение структуры ассоциативных полей: опыт теоретико-экспериментального исследования. – Уфа: Восточный университет, 2002. – 168 с.
10. Лазуткина Е. М. К проблеме описания прагматических механизмов языковой системы // Филологические науки. – 1994. – № 5. – С. 4–9.

А. А. Залевская

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВОДИДАКТИКИ

Общеизвестна и не требует обоснования роль двуязычия в современном мире, что делает безусловно актуальным решение насущных задач повышения эффективности обучения иностранным языкам. Следует подчеркнуть, что речь идет не об использовании каких-то отдельных приемов работы на занятиях, а о разработке психолингвистических основ процесса овладения вторым языком как базы для дальнейшего построения *системы обучения языку как живому знанию*. Таким образом, успешность решения названной прикладной задачи напрямую зависит от результатов фундаментального психолингвистического исследования *механизмов овладения и пользования языком в условиях учебного двуязычия*.

В последние годы стало престижным указывать, что предлагаемые тем или иным автором методические рекомендации базируются на психолингвистических основах обучения иностранному языку. В подобных случаях желаемое выдается за действительное, поскольку до сих пор не существует более или менее целостной психолингвистической концепции специфики овладения вторым/иностранным языком, а эпизодически привлекаемые результаты исследований в области функционирования первого языка не могут прямо переноситься на условия сложного взаимодействия языков в процессе *формирующегося двуязычия*. Не случайно разнообразные учебники, учебные пособия, курсы лекций по проблемам или основам психолингвистики, даже написанные авторами, профессионально имеющими дело с обучением иностранным языкам, как правило, не содержат специально отведенных учебному двуязычию разделов, в лучшем случае ограничиваясь включением соответствующей проблематики в главу о прикладных аспектах психолингвистики или о смежных с ней областях (см., например, [1. С.170–177]) или затрагивают такую проблематику в связи с этнопсихолингвистикой (напр., [2]).

Представляется своевременным высказаться в пользу целенаправленной разработки теоретических основ и реализации широкой программы экспериментальных исследований в русле науки интегративного типа, способной решать задачи *психолингводидактики* на уровне последних достижений комплекса наук о человеке, включенном в естественное и социальное окружение.

Принципиальное отличие такой науки от уже имеющихся построений должно состоять в ориентации на трактовку языка как *живого знания*, которое никак нельзя прямо передать обучаемому, поскольку он должен *сам* его *выработать*. В этой связи представляется необходимым решить следующие теоретические проблемы психолингводидактики.

Прежде всего следует четко определить специфику *ситуации учебного двуязычия*, его отличия от других видов двуязычия по множеству параметров.

Следующая важнейшая теоретическая проблема – психолингвистические особенности *субъекта учебного двуязычия*, трактуемого как личность, *овладевающая* изучаемым языком, т. е. вырабатывающая, формирующая у самого себя живое знание. Связанный с этой проблемой круг дискуссионных вопросов включает, например, феномен так называемого «*промежуточного*

языка» как динамического образования, с позиций которого должны рассматриваться достижения и ошибки обучаемого на каждом «срезе» формирующегося двуязычия (см. в этой связи: [3]); это непосредственно связано с проблемой уровня владения неродным языком (см., например, [4]). Обратим внимание на важность уточнения понятия «двуязычный индивид» как изначально динамичного и весьма относительного в условиях учебной ситуации.

Решение названной выше проблемы невозможно без выявления того, что именно обеспечивает овладение и пользование иностранным языком как *живым знанием*. Это требует рассмотрения специфики *языковых* и *метаязыковых знаний*, вопросов трактовки понятия «*правило*» с позиций поставленных целей, соотношения между правилом и практикой, различных видов *стратегий* и *опор* и т. д.

Отдельная базовая теоретическая проблема – *взаимодействие языков* в условиях учебного двуязычия. Речь в данном случае идет о специфике *процессов* продуцирования и понимания речи при двуязычии, в том числе поиска слова в ходе речемыслительного процесса или идентификации иноязычного слова при его восприятии, т. е. фактически ставится задача не прикладного, а фундаментального исследования, требующего, в частности, моделирования этих процессов в специфических условиях учебного двуязычия с опорой на разработку *теории естественного семиозиса* в ракурсе двуязычия.

К числу общетеоретических проблем относится также *специфика языкового знака при двуязычии*. Обратим внимание на то, что моделирование структуры языкового знака в работах Л. В. Щербы, У. Вайнрайха и других авторов (см. обзор: [5]) требует дальнейшего обсуждения с позиций новейших достижений мировой науки о человеке и языке.

Несомненно, постановка названных и связанных с ними задач требует рассмотрения возможных исследовательских подходов и процедур. Обсуждение проблемы взаимодействия языков с позиций лингвистики привело к широкому распространению контрастивного анализа как сопоставления двух языковых систем для выявления оснований как для положительного переноса, так и для интерференции. В данном случае речь идет о рассмотрении названной проблемы в психолингвистическом аспекте с опорой на результаты иных подходов (в том числе анализа ошибок, экспериментальных исследований и т. д., см. подробнее: [6]).

Перечисленные общетеоретические проблемы, перечень которых остается открытым, важны как для постановки более частных проблем, так и для формулирования рабочих гипотез и для организации соответствующих научных изысканий, необходимых для дальнейшего совершенствования психолингвистической концепции двуязычия и решения практических задач психолингводидактики.

Так, вполне очевидна необходимость выявления особенностей функционирования грамматического правила как *ориентировочной основы* речемыслительного действия в условиях учебного двуязычия. Что в таком случае должно пониматься под «правилом»? Как помочь обучаемому вместо механического заучивая формулировки правила сформировать соответствующие опоры в памяти, обеспечивающие выбор нужной грамматической формы на уровне бессознательного контроля?

Не менее важны и вопросы структуры *образа мира* при двуязычии. Что происходит с образом мира у формирующегося билингва? Он делает какие-то добавления к уже имеющемуся образу мира или у него должен конструироваться новый, отдельный образ мира вторичной языковой личности? Каковы особенности доступа к образу мира у двуязычной языковой личности? Как это соотносится со структурой языкового знака при двуязычии? Поставленные вопросы в частности требуют разработки нового ракурса теории референции: в дополнение к уже имеющемуся разграничению референции в языке и референции в речи следует сделать еще два шага: определить специфику референции в языковой способности (с учетом различных уровней осознаваемости) при овладении первым языком и далее – в условиях двуязычия, в том числе – учебного.

Особое место должно быть отведено механизмам правильного и ошибочного речевого (точнее – речемыслительного) действия при овладении иностранным языком, что заставляет обратиться к моделированию процессов чтения, говорения, перевода с акцентированием внимания на применяемых формирующимися билингвами стратегиях и опорах при встрече с затруднениями различных видов и попытками их преодоления.

В непосредственной связи с проблематикой письменной речи как средства овладения иностранным языком представляется важным детально исследовать роль письма в освоении разных аспектов языка и видов речевой деятельности. Обратим также внимание на то, что продукты письменной речи формирующихся билингвов представляют собой весьма показательный материал для

анализа и дальнейшего формулирования гипотез относительно механизмов правильного и ошибочного речевого действия, взаимодействия языков, путей и этапов развития «промежуточного языка» и т. д. (см., напр., [7]). Обратим также внимание и на трудности, возникающие при работе с научной литературой (отечественной и зарубежной) по названным проблемам. Дело в том, что один и тот же термин нередко по-разному трактуется в русле различающихся научных подходов или дисциплин. К тому же «терминоединицы, выражающие основные понятия исследуемого метода, могут подвергаться переосмыслению, обрастать субъективно-оценочными коннотациями в процессе функционирования в чуждых текстах» [8. С.6–7]. В кандидатской диссертации С. М. Федюниной убедительно показана необходимость составления тезауруса базовых лингводидактических (в нашем случае – психолингводидактических) терминологических словарей тезаурусного типа как способа представления смыслового пространства соответствующей области знания.

Вполне очевидно, что более или менее полная программа подобных исследований должна реализоваться коллективом единомышленников, объединенных общей «системой координат», базирующейся на трактовке специфики живого знания.

Таким образом, для перехода от лингводидактики, ориентированной прежде всего на компонент «лингво» в ее названии, на новый уровень научных изысканий необходима разработка *теории функционирования языка как достояния пользующегося им индивида – формирующегося билингва*. Это изначально психолингвистический интегративный подход, требующий выхода за рамки и лингвистики, и психологии, и дидактики в широкий круг наук о человеке, способных сделать вклад в понимание и объяснение механизмов овладения и пользования языком как живым знанием.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: Учеб. Пособие. – М.: Лабиринт, 1977. – 224 с.
2. Белянин В. П. Психолингвистики: Учебник. – Изд. 2-е. – М.: Флинта, 2004. – 232 с.
3. Гвоздева О. Л. Промежуточный язык: решение проблем или возникновение новых? // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – С.25–32.

4. Топуридзе Л. М. Психологическая проблема уровней владения неродным языком: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Тбилиси, 1983. – 25 с.
5. Залевская А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – 195 с.
6. Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учеб. Пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 194 с.
7. Романовская Н. В. Языковая способность как детерминанта понимания иноязычного текста: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Тверь, 2004. – 40 с.
8. Федюнина С. М. Англоязычная лингводидактическая терминология в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах исследования: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 1986. – 19 с.

Е. М. Игнатова

МЕСТО КОНЦЕПТА «РОДИНА» СРЕДИ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Трудно представить себе язык, в котором не было бы выражено понятие РОДИНА. При этом некоторые языки располагают несколькими лексемами для выражения этого понятия, ср. *родина, отчизна, отечество* в русском языке; *батьківщина*, *вітчизна*, *рідний край* в украинском языке; *бацькаушчына*, *айчына*, *радзіма* в белорусском; *tevyne*, *gimitine* в литовском; *tevija*, *dzimtene* в латышском языке; *Heimat*, *Heimatland*, *Vaterland* в немецком языке. Семантический анализ слов, обозначающих родину, как убедительно показали авторы сборника «Понятие родины в современных европейских языках», невозможен без обращения к культуре и истории стран и этносов [1]. Данный сборник под редакцией Е. Бартминьского, который был подготовлен по материалам конференции под таким же названием, прошедшей в 1992 г. в г. Люблине, можно считать началом лингвокультурологического изучения РОДИНЫ как концепта в отдельных языках и текстах. В статьях этого сборника нашли отражение разные сферы существования понятия РОДИНА – от фольклорной до современной городской. Сопоставительный аспект изучения понятия РОДИНА был задан работой А. Вежбицкой о понимании родины русскими, немцами и поляками [2] и нашел продолжение в других работах этой

исследовательницы [3; 4]. О сравнении понятия родины в польской и русской языковых картинах мира писали Е. Бартминьский, В. Н. Телия, И. И. Сандомирская [5]. К середине 90-х гг. XX в. оформилась и терминология: в качестве родового для различных языков был принят интернациональный термин PATRIA.

Европейские и отечественные исследования, связанные с концептосферой PATRIA, можно разделить на две группы в зависимости от того, на какой материал они опираются и какие методы в них используются. Для первой группы характерно обращение к текстам (в том числе текстам народной культуры) [6; 7], вторая группа использует метод ассоциативного эксперимента [8; 9].

Однако было бы не совсем правильно относить появление лингвистического интереса к выражениям понятия РОДИНА только к 90-м гг. XX в. Как справедливо отмечает С. Г. Воркачев, интерес к составляющим синонимического ряда *родина*, *отчизна* и *отечество* возник не сегодня: еще академик В. В. Виноградов в 1959 г. обратил внимание на употребление этих лексем [10]. Отметим, что в работе В. В. Виноградова «О языке художественной литературы», которую упоминает этот исследователь, речь шла, в частности, о неправильном отождествлении Ю. Г. Оксманом «значения двух современных синонимических серий слов, которые резко различались в языке Пушкина – слов: *родина* и *отечество* – *отчизна*» (цит. по: [11. С.998–999]). Слово *родина* не имело в языке Пушкина острого политического смысла, который был связан со словом *отечество*. Таким образом, неверная интерпретация неоконченной повести Пушкина как произведения революционного возникла из ошибочного толкования одного слова – *родина*.

Для представления родины как концепта («концепт PATRIA») в русском языке большую роль сыграли работы В. Н. Телия [12; 13; 14]. По ее мнению, «оязыковление понятия “patria“ в русском языке представлено четырьмя активными наименованиями: *родина1*, *родина2, отечество*, *отчизна*. Причины такого номинативного расчленения понятия «patria» и соответственно – концептообразующих его областей имеют глубокие социально-исторические и культурные корни. Эти понятия развивались и расширяли область в конкретных социально-исторических условиях, вбирая в себя ценностные и духовно-культурные ориентиры лица и его кровно-родственных связей, его общности не персональной – национально-территориальной (что характерно для структуры знаний, воплощенной в наименовании *родина2*), затем – общности не персональной же – государственно-геополитической

(отраженной в структуре знания, соотносимой с именем *отечество*), в фокусе которой – “дела во благо Отечества”, и наконец – общности национально-геополитической, хранящейся в исторической памяти народа как великие дела отчизны, начиная с “давно минувших дней”» [12. С.77].

Родина1 получила наименование «малой родины», «личностно-своего пространства» [3], и, по мнению В. Н. Телия, является «когнитивно-культурологическим остовом» для всей указанной группы наименований, включающей также наименования «большой родины», т.е. «коллективно своего, неперсонального пространства», которые отражают государственно-историческое единство не только территории, но и всего проживающего на ней социума (ср. *Наша родина/наше отечество/наша, отчизна – великая страна*).

Исследование В. Н. Телия базируется на фразеологических сочетаниях, «фразеологических слоях», которые «дают основание для конструирования основных концептообразующих признаков, соотносимых с наименованием *родина*» [13. С.414]. Идеи В. Н. Телия в плане межкультурной коммуникации были развиты в работе С. Г. Тер-Минасовой [15. С.176–187]. Так, отмечается, что англичане в соответствии со своим национальным характером проявляют обычную сдержанность и в отношениях со своей родиной, называя ее очень нейтрально и подчеркнуто отдаленно this country. Таких слов, как patriotic, motherland, fatherland о себе и о своей собственной стране они не употребляют. «Великая Отечественная война называется Great Patriotic War только применительно к русским или при прямом переводе с русского языка. Для англоязычного мира эта война имеет только одно название: The Second World War – Вторая мировая война. По имеющимся данным, fatherland употребляется о Германии (явная калька с немецкого Vaterland). О России – motherland но обычно в кавычках, подчеркивая иностранность этого слова, его чуждость контексту естественной английской речи» [15. С.181].

И. И. Сандомирская, автор большого труда «Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик» [16], в предисловии отмечает, что ее книга возникла из попытки дать словарные дефиниции для русских существительных *Родина*, *Отечество*, *Отчизна* (с заглавной буквы) и *родина*, *отечество* и *отчизна* (со строчной буквы). Задача оказалась несловарного свойства: семантический, прагматический и культурологический комментарий к статьям принял размер целой монографии, в

которой эти концепты анализируются так, как они представлены в советской ментальности.

Подведем некоторый итог тому, как концепт РОДИНА представлен в лингвистической литературе. Прежде всего, обращает на себя внимание неустойчивость терминологии. РОДИНА называется и понятием, и концептом, и концептосферой. Также встречается определение «семантическая реалия, имя которой – «РОДИНА» [10], которое нельзя считать терминологическим; выражение И.И.Сандомирской «родина как культурная идиома» тоже относится к разряду метафор и не выражает позитивного знания.

В настоящее время большинство исследователей считают РОДИНУ лингвокультурным концептом. С. Г. Воркачев приводит следующие признаки, по которым РОДИНА соответствует этому статусу:

1) обладает высокой номинативной плотностью (термин В. И. Карасика [17]), т.е. для выражения концепта имеется лексически насыщенное поле;

2) переживается эмоционально при попадании в фокус сознания, и ее имя включено в сеть ассоциативных связей, сложившихся в лексической системе языка [18. С.77].

К особенностям именно данного лингвокультурного концепта этот исследователь относит его «идеологическую» сущность, «в том смысле, что в нем отражаются представления общества (или его части) о самом этом обществе и о его идеальном устройстве», а также его латентную этнонимичность, поскольку в нем в «свернутом» виде присутствуют взгляды этноса на самого себя как на носителя определенной культуры и оценка собственного «национального характера» [10].

РОДИНА как линвокультурный концепт выходит за рамки определения в толковом словаре. Действительно, если обратиться к современным немецким толковым словарям, отражающим лексическое значение, то для вокабул *Vaterland* и *Heimat* в правой части словарной статьи разница малоощутима; также обращает на себя внимание тавтологичность толкования, ср. определение *Heimat* в [19]: (в узком смысле) ‘Ort, an dem man zu Hause ist, Geburts-, Wohnort ('место, где чувствуешь себя дома, место рождения, проживания')’; (в широком смысле) ’Vaterland’. Определение *Vaterland* (там же): ’Land, in dem man geboren oder aufgewachsen ist ('страна, где человек родился или вырос'), Heimat(land)’. Бесспорно, эти слова нуждаются в ином дефинировании – в описании их как культурных концептов. Речь

идет о тех культурных концептах, которые, по определению Ю.С.Степанова, представляют собой «основные ячейки культуры в ментальном мире человека» [20. С.41] и имеют сложную структуру.

Среди культурных концептов РОДИНА занимает особое место. Прежде всего, это реляционный концепт, т.е. в его структуре обязательно наличие параметра отношения. Реляционные концепты при их рассмотрении в рамках концептуального анализа оказываются пронизанными сложными субъектно-объектными отношениями. Так, выступая как объект, родина всегда чья-то*: моя, наша, Х-а, Х-ов* [14. С.413]; родину можно *иметь* или *не иметь*, т.е. обязательно наличие *субъекта*, осознающего, то у него есть родина/нет родины.

Далее следует указать, с одной стороны, на «виртуальность» (определение И. Сандомирской) знака РОДИНА, выражающуюся в том, что к его означающему невозможно провести «вещную» референцию. Последнее возможно в случае названия страны, т.е. собственного имени, ср. *Россия, Америка, Германия*, *Европа.* С другой стороны, не будучи «вещью», РОДИНА обладает реальностью как идеологическая конструкция [16. С.18]. Будучи для каждого человека неотъемлемым способом выражения его национальной идентичности, концепт РОДИНА всегда оказывается «нагруженным» политической историей страны.

Подводя итог, мы можем сказать, что концепт РОДИНА, являясь, безусловно, культурным концептом, обладает двумя специфическими характеристиками: 1) реляционностью и 2) идеологизированностью (политизированностью). Показательна роль подобных концептов в языке тоталитарного общества – тоталитарном дискурсе, основным механизмом которого является механизм речевого воздействия, базирующийся не на логической аргументации, а на особых манипулятивных приемах, описанных к настоящему времени в исследованиях по социолингвистике, политической лингвистике и политологической филологии.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Pojecie ojczyzny we wspolczesnych jezykach europejskich /Pod red. J. Bartminskiego. – Lublin, 1993. – 318 p.
2. Wierzbicka A. Dictionaries and ideologies: Three examples from Eastern Europe // B. Kachru, H. Kahane (eds). Cultures, ideologies, and the dictionary: Studies in honor of Ladislav Zgusta. – Tuebingen: Niemeyer, 1995. – P. 181–195.
3. Wierzbicka A. Lexicon as a Key to History, Culture and Society: ‘Homeland’ and ‘Fatherland’ in German, Polish, and Russian // Current

Approaches to the Lexicon: A Selection of Papers Presented at the 18th LAUD Symposium, Duisburg, March 1993. – Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1995a. – P. 103–155.
4. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words. N. Y. – Oxford: Oxford University Press, 1997.- 331 p.
5. Bartminski J., Sandomirskaya I., Telija V. Ojczyzna v polskim i rossyjskim jezykowym obrazie swiata // Z polskich studiow slawistycznych. Seria IX, Jezykoznawstwo. Warszawa, 1998. – P. 21-29.
6. Tolstaja S. Ojczyzna w ludowej tradicji slowianskiej // Pojecie ojczyzny we wspolczesnych jezykach europejskich / Pod red. J. Bartminskiego. – Lublin, 1993. P. 17-22.
7. Вяткина С.В. Концепт «родина» в эмигрантских рассказах (на материале творчества Г.Газманова) // Язык и ментальность: текст и концепт /Под ред. В.В.Колесова. Вып. 1. СПб.: Политехника, 2004. – С. 75-84.
8. Zmudszki J.*Vaterland* i *Heimat* w nowej rzeczywistosci niemieckiej // Pojecie ojczyzny we wspolczesnych jezykach europejskich / J.Bartminski (ed). – Lublin, 1993. P. 263–273.
9. Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: Лингвокультурологические этюды /Сост. В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2006. – С. 5–178.
10. Воркачев С.Г. Слова «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 4. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 26–36.
11. Виноградов В. В. История слов. М.: ИРЯ РАН, 1994. – 1138 с.
12. Телия В. Н. Наименование РОДИНА$_1$ как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация. Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследования. – М.: ИЯ РАН, 1997. – С. 77–79.
13. Телия В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте РОДИНА // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М.Толстой. – М.: Индрик, 1999. С. 466-476.
14. Телия В. Н. Концептообразующая флуктуация константы *«родная земля»* в наименовании *родина* // Язык и культуры: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М..: Языки славянской культуры, 2001. – С. 409–418.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.- 624 с.
16. Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001 (Sonderband 50). – 281 с.
17. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.- 390 с.

18. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76–83.
19. Wahrig G. Deutsches Woerterbuch. – Guetersloh: Bertelsmann, 1997.- 1420 S.
20. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Р. А. Каримова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В представленных материалах рассматривается диалогический дискурс, вербализующий результативную деятельность субъектов. Речевой материал – «Диалоги» журналиста В. Выжутовича с видными представителями медицины, права, искусства, спорта, СМИ об их успешной деятельности, что тематически актуально для российского общественного сознания (см. «Неделю» «Российской газеты» IV. 2007 – I. 2008.). Исследование диалогического дискурса актуально и собственно лингвистически, так как обнаруживает связь функционально-коммуникативного и когнитивного анализа языковых явлений, отчасти обусловленную и жанром речевого произведения, «среднего» между интервью и беседой (благодаря большему объему, коммуникативной нагрузке реплик – стимулов адресанта).

Охват ведущим диалогического материала как единого дискурса обеспечивается целостной стратегией – предметом мысли, деятельностью, раскрываемой через проблемные ситуации (далее – ПС), ее элементы. Стратегия организует общение ведущего с различными агенсами – носителями определенных личностных смыслов.

В целом ПС творческой деятельности составляют а) содержание, диапазон деятельности (различные у субъектов), б) факторы ее: препятствия на пути деятельности (внешнего или внутреннего свойства, включая не зависящие от воли субъекта) и способы их преодоления, в) успех как показатель результативности деятельности, находящийся в фокусе внимания коммуникантов, и сопутствующие данной деятельности проявления (искушения успехом: слава, популярность, гордость – гордыня, соблазны).

В дискурсивном плане отражению данной ситуации служат КС (и ключевые сочетания слов), первенствующие в иерархии языковых средств диалога. Таковы в «Диалоге» о масштабной

деятельности (с Вл. Спиваковым): *векторы деятельности, культурное пространство;* их поддерживают в коммуникативно-функциональном поле текста: «*Виртуозы Москвы*», *детский фонд, дети*. Функционирование данных номинаций, заданное в начальном контексте микротемой монолога-реакции (о векторах деятельности), подводит к выражению состояния субъекта: «*Это дает мне ощущение внутренней гармонии*»; «*…я вижу, что это не лица – это лики*». Стратегия монологических реакций другого адресата о его собственно профессиональной (актерской) деятельности, преодолевшего внутренний конфликт (см.: «*Меня сты'д спас*) и добившегося успеха образно передана высказыванием «*Пожив на темной стороне, я пересилился на све́тлую*», концентрирует КС *популярность, успех, маргинал, реклама, сериал* и др., используемые в оценочных контекстах. Дискурс завершается монологом об успехе и успешном человеке с многократным повтором данных КС, выступающих в позиции ремы или выделенной темы: «*Успех обязывает человека быть в форме. Быть демонстратором этого успеха. А как же? … Если человек, имеющий успех, не хочет им делиться, он его потеряет. Я не хочу терять успех. Поэтому им делюсь. … А успешность моя, мои счастливые глаза, моя улыбка, моя уверенность – это людей бодрит. Особенно – людей завистливых. Но я на них не оглядываюсь».*

Характеристики успешной деятельности представлены в монологических рефлексивных репликах. В репликах реализуются модели тождества, квалификации: *«– Что для вас успех? – Успех – это внутренняя удовлетворенность сделанным тобой, которую разделяет часть людей, чье мнение для тебя важно». «– А что такое сегодня успешный музей? – …успешный музей – это музей, который сохраняет свои традиции, преемственность, репутацию».*

В диалоге о таких аспектах, как актерский диапазон, преодоление стандарта в творчестве и его способы. Личностный смысл агенса может раскрываться в развернутых репликах информативно-повествовательного характера и репликах-реакциях на результат творческой деятельности: «*Я приобрел профессию режиссера, а вместе с нею – относительную независимость».* Значительное место занимает в тематике дискурса этическая сторона деятельности: «*Получилось, на мой взгляд, не очень красиво*»; «*Ситуация ненормальная*» и др.

Деятельность агенсов реализуется в стратегии автора, опирающегося на предварительные сведения о характере и

специфике деятельности адресатов, различающихся по ее объему и характеру. В этом случае дискурс представляет творческую деятельность в целом, ее когнитивную базу.

А.В. Кинцель

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И МЕТОДЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ*

Исследователи языкового сознания ориентированы на моделирование представленности языковых процессов и структур в сознании человека, а потому обязательным условием такого рода исследований является представление о психологической реальности конструируемых моделей. Проверка адекватности модели моделируемому феномену может быть осуществлена опосредованно – через практику различных видов речевой деятельности человека. Собственно говоря, и само изучение языкового сознания имеет опосредованный характер (это одно из наиболее часто упоминаемых положений аксиоматического характера), поскольку единственным средством доступа к языковому сознанию человека является его речь – речь как продукт и процесс.

Опосредованный характер доступа исследователя к языковому сознанию человека обусловил чрезвычайную важность методологического аспекта исследования, поскольку именно методология исследования в конечном счете определяет модель. Возможна и обратная зависимость. Однако в наше время теоретических переворотов и методологических мятежей (по Б. В. Паршину), которые, к счастью, еще не закончились, теория не предлагает однозначных методов решения проблем в силу отсутствия самой единой аксиоматической теории языкового сознания. Сейчас теория создается, буквально нащупывается на пути разнонаправленного методологического поиска. О методологии современных психолингвистических и примыкающих к ним по своему характеру (хотя психолингвистическими себя, возможно, не считающими) исследований пойдет речь.

Введение категории «языковое сознание» в практику психолингвистических исследований связывается с именем Е. Ф. Тарасова и относится к 1985 г. За прошедшие два десятилетия изучение языкового сознания вышло на первое место в ряду актуальной психолингвистической проблематики и стало вторым объектом отечественной психолингвистики наряду с традиционным объектом – речевой деятельностью.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию: аналитическая ведомственная программа «Развитие научного потенциала высшей школы».

Полноправность нового объекта признается не всеми крупными отечественными психолингвистами (В. А. Пищальникова, А. А. Залевская).

Выдвижение и активное изучение проблем языкового сознания человека можно объяснить как междисциплинарным взаимодействием, так и логикой развития отечественной психолингвистики: во-первых, сознание человека всегда было основным объектом западной когнитивистики, которая сейчас переживает третью волну своего развития, связанную с нейрофизиологией сознания [1. С.334]. Перенесение идей когнитивистики на русскую почву привело к некоторым изменениям и в теории речевой деятельности, что выразилось в перестановке акцентов, поскольку и раньше процессы мышления и сознания в связи с речевой деятельностью изучались в психолингвистике. Во-вторых, выдвижению нового объекта способствовала и логика развития самой теории речевой деятельности, значительное место в широком кругу актуальных проблем которой занимали проблемы психологического значения и личностного смысла, ментального лексикона, проблемы понимания и проч. Сохраняя свою представленность на уровне внешних реализаций (в виде речевой моторики, например), деятельностный принцип по большей части реализовывал себя на уровне внутренней (психологической, смысловой) представленности. Наибольший интерес вызывала психологическая представленность речевого действия – в плане мышления или сознания.

Существует еще один момент, который требуется специально оговорить: при отсутствии единого подхода к пониманию языкового сознания, на что сетуют или что просто констатируют исследователи проблемы [2; 3], обнаруживается некоторое общее направление его интерпретации, в русле которого находится и современное психологическое представление о противопоставленности мышления и сознания [4]. Согласно этому подходу, сознание – это некоторая фиксированная стабильная психологическая система элементов, а мышление – психологический процесс, связанный с решением определенной задачи. В связи с этим языковое сознание рассматривается как застывшая система языковых значений (как языковая способность), являющаяся результатом, с одной стороны, и необходимым условием, с другой, процесса речевой деятельности.

Однако противопоставление процесса и результата всегда условно, и давно пора уже сделать следующий шаг за выдающимся Л.В. Щербой, выделившим три аспекта изучения языка, и

синтезировать их в психологически адекватной модели. Этому способствуют данные современной теории самоорганизации систем, согласно которой структура – это непрерывный процесс взаимодействия, самоорганизации.

В связи с этим появляется возможность синтезировать процесс и результат в единую динамическую систему, говоря, возможно, о разных степенях и направлениях активации этой системы, задаваемых мотивационными процессами психики человека. Речевая деятельность в плане сознания изоморфна структуре языковой способности человека. Этот изоморфизм обеспечивается задействованностью одних и тех же структур (функциональных систем) и в плане фиксации результатов и в плане их производства. Структура хранит информацию о процессе, сама структура, тем самым, и есть процесс. Таким образом, в плане психического отражения речевая деятельность человека и его речевая организация (в терминологии Л.В. Щербы), или языковая способность (в терминологии современной психолингвистики), являются изоморфными, и этот изоморфизм в плане модели может быть представлен категорией языкового сознания.

Понимаемое так языковое сознание должно исследоваться соответствующими методами, то есть методами, позволяющими выявлять процессуальный, действенный характер объекта. Современная психолингвистика значительно расширила круг методов, углубила его и, в связи с этим, позволяет создавать более изощренные, целостные модели языкового сознания. Поскольку система языкового сознания сложна и динамична, каждая его составляющая оказывается связанной с любой другой составляющей; эти связи непрерывны (континуальны).

Разные методы, в связи с этим, выявляют, позволяя моделировать, разные типы связей. Общий результат исследования в каждом случае будет зависеть от того, какая часть языкового сознания моделируется.

Так, широко и обязательно используемый **метод компонентного анализа** лексических единиц позволяет моделировать лишь сигнификативно-денотативную часть обширной функциональной системы языкового сознания. Эта часть языкового сознания (далее – ЯС) устойчиво отражается таким давним лингвистическим конструктом, как лексическое значение слова. Таким образом, традиционно изучаемые языковые структуры приобретают статус структур когнитивных, то есть объявляются принадлежностью нашего ЯС. При этом часты упоминания о принципиальной несводимости языковых и

концептуальных структур, однако в практике анализа первое и второе оказываются неразделимыми [5]. Другой аспект языкового сознания моделируется при изучении морфологической или синтаксической структуры языка. Некоторые исследователи даже вводят понятия грамматических [6. С.97] и синтаксических [6. С.98] концептов. В данном случае используются **методы структурной типологии**. Реальная представленность морфологических структур языка в психических структурах языкового сознания человека и их влияние на процессы сознания в целом выявляются в ряде экспериментов [1. С.188-196].

Наконец, результаты использования **метода ассоциативного эксперимента**, наиболее популярного в практике исследования структуры ЯС. Следует отметить, что результаты ассоциативных экспериментов, несмотря на столетнюю практику использования, до сих пор однозначно не интерпретированы. Использующие их лингвисты и некоторые психолингвисты лексикоцентрической ориентации рассматривают эти данные как свидетельства эмоционально-оценочных, смысловых, коннотативных слоев концептуальной структуры (структуры, отметим это, лексического типа), что соответствует мотивационной части функциональной системы ЯС. Более значимы, на наш взгляд, попытки интерпретации ассоциатов с позиций теории ассоциативно-вербальной сети и ассоциативной грамматики [7] и представления об ассоциативных связях слов как текстах-примитивах [8], поскольку, будучи обоснованными сопоставлением данных ассоциативного эксперимента и анализа соответствующего корпуса текстов [9], позволяют моделировать весьма широкие участки ЯС большой глубины (эмоционально-оценочного, уровня представлений, уровня понятийных структур, реляционных отношений и связей на каждом уровне). Одна из возможностей такой целостной интерпретации активно демонстрируется Ю. Н. Карауловым. И, наконец, следует назвать **анализ текста** как метод выявления структуры ЯС. Название метода является слишком общим, в связи с чем обычно сопровождается необходимыми спецификациями: концептуальный анализ текста, стилистический анализ, структурно-грамматический и проч. Спецификация метода определяет моделируемую часть ЯС, позволяющую делать различные выводы о структуре сознания: содержании концепта на уровне его центральных и периферийных составляющих, актуализацию концептуальных связей и проч. Следует отметить, что использование текста в качестве материала для изучения ЯС – наиболее перспективно, поскольку позволяет

моделировать структуры любой ширины и глубины, и наименее освоено. Однако в этом направлении работа только начинается и начинается с создания базы сбором и описанием материала (различных текстов), которым занимается новая дисциплина – корпусная лингвистика. Комплексное исследование текстов на национальном языке на основе последовательно разработанной методики – интересная перспектива, исследования в этом направлении ведутся, однако подходы к проблеме только обозначаются.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что ЯС человека – понятие сложное, комплексное, системно организованное. О системе ЯС можно говорить, лишь проанализировав всю совокупность связей системы ЯС. Практика конкретного лингвистического и психолингвистического анализа обычно обеспечивает выявление некоторых уровней или структур сложной системы. Однако специфика ЯС изоморфно представлена на всех уровнях и во всех структурах, что позволяет некоторым исследователям говорить о ее представленности в процессе смыслообразования в целом [10]. Методический инструментарий анализа процессов смыслообразования и выявления ситемно-структурной организации ЯС как сложной смысловой структуры продолжает разрабатываться и остается весьма далеким от выдвигаемых современной наукой целей адекватного и верифируемого моделирования процессов языкового сознания.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х т. Т. 2. – М.: Академия, 2006. – 432 с.
2. Залевская А. А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 30–35.
3. Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка: монография. – Омск: Вариант-Омск, 2005. – 260 с.
4. Современный психологический словарь /Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 666 с.
5. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2002. – 314 с.
6. Привалова И. В. Построение типологии национально-маркированных языковых единиц // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 95–101.
7. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

8. Сахарный Л. В. Тексты–примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 221–237.
9. Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филологические науки. – 1989. – № 3. – С. 39–45.
10. Пищальникова В. А. Этнос и нация как понятия этнопсихолингвистической парадигмы: к проблеме определения // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: тез. докл. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 94–96.

И. В. Коноваленко

ИНТЕНЦИИ И ИХ РЕЧЕВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПУБЛИЧНОЙ «ДУЭЛИ» ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРАТОРОВ

Сегодня мы говорим о «деятельностной лингвистике», отправной точкой которой является человек, его потребности, мотивы, цели и ожидания [1; 2]. Такой подход к языку как к деятельности восходит к работе Дж. Остина «Слово как действие» [3], в которой были заложены основы теории речевых актов. В рамках этого подхода Дж. Р. Серль в работе «Что такое речевой акт» [4] представил данное понятие как основную целостную единицу речевого общения. В последующие годы исследователи активно использовали теорию речевых актов для описания функционирования языка. При этом речевые акты описываются в терминах интенций (целей говорящего и условий успешности их совершения). Каждый речевой акт, или речевое действие, имеет цель (иллокутивный уровень); языковые средства выражения этой цели (локутивный уровень); определенное воздействие на слушающего (перлокутивный уровень).

Цель данной работы – рассмотреть интенции и их речевое воплощение в публичном дискурсе, а именно: в публичной «дуэли» политических ораторов. Нас будет интересовать стратегический подход к коммуникации, выбор стратегии и тактик в некооперативном дискурсе. Материалом послужили записи телевизионной программы «К барьеру» (2007-2008 гг.).

Стратегический подход к коммуникации можно рассмотреть в разных аспектах. Рассмотрим иллокуцию на основе соотношения понятий интереса и коммуникативной стратегии. Х. Я. Ыйм объясняет «механизм порождения целей» следующим образом: «Интересы возникают у людей в общении как реакция на

обращения партнера, либо их необходимости обратиться самому к партнеру с определенным речевым актом» [5. С.204]. Далеко не каждый интерес, отмечает автор, реализуется в соответствующей цели. Интересы можно представить в виде вопросов, которые человек задает сам себе. Например, когда говорящий отказывается выполнить просьбу реципиента, возникает вопрос, почему он отказывается, в чем мотив отказа. Интересы как внутренние вопросы заставляют человека искать ответы на них. Найденные ответы могут привести к определенным действиям. Х. Я. Ыйм сформулировал принципы, отражающие закономерность взаимодействия психологических параметров и связи между ними и решениями человека. По Ыйму, два главных принципа, определяющих механизм целеполагания, можно сформулировать так: человек желает таких ситуаций, оценка которых по шкале «приятности» положительная; если человеку придется выбирать между двумя неприятными ситуациями, то он выбирает менее неприятную.

Если первый принцип связывает оценки и желания, то с помощью второго можно объяснить механизм действия таких стратегий, как соблазн, угроза, устрашение. Таким образом, «коммуникативная стратегия определяет, какие изменения в значениях психологических параметров необходимо совершить, и управляет выбором правил действия» [5. С.206].

Дадим определение стратегии на основе сопоставления с категорией речевой деятельности. Речевое поведение есть производное от речевой деятельности. «Речевое поведение» – совокупность «речевых поступков», с внутренней языковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности [6. С.12]. Деятельность – целенаправленная категория, которая естественным образом соотносится с категориями «намерение» и «средство». Категорию «намерения» можно соотнести с целью. Характером цели определяется стратегия коммуникации. Категория «средство» соотносится со средством достижения цели, то есть тактикой. Итак, цель в каждой конкретной ситуации достигается с помощью определенных приемов, называемых тактиками. Так, например, стратегия отказа в выполнении просьбы может реализоваться за счет применения нескольких тактик: а) выдать себя за некомпетентного человека; б) сослаться на невозможность выполнения просьбы; в) отказать без мотивировки.

Речевую стратегию можно также определить исходя из когнитивного плана речевого общения. «Речевое планирование непосредственно связано с контролем за осуществлением плана. Применительно к речевой стратегии контроль означает попытку говорящего в процессе речевого взаимодействия направить интересы, рассуждения слушающего таким образом, чтобы те привели его к нужному решению. Таким образом, стратегия представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [7. С.99].

Тексты политических выступлений уже исследовались с целью выявления интенций, обусловливающих использование выступающим каждого высказывания [8. С.13]. Было обнаружено, что в относительно простых по интенциональному составу текстах конфликтного характера говорящий стремится организовать в своей речи три вида интенций: дискредитировать противника; словесно защитить себя и отвести обвинения; привлечь на свою сторону аудиторию.

Для нас было важно проследить выбор речевой модели говорящим при конфронтационном вопросе оппонента и определить ответные тактики коммуникантов. Как показал анализ материала программы «К барьеру», оппоненты в ходе полемики стремились «разрушить имидж собеседника» (дискредитировать «противника») и максимально отвести от себя негативную информацию (защитить себя и отвести обвинение) за счет применения определенных тактик.

Коммуникация в программе «К барьеру» – это живая, спонтанная, неподготовленная коммуникация, где можно проследить и оценить вербальное и невербальное поведение партнеров. Вербальная «дуэль» здесь не просто игра со своими правилами, участниками, это игра, где оценивается логика ведения спора, аргументация, артистизм, ораторское мастерство участников общения. Цель передачи – осветить серьезные современные проблемы общества с полярных точек зрения, тем самым дать возможность слушателям оценить аргументы и контраргументы оппонентов и представить истинную картину дел.

Необходимо подчеркнуть, что типология тактик, выявленных в ходе анализа материала программы, частично совпадает с данными, приведенными нами в статьях, посвященных анализу конфронтационных и кооперативных вопросов журналистов по отношению к публичным людям (политикам, представителям

деловых кругов) в печатных интервью [9; 10]. Анализ живой коммуникации позволяет увидеть более широкий спектр вербальных тактик, а также оценить такие нарушения хода коммуникации, как прерывания, перебивы.

Воздействие ораторской речи на слушателей во многом зависит от личности оратора. Здесь играет роль не только логичность, аргументация высказываний оратора, но и его темперамент, эмоциональность. Недаром судьи программы, а вслед за ними и слушатели, отмечают, что эмоциональность одного из коммуникантов может пугать: «эмоциональность пугает», «он перебрал с напором», «эмоциональный запал не помог», «агрессивен, жесток». Эмоциональность может и импонировать: «полон обаяния», «в эмоциональности симпатичен».

Эмоциональные ораторы нередко в полемике переходят на сниженный стиль общения, употребляют сниженную лексику. На нашем материале это можно проследить и в вопросных, и в ответных репликах. Например, «Что, люди такие идиоты, что у них нет собственного мнения?»/ «Лизать сапоги во славу идиотизма»/ «Демократия топчется, она хочет нравиться, шакалить»/ «Весь этот бред, поганая система»/ «Плевать». Более сдержанный оратор, как правило, выступает в другом регистре. Например, «Мой дорогой, не это главное»/ «ты режессируешь, ты ушел в образы»/ «Не затуманивай мысль неясными образами, это плохо»/ «Ты мастер сдвигать темы».

Анализ материала показал, что «разрушение имиджа оппонента» в ходе полемики происходит за счет применения следующих частотных тактик:

- тактика жесткого конфронтационного вопроса «Да? Нет? Докажи, что это не так. Я спрашиваю чисто практически: да или нет?»;
- обвинения «И это ты говорил в рожу Ельцина?»;
- иронии «Манная каша сама себя хвалит».

Спектр ответных реплик более широк. На материале исследования были выявлены следующие тактики отведения негативной информации:

- тактика метакоммуникации, которая проявляется за счет следующих коммуникативных ходов:

1. выбор варианта интерпретации «Если вы о…, то…», который позволяет из большого количества вариантов возможной интерпретации выбрать выгодный для себя;
2. Сдвиг информации «Вопрос не в том…, а в том…»;

3. Приуменьшение негативной информации «Это правда, но есть и другая правда, с ней можно соглашаться или нет»;

4. Несогласие с негативной информацией «Я когда-нибудь об этом говорил? Я говорил, что…/ «Я этого не говорил».

- частотна также ответная тактика повышения собственного имиджа оратора. Например, «Я повторяю, и это слова образованного человека, который не позволит себе…/ «Я не идеалист, я понимаю, я убежден»;

- собственный имидж может повышаться также за счет понижения профессиональной компетенции адресата «Любому студенту первого курса известно, что…»;

- нередко оппоненты «играют» репликой предыдущего оратора «Демократия на американских щитах»/ «Демократия на американских счетах». Такая игра за счет использования омофонов «щитах/счетах», характерных только для произнесенной речи, также позволяет понизить имидж собеседника.

Представленный выбор речевой модели говорящим в ситуации публичного некооперативного общения – это лишь одна «картинка» вербального поведения партнеров, лишь один из блоков (кумулятивно-побудительный) обобщенной модели рече-мысле-языкового механизма, по Т. Н. Ушаковой [8. С.12]. Действие этого блока связано с мотивациями, намерениями и конкретно речевыми интенциями говорящего человека.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
2. Аристов **С.**А., Сусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // http://homopages. tversu. ru/~susov/Aristov. htm.
3. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в заруб, лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С.22–140
4. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в заруб. лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С.170–194.
5. Ыйм Х. Я. Прагматика речевого общения // Теория и модели знаний: труды по искусственному интеллекту. – Вып. 714. – Тарту, 1985. – С.196–207.
6. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Прогресс, 1993. – 112 с.
7. Иссерс О. С.Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 288 с.
8. Ушакова Т. Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и

прикладные аспекты: Сборник статей /Под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. – М., Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С.6–17.
9. Коноваленко И. В. Гендерная специфика применения тактик конфронтационного вопроса журналистами (на материале интервью) // Язык. Время. Личность. Матер. Межд. науч. конф. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. – С.170–174.
10. Коноваленко И. В. Политический дискурс и стратегия игры на повышение в русской речевой культуре // 11 Международная конференция по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц». – Симферополь: Изд-во «Доля», 2004. – С.178–179.

О. А. Леонтьева

РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКА

Изучение вопроса, связанного с языковой компетенцией старшеклассника, определило необходимость исследования того, каким образом в сознании самого носителя языка сформировано представление о состоянии собственной речи и речи окружающих, о языковой норме, о коммуникативном идеале и его достижимости и изменяется ли это представление в зависимости от статуса посещаемого старшеклассником учебного заведения. В качестве приема исследования использовалось анкетирование. Учащимся одиннадцатых классов омских общеобразовательных школ и гимназий было предложено письменно ответить на 22 вопроса, которые составлены с целью получения качественного и количественного анализа материала. Поэтому на вопросы анкеты информанты давали либо свои ответы, либо выбирали их из предложенных вариантов. Объем выборки – 199 работ, из них 97 – работы учащихся четырех гимназий и 102 – выпускников четырех средних школ. Материалы, полученные в результате обработки ответов информантов, позволили выявить особенности культурно-речевой среды, которая непосредственно влияет на языковое сознание старшеклассника (под языковым сознанием понимается совокупность образов сознания, формирующихся и овнешняемых при помощи языковых средств [1. С.26]). Языковая среда, по мнению информантов, далеко не идеальна: чаще всего они замечают ошибки в речи своих друзей (так считают 74% информантов), одноклассников (46%), младших братьев или сестер (36%), а также родителей (26%) и, к сожалению, учителей (16%).

Попытка узнать, на какие речевые варианты старшеклассники «реагируют» как на неправильные, хранят ли они в памяти «отрицательный» языковой материал, обусловила необходимость задания – привести примеры любых речевых ошибок. Выполненное половиной опрошенных информантов, оно подтверждает предположение о том, что ядро ошибок составляют нарушения, вызванные влиянием языковой среды. Эти речевые ошибки – следствие подражания тому, как говорят окружающие. Большую часть (в скобках указано общее количество упоминаний ошибок в ответах) «неправильных» примеров составляют случаи акцентологических нарушений: *зв**о**нит (39), торт**ы** (7), кат**а**лог (5), красив**е**е (4), щ**а**вель (3), бант**ы** (3), ш**о**фер (3), кил**о**метр (3), б**а**лованный (2), включ**и**т (2), свекл**а** (2);* грамматических ошибок, связанных с употреблением имен существительных: *пара туфлей (8)* (причем в одном из случаев форма *пара туфель* была отмечена информантом как ошибочная), *пять яблоков (2), килограмм помидор (5), много мандарин (1), много конфетов (1), большая коллекция ружьев (1), несколько килограмм (1), пара чулков (3), нет носок (2), пачка вафлей (1), по приезду (1), кина не будет (1); крепкое кофе (1), белая тюль (2), моя шампунь (1)*. Представлены ошибки и в образовании степени сравнения: *более быстрее (1), самый красивейший (2), наиболее лучший (1)*; *более другой (2);* в употреблении форм глаголов: *ложу (8), положь (2), покладите (2), хочите (1), мы хочем (1), едь быстрее (1), пошлите гулять (1)*; при использовании числительных: *в двух тысяч третьем году (1), двухста рублей (1), обоих девушек (1).* Информантами названы просторечия: *ихний (2), тама (1), здеся (1), тож пойду (1), че (1), шо (1), исть (1), ваще (1), када (1), тада (1), пинджак (1), калидор (1), салофан (цалофан) (1);* смешение паронимов*: одеть кофту (4), одеть ботинки (1), оплатить за проезд (5).* Кроме того, на репродуктивном уровне были воспроизведены примеры таких речевых ошибок, которые «изучаются» на уроках русского языка. В активной речевой практике информантов они встречаются довольно редко и представляют периферийное поле ошибок: *к**о**клюш (1), хво**я** (1), **э**ксперт (1), ст**о**ляр (1), ново**р**ожденный (1), на фр**о**нты (1), знам**е**ние (1), ерет**и**к (1), раджа (1);* явные варианты знаменитого чеховского каламбура *«Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа»*: *подъехавши к перрону, шапка слетела с головы (1); проезжая мимо школы, у меня слетела шляпа (1); открыв окно, у меня слетела шляпа (1).* Предложения типа: у*слышав это, у меня из рук выпала чашка (1); выходя на улицу, я выгулял собаку (1); я люблю торт и собаку (1)* – представляют

собой адаптированные варианты тех ошибок, которые «разбирались» на уроках (наличие личного местоимения в каждом из высказываний говорит о том, что перед нами усвоенные информантами «версии» примеров с нарушением тождества субъектов действия, видовременных форм глагола и деепричастия, семантических законов употребления однородных членов предложения).

Особое место занимают случаи, в которых именно благодаря ошибкам достигается комический эффект и которые запоминаются и воспроизводятся как анекдоты: *Плотность населения Австралии составляет 4* ***квадратных человека*** *на метр* (нарушение порядка слов, создающее ложные семантические связи). *Продавщица продавала* ***рыбу, она*** *была несвежая. У* ***дяди*** *была собака. Когда приходили гости,* ***он*** *надевал намордник.* ***Дядя*** *пошел гулять с псом,* ***он*** *шел с сигаретой.* ***Маша*** *отложила ручку в сторону,* ***она*** *неожиданно упала* (неверное употребление местоимений как средства связи). *Его* ***глаза*** *с нежностью* ***смотрели друг на друга*** (передача ложного смысла вследствие нарушения лексико-семантической сочетаемости). *Суворов был простым* ***мужчиной*** *и* ***спал*** *с простыми солдатами* (искажение смысла, вызванное неточным словоупотреблением *«мужчиной»* (вместо «*простым человеком»*) и многозначностью глагола *«спать»*). Таким образом, речевая ошибка может быть осмысленно воспроизведена в речи лишь в сопоставлении с соответствующим ей «правильным» вариантом. В качестве ненормативных речевых единиц сознание фиксирует чаще отдельные слова, словосочетания, реже – предложения, причем те, которые именно из-за речевого нарушения приобретают анекдотическое содержание. Сознание фиксирует те языковые единицы, которые часто употребляются в речи, особенно устной, разговорной, и, возможно, хранятся в памяти с детства или являются «результатом» изучения в школе.

На основе анализа анкет выяснилось также, что коммуникативные контакты информантов происходят в ситуациях, позволяющих вербально корректировать языковые нарушения. Так, старшеклассники в основном позволяют себе исправлять ошибки в речи друзей, родителей, младших братьев и сестер. Ошибки в речи учителей исправляют лишь 4% информантов, остальные предпочитают не реагировать на ошибки в речи своих учителей. Активно влияют на формирование правильной речи старшеклассников учителя русского языка (мнение 66% информантов), родители (35%), друзья (17%). 3% старшеклассников отметили, что никто не замечает в их речи

ошибок (будем надеяться, потому, что их речь абсолютно грамотна). Реакция информантов на исправление ошибок в собственной речи такова: 63% старшеклассников «охотно принимают исправления, т. к. узнают в этом случае что-то новое», 22% относятся к такой информации безразлично, 8% реагируют возмущенно, т. к. «считают это некорректным, хотя обращают внимание на исправление, пытаются запомнить правильный вариант». Стремление соответствовать идеалу является стимулом любой, в том числе и коммуникативной, деятельности. Наличие представления об идеале говорит о возможности достижения того, что особенно ценно в нем. Образцом идеальной речи старшеклассники считают язык художественной литературы, прежде всего классической (таково мнение 62% информантов), язык учителей, в основном учителей-словесников (16%), язык СМИ назван эталонным десятью процентами информантов. Язык интернет-общения охарактеризован как образцовый двумя процентами, 1% информантов считает эталонной речь политиков, и 4% ответили, что носителя идеального языка не существует (ответы информантов: *«в идеале никто, даже учителя, не владеет идеальной речью», «ошибки допускают все», «в наше время не осталось людей с безупречной, правильной, грамотной речью»*).

Желание владеть идеальной речью не является ярко выраженной установкой. На вопрос: «Зачем владеть грамотной речью?» – информанты ответили по-разному: 61% информантов мотивировал желанием излагать свои мысли в соответствии с ситуацией, 34% выбрали ответ: «чтобы быть грамотным специалистом», 21% – «чтобы хорошо сдать экзамен по русскому языку». Таким образом, желание говорить в соответствии с нормами продиктовано не только узко прагматической установкой – сдать экзамен (среди абитуриентов технических вузов распространено мнение о том, что знание языка им нужно только для того, чтобы сдать вступительный экзамен в вуз), но и пониманием того, что от способа выражения мысли зависит достижение коммуникативной цели.

Известно, что соблюдение норм литературного языка является неотъемлемой составляющей культуры речи, которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью культуры человека вообще. Следовательно, закономерен вопрос: можно ли считать, что наличие ошибок в речи является показателем низкого уровня культуры? На него положительно ответили 27% информантов, отрицательно – большая часть (69%), отметив при этом, что, во-первых, не наличие речевых ошибок, а их концентрация в речи

может служить поводом для того, чтобы говорить о низком уровне культуры носителя языка, и, во-вторых, наличие речевых ошибок должно быть не единственным критерием для такой оценки. Мнения учащихся школ и гимназий по этому вопросу не различаются. Однако по-разному ответили учащиеся школ и гимназий на вопрос об их отношении к появлению ошибок в речи: 14% школьников и 7% гимназистов считают, что «грамотности речи не стоит придавать значения»; «иногда в разговоре можно допускать ошибки, главное – понять суть речи» – таково мнение 60% школьников и 50% гимназистов; «если есть ошибки, их надо обязательно исправлять» – так читают 28% школьников и 46% гимназистов. Показательным является сравнение этих данных с результатами, приведенными Н. А. Лемяскиной и И. А. Стерниным [2. С.122] по поводу отношения младшего школьника к собственной речи. По их данным, 80% младших школьников считают, что, «если есть ошибки в речи, их надо исправлять»; 7% полагают, что «иногда в разговоре можно допускать ошибки», и 12% не придают этому никакого значения. Сопоставление отношения старших и младших школьников к наличию речевых ошибок, представленное в виде схем 1 и 2, позволяет увидеть, как в сознании детей с возрастом «растет» пренебрежение нормами литературного языка и как «падает» желание их соблюдать.

Схема 1.

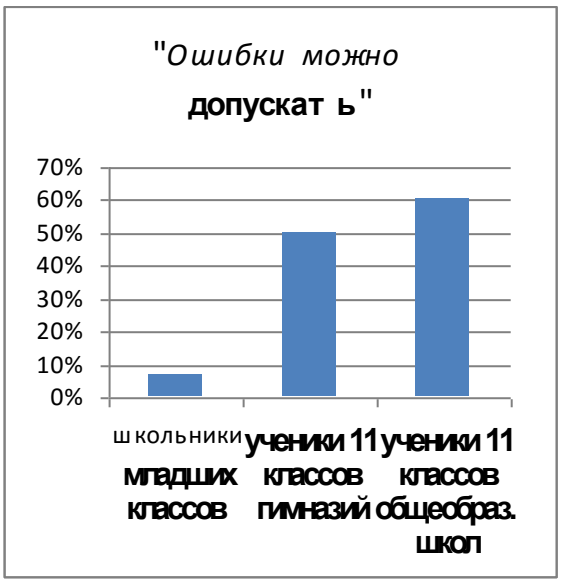
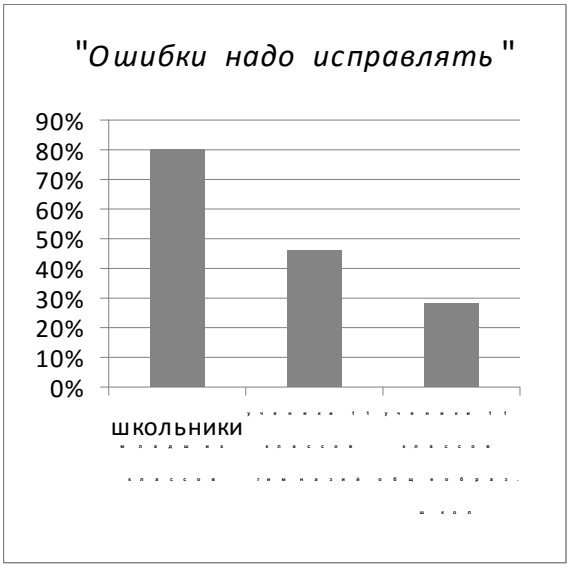


Схема 2.



Таким образом, данные, полученные при ответе на вопросы, можно ли допускать ошибки и надо ли их исправлять, говорят о том, что в процессе взросления школьника изменяется отношение к норме, что в целом происходит угасание позитивной оценки соблюдения норм независимо от статуса посещаемого информантом учебного заведения. Ответы на вопрос

анкеты: *«В каких ситуациях Вы задумываетесь над правильностью своей речи?»* – позволили выяснить, что есть такие коммуникативные ситуации, в которых все-таки информантами осуществляется контроль над соблюдением норм речи. «В важном разговоре», «в публичных выступлениях», «в ответах на уроках», «на экзамене», «во время выполнения заданий по русскому языку», «при написании сочинений» фактором, «контролирующим» соблюдение норм речи, является желание более точно передать мысль. «В общении со старшими», «со старшими не из семьи», «малознакомыми людьми», «с родителями», «руководителем (директором школы)», «с интеллигентными, интеллектуальными людьми», «с учителями» и даже «с лицами женского пола» внимание к выбору способа оформления мысли связано с психологической установкой – продемонстрировать уважение к собеседнику, произвести на него хорошее впечатление.

Итак, реализация коммуникативной или психологической установки может определять нормативный аспект речи старшеклассников. Восприятие речи на уровне субъективной оценки «нравится – не нравится» или на уровне нормативной «правильно – не правильно», таким образом, является неотъемлемой частью коммуникативной деятельности старшеклассников независимо от того, в общеобразовательной школе или гимназии они обучаются. На основе анализа ответов информантов выяснилось, что наличие или отсутствие желания соблюдать речевые нормы является одним из основных факторов, влияющих на состояние речи. Следовательно, необходима методическая и психологическая коррекция процесса изучения русского языка в школе.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
2. Лемяскина Н. А., Стернин И. А. Коммуникативное поведение старшего школьника. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-та, 2000.

О.Г. Лещинская

ПРОБЛЕМА ПОЛЯ ВОСПРИЯТИЯ В ЯЗЫКЕ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ ЗРЕНИЯ)

В последние годы в лингвистической науке появилось большое количество исследований, рассматривающих представление различных сенсорных систем в языке. Ситуация восприятия изучается с позиций представленности ее компонентов на разных уровнях языка: лексическом, синтаксическом, словообразовательном.

Предметом нашего изучения является лексика зрительного восприятия, используемая в языке города. Е. А. Земская отмечает: «Язык города является мощным лингвистическим объектом, дающим уникальные материалы для разных отраслей языкознания – социолингвистики, теоретического языкознания, теории коммуникации, прагмалингвистики, а кроме того, и для исследования проблемы «язык и культура»« [1. С.242].

В нашем исследовании определим границы семантического поля зрительного восприятия, а также его состав и структуру в языке города. Исследование осуществлено на материале «Словаря современного города» [2], а также «Словаря городского просторечия» [3]. Для описания поведения лексем указанной семантики полевый подход был применен нами как наиболее органичный.

Термином «поле» принято обозначать «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания… и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [4. С.381]. Принято считать, что лексемы внутри поля объединяются на основании наличия в составе их семантики общего (интегрального) признака, который выражается лексической единицей с наиболее общим значением. Иначе говоря, в основе поля находится гиперсема – родовая сема, обозначающая класс объектов. Если понятие семантического поля трактовать более широко, то общим содержанием, объединяющим группу лексических единиц, может быть понятие, тема, ситуация (например, какая-либо сфера человеческой деятельности) и т.д. [5. С. 26, 30].

В настоящем исследовании мы придерживаемся широкого понимания термина «поле». Такой подход позволяет рассматривать в составе поля единицы, относящиеся к какой-либо одной модальности восприятия. Если признаком, объединяющим лексемы внутри поля восприятия, является модальность восприятия, то

можно говорить о поле зрительного, слухового, тактильного, обонятельного и вкусового восприятия.

Внутри поля зрительного восприятия можно выделить следующие лексико-семантические группы:

I. Лексика, относящаяся к субъекту восприятия.

II. Лексика, характеризующая объект восприятия.

Внутри первой лексико-семантической группы можно выделить:

1. Лексику, обозначающую процесс восприятия субъектом какого-либо объекта: *глазеть, лупиться, зырить, пялить глаза, уставиться, вылупить зенки, выпучить шары* и др.

2. Лексику, характеризующую способность субъекта к зрительному восприятию. Данная группа лексических единиц малочисленна. К ней относятся слова, характеризующие хорошо или слабо развитую способность человека к зрительному восприятию. Ср.: *зрячий* – «обладающий хорошим зрением»; *секатый* – «слабовидящий».

С этой группой лексических единиц тесно связаны соматизмы – наименования органов зрения, с помощью которых субъект воспринимает окружающий мир. Просторечная и жаргонная лексика отличаются богатым разнообразием слов, обозначающих органы зрения (в «Словаре современного города их насчитывается около 30): *гляделки, бульки, зенки, бибики, буркалы, лупики, лупасики, моргалки, караулки, полты, штифты* и т.д. Объяснить данное явление можно, пожалуй, тем, что с помощью глаз осуществляется не только распознавание каких-либо фрагментов окружающего мира, но и невербальное общение, в процессе которого один из собеседников может получить информацию о чувствах, переживаниях, настроении и эмоциональном состоянии другого. Поэтому часто в ситуациях общения употребляются сочетания типа *пялить буркалы, вылупить зенки* и др.

Кроме лексических единиц, относящихся к субъекту зрительного восприятия, в языке города так же, как и в литературном языке, имеются лексемы, характеризующие объект зрительного восприятия. Среди них можно выделить следующие лексико-семантические группы:

1. Цвет: *ржавый* – «рыжий, цвета ржавчины», *какавный* – «цвет какао», *жабий* – «зеленый».

2. Размер: *дэцэльный, масенький, махонький, огромедный, огромятущий*.

3. Пространственные характеристики, среди которых выделяются:

А. Обозначения положения предмета в пространстве: *влежку* – «в горизонтальном положении», *висеть* – «оставаться неподвижным в воздухе долгое время (о птицах, насекомых, самолетах и т.п.)».

Б. Перемещение объекта в пространстве: *шнырять, мотыляться, маячить, мельтешить*.

Отметим, что в литературном языке пространственные характеристики объекта отражены более полно, чем в языке города. В языке города нет лексических единиц типа *стоять, сидеть, справа, слева, близко*. Для обозначения пространственных характеристик используется преимущественно нейтральная общеупотребительная лексика.

4. Эстетическая оценка какого-либо объекта. В данную группу входят лексемы, синонимичные литературным *красивый* и *безобразный*: *баский, красявый, мазевый, некультяпистый, стремный, страшной, страхолюдный*.

5. В литературном языке выделяется лексика со значением формы: *круглый, квадратный, плоский и др.* В языке города данная лексико-семантическая группа не представлена. Подобные слова есть в литературном языке и не нуждаются в синонимах.

Итак, мы выделили основные лексико-семантические группы внутри поля зрительного восприятия. Рассмотрим теперь структуру поля, выделим ядро, околоядерную часть и периферию. Принято считать, что ядром поля являются лексемы, имеющие в своем составе только общий семантический признак, объединяющий все лексические единицы, входящие в состав поля. Основными критериями отнесения лексемы к ядерной зоне принято считать общеизвестность, стилистическую нейтральность, отсутствие в составе значения эмоциональных и оценочных коннотаций.

Л. М. Васильев, описывая предикатную лексику русского языка, выделяет в каждом макрополе предикатов базовые единицы, характеризующиеся семантической непроизводностью. Перечисленные критерии релевантны для литературного языка, а также для общенационального языка в целом, включая его кодифицированные и некодифицированные разновидности. Задача данного исследования – выделить ядерную и периферийную зону поля восприятия в языке города, который включает некодифицированную лексику и фразеологию (разговорные слова, просторечие и жаргон). Некодифицированные единицы, как отмечено исследователями, имеют свою специфику. С одной стороны, они обладают такими свойствами, как экспрессивность, эмотивность и оценочность. С другой стороны, они могут

употребляться в нейтральных контекстах [6]. Как показывает анализ лексических единиц со значением восприятия, большую их часть составляют семантически мотивированные слова, что исключает критерий семантической непроизводности.

Ядро и периферию поля восприятия в языке города можно разграничить на основании следующих критериев:

1. Наличие в составе значения дополнительных дифференциальных признаков.
2. Характер дифференциальных компонентов значения.
3. Их количество.

Если поле восприятия объединяет лексемы, относящиеся к одной модальности (зрительной, слуховой и т.д.), тогда ядром поля можно считать те единицы, которые обозначают процесс восприятия в чистом виде. Все остальные лексемы можно расположить по степени удаленности от ядра:

1. Обозначения процесса восприятия, осуществляемого субъектом с какой-либо определенной целью (с целью получения информации о каком-либо фрагменте внешнего мира) и характеризующегося активизацией других психических процессов, например, внимания. Ср.: *казелить* – «следить, подсматривать»; *просекать* – «наблюдать, замечать».
2. Лексемы, обозначающие способность индивида к восприятию.
3. Соматизмы – обозначения органов, с помощью которых осуществляется процесс восприятия.
4. Предикаты, характеризующие объект восприятия (обозначающие сенсорно воспринимаемые свойства, состояния, действия, процессы и др.).
5. Наименования объектов восприятия. Отметим, что специальные обозначения сенсорно воспринимаемых объектов выделяются не во всех полях восприятия, а лишь там, где они необходимы. Так, например, в составе поля слухового восприятия имеются единицы, обозначающие объекты восприятия и источники звучания (ср. просторечные обозначения рта и языка), тогда как в составе поля зрительного восприятия подобные единицы отсутствуют (объектом восприятия может быть все, что находится в поле зрения воспринимающего субъекта).
6. Единицы, возникающие в результате семантической деривации лексем со значением восприятия. В языке города так же, как и в литературном языке, слова со значением восприятия могут выступать в качестве производящей базы для наименований различных явлений действительности. В результате лексической

деривации (которая часто осложняется словообразовательной) возникают наименования предметов по сенсорно воспринимаемым признакам, а также лексические единицы, обозначающие психические состояния, эмоции, поступки, отношения и др. Ср.: *черный* – «представитель кавказской национальности», *чернуха* – «негативный материал в СМИ». Подобные лексические единицы, образованные от слов и основ со значением зрительного восприятия для наименования различных явлений и предметов, оказываются на периферии поля. Они взаимодействуют с другими полями, например, с полем эмоций (Ср.: *мрачновато* – «плохо, тоскливо», *пасмурный* – «грустный»).

Итак, поле зрительного восприятия в языке города формируется теми же лексико-семантическими группами, что и в литературном языке. Однако состав и структура поля во многом определяются спецификой некодифицированных единиц. Исследователями отмечено, что они отражают «эмоционально-экспрессивное восприятие мира» и «отмечают отклонения от нормативных параметров явления…» [7. С.38]. Поэтому в языке города нет специальных единиц, обозначающих такие зрительно воспринимаемые признаки объекта, которые для данного объекта являются нормой и не предполагают эмоционального или оценочного отношения. Нейтральные явления характеризуются с помощью нейтральной лексики, имеющейся в литературном языке.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Земская Е. А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2004. – 688 с.
2. Словарь современного русского города / Под ред. Б. И. Осипова. – М.: Изд-во «Русские словари». – 2003. – 576 с.
3. Юнаковская А. А. Омское городское просторечие: фразеология. Словарь. – Омск: Изд-во «Вариант-Сибирь», 2004. – 80 с.
4. Кузнецов А. М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – С. 380–381.
5. Кузина О. А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и языковой картины мира русских, немцев и американцев. Дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 452 с.
6. Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. – Омск: Изд-во «Вариант-Омск», 2005. – 260 с.
7. Шунаева О. А., Юнаковская А. А. Просторечное слово как объект лингвистического исследования: словообразовательный аспект // Филологический ежегодник. – Вып. 3. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000. – С. 36–41.

Е. М. Масленникова

КУЛЬТУРНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ТЕКСТА КАК ОККАЗИОНАЛЬНАЯ МОДИФИКАЦИЯ

Текст определяет и ограничивает диапазон, внутри которого работает читатель. Работа с текстом, основанная на процедурах интерпретирования, включает в себя внесение дополнительного смысла / смыслов читателем, что позволяет вести речь не только об осмысливании / переосмысливании текста, но и о пересечении смысловых полей автора и читателя. Текстовая заданность постепенно превращается в личностную. Через текст и в тексте идет освоение культурного поля, стиля и среды. Становление системы текстовых смыслов происходит через создание нового фактического смысла. В авторской и читательской проекциях текста (как что–есть–текст–для–меня) происходит встреча интенций работающей с текстом личности. Таким образом, текст оказывается на стыке собственно производства, коммуникации и потребностей.

Как отмечают исследователи, специфика поэтического смысла состоит в «... сложном взаимодействии множества имплицитных значений, в изменении самого процесса семантического структурирования речи» [1. С.510]. В. А. Звегинцев различает в поэтическом тексте два плана смыслового содержания: концептуальный смысл, определяемый концептуальными значениями слов, и поэтический смысл. Концептуальный смысл поэтического текста «... фактически ничем не отличается от концептуального (логического) содержания текста обычного языка» [2. С.12]. В поэтическом тексте оба смысла, концептуальный и поэтический, взаимодействуют или же один смысл «подавляет» другой. Способом выделения концептуального смысла названо перефразирование, так как «... смысл есть то общее, имеющееся у всех различных высказываний, признаваемых и используемых носителями языка в качестве равнозначных, или, короче, смысл есть инвариант синонимических преобразований (перифраз)» [Op. cit.: 17]. Экспликация второго, поэтического, смысла текста возможна средствами особого («объяснительного») языка, включающего «... как набор его единиц, так и набор форм и видов их отношений в пределах поэтических структур (поэтическую синтагматику)» [Op. cit.: 19], т. е. «объяснительный» язык должен стать языком внутриструктурных и внутритекстовых отношений.

При переосмыслении текста как его «проживании» происходит

социокультурное реконструирование текстовой реальности. Читатель выбирает «для себя» переменные параметры, которые становятся опорными / ключевыми при построении им проекции текста. Получаемая читательская проекция текста имеет относительный характер. Инвариантный характер проекции текста соотносится с социально выработанными опорами и стратегиями чтения. Проективность включает в себя видение Мира текста различными людьми.

Если «... содержание – это проекция текста на сознание» и «... смысл – это проекция сознания на текст» [3. С.132], а одной из инвариантных характеристик смысла является его контекстуальность [4], то представляется возможным говорить о:

– динамике отношений текст ↔ культура;
– способе бытования текста / текстов в культуре;
– художественной идеологии культуры и особом художественном видении мира, апробируемом в данной культуре;
– проекции культурных коллективных смыслов на текст и способах трансляции смыслов через культуру;
– существовании внеличностных культурных смыслов;
– усвоении / неусвоении заложенных в культуре смыслов, а также включении / невключении текстовых смыслов в культуру;
– влиянии авторских личностных смыслов на процессы смыслополагания, смысловосприятия и смыслопоспроения;
– наличии / отсутствии условий для опредмечивания смыслов.

Различия между Мирами как СВОИМ и ЧУЖИМ пространствами отражаются в языковом сознании. Если рассмотреть культурно-маркируемые имена собственные в русско- и англоязычной культурах, то оказывается, что несмотря на усредненный инвариант восприятия имени, наблюдаются изменения культурных традиций, связанных с этим именем. Имя *Робин Гуд* / *Robin Hood* включает в себя такие составляющие как *благородный* (*лесной*) *разбойник, меткий стрелок из лука*, *защитник бедных и обиженных*. Благородный разбойник и защитник бедных *Robin Hood* в русской культуре превратился в обычного бандита, которого боятся и богатые, и бедные.

На личном боевом счету Нормана: бронепоезд и 9 эшелонов немецких оккупантов, пущенных под откос, десятки боев, дерзких партизанских операций. В Полесье до сих пор ходят легенды о белорусском Робин Гуде. (РГ 28. 02. 02) → *А вот некоторые мои друзья обращались к бандитам. Но после этого всегда говорили: как бы хорошо они к тебе не относились, с ними лучше не связываться. Благородных Робин Гудов не бывает*. (КП 25. 10. 01);

Десантник вломился в зазор между молотом и наковальней: интересами местной правоохраны и гобингудов с бритыми затылками. (КП 1. 06. 01);

Если русский *Робин Гуд* стал бандитом, то западный *Robin Hood* превратился либо в бизнесмена, либо в международного бандита-террориста.

He also likes to play Robin Hood: whenever his daughters sigh endorsement agreements, he asks the companies to donate goods to needy kids in the black community. (Newsweek 2. 07. 01); *Bin Laden may be a mass murderer on the run in a ruined land, where women are kept in medieval bondage and no television is allowed. But among a significant number of Muslims, he's also a kind of Robin Hood figure*. (Newsweek 22. 10. 01)

Культурная модификация текста особенно ярко проявляется в двух случаях интерпретации вербального знака: при меж-семиотическом и межъязыковом переводе (термины Якобсона [5]).

Лингвистические концепции перевода достаточно подробно объясняют как «получаются» переводы, например, через механизмы закономерных преобразований, понятия эквивалентность / адекватность и т. п. Деятельность переводчика находится под воздействием ряда типоформирующих переводческих факторов, таких как назначение текста, тип аудитории / читателя и т. п. Понимание текста, Мира текста и Мира автора как ДРУГОГО осуществляется через осознание тех представлений, стереотипов, ценностей, ролевых позиций, образов-эталонов, свойственных для обыденного житейского сознания носителя другой культуры, кем переводчик собственно и является [6]. Рассмотрение перевода как особого психолингвистического (когнитивного процесса) позволяет выйти в иную плоскость обсуждаемых проблем. Так, В. А. Пищальникова [7] развивает положение о представлении личностных смыслов посредством конвенциональных языковых средств. На первый план выходит непосредственно личность переводчика, который становится системообразующим фактором перевода и переводческой деятельности в целом.

Интерпретативный характер переводческой деятельности позволяет признать за литературным переводом особый вид креативного мышления (например, см.: [8]). Широко известная английская детская загадка про *Elizabeth, Elspeth, Betsy, and Bess* существует на русском языке в двух переводах, выполненных С.Я. Маршаком и К. И. Чуковским. С точки зрения традиционных подходов к переводу, оба переводчика нарушили требования эквиритмичности и эквилинеарности, но перевод К. М. Чуковского

является примером удачного ввода реалий принимающей культуры.

Elizabeth, Elspeth, Betsy, and Bess,
they all went together to seek a bird's nest;
They found a bird's nest with five eggs in,
They all took one, and left four in.

ЗАГАДКА

Элизабет, Лиззи,
Бэтси и Бэсс
Весною с
корзинкой
Отправились в
лес.
В гнезде на
березе,
Где не было птиц,
Нашли они пять
Розоватых яиц.
Им всем
четверым
По яичку
досталось,
И все же четыре
На месте
осталось.

РАЗГАДКА

Хоть разные
Названы здесь имена
(Элизабет, Лиззи,
Бесси и Бэсс),
Но так назвалась
Девчонка одна.
Она и ходила
С корзинкою в лес.
(Пер. С. Я. Маршака)

Марьюшка, Марусенька,
Машенька и Манечка
Захотели сладкого сахарного пряничка.
Бабушка по улице старенькая шла,
Девочкам по денежке бабушка дала:
Марьюшке – копеечку,
Марусеньке – копеечку,
Машеньке – копеечку,
Манечке – копеечку, –
Вот какая добрая бабушка была!
Марьюшка, Марусенька,
Машенька и Манечка
Побежали в лавочку и купили пряничка.
И Кондрат задумался, глядя из угла:
Много копеечек бабушка дала?
(Пер. К. И. Чуковского)

Русско-советские реалии, включенные К. И. Чуковским в перевод другой английской детской загадки, выступают в роли стилистических приемов, способствующих местной локализации текста. Подобный русский колорит обеспечивает дополнительную ассимиляцию текста, функционирующего в другой культурно-языковой среде.

As I was going to St. Ives,
I met a man with seven wives,
Each wife had seven sacks,
Each sack had seven cats,
Each cat had seven kits:
Kits, cats, sacks and wives,
How many were there going to St. Ives?

Шел Кондрат
В Ленинград,
А навстречу – двенадцать ребят.
У каждого по три лукошка,
В каждом лукошке – кошка,
У каждой кошки – двенадцать котят.
У каждого котенка
В зубах по четыре мышонка.
И задумался старый Кондрат:
«Сколько мышей и котят
Ребята несут в Ленинград?»
(Пер. К. И. Чуковского)

Ярким примером «вживаемости» текста в принимающую культуру в качестве ее неотъемлемой составляющей стал перевод–пересказ–переделка повести «Приключения Пиноккио», выполненный А. Н. Толстым. Буратино стал концептом русской культуры нашего времени [9]. По мнению Ю. С.Степанова, это проявилось в изменившемся за XX в. характере иллюстраций к сказке: от похожей на больного ребенка куклы работы М. В. Добужинского (1905) до сюрреалистического рисунка А. Кошкина (1981), отражающего атмосферу России 1980-х гг.

Перевод становится тем, что А. И. Новиков [3] относит к вторичным текстам, создание которых является вторичной текстовой деятельностью. Текст перевода как результат подобной вторичной деятельности представляет собой «... обратную проекцию внутреннего представления текста вербальными средствами» [Op. cit.: 83].

Вариативность использования лексических средств определяется непосредственно самим текстом, который в силу жанровых особенностей или иных параметров задает особый механизм выбора и организации слов. Наряду со стратегией культурной адаптации актуализируются ассоциативные связи (*candle-end* / *свечной огарок* → *жир* → *сало* → *шкварки*; *cooking* / *готовить* → *обед* → *суп* / *борщ*; *борщ* → *гарна дивчина Одарка*).

There was a young woman named Riley,
Who vaulted old candle-ends highly.
When no one was looking
She used them for cooking.
'It's wicked to waste,' she said dryly.
Хозяйка одна из Ньюарка
Хранила свечные огарки.
Когда не было круп,
Она клала их в суп
И слыла экономной кухаркой.
(Пер. М. Редькиной)

Одна госпожа из Игарки
Обожала свечные огарки:
Ела свечи, как сало,
А топом горевала –
Ведь горели огарки так ярко!
(Пер. В. Генкина)
Грана дивчина Одарка
Ценила свечные огарки:
Готовит обед
А сала вдруг нет...
И сыплет их в борщ, словно шкварки.
(Пер. В. Глебова)

Многочисленные переводческие сайты превратились в «мастерские» по производству текстов и самих переводчиков. Интернет обеспечил прямой выход в субкультуру, где не действуют цензурные запреты. Наряду с потерей «памяти жанра» изменение отношений к традиции приводит к тому, что переводимый текст становится частью собственной культурной биографии, в духе «Я и Шекспир». Как пишет Е. Добренко [10. С.143], «...подражательность всегда сопутствует нарождающимся литературным направлениям», а «социальная маргинальность и характер идеологического дискурса определяет отбор образцов». В

переводы постепенно начинают проникать слова из маргинальных слоев культуры.

Tired with all these, for restful death I cry... W. Shakespeare. Sonnet 66	*Тебя, о смерть, тебя, зову я, истомленный...* (Пер. Ф. Червинского, 1890) *Устал я жить и умереть хочу...* (Перевод А. М. Финкеля, 1977) *Измотан всем, готов просить конца...* (Пер. И. Астерман, 1999) *Достатый в пень, готов я жать на стоп...* (Вариация Паши Сушкина, 2000 г.)

Происходит некое разрушение не только самого исходного текста, но и его устоявшихся связей в межкультурном пространстве.

Lady Capulet. *This is the matter, – nurse, give leave awhile,* *We must talk in secret: – nurse. Come back again;* *I have remember'd me, thou's hear our council.* *Thou know'st my daughter's of a pretty age.* Nurse. *Faith, I can tell her age unto an hour.* Lady Capulet. *She's not fourteen.* Nurse. *I'll lay fourteen of my teeth, – and yet, to my teen* *be it spoken, I have but four, – she's not fourteen. How long is it now to Lammas-tide.* W. Shakespeare. Romeo and Juliet (act I: sc. III)	Гражданка Капулетти (меняя тон) *Кормилица свободна, кофе–брейк.* *К Джульетте разговор есть эксклюзивный.* *Хотя... Ты бебиситтер от рожденья.* *Сядь и послушай интрузивный мессидж.* Кормилица *Я поняла лишь только слово «сядь».* (Садится) Гражданка Капулетти (со значеньем) *Так говорит истеблишмент, поверь мне.* *Джульетту, говорю, с рожденья знаешь.* Кормилица (переводит разговор) *Готова спорить на пятьсот рублей* *(Примерно столько в день я получаю),* *Что нет еще четырнадцати ей,* *Я эту тему четко просекаю!* (Пер. С.Жатина)

Имеет место тенденция не просто перевода «великих» текстов, а их переориентация на массового читателя, т. е. идет столкновение «высокого» и «низкого».

And then my husband – God be with his soul!	*Что муж мой (пусть земля да будет ему пухом,*

A' was a merry man – took up the child:
'Yea', quoth he, 'dost thou fall upon thy face?
Thou wilt fall backward when thou hath more wit;
Wilt thou not, Jule? And, by my holidame,
The pretty wretch left crying, and said 'Ay. '
W. Shakespeare. Romeo and Juliet (act I: sc. III)

Хоть вел себя порою как скотина!)
Не выдержал и мне сказал: «Арбуз
Ты дай ей! И поест она, и жажду
Сумеет наконец-то утолить!»
Но тут к нему ребенок повернулся,
И так тогда сказала крошка мужу:
«А ты мужик, пойди вздрочи вприсядку –
Напляшешься и кончишь заодно!»
(Пер. С.Жатина)

Приведенный выше отрывок из речи Кормилицы не соответствует ни одному из уровней эквивалентности (по терминологии В. Н. Комиссарова). Как нам представляется, относительно подобных переводов можно говорить об обратной конвертируемости получаемого в ходе переводческой деятельности текста в новом, часто маргинальном, культурном слое.

Способы компенсации культурно-номинативной недостаточности четко не определены. Обычно под ними понимается создание комментария и аппарата сносок. Лингвокультурная адаптация часто понимается переводчиками как их право на максимальное упрощение переводимого текста, результатом чего становится утрата стоящей за текстом внелингвистической реальности. Фоновая лексика не воспроизводится.

At this moment Wendy was grand. 'These are my last words, dear boys,' she said firmly. 'I feel that I have a message to you from your real mothers, and it is this; "We hope our sons will die like English gentlemen. "'
James M. Barry. Peter Pan. Ch. XIV

Венди была великолепна в этот момент.
- Вот мое последнее слово к вам, дорогие мои мальчики. Я знаю, что должна передать вам от ваших настоящих матерей. Они всегда говорят в таких случаях: «Если нашим детям суждено умереть, пусть они умрут мужественно и гордо. »
(Пер. И Токмаковой)

Упрощение текста приводит к потере интертекстуальных связей. Название *Kidd's Creek* создает отсылку к шотландскому пирату капитану Уильяму Кидду / *Captain William Kidd*, шотландский пират, чей зарытый клад нашли герои новеллы Э. А. По «Золотой жук» / *The Gold Bug*. Переводчица И. Токмакова также опускает всю ситуацию, связанную с именем капитана Флинта / *Flint*, одного из героев романа Р. Л. Стивенсона «Остров Сокровищ» / *Treasure Island*.

One green light squinting over Kidd's Creek, which is near the mouth of the pirate river, marked where the brig, the Jolly Roger, lay, low in the water... James M. Barry. Peter Pan. Ch. XIV	*Крошечный зеленый огонек, поблескивающий недалеко от устья реки, показывал, где находится пиратский корабль «Веселый Роджер»...* (Пер. И Токмаковой)

Особый интерес представляет проблема воспроизводства гетеростереотипов, представляющих определенные лингвосоциокультурные типажи. В структуру подобных типажей входит «...перцептивно-образное представление о типаже, включающее его внешность, возраст, пол, социальное происхождение, среду обитания, речевые способности, манеры поведения, виды деятельности и досуга» [11. С.4].

Called her the Countess Popoffsky, or something, and pretended she had Romanoff blood in her veins. Nicholas married her in the cathedral at Ekarest... A. Christie. The Secret of Chimney. (1925)	*Назвали ее графиней Пополевски, или что-то в этом роде, и заявили, что она состоит даже в некотором родстве с Романовыми. Они поженились в соборе Экареста...* Тайна Замка Чимниз. (Пер. А. Ганько)
Mrs. De Vries was a widow. She was a short stout woman with a fine Jewish nose and fine Jewish eyes... W. S. Maugham. Theatre. Ch. 8	*Долли де Фриз была вдова. Эта низенькая, тучная, несколько мужеподобная женщина, с красивым орлиным носом, красивыми темными глазами...* (Пер. Г. Островской)

Кроме личности переводчика, на наш взгляд, к системообразующим факторам перевода и переводческой деятельности следует отнести читателя, на которого рассчитан текст.

Создаваемые в рамках одного пространственно-временного хронолекста тексты отражают общую систему ценностей, стереотипов, экспектаций и т. п. Будучи включенными во внутрикультурный процесс оба текста (как текст оригинала, так и текст перевода) апробируются культурой. На этом фоне на рубеже XX–XXI вв. активно развивается под–культурный пласт переводов. Изменения в шкале ценностей, имеющихся в обществе, также получают свое отражение в новых переводах. Кроме этого, происходит не просто смещение эмоционально-смысловых доминант, но и разрушение когнитивной и эмоциональной сфер текста.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Золян С.Т. Семантическая структура слова в поэтической речи // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 6. – С.509–520.

2. Звегинцев В. А. О значениях и значимостях в поэзии // «Замысел, труд, воплощение... ». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – С.10–19.
3. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. – М.: ИЯ РАН, 2007. – 224 с.
4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
5. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С.16–24.
6. Масленникова Е. М. Проекция текста как межличностный инвариант // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – Вып. 7. – С.105–114.
7. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – М.: МГЛУ, 2007. – 228 с.
8. Фесенко Т. А. К проблеме когнитивно-психологического моделирования перевода // Эйдетика перевода: Мат. рабочего совещания. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С.14–16.
9. Степанов Ю. С.Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
10. Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. – 557 с.
11. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007. – 40 С.

А. А. Мельникова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Современный мир представляет собой цивилизацию, связанную воедино благодаря развитию разнообразных информационных систем. Тенденция эта оценивается как «короткий и эффективный путь в направлении утраты какой-либо нацией социальной целостности и культурной специфичности» [1. С.532]. Сегодня наиболее активно переосмысляются различные аспекты культуры, в том числе, язык, являющийся исторически первой приметой принадлежности к определенной культуре.

Мы являемся членами лингвокультурного сообщества (далее – ЛКС) (Гудков Д. Б.), в котором существует культурное пространство, где выделяются центр и периферия. Уникальная

совокупность знаний и представлений индивидуума – индивидуальное когнитивное пространство (ИКП) (Гудков Д.Б.). Но это – периферия культурного пространства, а в центре – феномены, являющиеся достоянием практически всех членов лингвокультурного общества» [2. С.90-91]. Этот центр – зона совпадения ИКП, зона знаний (лингвистических и экстралингвистических), объединяющая ЛКС (нацию) – получил название «когнитивная база» (далее – КБ).

КБ образуется на основе фольклора, повествований об исторических событиях и их участниках, классических литературных произведений – текстов (в широком понимании), «значимых в познавательном и эмоциональном отношениях», «имеющих сверхличностный характер», «обращение к которым возобновляются неоднократно» [3. С.216]. Вслед за Ю. Н. Карауловым, подобные тексты называют прецедентными текстами (далее – ПТ). Они, как правило, становятся источником других видов прецедентных феноменов (далее – ПФ): прецедентных имен (далее – ПИ), ситуаций (далее – ПС) и высказываний (далее – ПВ) (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и др.). Все названные единицы характеризуют традиционные (ключевые) для того или иного общества ситуации, характеры, поведенческие реакции, тоже входят в КБ нации.

Неисчерпаемый источник ПФ – произведения русских классиков. Художественный текст выполняет особую роль, связанную с изображением явлений и процессов национальной истории и культуры. При этом сами произведения классической литературы являются частью национальной культуры, раскрывают особенности национального характера, нравственно-эстетический идеал народа (или анти-идеала). В произведениях русской классики художественный образ предстает как «познавательное отражение некой объективной реальности, эмоциональной оценки отражаемого художником и создание нового идеального объекта […]. Только художественный способ освоения мира создает подобные уникальные идеальные конструкты» [4. С.255–256]. Иными словами, порождаемый творческой деятельностью автора художественный образ – это результат глубокого осмысления мира, обобщения противоречивых знаний о нем и скрупулезной категоризации наблюдаемых явлений (Герой нашего времени, Скалозуб, Плюшкин и др. – обобщения высокой степени).

Так, в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» в «имени» Держиморда воплотился образ недалекого и от этого грубого и жестокого полицейского. В связи с типичностью данного конструкта,

созданного драматургом, его фамилия (имя собственное) «вливается в общий поток имен, которые обозначают не единичные, а общие, коллективные свойства, признаки, качества. Вместо индивидуума вырастает типичный представитель, вместо уникальной ситуации – общее ее наименование» [5. С.5]. Имя собственное, фраза становятся, символом ситуации, характера. При интерпретации ПИ активную роль все еще играет внутренняя форма (далее – ВФ) слова (высказывания). В данной ситуации мы понимаем внутреннюю форму как непосредственный, прямой, буквальный смысл слова (высказывания) – образ художественного произведения во всей его многоплановости. В ПИ, ПС и ПВ «продолжает теплиться след единичности, индивидуальности. Этот теплый след и создает особую экспрессию, оценочность или, говоря лингвистическим языком, – коннотативность» [5. С.5]. Подобные идеальные образования – ПФ, опирающиеся на художественный образ, – один из примеров реализации словом своей обобщающей функции: за словесной формой закрепляется набор дифференциальных признаков, являющихся содержанием понятия, которое формируется на основе художественного образа. Признаки могут быть более или менее актуальными для разных носителей языка, но в любом случае часть актуальных сем, ассоциаций с образом ПФ у представителей одного ЛКС будут идентичны.

Задачи нашего исследования: 1) изучение психологической (ассоциативной) структуры ассоциативного поля одного из видов ПФ – ПИ – в сознании двух возрастных групп и 2) сопоставление результатов эксперимента, полученных от испытуемых различных возрастных групп, для определения сферы пересечения их ИКП, обеспечивающей возможность коммуникации и свидетельствующих о принадлежности / непринадлежности к определенной национальной культуре.

Метод нашего исследования – ассоциативный эксперимент – обеспечивает возможность обнаружения объективно существующих в психике человека семантических связей ПФ, информации о структуре ассоциативного поля того или иного ПФ в сознании индивидов разных возрастов. Эксперимент проводился в двух возрастных группах: 1) студенты 1–3 курсов УГАТУ (17–20 лет); 2) взрослые испытуемые (35–55 лет) – всего 180 человек (по 90 человек в группе). Члены групп, таким образом, представляют два поколения населения региона.

Список-стимулов АЭ составлен из ПФ, имеющих литературное происхождение и восходящие к ПТ. Выбор источника

(классические художественные произведения) объясняется рядом причин: 1) данный вид текстов, являясь частью национальной культуры, раскрывают особенности национального характера, нравственно-эстетический идеал и представляют собой образец высокой степени обобщения; 2) данные тексты – предмет обязательного изучения на уроках литературы (хорошо известны всем испытуемым обеих возрастных групп). Окончательный список (60 единиц) сформировался после пилотажного опроса (узнаваемость и авторство) (первоначальный насчитывал около 200). ПФ, восходящие к одному источнику – какому-либо ПТ – образуют систему ПФ: имен, ситуаций, высказываний, и намеренно располагались в анкете дистантно с целью ослабления смысловой интерференции.

Сущность эксперимента заключалась в предъявлении испытуемому слова-стимула и фиксации ***всех*** возможных на него реакций с целью выделения не только самых актуальных для информанта смыслов, но и тех, что находятся на периферии сознания в данный момент развития языковой личности и социума.

В рамках данной статьи мы ограничимся анализом структуры АП ПИ – Наташа Ростова.

Очень точно, на наш взгляд, определила структурную специфику ПИ В. В. Красных [6. С.198], представившая ее в виде полевой модели, что соотносится с современными нейролингвистическими теориями, согласно которым «хранение» языка в коре головного мозга человека осуществляется по принципу поля [7. С. 84]. Итак, в структуре ПИ можно выделить ядро (его составляют дифференциальные признаки) и периферию (атрибуты – признаки, не являющиеся необходимыми для сигнификации [6. С.202]. К дифференциальным признакам относятся: 1) внешность; 2) характер; 3) прецедентная ситуация.

Многообразие ассоциаций (зафиксированы различные типы ассоциаций: тематические, семантические, парадигматические, синтаксические – всего 242; были нулевые реакции), полученных на стимул «Наташа Ростова», сводятся к следующему набору *дифференциальных признаков*:

1) *внешность*: девушка, молодость, красота, девушка в платье (отрезном, под грудь), черные кудряшки, красивые платья, очень хорошо выглядит;

2) *характер*: наивность, романтичность, застенчивость, невинность, бесцельность, глупое создание, невинное создание, живость, девушка с характером, благоразумная, добрая, Наташи Ростовы (тип);

3) *прецедентная ситуация*: первый бал в жизни девушки, слепая любовь (Анатоль Курагин), не замечает настоящей любви (любимица Пьера Безухова), интрижки, можно ей посочувствовать, любила князя Андрея, любовь и война, беременная женщина;

4) *атрибутов*: источник – «Война и мир», создатель образа – Л. Н. Толстой, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, размер произведения – 4 тома, толстая скучная книжка, обладательница качеств – Ильмира Мардиева, жанр – повесть, рассказ, экранизация – фильм, Л. Савельева.

Такова, по результатам нашего исследования, структура ассоциативного поля ПИ «Наташа Ростова», организованного индивидуальными реакциями на данный стимул и включенными в структуру АП ПИ на основании неоднократного появления в качестве реакции у разных испытуемых.

Анализируя результаты качественного и количественного сопоставления реакций на стимул-ПИ указанных выше возрастных групп, во-первых, следует отметить, что испытуемые-студенты чаще взрослых давали нулевые реакции (ср.: 21 – у студентов, 5 – у взрослых). Возможно, это объясняется их необязательностью, нежеланием или неумением серьезно подойти работе, которую никто не будет оценивать по шкале «хорошо – плохо», а возможно, у данных испытуемых не сформирован данный образ как женский тип, представляющий совокупность сем, получивший собственное имя (по О. Г. Резвиной).

Во-вторых, нельзя оставить без внимания оценочный аспект ассоциаций: примечательно, что информанты женского пола в реакциях актуализируют положительную оценку феномена (за редким исключением – например, *бесцельность*), а взгляд мужчин старшего и младшего поколения на образ различен. Для взрослых характерны реакции типа *наивность, романтичность, искренность* и др., а для молодых людей – *сумасбродка, глупое создание* и др. Можно констатировать смещение акцентов в восприятии образа, что, вероятно, свидетельствует о смене представления о героине Л. Н. Толстого как о женском идеале.

В-третьих, необходимо отметить качественную разницу в реакциях двух возрастных групп. Сегодняшние студенты – это вчерашние школьники, у которых анализируемый образ, по нашему предположению, должен быть более актуален и многогранен, что проявилось бы в большем разнообразии реакций. На деле оказалось, что ассоциации младшего поколения однообразнее по сравнению с группой «родителей», у которой не только количество реакций было больше, но и качественно они

превосходили результаты студентов. Так, в молодежной среде чаще, чем во взрослой, ассоциациями на данное ПИ были следующие: *«Война и мир», Л. Н. Толстой, любила князя Андрея, красивые платья, хорошо выглядит, красавица,* свидетельствующие о том, что многим ии. трудно абстрагироваться от предметного значения имени, от конкретных образов, с ним связанных, от упрощенного, поверхностного его понимания. У другой группы чаще фиксировались в качестве ассоциаций абстрактные существительные (*наивность, романтичность, невинность, молодость и др*.), свидетельствующие о способности мышления синтезировать выводное знание, когда на основе предметных значений и конкретных образов рождается понятие-обобщение высокой степени абстракции. Это умение – свидетельство высокого уровня развития языковой способности личности, соответственно, отсутствие данного умения свидетельствует об обратном.

Несмотря на ощутимую разницу в реакциях двух групп, в ассоциативно-вербальной сети есть наложения, пользуясь терминами когнитивной лингвистики, можно сказать, что зафиксированы случаи наложения ИКП не только у испытуемых одного возраста, но и у информантов разных поколений. Это можно проиллюстрировать таблицей, в которой отражены моменты совпадения реакций у «взрослых» испытуемых и студентов.

Таблица 1.

Сопоставление реакций двух возрастных групп на стимул-ПИ «Наташа Ростова»

Реакция на стимул	Возрастные группы	
	17 – 20 лет	35 – 55 лет
1. Девушка	+	+
2. Молодость	-	+
3. Красота	+	+
4. Девушка в платье «под грудь»	+	+
5. Черные кудряшки	+	-
6. Красивые платья	+	-
7. Наивность	+	+
8. Романтичность	-	+
9. Застенчивость	-	+
10. Невинность	+	+
11. Бесцельность	-	+
12. Глупое создание	+	-
13. Невинное создание	+	-
14. Живость	_	+
15. Девушка с	+	-

характером		
16. Наташи Ростовы	-	+
17. благоразумная	-	+
18. Первый бал в жизни девушки	+	+
19. Слепая любовь	+	+
20. Не замечает настоящей любви	-	+
21. Интрижки	+	+
22. Можно ей посочувствовать	+	+
23. Любила князя Андрея	+	-
24. Любовь и война	-	+
25. Беременная женщина	+	+
Всего – 25 реакций	16	19

Анализ структуры АП ПИ и сопоставление материалов экспериментов, проводимых в разных возрастных группах, позволяют констатировать включенность исследуемого феномена в КБ ЛКС и наличие пересечений ИКП разновозрастных групп (10 совпавших реакций из 25, организующих ядро АП ПИ), обеспечивающих возможность коммуникации и свидетельствующих о принадлежности к определенной национальной культуре. Этот факт позволяет нам предположить, что на данный момент развития языка различия в структуре АП ПИ не являются серьезной помехой для взаимопонимания поколений. Тем не менее, продолжает беспокоить то, что понимание ПФ испытуемыми 17 – 20 лет не отличается глубиной – для них чаще, чем для «родителей», остается непонятными системный смысл высказывания, содержащего ПФ. Вероятная причина этого – несформированность в сознании языковой личности структур, позволяющих выводить новый смысл. В дальнейшем нами предполагается изучение ПТ (классических текстов) как системы различных ПФ, в основе которых лежит художественный образ и изучение способов формирования структур сознания, помогающих соотносить идеальный объект (художественный образ) с объектами реального мира, синтезируя его конкретные признаки, относя к определенной категории.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Першина Л. Р. Задачи и содержание дисциплины: «Русский язык, как родной язык в высшей школе» // Русский язык в полиэтнической

среде: Социокультурные проблемы лингвистического образования. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 351–356.
2. Гудков Б. Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность.- М.: Наука, 1987. – 264 с.
4. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
5. Мокиенко В. М. Перевоплощенное имя (вступ. статья) // Отин Е. С. Словарь коннотативных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. – с. 5.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
7. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.

А. Б. Михалёв

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ФОНЕСТЕМЫ

Хотя сам термин «фонестема» появился в 1930 году с легкой руки Джона Руперта Ферта [1], не давшего, кстати, ему четкого определения, догадки о некоем семантическом или экспрессивном характере звукосочетаний, составляющих корневую морфему, засвидетельствованы в Европе уже в 17 веке. В частности, первое такое предположение выдвинул великий английский математик, теолог, логик, философ и грамматист (1653 г.; см. [2. С. 49-50]). Позже к нему присоединились Ш. де Бросс [3] и Ф. Шаррасен [4], а уже в 20 веке Фред Хаусхолдер, заимствовав термин «фонестема», сформулировал его как «фонему или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию» [5. С. 83-84]. Развитие темы происходит в основном на американской территории: Ю. Найда [6. С. 6], Д. Болинджер [7], Дж. Смизерс [8. С. 86], Б. Л. Уорф [9. С. 133], Х. Марчанд [10. С. 153-154], Л. Блумфилд [11. С. 267], Р. Уэскотт [12] и др. В отечественном языкознании изучением начальных консонантных звукосочетаний впервые занялся Виктор Васильевич Левицкий. Он провел статистический анализ их семантико-фонетических связей в английском [13] и в немецком [14; 15] языках. Результаты проведенного исследования позволили автору утверждать, что «почти все двух- или трехфонемные сочетания в начале корня в английском языке связаны с определенным значением или

определенным кругом значений» [13. С. 14]. Такой же вывод сделан и для немецкого языка.

В целом, сегодня это мнение не вызывает серьезной критики, а получает развитие в расширении круга обсуждаемых вопросов. К ним, в частности, относятся проблемы: интерпретации значений фонестем, семантического статуса начальных и конечных звукосочетаний, их происхождения и эволюции. Преимущественно, эти проблемы получают разработку с позиций «объективного звукосимволизма», т. е. выводы извлекаются на основе лексико-семантических исследований. Однако в последнее время все большую популярность приобретает психолингвистический ракурс исследования фонестем, или субъективный аспект звукосимволизма.

Психолингвистические исследования звукосимволизма проводились в основном для выяснения символических возможностей отдельных звуков: [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22 и др.]. Методики постановки экспериментов обычно сводятся к двум: методу «семантического дифференциала» Ч. Осгуда и методу «подбора». В первом случае испытуемым предъявляются искусственные слова: если большинство испытуемых одинаково оценивает эти слова-стимулы, то принято считать, что звуковой символизм существует. Во втором случае испытуемым предъявляются слова, взятые из естественных языков. Принято считать, что если большинство испытуемых правильно подберет к словам родного языка антонимичные пары слов иностранного языка, т. е. если испытуемые угадают значения не известных им звучаний, опираясь на значения и звучания слов родного языка, то это свидетельствует о существовании звукосимволизма. Однако сегодня уже не достаточно простого утверждения о том, что звуковой символизм существует. Разнообразие фонестем – как начальных, так и конечных – предполагает определенную дифференциацию «символизмов», с одной стороны, и их интеграцию, с другой.

Так, например, в недавнем исследовании начальных звукокомплексов английского языка Н. Л. Львова [23], применив метод «семантического дифференциала», пришла к выводу, что сочетания, в составе которых есть одинаковые фонетические единицы (напр., *bl-, kl-, fl-, gl-, pl-, sl-* и *br-, kr-, fr-, gr-, spr-, str-, tr-*), характеризуются одинаковыми семантическими качествами. Так, все перечисленные сочетания с элементом *l* оцениваются как «слабые», «приятные» и «маленькие» (кроме *gl-*), в то время как сочетания с элементом *r* воспринимаются как «сильные» и в

большинстве случаев «неприятные», «быстрые», «жестокие» и «большие». Автор установила, что наибольший символический потенциал (способность того или иного звука символизировать определенное понятие или группу понятий) принадлежит звукосочетаниям *fl-*, *pl-*, *sm-* и *gr-*, а наибольшая символическая активность (способность того или иного понятия символизироваться определенным звуком) характерна для шкал силы, ровности и жесткости. Выводы приведенного исследования, как видно, относятся не столько к семантической специфике каждой фонестемы, сколько к интегральным признакам, задаваемым отдельными элементами звукосочетаний.

Вместе с тем остается вопрос, насколько соотносимы «субъективный» и «объективный» звукосимволизмы. В психолингвистических экспериментах обычно выявляют один спектр значений (преимущественно сенсомоторных), а в лексико-семантических – другой. С целью прояснения этого вопроса более десяти лет назад я попытался сопоставить результаты теоретического моделирования семантики французских фонестем *br-* и *bl-* с экспериментальными выводами [24. С. 81-84]. Методика состояла в том, чтобы приписать одно из двух искусственных слов, начинающихся с *br-* или *bl-*, одному из 10 денотатов. Оказалось, что предпочтение, отдаваемое той или иной форме, в целом, соответствовало полученным «объективно» данным. Так, описанное семантическое пространство фонестемы *br-*, включавшее такие микрополя, как «звукоподражание», «острый», «борьба», «разрушение», «рука», «связывать», верифицировалось выбором таких реалий, как Гусли («звукоподражание»), Кинжал, Копье, Башня, Рог, Топор («острый»), Сбруя, Пряжка-брошь («связывать») и т. д. В ряду предметов, получивших преимущественно *bl*-наименования, так же оказалось большое количество ответов, подтвердивших теоретические ожидания, а именно составляющих семантического пространства *bl-*: «округлый», «оболочка», «светлый», «удар». Так, *bl*-слова были предпочтительнее приписаны реалиям: Облако («светлый» + «округлый»), Сапог, Одежда, Кольчуга, Латы, Головной убор («оболочка»), Стремя, Глаза, Электрическая лампочка, Ладья («округлый»), Молоток, Дубина, Наковальня («удар»). Случаи несовпадения с теоретическими ожиданиями, тем не менее, не заглушают общую тенденцию связывать с этими звукосочетаниями именно предсказанные значения-признаки.

Традиционно фонестемы анализировались на основе дистрибутивных данных. И хотя существует долгая традиция

психолингвистических экспериментов, фокусирующихся на том, как реагируют пользователи языка на новые слова, содержащие особенные звукосимволические элементы, такие как /i/ и /a/ (см. обзор в: [25]), только недавно психологическая реальность фонестем стала объектом психолингвистических исследований.

Стандартный лингвистический тест для оценки психологической реальности предлагаемой языковой единицы основан на комбинаторности и продуктивности. В своем исследовании регулярного маркера множественности в английском языке Джин Берко [26] приводит доводы в пользу психологической реальности знания морфологии на основе приложения существующих в языке моделей к новым формам, например, *wug*. То, что испытуемые неукоснительно образовывали множественное число от *wug* как *wugs*, послужило свидетельством владения внутренним правилом образования множественного числа существительных. Такие тесты с неологизмами (теперь известные как WUG-тесты) стали очень распространены в психологических исследованиях морфологического знания.

Однако что касается фонестем, то их психологическую реальность установить трудно, т. к. они в целом не являются ни комбинаторными элементами, ни очень продуктивными. Частично эта дилемма разрешалась мнением о том, что фонестемы, не будучи комбинаторными единицами, все же в некоторой степени продуктивны.

За последние несколько лет к проблеме психологической реальности фонестем с той же позиции неологизмов обратились авторы трех диссертаций: [27; 28] – в английском и [29] – в шведском). Работа Маргарет Магнус [28] может служить лучшим примером для представления их общей методологии.

Магнус применяет два типа эксперимента, основанных на распознавании и образовании испытуемыми неологизмов. Первый метод тестирует знание фонестем путем предъявления испытуемым дефиниций для несуществующих слов и задания изобрести новые слова для этих дефиниций. В исследовании М. Магнус для изобретения новых слов испытуемые были склонны использовать фонестемы своего языка. Например, для дефиниции «соскребать черную корку с пережаренного тоста» (‘to scrape the black stuff off overdone toast’) 27% ии. придумали слова, которые начинались с *sk-*. Второй тип эксперимента проверял использование фонестем при восприятии новых слов. Испытуемым было предложено искусственное слово, которому они должны были дать дефиницию. В этот раз снова ответы были такими, как

будто они употребляли фонестемы. Например, слово *glon* (с начальным *gl-*) вызывало дефиниции, связанные со «светом» в 25% случаев. Магнус интерпретирует свои результаты как свидетельство того, что пользователи языка воспринимают отдельные фонемы или сочетания фонем как наделенные значением.

К такому же выводу, но на основе дистрибутивного подхода, приходит и Б. Джозеф [30] в отношении греческой фонемы /ts/. А. Абелин [29] добавляет к этому предположение, что чем более распространена фонестема среди слов с общей фонологической формой, тем более вероятность того, что испытуемые оценивают неологизмы, придерживаясь значения этой фонестемы. Результаты Ш. С. Хатчинс [27] подтверждают роль фонестем (даже в межъязыковом сравнении) в создании неологизмов.

Бенджамин Берген [31] пытается выяснить, каков психологический статус фонестем в восприятии пользователей языка, и находит, что лучшим методом для разъяснения этих вопросов является «прайминг»-метод (priming), впервые примененный С. Кемпли и Дж. Мортоном [32] и обобщенный Э. Дрюс [33]. Морфологический прайминг – это ускорение или замедление ментального доступа к слову-мишени на основе некоторого предварительного (prime) слова, предъявленного ранее. Большое количество исследований морфологического прайминга обнаружили структуры, характерные только для морфологически родственных предварительных слов и слов-мишеней, но отсутствующие в неродственных словах (см.: [34]). Это различие между эффектом морфологического прайминга, с одной стороны, и известными эффектами фонологического и семантического прайминга, с другой, послужило основанием считать морфемы психологической реальностью. Аналогичным образом можно предположить, что если фонестемы имеют когнитивный статус, то они обнаружат прайминг-эффекты, отличающиеся от показаний, которые демонстрируют слова без фонестем.

В качестве стимулов испытуемым были представлены 50 пар слов, распределяющихся по пяти категориям. В первой категории предварительное слово и слово-мишень имели одинаковый фонологический признак (всегда начальный комплекс) и общий семантический признак, такой как «нос» или «свет» (напр., *glitter: glow*). Во второй категории прайм и мишень были схожими только по фонологическому признаку (всегда по начальному), напр., *druid* и *drip*. В третьей категории прайм и мишень имеют только определенную семантическую общность, напр., *cord* и *rope*. В

четвертую категорию отнесены псевдофонестемы, т. е. пары слов, имеющих и сходную фонетическую форму, и семантику, однако крайне малочисленные (обычно не больше двух слов), напр., *crony* и *crook*. Наконец, для сравнения, в пятой категории пары слов не имеют ничего общего ни по форме, ни по значению, напр., *frill* и *barn*.

Результаты эксперимента распределились следующим образом. Наиболее короткое среднее время реакции было показано в случае прайминга первой категории (фонестемы), а именно на 59 мсек быстрее случая 5-й категории (отсутствие формального и семантического сходства), которая определяется как основание. Для сравнения, скорость реакции в случае семантического, но не формального сходства превышает последнюю на 23 мсек. Наоборот, скорость реакции в случае только формального сходства (вторая категория) оказалась несколько медленнее категории-основания (на 3 мсек). Другими словами, распознавание слов-мишеней происходит быстрее у фонестемически связанных слов, чем у слов, сходных только по форме или только по значению. Тем не менее, для объяснения фонестемического прайминга не достаточно только сходства форм, и значений. Для сравнения, в случае псевдофонестем, т. е. слов со сходной формой и значением, но очень немногочисленных в лексиконе, реакция оказалась всего лишь на 7 мсек быстрее основания. Это различие указывает на то, что статистически превалирующие формально-семантические единства вызывают более быстрые реакции, чем статистически одинокие аналогичные образования.

Получив данные выводы, Б. Берген предполагает, что лидерство фонестем в скорости реакции обязано тому, что фонестемические пары стимулов воспринимаются как более тесно связанные по значению, чем пары в остальных категориях.

Чтобы проверить свое предположение, он применяет к предъявленным парам из всех категорий «латентный семантический анализ» (ЛСА) [35]. ЛСА представляет собой статистический метод, выявляющий сходства между словами или текстами на основании контекстов, в которых они появляются. Чем более сходны дистрибуции двух слов или текстов, тем более семантически похожими они оцениваются. Испытуемым было предложено оценить степень сходства между предъявляемыми парами по шкале от -1 до 1. Таким образом, в частности, пара *glitter* и *glow* получила ЛСА-оценку 0. 27 (в чем-то сходны), тогда как пара *barn* и *frill* получила оценку 0 (нет ни особого сходства, ни особого расхождения). В результате значения категорий «форма» и

«основание» оказались близки нулю, а категорий «псевдофонестема», «фонестема» и «значение» минимум в 2 раза выше. Иными словами, с семантической точки зрения, фонестемы примыкают к псевдофонестемам и словам со сходными значениями, но с различными формами, причем от последних они отличаются незначительно (0. 23 – 0. 26).

Сравнивая результаты своего эксперимента с полученными ранее результатами морфологического прайминга [36] и отмечая между ними явные сходные тенденции, Б. Берген заключает, что в ментальном механизме речепроизводства фонестемы обладают тем же статусом, что и канонические морфемы [31. С. 302].

Приведенные тенденции психолингвистического подхода к фонестемам не исчерпывают круга возможных вопросов в этой области. Так, исследованию подвергаются преимущественно начальные звуки и звукосочетания, тогда как конечные – рифмы – ждут своего экспериментального изучения. Требуется и дальнейший поиск новых методик, в том числе нейропсихолингвистических. Актуальной остается и проблема межъязыковых фоносемантических универсалий в свете языковой концептуализации действительности.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Firth J. R. 1930. Speech. London. – 437 p.
2. Genette G. Mimologiques. Voyage en Cratyle. – Paris: Ed. du Seuil, 1976. – 289 p.
3. Brosses Ch. de. Traité de la formation mécanique des langues et des principes physique de l’étymologie. – Paris: Saillant, Vincent et Desaint, 1765. – 480 p.
4. Charrassin F. Dictionnaire des racines et derivés de la langue française. – Paris: Heois, 1842. – 738 p.
5. Householder Fred W. 1946. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // Word 2: 83-84.
6. Nida E. A. A System for the Description of Semantic Elements // Word, v. 7, N 1, 1951: 1-12.
7. Bolinger D. L. Rime, Assonance, and Morpheme Analysis // Word V. 1-2. 1950, pp. 117-136.
8. Smithers G. V. 1954. Some English Ideophones // Archivum Linguisticum 6: 73-111.
9. Whorf B. L. Language: Plan and conception of arrangement // Language, thought and reality. – London, 1956: 125-133.
10. Marchand H. Phonetic symbolism in English word-formation. // Indogermanische Forschungen, LXIV. Band. 1959. – Pp. 146-168.
11. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 606 С.

12. Wescott R. W. Labio-velarity and derogation in English: A Study in Phonosemic Correlation // American Speech. Spring 1971: 123-137.
13. Левицкий В. В. Начальные сочетания фонем в английском языке // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. – Киев, 1983. – С.8-17.
14. Левицкий, В. В., Кушнерик, В. И., Комарницкая Л. А., Есенова Г. С., Овшиева Н. Л. Фоносемантическая общность языков // Семантическая общность национальных языковых систем / Ред. З. Д. Попова. – Воронеж, 1986. – С.167–180.
15. Жерновей А. Н., Левицкий В. В. Начальные сочетания фонем в немецком языке // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. – Калинин, 1988. – С.124–132.
16. Allport, R. Phonetic Symbolism in Hungarian Words. – Harvard University Thesis. 1935. – 377 p.
17. Muller, H. Experimentelle Beitrage zur Analyse des Verhaltnisses von Laut und Sinn. – Berlin, 1935. 295 S.
18. Tsuru, Sh., Fries, H. S. A Problem in Meaning // Journal of General Psychology, 1933. № 8: 281–284.
19. Brown, R. W., Black, A. H., Horowitz, A. E. Phonetic symbolism in Natural Languages // Journal of Abnormal and Social Psychology, 1955, № 50: 388–393.
20. Maltzmann, I., Morrisset, L., Brooks, L. O. An Investigation of phonetic symbolism // Journal of Abnormal and Social Psychology, 1956, № 53: 249–251.
21. Brackbill, Y., Little, K. B. Factors determining the guessing of meanings of foreign words // Journal of Abnormal and Social Psychology, 1957, № 54: 312–318.
22. Brown, R. W. Words and Things. – New York: The Free Press. 1958. – 398 p.
23. Львова, Н. Л. Звукосимволические свойства начальных звукосочетаний согласных в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Донецк, 2005. – 23 с.
24. Михалев, А. Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.
25. Jakobson R., Waugh L. R. The Sound Shape of Language. – Brighton (Sussex): Harvester Press. 1979. – 308 p.
26. Berko J. 1958. The child’s acquisition of English morphology. Word № 14, pp. 150-177.
27. Hutchins Sh. S. 1998. The psychological reality, variability, and compositionality of English phonesthemes. – Atlanta: Emory University dissertation. – 436 p.
28. Magnus M. 2000. What’s in a word? Evidence for phonosemantics. – Trondheim, Norway: University of Trondheim dissertation. – 390 p.
29. Abelin Å. Studies in Sound Symbolism. Doctoral Dissertation. – Göteborg University, 1999. – 327 p.

30. Joseph B. D. 1994. Modern Greek *ts* beyond sound symbolism. Sound symbolism, ed. by L. Hinton, J. Nichols, J. J. Ohala, 222-236. – Cambridge: Cambridge University Press.
31. Bergen B. K. The psychological reality of phonaesthemes // Language, v. 80, №. 2, 2004. – pp. 290–311.
32. Kempley S. T., Morton J. 1982. The effects of priming with regularly and irregularly related words in auditory word recognition. British Journal of Psychology 73. 441–445.
33. Drews E. 1996. Morphological priming. Language and Cognitive Processes 11. 629–634.
34. Feldman L. 1995. Morphological aspects of language processing. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. – 482 p.
35. Landauer T.; Foltz P.; Laham D. 1998. Introduction to latent semantic analysis. Discourse Processes 25. 259–284.
36. Feldman L., Soltano E. 1999. Morphological priming: The role of prime duration, semantic transparency, and affix position. Brain and Language 68. 33–39.

А.К. Мырзашова

КАЗАХСКО-РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «УМ»/»ГЛУПОСТЬ»

Методологические сдвиги, наметившиеся в современном языкознании, нашли свое отражение и в теории фразеологии. Актуальными проблемами сопоставительной фразеологии стали вопросы, касающиеся фразеологического моделирования мира, специфики отражения ментальных процессов во фразеологии, формирования и изучения фразеологического концепта языка. Об этом свидетельствуют фундаментальные труды и концепции таких известных ученых как В. Н. Телия, Т. З. Черданцева, Д. О. Добровольский, В. Г. Гак, Э. М. Солодухо, З. Г. Ураксин и другие.

Интенсивное развитие таких смежных наук как лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, гендерная лингвистика открывают все новые возможности для глубинного изучения отдельных аспектов языка в его тесной взаимосвязи с самобытностью носителя языка.

В этой связи следует отметить несомненную актуальность и потребность психолингвистических, этнопсихолингвистических, лингвокультурологических исследований специфичного по своей

сути пласта языка – фразеологии, которая представляет собой одну из культурно маркированных систем любого языка.

Отмечая самобытность фразеологического состава языка в культурно-языковом плане, В. Н. Телия одним из важных вопросов в изучении данных единиц языка выделяет контрастивное направление, которое оперирует более широким контекстом – избирательностью образного мировидения того или иного народа, которая проявляется и в различиях отбора образных оснований фразеологизмов [1. С.15].

Обращение исследователей к психолингвистическим, этнопсихолингвистическим методам изучения языковых явлений обусловливается несколькими важными факторами. В качестве одного из которых, можно отметить, характерные черты развития человечества в современности: стремление народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность бытовой культуры и психологического склада [2. С.7]. В результате все нарастающего интереса к носителю языка как к представителю определенного этноса и культуры во всех сферах науки появляются современные направления, ориентированные на изучение самобытности Человека.

В настоящем исследовании предпринята попытка этнопсихолингвистического описания двух семантических фрагментов, отражающих когнитивную сферу человека, в частности интеллектуальные свойства человека, обозначаемые как «Ум» и «Глупость». Данное исследование актуально с нескольких точек зрения: осуществляется контрастивно-семантический анализ фразеологизмов, выявляются фразеологические модели миропонимания двух этносов, определяются ассоциативные реакции носителей языков, описывается типология фразеологизмов, генетически далеких, однако тесно контактирующих языков.

В данном исследованим выделяется национально-культурная специфика фразеологии семантических полей «Ум» и «Глупость» и фразеологических моделей мировидения двух этносов (на основе ассоциативного эксперимента).

Материалом исследования послужили более 450 фразеологизмов, отражающих семантические фрагменты «Ум» и «Глупость».

В теоретических положениях мы опираемся на концепции таких известных ученых, как В. В. Виноградов., В. Н.Телия, Д. О. Добровольский, И. И. Чернышева, А. Д. Райхштейн, В. Г. Гак, А. Вежбицкая, А. В. Кунин, С. М. Исаев., Г. Н. Смагулова и др.

Анализ фактического материала показал, что контрастивно-семантическое описание двух фразеологических микросистем (принадлежащих к разноструктурным типам языков) подтверждает факт наличия идиоэтнической специфики выражения когнитивных процессов в сфере языка. Не все процессы когнитивной сферы человека находят идентичное отражение в сопоставляемых языках, хотя на первый взгляд, собственно мышление и мыслительные процессы представляют собой наиболее универсальный, по своей сути, фрагмент действительности.

Как показал материал исследования, специфика проявляется с момента семантической организации данных фразеологических микрополей (семантические фрагменты или микрополя «Ум» и «Глупость» входят в состав обширного фразео-семантического поля «Когнитивная сфера человека»). Так, например, ядерную часть микрополя «Ум» в казахском языке составляют фразеологизмы типа: *ақылы толысты* (набрался ума) ‘стал благоразумнее, умнее’, *мар қасқа* (широколобый) ‘выдающийся, корифей; умная голова’, *маңдайы кере қарыс* (лоб его на целую пядь) ‘очень умный’, *ақылы там* (много ума) ‘умный, достаточно умный’, *көзі ашық* (глаза открыты) ‘грамотный, мыслящий’, *төбесі тесік* (на его темени есть отверстие) ‘очень умен, смышлен, сообразителен’и другие.

Контрастивно-семантический анализ выявил, что в пределах микрополя «Ум» ядерные и периферийные пласты в казахском языке имеют четкие границы, которых можно условно разбить на три семантические группы и обозначить: «очень умный», «высокая эрудиция, достаточно грамотный, всесторонний», «стал благоразумнее, умнее, более грамотным». Например: *төбесі тесік, мар қасқа* «очень умен»; *өресі жоғары*, *сауат ашылды* «высокая эрудиция, набрался грамоты»; *ой кіргелі*, *пайым қылды* «набрался ума, стал понимать».

Отличительной чертой исследуемой фразеологии казахского языка является частое употребление наименований-соматизмов, которые позволяют увидеть своеобразное толкование умственных способностей человека, т.е. отражение в языке абстрактных процессов духовной (когнитивной) сферы человека посредством конкретных анатомических наименований. Так, в отражении умственных способностей человека участвуют фразеологизмы с

компонентами-соматизмами *көкірек (грудь, грудная полость), көз (глаза), құлақ (уши), маңдай (лоб), иық (плечи), омыртқа (позвонок, позвоночник), төбе (макушка), тіл (язык).* Интересно заметить, что в данном семантическом микрополе казахского языка не встречаются фразеологизмы с соматизмом *бас (голова).* В русской фразеологии наоборот, преобладают устойчивые словосочетания с компонентом *голова,* но почти не встречаются другие соматические наименования.

Данная специфика казахского мировидения может быть объяснена прежде всего, «широким распространением анатомических знаний о строении тела животных, обусловленного скотоводческим образом хозяйствования казахов, и меньшая распространенность подобных знаний у русских, ведущих земледельческое хозяйство» [3. С.184].

Если казахская фразеология рассматриваемого нами микрополя отличается употреблением соматизмов, то в русской фразеологии данный семантический фрагмент отражается в основном такими словами-реалиями как *царь, калач, аршин, палата;* соматизмом *голова;* зоонимами *собака, воробей, волк.*

В русской фразеологии микрополе «Ум» представлено такими семантическими группами как «очень умный, мудрый», «сообразительный, остроумный», «опытный, знающий». В отличие от казахского языка встречается фразеологизм, который употребляется только по отношению к женщине *синий чулок* ‘женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, учеными интересами’.

Так, например, группу «очень умный, мудрый» образуют фразеологизмы типа *ума палата* ‘очень умен’, *семи пядей во лбу* ‘очень умный, мудрый, выдающийся’, *с царем в голове* ‘очень умный, смышленый’, *головой выше* ‘намного умнее’; «сообразительный, остроумный»: *остер на язык* ‘остроумен, язвителен’, *голова варит* ‘сообразителен, догадлив, понятлив’, *видеть на три аршина в землю* ‘отличаться большой проницательностью’; «опытный, знающий»: *тертый калач, стреляный воробей, старая птица, травленый волк* ‘очень опытный, знающий человек’, *ходячий университет* ‘человек, обладающий самыми разносторонними знаниями, у кого все можно узнать, спросить’.

Наиболее обширной в русском языке является семантическая группа фразеологизмов, отражающая умственные способности человека как «сообразительный, знающий, опытный»; в казахском

языке человек, обладающий умом, наиболее часто передается фразеологизмами, составляющими группу «благоразумный, грамотный, мыслящий».

Таким образом, фразеологическая модель видения когнитивной сферы человека, в частности фрагмента «Ум» в обоих языках национально специфична об этом свидетельствуют приведенные выше фразеологические факты.

В ходе проведения ассоциативного эксперимента например, выяснилось, что у носителей казахского сознания *голова* как основной «мыслящий» орган ассоциируется в основном с другими частями тела: волосы (11), лицо (10), глаза (3), череп (3), губы (2), уши (1), основная часть тела (1), туловище (1), нога (1), часть тела (1). Из 104 респондентов-казахов у 34 (32,7%) человек оказались идентичные реакции – «голова – часть тела».

У респондентов – носителей русского языка на слово *голова* обнаружены в основном следующие ассоциации: волосы (17), ум (9), мозг (5), лицо (4), умная (5).

Следует заметить, что в русском языке обнаружен фразеологизм, обозначающий само абстрактное понятие «ум», которое передается через слово-реалию «царь»: *царь в голове* ‘ум, разум, мысли’. В казахской фразеологии такие примеры не встречались.

Результаты ассоциативного эксперимента на слова-стимулы *голова, ум, знания, знать,* представим в виде таблицы:

Слова-стимулы	**Казахи (104 респондента)**	**Русские (41 – респондентов)**
Голова (бас)	ум, мозг **12**; волосы **11**; лицо **10**; глаза, череп, умная **3**; губы, разум, шар **2**; уши, основная часть тела, туловище, нога, часть тела, человек, прическа, круглая, Я, машина, шапка, улыбка, цветок, круг, светлая, боль, умный человек, главный, котелок, познание мира **1**. **Всего реакций – 30.**	волосы **17**; ум **9**; мозг **5**; лицо **4**; умная **5**; глаза, разум, глава **2**; человек, прическа, круглая, профессор Доуэль **1**. **Всего реакций – 12.**
Ум (ақыл)	мозг **14**; глубокий, мышление, человека **3**; умный, интеллект, мудрость, развитие, познавать, мыслить, разум, глупость, думать **2**; мысль, знания, трезвый, сильный, соображать, способность мыслить, Настя Сенина, папа, великий, жизнь, гений, хитрость, высказанная, рациональность, очки, серьезный вид, серое вещество, компетентность, маяк, логика, эрудиция, острый, здравый смысл, ценить, человек с глубокими знаниями, серый, красноречивость, ловкий, физика, орешек, головной мозг, злой **1**. **Всего реакций – 45.**	мозг **10**; знания **6**; интеллект 3; мышление; умный 2; глубокий, голова, познание, долго запоминающий **2**; познавать, мудрость, трезвый, сильный, соображать, способность мыслить, мысль, большие, богатство, алгебра, ясность, светлый, шкала, отлично думать **1**. **Всего реакций – 23.**

Знания (білім)	ум (ақыл) **11**; сила **5**; книги (кітап), учение **4**; свет, школа, учебник **3**; нужные, глубокие, обучение, будущее, образование, наука, хороший, открытия, много **2**; ученые, образованность, урок (сабақ), сильный, мозг, эрудиция, учеба, возможность, мудрость, неординарность мышления, информация, познание, умный, научные, То, что получают в школе, предмет, отметки, много учебников и книг, большие, голова, человека, огромные, акимат, ребенка, ұстаз (учитель), білімді болу (быть образованным), ақылды болу (быть умным) **1**. **Всего реакций – 43.**	книги **6**; ум **5**; сила, нужные **4**; глубокие **3**; обучение, учение, ученые, полученные знания **2**; образованность, учебник, урок (сабақ), сильный, будущее, мозг, эрудиция, учеба, возможность, мудрость, нет, поиск, подъем, фундаментальные, интеллект, университет, отличная оценка, невежество, нужное средство для человека, культура, ключ в будущее, эрудированность, Аристотель, многовековые, Эйнштейн, Стол, заваленный книгами **1**. **Всего реакций – 36.**
Знать (білу)	много **7;** учиться **6;** уметь, ум **5;** учение, все, умения **4**; учить **3;** книга, читать, познавать (тану), память, узнавать, навыки, мозг, ученый, всех, соответствовать, новость, оқыған (образованный) **2;** предмет, история, владеть ситуацией, людей, хорошая, размышлять, быть в курсе, говорить, чему научился (опыт), зубрить, думать, параграф, иметь «5», о себе, Настя, соображать, хорошо, пополнить знания, прием, умничать, лучший, быть умным, все обо всем и обо всех, секрет, энциклопедия, білімді іздеу (искать знания), үйрету (обучать), білу (знать) **1**. **Всего реакций – 48.**	уметь **5;** людей **4;** учиться**,** умный, ум **3;** все, навыки, знания, запоминать, сила **2;** учить, книга, читать, много, познавать (тану), учение, свита, верить, память, мир, разум, отлично, в душе, уверенность, наблюдение, быть умным, литературу, делать, правда, хочу, иметь понятие, сведения **1**. **Всего реакций – 32.**

Национальное мировидение казахов и русских в отношении понимания «Глупости, глупого человека» отражается во фразеологии наиболее эмоционально, образно, но в грубо-просторечной форме. Носители русского языка описывают глупого человека, сравнивая его голову с соломой, пнем, дубом и другими видами деревьев: *еловая голова, дубовая голова, пень березовый, садовая голова* и другие.

Интересно заметить, что русская фразеологическая модель отражения «Глупости» строится на материале яркой, культурно насыщенной, специфичной фразеологии. Об этом свидетельствует компонентный состав фразеологизмов данного семантического микрополя, например: *заблудиться в трех соснах* ‘не суметь разобраться в чем-нибудь простом, несложном, не суметь найти выход из самого простого затруднения’, *дубина стоеросовая* ‘очень глупый человек; тупица, дурак, болван’, *мякинная голова* **‘**глупый человек, дурак’, *голова соломой набита* ‘кто-либо глуп, бестолков,

несообразителен', *пороха не выдумает* 'не отличается сообразительностью, не очень умен', курам на смех 'нелепо, бессмысленно, глупо', *цыплячьи (куриные) мозги* 'о человеке небольшого ума' *бревно нетесаное* 'тупой, серый человек' и т.д.

В казахской фразеологии, как и в русской, данный семантический фрагмент характеризуется употреблением просторечных, разговорных фразеологизмов: *ақылдан шайнам жоқ* (букв.: мозгов не хватит даже один раз проглотить) *'абсолютно тупой, без мозгов', су ми* (букв.: вместо мозгов вода) *'безмозглый'*, *есек миын жеген* (букв.: съевший мозги осла) *'глупый', көк ми* (букв.: зеленые мозги) *'глупый, бестолковый', піскен бас* (букв.: вареная голова) *'недалекий человек'* и т.д.

Интересно заметить, что специфика данной фразеологии казахского языка проявляется также в использовании цветообозначений (в русской фразеологии идентичных примеров обнаружено не было): *ақ көз* 'безрассудный, безоглядный', *ала құйын* 'легкомысленный человек', *көк ми* 'глупый, бестолковый'; частым употреблением имен-соматизмов: ақпа *құлақ* (букв.: *уши*, из которого все вытекает) 'в одно ухо влетает, в другое вылетает', бос *кеуде* (букв.: пустая *грудная полость*) 'глупый, недалекий', піскен *бас* (букв.: вареная *голова*) 'недалекий человек', ойсыз *құлақ* (букв.: *уши* без мыслей) 'тугодум, недалекий человек', жел *өкпе* (букв.: ветренные *легкие*) 'легкомысленный'.

В обоих языках при характеристике глупого человека, глупости используются имена-зоонимы, но имеются различия в составе употребляемых соматизмов. Так, в казахской фразеологии это такие соматизмы, как *есек (осел), ешкі (коза).* У казахов *коза* не воспринимается «серьезно», понимается как очень легкомысленное домашнее животное. *Осел* и у казахов, и у русских ассоциируется с глупым, бестолковым, второсортным животным.

Семантическое микрополе «Глупость» русского языка образуют такие фразеологизмы с соматизмами, как *цыплячьи* мозги, *куриные* мозги 'о человеке небольшого ума; ограниченных умственных способностей', разбираться как *свинья* в апельсинах 'ничего не понимать, совершенно не разбираться', как *баран* на новые ворота 'смотреть тупо, непонимающе', *курам* на смех 'нелепо, бессмысленно, глупо', как угорелая *кошка* 'в исступлении, бессмысленно' и т.д.

В отличие от казахского языка в русской фразеологии часты случаи употребления религиозных имен: олух *царя небесного* ‘очень глупый человек; тупица, дурак, болван’, *бог* обидел ‘глуповатый, недалекий человек’, наобум *Лазаря* ‘не продумав, не рассчитав’ и другие; встречается пример употребления наименования металла: *чугунные мозги* ‘очень тупой человек, тугодум’; отличительной чертой является также употребление звукоподражательных слов: *ни бум-бум, ни бе ни ме* (*ни кукареку*) ‘совершенно ничего не знать, не понимать, не соображать’, *с бухты-барахты* ‘необдуманно’.

Как показали материалы ассоциативного эксперимента, большинство носителей казахского языка ассоциируют глупость с грубостью, ссорой, скандалом, безмозглостью, невежеством, неграмотностью.

Носители русского языка ассоциируют глупого человека, глупость с дураком, идиотом, ослом, незнанием, молодостью и т.д.

Таким образом, этнопсихолингвистический анализ показал специфичность фразеологического моделирования когнитивной сферы человека на фоне семантических фрагментов «Ум» и «Глупость», своеобразность мировидения двух тесно контактирующих этносов, идиоэтническую характеристику двух фразеологических микросистем (хотя речь шла об отражении в языке универсальных по своей сути процессах когнитивной сферы человека).

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
2. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 368 с.
3. Сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков. – Алматы: РГП ПКО «Казснабобразования», 1999. – 183 с.

Е.В. Мякишева

СТЕРЕОТИПЫ КРАСОТЫ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Междисциплинарное понятие стереотипа активно исследуется лингвистами, социологами, культурологами, этнографами,

психологами. Отмечаются такие свойства стереотипов, как упрощенность, схематизированность, устойчивость, статичность, гипертрофированность (тенденциозность), детерминированность культурой, поляризованность оценки, интенсивность ее эмоционального проявления, способность регулировать поведение социальной группы (У. Липпман, Ю. Д. Апресян, А. К. Байбурин, Е. Бартминский, И. С. Кон, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, Ю. А. Сорокин и др.). Когнитивный стереотип как феномен сознания отражается в языке и дискурсах его носителей [1; 2; 3; 4]. Часть вербализованных стереотипов сознания представляет собой клише, идиомы, паремии, расхожие фразы – то, что чаще всего называют речевыми стереотипами. Другая часть репрезентантов является свободными высказываниями. Они и станут предметом размышлений в данной статье. Материалом для наблюдений послужили высказывания о *красивых / некрасивых людях*, извлеченные из интернет-дискурса. Обработано 50 интернет-сайтов (форумы, статьи, рекламные тексты), некоторые из которых указаны в *Списке источников* (см.). Материал ограничен литературным языком в его диалогической (преимущественно) и монологической формах.

Одна из задач работы – выявление языковых / речевых маркеров, указывающих на стереотипный характер представлений о красоте носителей современной русской культуры. Насколько шаблонны представления о красоте в обществе? По мнению Н.Д. Арутюновой, «эстетическая оценка исключает строгую нормативность, эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом» [5. С.76]. Как будто бы то же утверждает русская пословица: «На стан, на облик нет образца». Сказанное, как показывает материал, не исключает того факта, что стандарты красоты существуют.

Известно, что на наличие стереотипных представлений в языке / речи указывают специальные маркеры [2], «показатели стереотипизации описываемой ситуации» [6. С.93]. По-видимому, набор таких маркеров отчасти определяется референтной областью (см., например, маркер стереотипности «типичный», приложимый к этностереотипу (*типичный прибалт*) и неприложимый к эстетическому стереотипу (**типичная красавица*). Анализ корпуса текстов *о красоте, красивых / некрасивых людях* позволяет назвать следующие маркеры стереотипности, «поддерживающие», дополняющие друг друга в конкретных высказываниях.

1) **На уровне текста** это генеритивный регистр речи, предполагающий общие суждения, нереферентно употребленные

имена, вневременной характер описываемой ситуации, отвлеченность предметных значений существительных: *Стройная фигура – это всегда красиво. Правильная и красивая осанка – основа красоты любой женщины. Большие, выразительные глаза – признак юности и красоты.*

2) **На семантико-синтаксическом уровне** выделяется несколько маркеров:

а) пропозиции, репрезентированные синтаксическими структурами N1 Copf N1/5, N1 Copf Adjf/1/5, указывающими на постоянный характер связи между предметом и его признаком: *Самые красивые мужчины – спортсмены. Ухоженные красивые ногти – своеобразная «визитная карточка» человека. Красивые, пышные, длинные ресницы – мечта каждой женщины. Высокий рост – это красиво.*

б) модусные показатели «считают / считается, говорят», указывающие на коллективное мнение: *Красивая осанка издавна* ***считалась*** *признаком воспитанности и знатности рода. Почему маленьких женщин* ***не считают*** *красивыми? Красивой может* ***считаться*** *только высокая женщина. В эпоху Возрождения красивыми* ***считались*** *бледный цвет лица, стройная «лебединая шея» и высокий чистый лоб; Чтобы* ***считаться*** *красивым сегодня, не обязательно иметь правильные черты лица и идеальную фигуру.*

в) предикаты «должен», «необходимо», «обязательно», в категорической форме приписывающие красивому человеку обязательные, неотъемлемые свойства, качества: *Красивая девушка должна быть стройной. Красивая девушка* ***не должна быть*** *толстой. Парень* ***должен быть*** *с подтянутой, спортивной фигурой! Мужчина* ***должен быть*** *поджарым, с хорошо развитой мускулатурой. Для того, чтобы выглядеть хорошо и быть красивой, женщине обязательно* ***нужно*** *следить за своей фигурой. На каблуках вы или нет, нужно сохранять красивую осанку.* На «сигнальный» характер подобных слов указывает О. В. Коротун: «Такие предикаты более категорично концептуализируют фрагмент действительности, что свидетельствует об устойчивости стереотипов; стереотипы, представленные «жесткой» формой, труднее опровергнуть» [6. С.96]. Данные маркеры координируют с отмеченной специалистами способностью стереотипа определять нормативные установки.

г) уступительные союзы «несмотря на; хотя... но». ***Несмотря на*** *свои семьдесят, она выглядит прекрасно. Она была очень красива,* ***несмотря на*** *бритую голову и простую одежду.* ***Несмотря на*** *ее возраст, она выглядит великолепно. Он был весьма красив,* ***несмотря на*** *седые волосы на висках.* Подобные высказывания отражают общую положительную эстетическую оценку вопреки факторам,

устойчиво ассоциируемым с образом *некрасивого человека* (объект оценивается положительно вопреки стереотипу). Отметим, что дистанцирование автора высказывания от стереотипного представления актуализирует уникальность объекта эстетической оценки.

3) **На лексическом уровне** значимы показатели множественности субъектов мнения (*каждый, любой, всякий, многие, большинство* и др.): *Каждый человек хочет иметь красивую улыбку, которая невозможна без белых ровных зубов. Иметь длинные красивые ноги – о таком подарке судьбы мечтает* ***любая*** *девушка.* ***Любую*** *женщину украшает любовь и внутреннее ощущение счастья. Непременной чертой* ***всякой*** *привлекательной женщины всегда были красивые руки и ногти.* ***Большинство*** *мужчин любят высоких, красивых и стройных девушек.* Некоторые лексические маркеры указывают на стереотипы, ограниченные временными рамками *(всегда, сейчас, сегодня, в моде и др.). Тонкая талия является единственной чертой женского тела, которая* ***всегда*** *являлась стандартом красоты. Ухоженные руки и красивые ногти* ***всегда*** *смотрятся привлекательно. Достаточно посмотреть на первых голливудских красавиц и топ-моделей, чтобы понять, какой тип женской красоты* ***сегодня в моде.*** Подобные маркеры отмечены в литературе по этнолингвистике и лингвокультурологии (см. [2]).

Наличие одного или нескольких из указанных маркеров в высказывании рассматривалось как сигнал стереотипного характера заключенного в нем суждения. Таким образом, был выявлен корпус высказываний, репрезентирующих эстетические стереотипы. Следующим этапом работы было описание отдельных стереотипов и анализ соотношений между ними. Ниже будут представлены некоторые устойчивые представления *о красивых и некрасивых людях.*

Как известно, многие (но не все) стереотипы оценочны. Поляризованность оценки является значимой характеристикой эстетических стереотипов. Анализ речевой практики участников интернет-коммуникаций носителей русского языка позволяет утверждать, что многие стереотипы эстетической оценки человека образуют оппозиционные (антагонистические) пары: **Быть худым – это красиво. – Быть худым – это некрасиво; Высокий рост – это красиво. – Высокий рост – это некрасиво; Красота – свойство молодости. – У каждого возраста своя красота.**

Положительная эстетическая оценка образа **худого человека** может репрезентироваться через синтагматическое сближение предикатов *худой, стройный, красивый* (соединительная

конъюнкция объединяет компоненты с одинаковым аксиологическим знаком): *С завтрашнего дня сажусь на диету. Буду* ***худой-худой и красивой!***; *Хотите ли вы узнать все секреты формирования* ***красивой и стройной*** *фигуры?* (рекл.).

Известно, что некоторые стереотипы фиксирует идеальные представления ценностно-нормативной системы, что позволяет им выступать регуляторами поведения. Люди воспринимают их как образцы, которым надо соответствовать. Таков стереотип «Быть худым – это красиво». Именно поэтому репрезентирующие его высказывания зачастую содержат предикат со значением активного действия, направленного на достижение конкретной цели – похудеть: *Миллионы женщин потеряли сон и покой, пытаясь* ***втиснуть*** *себя в размеры девочки-подростка. Многие толстушки с нескрываемой завистью смотрят на стройных женщин; несчастные толстушки готовы буквально на все, чтобы* ***стать худенькими*** *и миниатюрными. Всегда ли нужно* ***бороться с весом****, чтобы в угоду общепринятым* ***стереотипам*** *довести его до параметров известной формулы: рост минус 110?*

Стереотипность положительной эстетической оценки *худого человека* регулярно выражается при помощи компонентов высказывания, реализующих значение объективной модальности при отсутствии / наличии компонентов, указывающих на несогласие автора высказывания с общим мнением: ***Сейчас в моде*** *именно стройные женщины.* ***Многие*** *толстушки с нескрываемой завистью смотрят на худых женщин.* ***Сегодня*** *на дворе эпоха куклы Барби. Средства массовой информации* ***постоянно*** *показывают нам идеал современной женщины – 90-60-90.*

Отражен в интернет-дискурсе и стереотип-антагонист: **Быть худым – это некрасиво.** См. высказывание с использованием приема обманутого ожидания: *Представьте себя такой худенькой-худенькой. Насколько ваша внешность стала невзрачнее и скромнее! Вы стали одной из тех невзрачных худышек, которые тысячами ходят по улицам.* Данный стереотип принадлежит традиционной культуре и многократно зафиксирован во фразеологических единицах: *кожа да кости, мешок с костями, тощая как вобла, плоская как доска, одни кости, костями гремит, кости наружу, одни ребра остались, можно ребра пересчитать* и т.п. [7].

В высказываниях, репрезентирующих стереотип **Быть худым – это некрасиво**, актуализируется значение «сверх меры», что напрямую передается обесценивающими наречиями *слишком, чересчур:* ***Слишком худое*** *лицо, как у Марины, освежит широкая и пышная прическа,* или косвенно, посредством ассоциативных связей концепта «худоба» с понятиями болезни, смерти, недоразвитости: *Судя по вкусам современных мужчин – самыми красивыми были еврейские*

девушки из концлагеря *Бухенвальд. Порой противно смотреть на* ***болезненно худых*** *манекенщиц. Мужчины, особенно в зрелом возрасте, хотят видеть в женщине женщину, а не* ***плоскую девицу с острыми плечиками*** *и коленками подростка. Женское тело не должно быть слишком* ***«костлявым»****, в противном случае оно теряет привлекательность.*

Стереотип **Высокий рост – это красиво** находит свое вербальное выражение в высказываниях: *В любом случае высокий рост считается одним из признаков красоты (как у мужчин, так и у женщин)****;*** *Нетрудно понять поклонниц, которые бегают за двадцатишестилетним артистом из Астрахани. В нем есть все признаки мужской красоты – высокого роста, широкоплеч, голубоглаз и т.п.* Стереотипные представления об эстетическом восприятии роста неодинаковы для мужчин и женщин, поэтому высказывания, включающие эстетическую интерпретацию роста, зачастую содержат компонент, указывающий на гендерную группу, для которой релевантно данное высказывание: ***Для мужчин*** *высокий рост – это почти самое главное в их сексуальной привлекательности.* *Если* ***у мужчины*** *рост маленький – это проблема, а* ***для женщины*** *нет, если она хороша собой, это все равно заметят.* ***Для*** *маленькой* ***женщины*** *автоматом закрыты конкурсы красоты.*

Существует и противоположный стереотип: **Высокий рост – это некрасиво**. Он находит свое выражение в типичном высказывании: *Он (Она)* ***стесняется*** *своего высокого роста. В отличие от рослых мужчин, высокие женщины* ***стесняются*** *своего роста.* ***В мужском представлении*** *о прекрасной даме рост если и фигурирует, то скорее как* ***недостаток.*** В подобных высказываниях так же, как в высказываниях *о худых людях,* употребляется наречие *слишком,* которое актуализирует значение «сверх меры». *Мне казалось, что у меня некрасивая фигура, что я* ***слишком*** *высокая…* ***Слишком*** *высокие люди непропорциональны и некрасивы.*

В языке закреплены стереотипные представления о связи эстетической оценки образа человека с его возрастной характеристикой. Здесь речь идет о двух противоположных друг другу стереотипах, которые могут быть сформулированы следующим образом. С одной стороны, **Красота – свойство молодости,** с другой стороны – **В любом возрасте человек может быть красивым.** Первый репрезентируется в высказываниях: ***Красота*** *имеет свойство* ***увядать со временем****. Каждая женщина знает: красота и молодость – одни из самых быстротечных даров природы. Молодость сама по себе красива. В 30 и т.д. нельзя быть такой же красивой как в 20.* Свойство объекта *красота* имеет точную локализацию на оси времени: оно относится строго к временному отрезку жизни человека, обозначенному как

молодость. Ср. высказывание с выраженными противительными отношениями, имплицитно отсылающее к данному стереотипу: *С годами ее **красота** и очарование не только не **увядают**, но и становятся все более привлекательными.*

Рассматриваемый стереотип часто актуализирует в репрезентирующих его высказываниях смысл ‘чем старше человек становится, тем труднее ему оставаться красивым’: *В 16 лет ты естественно прекрасен, а к 30 годам – это уже твой труд. С возрастом **красота увядает** и ускользает, но лишь в том случае, когда вы не прилагаете усилий, чтобы ее удержать. Красота в зрелом возрасте – это результат ежедневных усилий и грамотного подхода к своей внешности... . С возрастом практически каждая женщина задумывается над тем, как же сохранить **красоту** и молодость **своей** кожи…. Следить за собой нужно, тогда будешь выглядеть и в 50 красивой.*

Согласно противоположному представлению, каждый возраст имеет соотносимый с ним тип красоты. *В **каждом** возрасте женщина по-своему красива. У каждого возраста своя красота… (рекл.). **Каждый** человек способен достичь достаточно высокого уровня физической **красоты** и крепости тела, соразмерных его **возрасту** и состоянию здоровья. Женщина бывает красива в **любом возрасте. Каждая – по-своему**. Ухоженная женщина, умеющая себя преподнести, красива в любом возрасте. Женщина красива и привлекательна **в любом возрасте**, только **по-своему. В каждом возрасте** женщина может быть красива, просто красота ее меняется от свежей и зеленой до зрелой и глубокой.* В подобных высказываниях эстетические свойства / качества соотносятся с осью времени, признается, что они допускают изменение во времени без утраты эстетической оценки объекта как красивого. То есть красота человека является не вневременным качеством, а реализуется как красота^{1}, красота ^{2}, … красота ^{n}.

Итак, язык замечает и фиксирует стереотипные и эталонные представления о *красивом / некрасивом человеке*. Высказывания, репрезентирующие стереотипные ассоциации *красивого / некрасивого человека* (в человеке) с характеристиками *худой – толстый, высокий – низкий, молодой – старый*, содержат представление о красоте как свойстве внешнего облика.

Для стереотипных представлений об эстетической сфере человека характерна упрощенность, обобщенность (свойство всех стереотипов), поляризованность оценки (специфическая характеристика эстетических стереотипов). Главная особенность стереотипных представлений о красоте – возможность одновременного функционирования противоположных друг другу

(антагонистических) стереотипов в одном и того же национально-культурном сообществе, что подтверждается регулярностью их вербализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

http://www.lovehate.ru/opinions/9892;
http://www.iwoman.ru/phpBB_14-index-action-viewtopic-topic-4154.html;
http://www.pepsilight.ru/blog/ne-zvezda/64523;
http://dietmagic.ru/;
http://zeta777figure.narod.ru/6.html;
http://www.velikie-luki.ru/Krasota3-6.html;
http://www.domzv.ru/trenag.asp;
http://www.justlady.ru/beauty/522/;
http://www.secur.ru/vitmib31.htm и др.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Белова О. В. Этнические стереотипы (по данным языка и народной культуры славян: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2006. – 21 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – Мн.: ТетраСистемс. – 2004. – 256 с.
4. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.
5. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
6. Коротун О. В. Категоризация языкового образа «внешнего человека» в ЯКМ и дискурсивной практике носителей русского языка // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. Часть II. / Под ред. М. П. Одинцовой, Н. В. Орловой. – Омск: Вариант-Омск, 2006. – С. 87–105.
7. Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 4-е. – М.: Рус. яз., 1987. – 544 с.

Н. М. Нестерова

ПЕРЕВОД КАК ВТОРИЧНАЯ ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ИЛИ «СКАЗАТЬ ПОЧТИ ТО ЖЕ САМОЕ»

В переводе в собственном смысле слова царит молчаливый принцип, обязывающий юридически уважать высказывание другого лица, хотя это интересная проблема юриспруденции: установить, ***что*** *понимается под уважением к высказыванию другого лица в тот момент, когда совершается переход из одного языка в другой.*

У. Эко

Термин «текстовая деятельность» уже давно используется в научной литературе. Согласно Т. М. Дридзе, социальная коммуникация – это «обмен действиями порождения и интерпретации текстов, т. е. **текстовая деятельность**, в ходе которой выясняется, способны или не способны люди понимать друг друга» (Выд. наше – *Н. Н.)* [1. С. 145]. При этом Т. М. Дридзе подчеркивала, что текстовая деятельность является универсальным процессом, который не зависит от того, носителем какого языка является человек, поскольку тексты «порождаются и интерпретируются по общечеловеческим законам» [1. С.148].

В настоящее время стал широко использоваться и термин «вторичная текстовая деятельность». В своих последних работах А. И. Новиков достаточно часто употреблял данное выражение, определяя этот термин как «деятельность по созданию вторичных текстов», на основании которой он судил о механизмах образования содержания и смысла текста в сознании реципиента [2. С.157].

А. И. Новиковым был проведен ряд экспериментальных исследований, позволивших сделать ряд важнейших выводов относительно сущностной природы текста и его семантики, а также процессов его порождения и восприятия. Во-первых, было дано операциональное определение содержания и смысла текста (сегодня уже достаточно хорошо известное, благодаря частому цитированию, в частности, в работах его учеников), т. е. была четко сформулирована дихотомическая суть семантики текста. А. И. Новиковым была предложена и методика для анализа процесса осмысления с использованием так называемой «эндо-» и «экзо-лексики». Кроме того, была выявлена зависимость совпадения/ расхождения смысла и содержания в тексте от типа последнего. Вывод, к которому приходит А. И. Новиков, звучит так: «В одних случаях расхождение между смыслом и содержанием может быть

настолько незначительным, что они практически совпадают. В других же случаях это расхождение может быть достаточно большим. При этом в одних случаях может доминировать смысл, вследствие чего содержание играет подчиненную роль. В других же – наоборот, содержание, которое формируется на основе смысла и как бы «растворяет» его в себе» [2. С.176].

Текстами, где расхождение содержания и смысла минимально, являются тексты научной, технической тематики и так называемой деловой прозы, где смысл, по словам А. И. Новикова, как бы «растворяется» в содержании. В художественных текстах такое расхождение становится максимальным. Названное различие объясня-ется прагматикой текста, теми задачами, которые решаются в нем.

Среди вторичных текстов, к которым обращался Новиков, перевода не было, хотя вторичность перевода представляется очевидной. На это указывается во многих работах, посвященных переводу. «Начинать надо, очевидно, с указания на **вторичность** переводческого процесса», – пишет П. Топер [3. С. 169]. Специфика вторичности перевода отмечается и В. С.Виноградовым: «Это искусство “вторичное”, искусство “перевыражения” оригинала в материале другого языка. <... > оно репродуцирует существующее художественное произведение, а не создает нечто абсолютно оригинальное». Однако далее Виноградов подчеркивает, что перевод «составляет особую разновидность художественно-творческой деятельности, своеобразную форму “вторичного” художественного творчества» [4. С. 8].

Итак, есть все основания считать перевод вторичной текстовой деятельностью. Однако это очень сложная вторичная текстовая деятельность, а ее результат – текст перевода – является самым непростым вторичным текстом с точки зрения его онтологии, и он занимает особое место в многочисленном и многообразном корпусе вторичных текстов. Образно говоря, он «чужой среди своих», о чем свидетельствует тот факт, что в работах, посвященных вторичным текстам, он, как правило, не рассматривается. С другой стороны, в переводоведческих исследованиях, особенно в рамках лингвистической субститутивно-трансформационной концепции перевода, вторичность перевода понимается как его конституирующий признак, но предметом специального исследования она до настоящего времени не являлась. Другими словами, перевод считался вторичным по определению (*ex definitione).*

Исключение делалось для поэтического перевода: «В такой сложной и многомерной области, как поэтический перевод, **соотношение первичности и вторичности в тексте представляет собой переменную величину**, и поэтому сказать, где кончается перевод и начинается самостоятельное творчество, далеко не всегда возможно» [5. С.48]. Нам же представляется, что не только поэтический, но практически любой перевод – это всегда диалектика первичности и вторичности, соотношение которых действительно есть переменная величина.

А. И. Новиков предложил в свое время модель порождения вторичного текста. Принципиальным в данной модели является так называемый «пусковой механизм», инициирующий процесс порождения текста. Для инициации процесса порождения первичного текста таким пусковым механизмом, как известно, является **замысел**, формированию которого предшествует (и способствует ему) существующая в интеллекте так называемая **тема-понятие**. Тема-понятие, соответствуя потенциальному **главному предмету описания** будущего текста, может стать своего рода основой для формирования не одного, а многих замыслов, реализуемых в различных текстах; каждый из таких текстов будет по-своему «единственным» (в данном случае первичным). Эта «единственность» (уникальность) объясняется самой природой замысла, в котором в отличие от темы-понятия отражается определенный конкретный аспект рассмотрения потенциального предмета описания. С другой стороны, тексты, созданные на основе одной темы-понятия, образуют своего рода **синонимический ряд.** Степень синонимичности, близости таких текстов может значительно варьироваться, но вероятность появления очень «близких» текстов достаточна мала.

В случае порождения вторичного текста аналогом такого механизма является **тема первичного текста**, которая представляет собой некое «ментальное образование, возникающее в мышлении в результате понимания текста и представляющее собой максимально свернутое его содержание» [6. С.158]. Данная тема отличается, с одной стороны, от темы-понятия (ей свойственна большая конкретность), а с другой – она может не совпадать содержательно и с замыслом первичного текста, поскольку последний, как правило, претерпевает изменения (иногда существенные) в процессе текстопорождения. Тема текста, будучи в каком-то смысле тождественной авторскому замыслу, отличается от последнего тем, что на ее основе может быть создан не один текст, а некоторое множество близких текстов, которые

могут различаться (иногда значительно) как по форме, так и по содержанию. Они также образуют синонимический ряд, но специфика этого ряда заключается в том, что все тексты генетически связаны между собой общим первичным текстом. Синонимические ряды, образуемые первичными и вторичными текстами, отличаются по «источнику» своей межтекстовой близости: в одном случае это «тема-понятие», которую можно определить как общее (далеко не конкретное) представление о предмете будущих текстов, а в другом случае это тема данного (конкретного) текста. Совершенно очевидно, что степень близости во втором синонимическом ряду много выше и, следовательно, вероятность появления даже очень близких текстов достаточна высока. В качестве доказательства можно привести проведенный нами эксперимент по реферированию [7]. Тексты, полученные в процессе реферирования одного исходного текста, можно рассматривать как синонимический ряд.

Доказательством синонимичности служат также похожие, а иногда и почти одинаковые переводы. Конечно, такие вторичные тексты могут отличаться как степенью близости к своему общему исходному тексту, так и полнотой развертывания его темы. Последняя задается жанром данного конкретного вторичного текста, его функциональной направленностью – замещать первичный (исходный) текст в другой культурной и языковой среде или только представлять его, информировать о нем.

Степень близости вторичного текста к своему источнику определяется и тем ментальным образованием, которое формируется в сознании автора вторичного текста. Очевидно, что при переводе таким ментальным образованием может быть как предметная (денотативная) структура исходного текста, так и его смысл. Главным отличием данных ментальных образований можно, по-видимому, считать критерий объективности/ субъективности.

Поскольку денотативный уровень текста отражает объективно существующую предметную реальность, можно считать, что при порождении вторичного текста, для которого исходным является текст с доминирующим содержательным планом, почти всегда есть объективная возможность создать текст, эквивалентный исходному на предметном уровне. Бесспорно, вторичные тексты, созданные на основе денотатной структуры, составляют синонимический ряд, «члены» которого обладают достаточно выраженным «фамильным сходством», т. е. их родственность очевидна.

Совсем другую картину представляет порождение текста, когда доминирующей ментальной структурой, возникшей в сознании в результате восприятия первичного текста, является не денотатная, а смысловая. Данная структура, в отличие от предметной, отличается достаточно большой субъективностью, и абсолютно объективного критерия для ее сопоставления с текстом нет и не может быть. Соответственно, меняется и сам процесс порождения вторичного текста: он становится более «авторским», приобретая черты «первичности». Причем эта первичность проступает уже на этапе осмысления. Если представить понимание текста в математических терминах «дано» и «найти», то можно сказать, что в текстах, где доминирует предметное содержание, имеется однозначное решение с объективно правильным ответом (ответ задан текстом, и можно говорить об объективно существующих ошибках – ошибках понимания). В случае текстов, в которых доминирует смысл, такого решения быть не может: это задача с неограниченным количеством правильных решений, каждое из которых может быть первичным (в значении «первый»). «Фамильное сходство» таких текстов может быть не столь заметно хотя несомненно, что и эти тексты связаны между собой на генетическом уровне и это не позволяет им совсем «оторваться» друг от друга. Они, можно сказать, образуют свое собственное межтекстуальное пространство, ядро которого составляет оригинальный текст.

Вариативность текстов перевода одного и того же оригинала может быть различной. Среди факторов, от которых зависит данная вариативность, значительную роль играет фактор, который Ю. М. Лотман назвал «надежностью канала передачи», надежностью кода. При этом, как известно, самыми «надежными» каналами передачи (кодами) являются искусственные языки, естественные такой надежностью не могут обладать в принципе. В связи с этим Ю. М. Лотман пишет, что «спектр текстов, заполняющих пространство культуры», можно представить расположенным на оси, полюса которой образуют искусственные языки, с одной стороны, и художественные – с другой. Остальные, по мнению ученого, должны находиться на разных точках оси, тяготея то к одному, то к другому полюсу [8. С.160–161].

Если воспользоваться идеей шкалирования и представить себе ось, на которой расположены тексты переводов в зависимости от их близости к оригиналу, т. е. степени их первичности/вторичности, то центральную точку данной шкалы можно считать «золотой серединой», означающей идеальное

соотношение первичного и вторичного в тексте перевода, «своего» и «чужого», точности и вольности. Это умозрительное, теоретическое соотношение; практика, как правило, предлагает нарушение этого равновесия. Реальные переводы всегда стремятся к одному из полюсов. Если попытаться распределить тексты переводов по данной шкале, то можно представить следующую картину. В область «наибольшей вторичности» попадают тексты научных и технических переводов, выполненные переводчиком, стремящимся к «вассальной службе» (выражение С.Аверинцева) оригиналу. В зону «наибольшей первичности» – художественные «вольные» переводы, выполненные переводчиком-поэтом с выраженной сильной субъективностью.

У. Эко, чьи слова мы вынесли в эпиграф, говоря о переводе, пользуется понятием обратимости. Данное понятие взято им из определения перевода, которое дается «Альтавистой»: «Текст В на языке Бета является переводом текста А на языке Альфа, если при обратном переводе В на язык Альфа получается текст $А_2$, некоторым образом имеющий тот же самый смысл, что и текст А» [9. С.68]. Если принять данное определение, то перевод, бесспорно, является абсолютно вторичным и такие тексты должны находиться на полюсе «абсолютной вторичности».

Но, как известно, полная обратимость практически невозможна, она достижима только в очень редких случаях, на уровне отдельных фрагментов текста. Конечно, возможна обратимость на уровне содержания, о чем речь шла выше, а не на уровне внешней формы текста, его языка, особенно когда речь идет о художественном тексте. Поэтому книгу о переводе У. Эко и назвал «Сказать **почти** то же самое» [9. С.109]. Выделенное нами слово «почти» как раз и указывает на то, что перевод практически никогда не является копией оригинала, это всегда **новый** текст, хотя он и является плодом **вторичной** текстовой деятельности. Другими словами, есть все основания утверждать, что вторичность перевода тесно переплетена с первичностью, особенно в случае художественного перевода. Однако и художественный текст может быть различен, может содержать больше или меньше скрытых смыслов, «провоцирующих» переводчика на соответствующее творчество, на его большую или меньшую вольность. Большое значение имеет и язык автора. Известно, что есть «переводимые» и «непереводимые» тексты и авторы. Интересными представляются замечания И. Бродского о переводимости А. Платонова и С. Довлатова, о языке этих писателей. Как известно, поэт очень высоко ценил Платонова как писателя-романиста, называл его

величайшим прозаиком прошлого века, особенно отмечая значение того, что писатель «проделывал с языком». Согласно Бродскому, язык Платонова «заводит русский язык в смысловой тупик или – что точнее – обнаруживает тупиковую философию в самом языке». Именно Платонова Бродский называл самым непереводимым русскоязычным писателем. Что касается С.Довлатова, то тут он отмечал сравнительную легкость перевода довлатовских произведений на английский язык, «ибо синтаксис его (Довлатова) не ставит палки в колеса» [10; 11. С.360]. Но даже и тогда, когда текст переводить «легко», это не значит, что текст перевода является абсолютно вторичным.

Из всего вышесказанного следует, что вторичность перевода, будучи его онтологическим свойством, далеко не однородна. В связи с этим мы предлагаем различать **степень** и **тип** вторичности. Говоря о степени вторичности, мы имеем в виду некую «уровневую», «количественную» характеристику, позволяющую ранжировать вторичность как большую/меньшую, различать высокую/низкую степень вторичности. «Мерой» вторичности в данном случае может быть соотношение «эндо-» и «экзо-лексики» в тексте перевода [12]. В этом случае речь не идет о переходе текста перевода в другой дискурсивный ряд по сравнению с оригиналом. Считаем, что степень вторичности в большой мере определяют тип переводимого текста и личность переводчика.

Под **типом** вторичности мы понимаем дискурсивно-типологическое сходство/различие перевода и оригинала. В данном случае наиболее значимым параметром становится метод перевода. Здесь примерами могут служить хорошо известные переводы «Евгения Онегина» А. Пушкина и «Винни-Пуха» А. Милна, выполненные, соответственно, В. Набоковым и В. Рудневым. Данные переводы в сочетании с комментариями их авторов представляют собой дискурсивно иные тексты, имеют иную прагматическую установку по сравнению с оригиналом.

Говоря о вторичности перевода, целесообразно также различать **абсолютную** и **относительную** вторичность. К признакам абсолютной вторичности относятся 1) хронологическая последовательность (перевод всегда следует за оригиналом); 2) заданность темы и содержания, а значит, заданность проекции текста на сознание; 3) определенная заданность языковых средств (эндо-лексики).

К признакам относительной вторичности (или, условно говоря, первичности) можно отнести следующие: 1) формирование замысла как результата смыслового восприятия, которое

неизбежно ведет к смысловому сдвигу, создавая тем самым новый смысл, а значит, и новый текст; 2) личностный, субъективный характер проекции сознания на текст, что порождает контртекст, модифицируя исходный; 3) смену языка, создающую **новую** внешнюю форму, которая, в свою очередь, неизбежно ведет к изменению и внутренней.

Таким образом, можно сказать, что (текст оригинала, преломляясь в текстах перевода, значительно расширяет свое смысловое пространство, увеличивая тем самым свою смыслопорождающую продуктивность. Все это означает, что перевод – это **новая ступень в развитии оригинала** (как смысловом, так и языковом), что и дарует последнему бытие, которое в англоязычной литературе получило название «after-life».

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. – 1996. – №3. – С.145–152.
2. Новиков А. И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики-2001. – М.: Азбуковник, 2002. – С.155–181.
3. Топер П. М. Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. – 1998. – № 6. – С.161–178.
4. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 174 с.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
6. Новиков А. И., Сунцова Н. Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. – 1999. – № 3. – С.158–166.
7. Новиков А. И., Нестерова Н. М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М.: Наука, 1991. – 148 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
9. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 С.
10. Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова. http://www. worldart. ru/lyric/lyric. php?id=7907.
11. Бродский И. О Сергее Довлатове. Мир уродлив и люди грустны // Довлатов С.Собрание сочинений в 3-х томах. – СПб.: Лимбус Пресс, 1995. Т. 3. – С. 355–362.
12. Нестерова Н. М. Перевод в свете теории смысла А. И. Новикова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 11. – М.: МГЛУ, 2006. – С.139–146.

М. Ю. Никуличев

ПРИЧАСТНО-НОМИНАТИВНЫЕ КОМПОЗИТЫ С МЕТАФОРИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ

Абсолютное большинство композитов Nom-P_{II} представляют собой сложные слова с прозрачной структурой, что позволяет соотносить их со свободными словосочетаниями. Являясь цельнооформленной языковой единицей, эти сложные слова выполняют функцию передачи синтаксических отношений, равнозначных постпозитивному причастному обороту. Именно они реализуют доминантную модель, которая так или иначе модифицируется в языке.

Многие из этих композитов могут быть неологизмами, созданными по продуктивным моделям. Их легко понять и вне контекста: jazz-appropriated theme «тема, ставшая джазовой», то есть «тема, принятая джазом»; hate-generated vulnerability; cash-settled contracts = contracts settled with cash; star-printed fabric = fabric printed with stars.

Ярким примером может служить фраза героини одного популярного американского телевизионного сериала “Ally McBeal”: I am not Jack-dissappointed or Billy-disappointed, I am just disappointed «Я расстроилась не из-за Джека или Билли, я просто расстроилась». Рассуждая о метаязыке описания, О. Н. Селиверстова писала, что «желательно, чтобы терминологическое употребление слова не противоречило бы его обычному значению, а лишь сужало или, наоборот, расширяло бы его объем» [1. С.564]. Нечто подобное имеет место в номинативно-причастных композитах: при перемещении в поле терминологии они сужают значения составляющих композит слов, а при переходе в поле окказиональности и художественной метафоры расширяют соответствующие значения.

Большая группа композитов, находящихся на семантической периферии модели, представляет собой сочетания с переносным значением. Некоторые из них являются неологизмами, другие настолько устойчивы, что регистрируются словарями.

Изменение значения, построенное на семантическом переносе, возможно именно благодаря наличию семантически нейтрального ядра модели. Как отмечалось в исследовании Е. Бабенко, посвященном языковой игре в немецкой рекламе, узуальные варианты значения могут развиваться только тогда, когда в сознании носителей языка четко закреплена идея определенной

нормы. Тогда ее нарушение может вызвать требуемый коммуникативно-стилистический эффект [2].

Метафоричность сложных слов модели Nom-P_{II} проявляется достаточно часто. Так, оценивая словообразовательные возможности данной категории слов в диахроническом аспекте, Г. Г. Прядильникова пишет: «Если в древнеанглийском такие сложные прилагательные имели лишь значение непосредственно вытекающие из значения компонентов, то в новоанглийском нередки случаи, когда они развивают несколько значений. Так прилагательное moss-grown «поросший мхом» в результате метафорического употребления получило значение «устаревший» [3. С.108].

Можно привести немало примеров, когда весь словообразовательный комплекс развивает переносно значение по типу: iron-clad rules или moth-eaten law. Фактически в композите закрепляется устойчивая метафора. Ср.: Around us stood *moth-eaten brown castle towers* (Kostova, The Historian). Во всех таких случаях, развертывание композита в причастный оборот оказывается невозможным: iron-clad rules нельзя трансформировать в *rules clad in iron. Ср. возможность такого развертывания в ядре модели leather-clad bikers => bikers clad in leather «одетые в кожаные вещи байкеры». Такое переосмысление есть результат развития словом многозначности и не имеет отношения к сложной структуре композита.

Структурно-семантические типы композитов

Любой окказионализм встраивается в языковой системе в словообразовательную парадигму: каждая новая номинация структурно и семантически строится по известному узуальному словообразовательному образцу. В зависимости от того, что обеспечивает понимание номинативно-причастного композита – исключительно семантическое наполнение его составных частей или использование контекстуального материала и фоновых знаний – композиты можно разделить по способу их толкования на две группы.

1. Структурно- и лексически-мотивированные, т. е. конструкции, понятные по своей структуре, которые понимаются и интерпретируются независимо от контекста, так как их составные части содержат полную информацию о семантическом содержании.

Такие композиты представляют собой новообразования открытого парадигматического ряда. Семантически они независимы от контекста, для их понимания не нужна

дополнительная информация: сложные слова понимаются дословно, так как им присущи структурно ясные, семантически определенные отношения [4. S. 67]. Оба компонента как мотивирующие составные части образуют общее значение композита и делают его прозрачным. Их внутренняя структура настолько «прозрачна», что не требует пояснения: sea-launched, bomb-blasted, book-lined. При этом следует помнить, что понимание композита напрямую зависит от распространенности и употребимости данной модели. Слово, созданное по аналогии, «строится семантически, как его прототип, и в этом смысле его смысловая структура обычно ограничена вполне определенным значением» [5. С.28].

2. Лексически-немотивированные, т. е. конструкции с метафорическим переносом: сами они не отражают и не выражают отношения, существующие между двумя составляющими компонентами, поэтому их интерпретация возможна только на базе внеязыкового «фонового» знания. Понимание таких композитов во многом зависит от контекста. Декодирование их семантической структуры невозможно без привлечения контекстуального материала, так как они содержательно зависимы от предыдущего или последующего контекста, то есть имеют анафорическую или катафорическую зависимость от текста. Для правильного понимания таких сложных слов требуется хотя бы минимальный распространяющий их контекст: age-adjusted (rate of suicide) «уровень самоубийств, рассчитанный по возрастным группам», dope-drenched (behavior) «поведение человека, накачанного наркотиками», sleaze-tarnished (Tory candidate) «кандидат консерваторов, запятнанный инсинуациями». Уместно привести метафорическое журналистское новообразование booze-laced, которое было объявлено лучшим неологизмом 1999 года [6].

Использование в качестве прототипа новых слов продуктивной модели позволяет новообразованиям быть легко понятыми и принятыми носителями языка. Мотивированность базовой модели обеспечивает новым композитам, менее лексически прозрачным, семантическую ясность и возможность встраивания в узнаваемую парадигму значений. «Сложное / производное слово в целом выступает как особый гештальт, то есть как когнитивная структура, являющаяся одновременно и целостным (холистическим) и анализируемым (расчленяемым по мере необходимости) знаком» [5. С.25]. Мотивированность и легкая членимость увеличивают степень продуктивности новообразований, так как «позволяют человеку, не сильно нагружая память, легче манипулировать

исходными смысловыми элементами для создания новых номинативных единиц» [7. С.139].

Развитие вторичных, или переносных, значений в композитах может идти разными путями. Ниже предложена их классификация.

1. *Переосмысление модифицирующего компонента по агентивному типу,* **доминантному для модели Nom-P_{II}.**

Примером могут служить встречающиеся в разных контекстах и разнообразных вариантах композиты типа *road*-tested tips, *closure*-threatened factory, *deadline*-controlled life, или *plan*-led approach, где происходит переосмысление модифицирующего неодушевленного существительного по агентивному типу, как если бы дорога, закрытие фабрики или план выступали в качестве силы, производящей действие.

В рамках данной модели особенно часто подвергается персонификации *идея времени,* в том числе и в его метонимических проявлениях, например *clock*-induced stress или *time*-worn debates.

Сюда же можно отнести примеры типа приведенных выше терминов air-actuated mechanism или неологизмов, построенных по продуктивной модели jazz-appropriated theme, hate-generated vulnerability. Это широко распространенный перенос, лежащий в основе весьма продуктивной модели, где модификатор – то или иное *явление природы* или *стихийное бедствие* типа weather-beaten, war-damaged и др.

2. *Переосмысление описываемой композитом ситуации за счет изменения ее концептосферы*

В данном случае по отношению друг к другу компоненты сохраняют буквальное значение, однако описываемая ими ситуация по отношению к определяемому денотату приобретает переносное, метафорическое значение. Речь идет о контекстно-зависимом переносе, обычном для художественных и публицистических текстов. Когнитивным механизмом такого переосмысления является перенос композитного значения из одной концептосферы в другую:

- moss-grown stone «поросший мхом камень»> moss-grown mentality «консервативный (как бы поросший мхом) менталитет»;

- moth-eaten coat «изъеденное молью пальто» > moth-eaten low «устаревший (как бы побитый молью) закон;

- blood-drenched uniform «пропитанная кровью униформа» > blood-drenched border «граница, где проходили кровопролитные бои» (как бы «пропитанная кровью» граница).

Ср. также разную степень метафорического переноса, с одной стороны, в устойчивой лексической метафоре типа: heart-broken,

употребляемой по отношению к человеку: heart-broken husband, и, с другой стороны, в явно узуальном, переносном, употреблении применительно к неодушевленному объекту: heart-broken verses.

3. *Метафорическое переосмысление первого, номинативного, компонента*

Лексическое переосмысление может затрагивать не оба, а лишь один из компонентов композита, что создает особые типы семантической периферии модели Nom-P_{II}.

Переосмыслению подвергается не все сложное слово, а только модифицирующее существительное, тогда как глагольное ядро сохраняет прямое денотативное значение. Так, в художественном тексте для создания более выразительного описания, например описания окна, залитого дождем, вместо компонента rain может быть использована его метафора *дождь* как *серебро*:

- *silver*-mottled window «окно, испещренное серебром», от глагола to mottle «испещрять, покрывать капельками, пятнышками». В ином контексте silver приобретает значение *седина*: his *silver*-touched hair «его тронутые сединой волосы». Этот же прием может использоваться для создания выразительного понятия в публицистике:

– *ghost*-written biography в `It's a sad fact that Celtic have taken advantage of their top players, «he claimed, in his *ghost*-written biography», где сложное определение *ghost*-written построено на метафорическом переосмыслении первого компонента сочетания «биография, написанная *неизвестным нанятым автором* (как если бы он был *привидением*)».

4. *Метафорическое переосмысление второго, глагольного, компонента*

Значение всего сложного слова изменяется, когда переосмыслению подвергается глагольный компонент композита при сохранении прямого денотативного (обычно *агентивного* или *инструментального*) значения номинативного компонента:

- communist-*fermented* uprising «восстание при подстрекательстве коммунистов» от глагола to ferment «вызывать брожение», ср. «communist-initiated, (as if *fermented*) uprising»;

- wine-*fueled* invective = wine-caused invective (as if *fueled*) от глагола to fuel «заливать топливом, питать, поддерживать»;

- celebrity-*packed* £500-a-plate dinners от глагола to pack «заполнять, набивать, переполнять».

В редких случаях возможно метафорическое переосмысление глагола при номинативном компоненте не с агентивным, а с объектным значением. Из-за нетипичности объектного

модификатора в качестве номинативного компонента модели Nom-P_{II} такие случаи обычно лексикализованы и зарегистрированы в словарях:

- nerve-*racked* housewife «измученная, издерганная домохозяйка, с издерганными нервами», от *to rack* «мучить на дыбе»;

- tongue-*tied* boy «застенчивый мальчик» (unable to speak because you are shy or nervous), the boy, whose tongue is (as if) tied. Ср. типичный объектный композит с буквальным значением компонентов: brain-damaged patient.

В рассмотренных группах «затемнение» мотивированности происходит лишь в рамках метафорического переноса, тогда как структурная мотивированность остается прозрачной.

5. *Эллипсис семантических компонентов пропозиции*

Иной, принципиально отличный от метафорического, способ образования периферийных семантических вариантов структурной модели Nom-P_{II} состоит в компрессии смыслов, связанной не с метафоризацией, а с *эллипсисом некоторых семантических компонентов пропозиции,* восстанавливаемых из ситуации и контекста. Речь идет о явлении, которое в когнитивной лингвистике описывается в терминах *концептуальной интеграции* как *слияние ментальных пространств*.

Сам термин концептуальной интеграции (conceptual blending) был предложен в работах [8]. А проблематика слияния ментальных пространств получила интересную интерпретацию в исследованиях О. К. Ирисхановой, которая выделяет *композиционный* и *интегративный* аспекты языковой номинации. Она подчеркивает, что «современное когнитивное понимание композиционности не отвергает *комбинаторности семантики* сложных языковых единиц, но ставит акцент на *креативном* характере построения значения в дискурсе» [9. С.340].

Композиты периферийного типа с эллипсисом полнозначных слов, восстанавливаемых из ситуации легко отождествляются с моделью Nom-P_{II}, имеют ясную структуру, но, как правило, не могут развертываться в причастный оборот, без использования дополнительных слов, восстанавливающих пропущенные «ментальные шаги».

Данный прием часто используется в публицистике, где свертывание пропозиции создает некоторый ситуативный «ярлык»:

- Drug-linked bomb blast kills 50 in Colombia (заголовок газетной статьи), где bomb linked to (употребление/ продажа/ контрабанда) drugs;

- blood-born person «рожденный от родителей благородного происхождения» = born (by parents of noble) blood;

- power-dressed women «женщины, одетые роскошно» = women dressed (to show, to demonstrate) power.

Не менее часто эллипсис полнозначного слова наблюдается в стиле научного изложения, где свертывание профессионально понятной ситуации образует своеобразный терминологический «ярлык»:

- allergy-screened medication «проверенное на отсутствие аллергических реакций лекарство» = medication is screened (for causing) allergy;

- language-delayed child «ребенок с задержкой развития языковых навыков» = child with delayed language (development/ ability/ capacity).

Во всех случаях пропущенные ментальные шаги восстанавливаются из фонового знания получателя информации (в одном случае из событийного знания, а в другом профессионального). Причем, как правило, семантическому пропуску подвержены именно те компоненты смысла, которые устойчиво включаются в ментальное пространство данного концепта: allergy > cause; language > development, ability, capacity и т. п.

Разновидностью семантического эллипсиса можно считать *эллипсис предлогов, восстанавливаемых из ситуации*, состоящий в нетипичном в целом для модели Nom – P_{II} использовании предложных дополнений в качестве номинативного компонента. В результате создается своеобразное стяжение смысла, своеобразная ситуативно оправданная «скороговорка».

За рамками семантических возможностей композита оказывается вся уточняющая информация, обычно передаваемая предлогами или местоимениями:

- a festival held in Moscow => Moscow-held festival;

- a festival held near Moscow ≠ *Moscow-held festival «фестиваль проведенный в Москве или рядом с Москвой».

Вариантом пропуска логического шага можно также считать *метонимический перенос*:

- hand-delivered letter «письмо доставленное курьером или лично» = letter delivered by hand > delivered by a messenger (=personally).

Появляются и другие периферийные варианты модели Nom-P_{II} в результате *сочетания признаков метафоризации и эллипсиса*,

создающего явно узуальные случаи как в художественной речи, так и в публицистике:

- cicada-*drenched* music «музыка, пропитанная стрекотанием цикад» = метафоризация: cicada-filled music, as if cicada-*drenched* + эллипсис: music *drenched with (the sounds of) cicada;*

- skill-*starved* company «компания, испытывающая нехватку в опытных сотрудниках» = метафоризация: skill-deprived company, as if skill-*starved* + эллипсис: company *starved (because of the lack) of skills;*

- *crest-fallen* applicant «упавший духом, подавленный кандидат», где, с одной стороны, восстанавливается предложно-локативное значение «fallen (from the) crest, а с другой стороны, происходит метафорическое переосмысление всего сочетания > depressed (as if fallen from the crest).

Рассмотренная интегративность значений типичная для семантической периферии модели Nom-P_{II} служит свидетельством, хотя и косвенным, сложности композитной семантики, подчеркивая, что композит – это особое средство номинации со смысловой конденсацией.

Приведенный выше анализ материала наглядно свидетельствует о том, что разные типы семантической интегративности, проявляемые моделью Nom-P_{II}, тяготеют к разным жанрам текстов. Если метафорический перенос наиболее типичен для художественных текстов и публицистики, то семантический эллипсис не частотен в художественной литературе, но продуктивен как в публицистике, так и в терминообразовании.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания. – М.: Наука, 1990. Цит. по: Селиверстова О. Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
2. Бабенко Е. В. Стереотипное и окказиональное в лексике современной немецкой рекламы: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2003. – 26 с.
3. Прядильникова Г. Г. Сложные образования с причастиями в современном английском языке // Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Вып. 31. – Куйбышев, 1967. – С.95–115.
4. Kanngießer S. Strukturen der Wortbildung // Schwarze/Wunderlich (Hrsg.): Handbuch der Lexikologie. – Äthenaum, 1985. – S. 134–183.
5. Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода) //

Новые пути изучения словообразования славянских языков. – Магдебург, 1997. – С.23–36.
6. Beck E. Nouns and noun phrases // Linguistic typology. Vol. 4. – 2000. – P. 45–68.
7. Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте: Дис... . докт. филол наук. – М., 1999. – 243 с.
8. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 305 p.
9. Ирисханова О. К. Концептуальная интеграция в событийных именах существительных (к проблеме языковой композиционности) // С любовью к языку. – М.; Воронеж, 2002. – С.339–345.

И. В. Певнева

КОНФЛИКТООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В КОММУНИКАЦИИ

Феномен конфликта является объектом изучения многих дисциплин и составляет неотъемлемую часть человеческого общения. Под конфликтом, как правило, понимается ситуация, в которой происходит столкновение участников конфликта по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой (физически или вербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против его интересов, предпринимает ответные действия против первого участника. Таким образом, конфликт – это двустороннее поведение, базирующееся на коммуникативном контакте [1].

Природа конфликта имеет биологическую и социальную основу. Однако, не вызывает сомнений тот факт, что в природе конфликта сочетаются и развиваются и личностные, и социальные факторы. При исследовании коммуникативного конфликта объектом рассмотрения выступают коммуникативные средства презентации конфликта. К. Ф. Седов определяет коммуникативный конфликт как речевое столкновение, основанное на агрессии, выраженной языковыми средствами [2].

Ученые признают два основных типа речевого взаимодействия: сотрудничество и конфронтация. В основе их разделения лежат совпадение или несовпадение интересов и целей коммуникантов. Планирование коммуникации способствует достижению цели коммуникации и представляет собой

стратегический процесс, в котором речевая стратегия – есть принятое решение о последовательных речевых действиях, соответствующих коммуникативной цели.

Таким образом, можно говорить о двух полярных типах стратегий: гармоничном и конфликтном. Успех или провал коммуникации определяется рядом факторов, среди которых стоит выделить общность или различия в картинах мира коммуникантов, особенности интерпретации, следование или нарушение норм и правил речевого поведения, неоднозначную природу собственно языковых элементов и ассоциативных особенностей, а также культурно-обусловленные различия. Данные возможные конфликтогенные факторы были выбраны нами для анализа.

В исследованиях, посвященных коммуникативным проблемам, неуспешная коммуникация определяется как вид общения, при котором возможны коммуникативный сбой, коммуникативный провал или коммуникативная неудача, являющиеся причиной недостаточного, с точки зрения коммуникантов, взаимопонимания [3].

Любое речевое произведение предполагает двух участников-интерпретаторов – говорящего и слушающего. Говорящий, создавая текст, выбирает, на его взгляд, более подходящие языковые средства, которые, однако, не всегда могут в полной мере передать смысл сообщаемого, а реципиент, воспринимая услышанное, также интерпретирует сообщение, соответственно восстанавливая текст согласно особенностям своей когнитивной системы. Вербализация и понимание – два процесса, из которых складывается человеческое общение, именно они создают предпосылки для успешного или неуспешного результата коммуникации. Так как коммуникация подразумевает интерсубъектное взаимодействие, залогом успешной коммуникации можно считать достижение взаимопонимания между говорящими. С одной стороны, сообщение представлено в виде лингвистического кода, с другой – это высказывание, которое находится в диалогических отношениях с другими высказываниями, с автором, с действительностью [4. С.297].

Тождественность высказывания и восприятия может быть достигнута при идеальном взаимопонимании, что в реальной жизни представляется сложным. Соответственно, нетождетсвенность интерпретации в ходе общения обусловлена самой природой человеческого общения и успешность или неуспешность диалога во многом зависит от того, насколько точно реципиент восстанавливает в своем сознании услышанный текст.

Так, коммуниканты строят свои смыслы воспринимаемого сообщения, основываясь на особенностях своей когнитивной системы, которые могут не совпадать с интенциями говорящего.

В связи с данной проблематикой представляет интерес структура соотношения коммуникации и конфликта, описанная в работе Джона Пола Ледерака, основывающаяся на особенностях выражения, восприятия и интерпретации (см. рис 1) [5. С.42]. Preparing for peace J.P.Lederach, 1995. P.42.

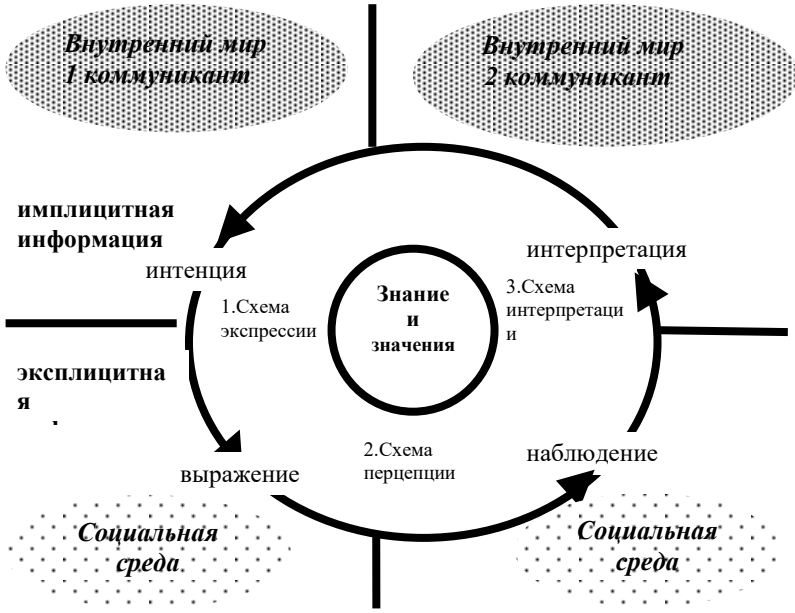


Рис.1. Структура соотношения коммуникации и конфликта

Возникновение и развитие конфликта в диалоге рассматривается в двух плоскостях: в имплицитной плоскости, или внутреннем мире коммуниканта, и в эксплицитной плоскости или коммуникативное поведение в социальной среде. С этой точки зрения, конфликт рассматривается как социально явление, возникающее в случае, когда коммуниканты присоединяют дополнительные смыслы к данному им контексту и отвечают в соответствии с этим. Данная структура представляет способ анализа процесса путем фокусирования на трех последовательных схемах коммуникации: экспрессивной схеме, перцептуальной схеме и интерпретивной.

Таким образом, можно утверждать, что в процессе обмена репликами происходит так называемая «интерпретация» высказываний на основе знаний и значений интерпретирующих. Такие факторы, как ориентировка на реципиента, адаптация на партнера по коммуникации, принятие во внимание фоновых

знаний и эмоциональное состояние может привезти диалог к успеху.

Безусловно, успех коммуникации во многом определяется нормами речевого поведения в определенной социальной ситуации, ролью партнеров и их статусом. В нормальной ситуации участники диалога имеют общую цель и направление коммуникации, и, в соответствии с этим, следуют определенным правилам. Под правилами понимается поведение, должное или несоответствующее данной коммуникативной ситуации. Неуспешному результату коммуникации могут способствовать нарушения правил и норм общения, игнорирования принципа Вежливости или иных норм речевого этикета. Наиболее известным в теории речевой деятельности является подход к установлению правил коммуникативного поведения, разработанных Грайсом, и его принцип кооперации, а также правила речевого общения на принципе Вежливости Дж. Лича. Однако в реальной практике человеческого общения соблюдение всех правил зачастую не представляется возможным. При этом нарушение какого-либо правила или нормы может привезти к деструктивным последствиям или способствовать развитию конфликта, однако, являясь ситуативно-зависимыми, нарушения правил могут имеет положительные последствия для процесса взаимодействия.

Существует мнение, что эффективность общения следует связывать не только с результатом, но и качеством. Так, И.А. Стернин, говоря об эффективности коммуникации, оперирует понятием баланса отношений. Он подчеркивает, что эффективным речевым воздействием следует признать такое, которое удовлетворяет двум условиям: достигает речевой и неречевой цели и сохраняет равновесие между участниками общения [6].

Следует отметить, что определенную степень конфликтогенности могут нести и сами языковые единицы. Так, лексическая единица, превращаясь в оскорбительное слово при актуализации определенного смысла, может провоцировать нежелательные ассоциации и явиться стимулом развития конфликта. Наиболее сильными лексическими маркерами конфликтного коммуникативного акта является употребление оскорбительной лексики, функция которой вызвать негативные эмоции у партнера, провоцировать на конфликт. Это может быть просторечная лексика, вульгарные и бранные обороты. Обычно такие выражения нарушают традицию вежливости и этикета и могут вызвать негативные реакции адресата. Самым распространенным грамматическим маркером конфликта в

русском языке считается использование местоимений «ты» / «вы». Их употребление определяется этнокультурными факторами и степенью вежливости и может варьироваться в зависимости от эмоциональной нагрузки и социальной роли. Таким образом, конфликтогенность единиц языка, т. е. элементов обладающих способностью порождения коммуникативного конфликта или коммуникативной неудачи, может быть обнаружена на всех уровнях системы.

Еще одним конфликтогенным фактором в процессе бытовой и профессиональной коммуникации является оценочность высказывания, часто являясь приемом выраженной в рамках коммуникативной агрессии. Исследователи данного коммуникативного явления подчеркивают, что в основе агрессивного общения лежит установка адресанта на антидиалог [7]. Оценка, как деструктивная форма речевого поведения, рассматривалась в рамках проблем, посвященных коммуникации.

Речевая агрессия представляет конфликтогенную технологию коммуникативного взаимодействия. Если объектом речевой агрессии является адресат, конфликт между адресантом и адресатом может возникнуть вследствие установки адресанта на речевое доминирование. Исследователь вводит понятие «коммуникативного убийства», под которым понимает сведение к нулю предшествующей информации оценкой высказывания оппонента («не стоит внимания», «к делу не относится» «глупости ты говоришь, ты, я вижу, в этом вопросе ничего не понимаешь» и т.д.). Негативная оценка предшествующего высказывания также может быть дана путем указания на умышленную ложь, на абсурдность или глупость сообщения [7].

Обсуждая причины возникновения противоречий в коммуникации, нельзя игнорировать и культурно обусловленные факторы, в значительной степени определяющие нормы вербального и невербального общения.

Проблемы, связанные с национальной спецификой конфликта, представляются актуальными в связи с возрастающим интересом к вопросам межкультурной коммуникации и поискам путей решения проблем, связанных с межнациональным непониманием. Безусловно, культурные вариации могут отражаться на вербальной и невербальной особенности коммуникации. Согласно Самовару и Портеру в понятие «культура» включаются не только знания, но и опыт, верования, отношения, иерархия, ролевые отношения, религия, понятия времени и другие ценности, приобретенные группой людей в течение нескольких поколений [8].

В рамках межкультурных исследований были выделены важнейшие проявления в различии культур: степень экспрессивности и непосредственности, предполагающие уровень контактности культуры, индивидуализма – коллективизма, маскулинности, дистанции власти. Американский антрополог Э. Холл опубликовал работу, в которой ввел понятие контекста: культуры с низкой степенью ориентации на контекст (low-context cultures) и культуры с высокой ориентацией на контекст (high-context cultures) [9]. Культуры, в описании Эдварда Холла, отличаются степенью использования контекстной информации. В странах с низким контекстом, например США, коммуниканты стремятся к прямой коммуникации, с ориентацией на индивидуализм. Высокими ценностями таких культур являются логика, факты и прямота. Представители таких культур не всегда способны «читать» невербальную информацию собеседника, они стремятся к правильно построенным выражениям, деталям, уделяют внимание словам и техническим знакам. Главным признаком таких культур будет эксплицитность. Странам с высоким контекстом (страны Азии, Африки, Южной Америки) приписывается большая степень интуитивности, важности общения и созерцания. Такие культуры, согласно теории Холла, стремятся к приоритету коллективизма. Вербальное выражение не столь важно как информация, передающаяся средствами невербальных элементов, таких как интонация, пантомимические выражения, тон собеседника, социальный статус и даже история семьи. Такие культуры стремятся к большей формальности в речевой деятельности. Коммуникантам свойственна эмоциональность, неоднозначность выражений. Таким образом, основным признаком культур с высоким контекстом можно считать имплицитность. Несомненно, культурные установки во многом могут влиять на речевое поведение и на способы разрешения или избегания возможных конфликтов. Русскому человеку, как представителю культуры с высоким контекстом, свойственна склонность к коллективизму. В русском языке выделяются различные степени близости, тщательная градация отношений (понятие «друг», «товарищ», «приятель», «знакомый», «партнер»). Типичные атрибуты «друга»: задушевный, единственный, надежный. Такая структура помогает лучше и легче подстраиваться под окружающих и определяет предпочтение избегать или сглаживать конфликтные ситуации.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ
1. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста. Юрлингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С.127–140.
2. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7379&y=2002&vol=6077.
3. Иванова М. А. Неуспешная коммуникация как результат нарушения принципа Вежливости Дж.Лича // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета. – Красноярск, 2006. – Вып. 4. – С. 22-29.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
5 Lederach J. P Preparing for peace: Conflict transformation across cultures. Syracuse, NY:Syracuse University Press, 1995 p.42
6 Стернин И. А. Речевое воздействие как интегральная наука http://sternin.adeptis.ru/articles_rus.html#d.
7 Воронцова Т. А. Негативные оценочные высказывания в публичном дискурсе. // Вестник Челябинского государственного педагогического университета – № 4. – Челябинск, 2006. – С. 158–165.
8 Samovar Larry A./Porter, Richard E. Edwin R.Daniel, Intercultural Communication Wadsworth Publishing, 11 Edition, 2005, 456p.
9 Hall, Edward Twitchel Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. Intercultural Press, 1990, 208p.

Н. П. Пешкова

ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА КАК ПРОЦЕСС СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ

Как известно, в моделях понимания текста последних лет особо рассматривался когнитивный характер этого процесса. Это и понятно – вторая половина XX в., когда были разработаны наиболее продуктивные модели и теории понимания текста, прошла «под господством когнитивной науки», и прогнозы относительно того, что конец прошлого века станет «периодом расцвета исследования эмоций» [1. С.4], возможно, только сейчас начинают сбываться.

Следует отметить, что в отечественной психологии существует традиция рассматривать эмоциональное переживание в качестве одной из центральных категорий, характеризующих психические явления [2. С.374]. В. Вилюнас в этой связи приводит следующие

положения С.Л. Рубинштейна: «Было бы бессмысленно говорить об отражении, если бы то, что должно отражать действительность, само не существовало в действительности. Всякий психический факт – это и *кусок реальной действительности, и отражение действительности* …именно в этом и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением, – *единством реального и идеального*.

Эти два аспекта, представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как переживание и знание. Моментом знания в сознании особенно подчеркивается отношение к внешнему миру, который отражается в психике. Переживание это первично, прежде всего – психический факт, как кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни» [3. С.13].

По мнению В. Вилюнаса, образы, мысли и идеи не могут существовать без некоторого носителя, субстанции воплощения, и такой субстанцией является субъективное переживание [2. С.375]. Свои мысли и образы человек перекодирует в различные системы символов и знаков, такие как устный или письменный текст, произведения искусств, математические формулы, но «для того, чтобы стать достоянием другого человека, они должны быть им перевоплощены обратно, переведены из конвенционального внешнего во внутренний, живой носитель [op. cit.]. Если следовать логике рассуждений, приведенных выше, субъективное переживание является носителем психических образов, мыслей, идей, а значит, не просто неотъемлемой частью, но и самой сущностью процесса понимания информации в форме текста.

Здесь следует отметить, что, несмотря на различия в современных представлениях о «психическом», составляющие его элементы и сама основа обычно считались когнитивными по своей природе. Что же касается эмоций, им отводилась дополнительная роль. Полагалось, что они дополняют познавательные структуры, окрашивают и акцентируют их, при этом они могут взаимодействовать с когнитивными структурами, оказывать на них влияние и подвергаться обратному влиянию.

Современная трактовка расширяет сферу эмоционального, вводя в нее параметры возбуждения, напряжения и их противоположностей, и тем самым «ставит вопрос о принципиальном назначении этих присоединяемых к эмоциям переживаний, … их “прописке” в системе психического» [op. cit. С.373].

Наряду с эмоциями, по современным представлениям, существует «множество других психических явлений, обладающих признаками переживания», так например, «чувство понимания» и «чувство знания» можно рассматривать как «формы переживания» [op. cit. С.377]. Переживания представляют собой не простой субъективный носитель отражаемого содержания, когнитивное содержание получает «второе отражение» в виде чувств-переживаний [op. cit. С.378]. Ссылаясь на В. Вундта, В. Вилюнас отмечает, что чувственный резонанс сопровождает все отражаемое: газетный текст, пейзаж, разговор и т. п. В отличие от восприятия музыки, которую иногда называют искусством формы, при чтении текста человек сосредоточен прежде всего на содержании, в связи с чем чувственное сопровождение им значительно хуже рефлексируется, тем не менее «… восприятие, казалось бы, сугубо когнитивной информации тоже сопровождается сложной чувственной «мелодией»: нарастанием напряжения при недопонимании, скуки и нетерпения …интереса, и удивления, сомнения и т. п. » [op. cit. С.378].

Такая трактовка предполагает новые взаимоотношения когнитивного и эмоционального в психическом, в структуре сознания. Как отмечает Е. В. Шорохова: «Сознание это не только знание, но и переживание» [4. С.257]. Мы бы перефразировали последнее утверждение, следующим образом. Понимание это не только постижение, усвоение и осмысление информации, но и переживание.

«Пережить» значит не просто субъективно испытать, «а испытать непременно особо, как-то специфически, и это «как-то» непосредственно схватывается субъектом на изначально ему доступном сложном языке, который только в развитых формах психики становится частично вербализуемым» [2. С.378–379].

В процессе понимания при формировании в сознании реципиента содержания текста как модели определенного фрагмента реально существующей действительности или некоторой абстракции, а также при постижении смысла, как было убедительно показано экспериментальным путем [5; 6], адресат сообщения активно выстраивает свой «встречный текст», сопровождаемый различного рода переживаниями. По мнению психологов, возникающие при этом чувства способны перерасти и часто перерастают в аффекты, или активные эмоциональные переживания.

Как мы уже отмечали, достаточно нейтральная информация, если она представляет интерес для определенной группы

реципиентов или имеет индивидуальную значимость, может провоцировать самые различные формы переживания – радости, удовлетворения, удивления, неприятия, отторжения, гнева и т. п. [7].

Что касается «интеллектуальных эмоций», непосредственно связанных с восприятием и осмыслением научного текста, нужно отметить, что они включают в себя не только такие переживания, как согласие/несогласие, удивление/изумление, любопытство/отторжение, сомнение/уверенность, но и общее чувство, возникающее от движения мысли, от ее успешности или бесплодности. «Интеллектуальная эмоция» предполагает также все переходные элементы мышления, которые репрезентируют предметное содержание: сходство, импликацию, совпадение, уверенность, возможность и прочие отношения, выраженные в языке. Различные формы воплощения авторских «интеллектуальных эмоций» в научном тексте могут вызывать у реципиентов разные чувства, вплоть до активного эмоционального переживания. Эксплицировать переживаемое в процессе понимания письменного текста возможно с использованием методики вербализации «встречного текста», о чем мы писали ранее [op. cit.], а также с помощью ассоциативного эксперимента.

Диссертационное исследование Г. В. Вахитовой, осуществленное под нашим руководством, включало ассоциативный эксперимент, проведенный на материале русских юридических текстов различного типа [8]. Результаты эксперимента показывают, что в текстах юридической литературы такие достаточно обычные для данной предметной области термины, как «закон», «суд», «преступление», уже одним своим присутствием вызывают реакции эмоционального характера у реципиентов, профессиональная деятельность которых не связана с юриспруденцией. При этом нужно отметить, что у профессионалов в данной области подобная лексика не вызывает особых переживаний. Отсутствие остроты восприятия, по-видимому, можно объяснить тем, что для них такая терминология передает реальность, связанную с рутинной работой.

В экспериментальном исследовании Г. В. Вахитовой приняли участие более 100 человек с высшим и незаконченным высшим образованием, гуманитарным, техническим и юридическим. На основе денотативного анализа, проведенного по методике А. И. Новикова, в текстах, заимствованных из журналов «Международное публичное и частное право», «Мировой судья», а также из Уголовного кодекса РФ и правового справочника

«Консультант Плюс», были выделены слова-носители денотативной экспрессивности юридического текста. Среди них наиболее частотными оказались следующие: «убийство» – частотность 83%, «закон» –70%, «преступление» – 60%, «обвиняемый» – 56%, «суд» – 47%, «уголовный» – 43%.

В задачу испытуемых входило чтение предложенных им сообщений и написание всех возможных ассоциаций на выделенные в тексте слова-стимулы.

Был проведен количественный и качественный анализ результатов, а также сравнительно-сопоставительное изучение ассоциаций, полученных от испытуемых, и данных Русского ассоциативного словаря (далее – РАС) по наиболее частотным из выделенных слов, вызвавших эмоциональные реакции у реципиентов.

Отметим, что наибольший интерес для нас представлял качественный анализ эмоционально окрашенных слов-реакций, вербализующих переживания испытуемых. Как мы и предполагали, наряду с регистрацией стереотипных ассоциаций, представленных в РАС, были выявлены и индивидуальные эмоционально окрашенные смыслы, извлекаемые реципиентами из текста и передающие их переживания, сопровождающие процесс осмысления предложенной им информации юридического характера. Так, испытуемая Н. ассоциирует одно из ключевых слов текста – «арестованный» – с *«СИЗО»* и *«репрессиями»,* а испытуемая Т. – с *«грустными глазами»*; у испытуемых А. и П. ключевое слово текста *«закон»* вызывает достаточно разное отношение, закрепленное соответственно в словах *«главная бумага»* и *«суровый»*.

В качестве примера можно привести материал из таблицы Г. В. Вахитовой, включающий данные Русского ассоциативного словаря и зарегистрированные реакции испытуемых (курсивом отмечены совпадения) [op. cit.].

Частотные слова-стимулы (носители денотативной экспрессивности в текстах)	**Данные РАС**	**Эмоциональные реакции испытуемых**
убийство (83%)	*жестокость*, насилие, злодеяние, преступность, совершить	смерть, казнь, мерзость, расстрел, лишение жизни, хладнокровное, в состояние аффекта, труп, кровавое, тяжкое преступление, страх,

		кровь, злостное преступление, грех, *жестокость*, срок, решетка, умерщвление, зло
закон (70%)	строгий, суровый, правосудие, соблюдать, *порядок*, право, уверенность, правило, *кодекс*, приказ, *справедливый*	*порядок*, конституция, свод статей, суд, правила жизнедеятельности, *кодекс*, *справедливость*, главная бумага
судебный (70%)	процесс, акт, *иск*, исполнитель, приговор, сыск, долг	*иск*, разбирательство, справедливый, суд, страх, неизбежный, пристав, порядок
арестованный (63%)	каторга, срок, осужденный, за решеткой судья, з*аключенный*, присяжный, следовать, судебный	несвободный, *заключенный*, преступник, обвиненный в совершении преступления, наручники, решетка, грустные глаза, наговор, следствие, товар, задержанный, тюрьма, обвинение, СИЗО, репрессия
суд (61%)	процесс, присяжный, иск, *справедливый*, правосудие, высший, приговор, право, наказать, вина, судить	закон, Фемида, честный, Ваша честь, *справедливый*, мантия, зал заседания, молоток, печать
преступление (60%)	*наказание*, убийство, грех, жестокое, *совершать*, казнь, возмездие, подлое, правонарушение, суд, тюрьма, убить, происшествие, следствие, уголовник	*наказание*, горе, суд, проступок, Фемида, особо тяжкое, *совершение*, незаконное действие, против закона, противозаконный поступок, зло, нарушение, закон, плохо, правоохранительные органы, казнь, насилие, противозаконный поступок
преступник (56%)	тюрьма, зек, бандит, опасный, отпетый, рецидивист, в зоне, в колонии, негодяй, наказан, преступление, прокурор, тюремщик, *убийца*, угроза	*убийца,* вор, насильник, человек, суд, негодяй, расплата, нарушитель
виновность (54%)	краснеть, присяжный, следователь, признать	алиби, расплата, наказание, правосудие, совершение преступления, авторство содеянного поступка, обвинение, адвокат, доказать
уголовный (43%)	*кодекс,* розыск, *преступник,* преступление, заключенный, проступок	процесс, *кодекс*, дело, розыск, под следствием, *преступник*, криминалитет

жертва (42%)	покаяние, сочувствие, труп, убийство, угроза	бессильная, обстоятельств, страдающая, потерпевший, потенциальная, покушения, безвинная, насилия

Данные таблицы со всей очевидностью демонстрируют материализованные в эмоционально-оценочных реакциях переживания испытуемых, составляющие сущность осмысления информации, предложенной им для чтения и понимания.

Как известно, А. А. Леонтьев сформулировал суть процесса понимания текста следующим образом. «Понимание текста – это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления… процесс построения образа предмета или ситуации, наделенного определенным смыслом. Или процесс формирования личностно-смысловых образований, лишь опосредованно связанных со смыслом исходного текста. Или процесс формирования эмоциональной оценки события» [9. С.141].

Мы разделяем убежденность в том, что живые существа, наделенные психикой, не только отражают окружающую действительность, но всегда пристрастно относятся к отражаемым явлениям [2. С.62], это имеет место в процессах как первичного, так и вторичного отражения. Эмоции при этом отражают наиболее значимое для индивида, что показали и приведенные выше экспериментальные данные. Все это позволяет не просто связать понимание текста с различными переживаниями реципиента как дополнением смыслообразования, но считать этот процесс, по сути, своего рода субъективным переживанием воспринимаемой и постигаемой информации.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Ekman P, Davidson R. The nature of emotion. Fundamental questions. – N. Y.: Oxford University Press, 1994. – 496 p.
2. Вилюнас В. К. Психология развития мотивации. – СПб.: Речь, 2006. – 458 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – В 2-х томах. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с.
4. Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 363 с.
5. Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – М.: ИЯ РАН, 2003. – № 1. – С.64–76.
6. Кирсанова И. В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 21 с.

7. Пешкова Н. П. Психолингвистические аспекты исследования экспрессивности в научном тексте // Вестник МГЛУ. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. — Выпуск 541. – Серия «Лингвистика». – М.: Изд-во МГЛУ, 2007. – С.203–210.
8. Вахитова Г. В. Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 30 с.
9. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 2005. – 288 с.

Е. А. Подгорная

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА

Предпосылкой «дискурсивного переворота», или «новой когнитивной революцией», стало развитие коммуникативной лингвистики, склонной рассматривать язык как дискурс и исповедующей деятельностный принцип, провозглашенный В. фон Гумбольдтом [1]. А. А. Залевская считает «когнитивной революцией» переход от рассмотрения слова и предложения к тексту и далее к дискурсу; последний привел к оформлению дискурсивной психологии, дискурсивного подхода и т.п. Значимость переключения внимания на дискурс связана с осознанием в мировой науке роли межличностных знаковых (символических) взаимодействий в умственных процессах [2. С.90].

Возникновение виртуальной среды как принципиально нового вида среды существования человека привело к формированию новых дискурсивных практик.

Дискурс представляет собой достаточно новый объект изучения, что в свою очередь, порождает различную терминологию. В зависимости от цели исследования изучаемый объект получил в работах различные наименования: компьютерный дискурс (Е. Н. Галичкина, П. Е. Кондрашов, О. А. Леонтович), виртуальный дискурс (Н. Г. Асмус, Е. Н. Вавилова, Д. Галкин), электронный дискурс (А. Г. Абрамова, Е. И. Горошко, Д. Р. Валиахметова), Интернет-дискурс (Л. П. Халяпина), сетевой дискурс (Н. Л. Моргун), электронный гипертекст (О. А. Левоненко); в зарубежной научной среде: Computer-mediated communication / discourse (S. Herring, E. Kerr),

electronic discourse (B. Davids, E. Jonsonn). В ряде работ указанные наименования являются взаимозаменяемыми.

Остановимся на данных терминах-наименованиях подробнее. Термины «Интернет-дискурс» и «сетевой дискурс» указывают на локализацию возникшего специфического дискурса (сеть Интернет). Эти наименования не всегда предполагают реализацию речевого общения, осуществляемого в сети Интернет, посредством компьютера, т.к. в связи с бурным развитием информационных технологий и распространением Интернета, такого рода общение возможно посредством других средств коммуникации, например, сотовых телефонов (услуги WAP, GPRS и т.п.). Однако, как отмечает П. Е. Кондрашов, словосочетание «сетевой дискурс» не соответствует требованиям, предъявляемым к терминам, в силу того что в слове «сетевой» ощущается многозначность [3].

Полагаем, что термин «электронный гипертекст» не выражает достаточные и необходимые признаки понятия. Так, в работе Е. Н. Галичкиной, гипертекст рассматривается как один из конститутивных признаков, на основании которого компьютерный дискурс выделяется как вид общения [4].

Термин «электронный дискурс» указывает на то, что речевое общение осуществляется посредством искусственного канала связи (электронного сигнала), а слово «электронный» не всегда используется только в значении «посредством компьютера». Например, факсовая коммуникация, причисляясь к электронной, не отражает специфики исследуемого феномена.

Широкому употреблению в работах отечественных ученых терминов «компьютерно-медийная коммуникация» и «компьютерно-медийный дискурс», используемых в зарубежных исследованиях, препятствует компонент «-медийный», который еще не закрепился в русском языке в значении «средство коммуникации» [3].

При рассмотрении компьютерного дискурса термин «виртуальный» употребляется в следующих значениях:

1) все, что связано с использованием компьютерной техники («спецэффекты» в кино, виртуальная музыка, деловая документация и корреспонденция, обучение в Интернете, технологии виртуальной реальности), а также телевидением (особенно в плане его конвергенции с компьютерными системами).

2) амбивалентный буквальный смысл этого слова – названное виртуальным происходит или существует не на самом деле, является «не реальным», «не актуальным», существует «как бы»; однако буквально «виртуальный» означает «фактический»,

«действительный», происходящий на самом деле [5].

На наш взгляд, «амбивалентный буквальный смысл» слова виртуальный не в том, что названное виртуальным существует «как бы», а в том, что оно – не материально.

Виртуальный дискурс «становится самостоятельной дискурсивной практикой, которая ассимилирует иные дискурсы и оказывается основным посредником для доступа к ним; является дискурсопорождающей инстанцией с особым механизмом знакопорождения; формирует особый тип виртуальной идентичности, через которую формируются иные типы культурной идентичности; имеет сложное, многослойное полидискурсивное строение» [5. С.27–28].

Е. В. Вавилова использует термин «виртуальный дискурс» в двух значениях:

«1) возможный; такой, который может или должен проявиться при определенных условиях, но в реальности не существующий...; 2) созданный на экране компьютера; воспроизводимый компьютерными средствами» [6. С.177].

Второе значение слова «виртуальный» согласуется с первым значением слова, однако, сохраняет смысловой компонент значения «нереальности», что, на наш взгляд, не способствует обозначению им процесса коммуникации через компьютер.

Автор сохраняет присутствие компонента «нереальности», подразумевая, что не все составляющие общения посредством компьютера действительны и некоторые из них лишь манифестируются собеседниками. Например, негативные эмоции могут не испытываться реально, так как характерной особенностью межличностных отношений при общении в сети Интернет является их виртуальность, варьируемая по степени: от собеседников, хорошо знакомых в реальности или давно общающихся между собой, до совершенно незнакомых людей и возможных «виртуалов». При рефлексии говорящего может возникнуть некоторое несоответствие своего речевого поведения в реальном и виртуальном общении, т.е. так называемый эффект собственной виртуальности [7. С. 14]. Но как отмечают В. Ю. Нестеров и Е. Нестерова, манифестация реально не испытываемых «виртуалами» эмоций в действительности является лишь «карнавальной маской» *реального* коммуниканта [8; курсив мой. – *Е.П.*].

Обратимся к описанию понятия «компьютерный дискурс» (далее – КД) Е. Н. Галичкиной. Под КД она понимает общение в компьютерных сетях и выделяет его как вид на основании

следующих существенных признаков: 1) электронный сигнал как канал общения; 2) виртуальность, понимаемая как общение с неизвестными, воображаемыми собеседниками; 3) дистантность (удаленность участников в пространстве и времени); 4) опосредованность (осуществляется с помощью технического средства); 5) высокая степень проницаемости, понимаемая исследователем как то, что слушателем, соучастником или участником компьютерного общения может оказаться любой человек; 6) наличие гипертекста; 7) креолизованность компьютерных текстов; 8) по преимуществу статусное равноправие участников; 9) передача эмоций, мимики, чувств с помощью «смайликов»; 10) комбинация различных типов дискурса – бытового (электронная почта), делового (официальный обмен и запрос информации), научного (обсуждение научных вопросов в конференциях), педагогического (обсуждение вопросов преподавания и образования), рекламного и др.; 11) специфическая компьютерная этика, понимаемая как совокупность принципов и правил поведения общающихся в компьютерной среде людей [4].

Критерий креолизованности, рассматриваемый как специфика компьютерных текстов, заключается в наличии в них как гипертекстовых характеристик, так и элементов креолизованных текстов (на данном этапе существующих, как правило, в виде картинок).

А. Г. Сонин предлагает называть произведение, доступ к семиотически разнородным («гетерогенным») составляющим которого регулируется компьютерной программой, изменяющей текст в зависимости от выбранной субъектом стратегии его чтения, «мультимедийным». А такое свойство мультимедийных текстов, как «гибкая обусловленность текстовой структуры действиями пользователя», – интерактивностью, наиболее распространенной формой которой является гипертекст [9].

Вполне обоснованным представляется употребление термина «мультимедийный» вместо «креолизованный». В таком понимании указанного термина отпадает необходимость обособленного выделения признака наличия гипертекста.

Рассматривая виртуальность как общение с неизвестными, воображаемыми собеседниками, П. Е. Кондрашов отмечает, что виртуальной можно назвать лишь «коммуникативную маску» субъекта речи или «пространство» общения, создаваемое с помощью специальной техники. Вызывает также сомнение выделение признака дистантности как удаленности участников в пространстве и времени. Указанная характеристика справедлива

только по отношению к реальному пространству, тогда как по отношению к виртуальному она некорректна. Несмотря на то что время в КД фиксируется точно, это мало интересует собеседников, параметр времени является, таким образом, неактуальным, общение происходит как бы «вне времени» [3. С.91].

Признак дистантности может предполагать и возможность общения в искусственно-созданном пространстве, несмотря на физическую удаленность участников в реальном пространстве и времени. В данном случае пространственно-временной критерий нивелируется. Но отмеченная П. Е. Кондрашовым некорректность временной характеристики является спорной.

Указанный Е. Н. Галичкиной признак опосредованности компьютерного дискурса, т.е. осуществление общения с помощью технического средства, понимается, на наш взгляд, слишком широко и требует конкретизации, поскольку не все технические средства, через которые осуществляется коммуникация (телефон, факс и др.), отражают особенности КД. Поэтому опосредованностью можно назвать осуществление общения посредством устройства, подключенного к сети Интернет.

Сам термин «компьютерный дискурс» может быть определен не только как процесс и результат общения посредством компьютера, но и как «околокомпьютерная» сфера коммуникации: общение специалистов этой области знаний, компьютерные журналы, телефонные SMS-сообщения, печатная продукция об общении такого рода, тексты компьютерных игр и т.д. [3].

Не совсем понятна отнесенность телефонных SMS-сообщений к выделенной автором сфере коммуникации, более того, мы считаем необоснованным включение самой «околокомпьютерной» сферы коммуникации в понятие «компьютерный дискурс», так как она не отражает присущие данному феномену специфические характеристики. Возможно, в этом случае подчеркивается, что лексика компьютерного дискурса (значительная доля которой представлена компьютерным жаргоном, источниками пополнения которого служат: лексика Интернета, лексика web-дизайна, лексика компьютерных игр, лексика электронных презентаций, лексика компьютерной графики, лексика программистов, лексика компьютерной музыки и видео, лексика сети Фидо [10]) проникает и в т. н. «околокомпьютерную» сферу коммуникации. Но, данный факт указывает лишь на процессы взаимопроникновения и взаимодействия между компьютерным общением и традиционными формами коммуникации.

Сущность коммуникации, осуществляемой по компьютерным

сетям, ее социально-психологические особенности и последствия, отражающиеся в состоянии человеческой психики, в последние годы становится одним из самых актуальных и развивающихся направлений в гуманитарных науках. Закономерности влияния компьютерных коммуникативных процессов на сознание человека изучают специалисты по рекламе, социологии, психологии, политологии; влияние виртуальной коммуникации на состояние языка является объектом внимания лингвистов.

Отметим, что термин «компьютерный дискурс», указывая на средство общения, не отражает коммуникативной направленности и в этом плане не в полной мере соответствует обозначаемому феномену (например, текст, набранный посредством компьютера, также можно отнести к компьютерному дискурсу). Принимая во внимание все вышесказанное, предлагаем свое название обозначенного объекта изучения – *мультимедийный коммуникативный дискурс*.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280с.
2. Залевская А. А. Психолингвистика: пути, итоги, перспективы // Вопросы языкознания. – № 6. – 1998. – С. 81–94.
3. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект. Дис. … канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 189 с.
4. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 19 с.
5. Галкин Д. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. – Вып. 1. – Томск: ТГУ, 2000. – С. 26–34.
6. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: ООО «Издательство АСТ», Мн.: Харвест, 2002. – 975 с.
7. Вавилова Е. Н. Жанровая классификация дискурса телеконференций Фидонет: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 21 с.
8. Нестеров В.Ю., Нестерова Е. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов, 2003 // http://psynet.carfax.ru/texts/ nesterov4.htm.
9. Сонин А.Г. Кто креолизовал мой текст? (о проблеме систематизации терминологического аппарата) // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Вып. 9. – М.: МГЭИ, 2005. – С. 170–175.
10. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск: ЧГУ, 2005. – 23 с.

Т. Г. Попова

ПЕРЕВОД КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР

Умение переключаться с родной культуры на иностранную, способность взаимодействовать на межкультурном уровне особенно важно при подготовке переводчиков. Это объясняется тем, что переводчику приходится осуществлять сложный когнитивный процесс, в ходе которого происходит не простое перекодирование знаков одной языковой системы в знаки другой системы, а попытки усвоения «чужого» мира посредством инструментария родного языка с таким расчетом, чтобы в другой культуре мог бы быть достигнут прагматический эффект, сопоставимый с оригиналом.

В контексте межкультурной коммуникации осуществляется контакт не только языковых систем и их речевых манифестаций, но также и соприкосновение разных культур.

Язык и культура взаимосвязаны в коммуникативных процессах. Эта связь проявляется не только в семантике и дифференциации языка по разным параметрам, но и в том, что именно культура обусловливает национальную специфику коммуникативного поведения человека.

Взаимодействие языка и культуры является культурологической реальностью, которая должна учитываться в моделях перевода. Концепция динамической теории перевода предполагает эксплицирование механизмов, обеспечивающих полноценную межъязыковую и межкультурную коммуникацию. Интерпретация любой информации о реальном мире тесно взаимосвязана с проблемой понимания и проблемой перевода как разновидности межкультурного взаимодействия социумов.

Язык является кодом, образующим часть культуры. Языки различаются по способам кодирования. Носители языка по-разному моделируют объективную действительность в зависимости от своеобразия языковых категорий, присущих каждому конкретному языку. Язык является не только средством общения, но и системой, отражающей коллективный опыт определенного языкового коллектива.

Представляя собой определенный способ восприятия реальности, каждый язык по-своему членит мир в соответствии с установившимися языковыми нормами. В нем находят свое отражение историческое развитие этноса, нравы и обычаи народа, культурные традиции, которые преломляются и видоизменяются

на каждом новом этапе развития данной лингвокультурной общности.

Национально-культурные факторы существенно влияют на элементы языкового кода каждого идиоэтнического языка, формирующие языковые картины мира и отличающиеся от концептуальных.

Попадая в другую национальнокультурную и языковую среду, человек попадает в другой мир ценностей и правил и норм общения, которые необходимо знать и учитывать для полноценного общения с представителями других лингвокультур. При этом нужно стараться избегать ошибок и неточностей, которые могут быть вызваны не только влиянием родного языка, но также и влиянием родной культуры и национального сознания.

Лингвокультурная интерференция может проявляться в неточных ассоциациях, неверных оценках, неадекватном восприятии эмоционального состояния, в нарушении коммуникативных норм, в неправильной интерпретации коммуникативных интенций собеседника и т. д. Владение нормами языка перевода является определяющим фактором, который обусловливает адекватность перевода.

Почти все социокультурные факторы находят свое опосредованное отражение в речи, которая чутко реагирует на все противоречивые явления культуры.

Например, в shadow economy – теневая экономика – обнаруживается значительное совпадение в репрезентации содержания типологических концептов. Ср. shadow economy – business activity that is carried on unofficially, esp. in order to avoid taxation; теневая экономика – производственная, торговая и т. п. деятельность, осуществляемая незаконно, ведущаяся без уплаты налогов.

Культурологический комментарий поможет вскрыть существенные расхождения между соответствующими концептами, что позволит установить наличие лишь частичной эквивалентности: shadow economy – in the West: illegal construction or the use of illegal migrant labour; in Russia: bureaucrats typically sell rights that is a citizen is entitled to free of charge in line with existing laws – people decide to engage in shadow economic relations because they cannot run a legal business at a profit.

Перевод имеет свое общественное предназначение: он призван обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближается к обычной, одноязычной коммуникации. Процесс перевода

предполагает сознательное установление соотношений между данными ИЯ и ПЯ.

Словарные дефиниции необходимо соотносить со знаниями человека не только о языке, но и со знаниями человека о мире. Речь идет об универсальных фоновых знаниях, которые формируются в наднациональном, надкультурном пространстве и обеспечивают типологический уровень эквивалентности. Культурный уровень эквивалентности ориентирован на ту часть содержания, которая соотносится в психике человека с имплицируемыми знаниями.

Именно эти фоновые знания, которые являются национально специфическими и культурно обусловленными знаниями, обеспечивают адекватное восприятие лексических фонов соотносимых единиц.

Общее ассоциативное поле в социокультурном фонде коммуникантов, которые являются представителями одной лингвосоциокультурной общности, позволяют адресату адекватно декодировать замысел адресанта. Однако в условиях межкультурного общения могут возникнуть различного рода трудности. В этом случае прагматический контекст общения будет требовать перехода употребления и восприятия слова с уровня значения на уровень прагматического смысла.

Каждая лексема находится в определенных ассоциативных связях с другими языковыми единицами. Для процесса перевода это обстоятельство также представляет сложность: в разных языках есть свои особенности такой ассоциативной связи.

За каждой лексической единицей стоит определенный образ языкового сознания, включающий ряд компонентов, которые имеют разную ценностную значимость в разные исторические периоды. Поэтому предварительный глубинный анализ содержания образов языкового сознания, который репрезентирован в тексте, является важным условием переводческой деятельности.

Культурная и индивидуальная идентификация, осознание своей културной уникальности, оказывается невозможным без наличия или построения в качестве мыслимого пространства иной культуры. Граница между мирами «своего» и «чужого» обеспечивает не столько трансляцию информации, сколько возникновение новых смысловых полей. Язык, являясь не только средством познания окружающего мира, но и средством массовой информации, определяет характер и содержание коммуникации, и вместе с ней культуры. Культура, вводимая и передаваемая через коммуникацию, со временем подвергается фундаментальному преобразовании.

Таким образом, мы приходим к определению перевода как вербальной проекции этноментального опыта одной лингвокультурной общности через интеграцию ментальных пространств переводчика как представителя другой лингвокультурной общности. Адекватность перевода обусловливается не только знанием алгоритмов «чужой» культуры, но также пересечением ментальных пространств автора ИТ и его переводчика.

Переводчик также сталкивается с узуальными расхождениями исходного языка и языка перевода и их влиянием на перевод. Ведь наряду с системой и нормой языка порождение речи регулируется узусом, который отбирает наиболее подходящие в той или иной ситуации общения высказывания. Узус отражает языковые традиции носителей языка. Игнорирование узуса при переводе затрудняет смысловое восприятие высказывания. Следовательно, не достигается запланированный коммуникативный эффект, искажается представление об авторе сообщения, его манере речи. Все это ведет к порождению сомнения в качестве перевода и квалификации самого переводчика. Можно назвать следующие типы узуальных расхождений: расхождение количественных характеристик узусов исходного языка и языка перевода, различие в отборе языковых единиц для стандартных сочетаний, а также различия в способах описания ситуаций.

Узус отбирает из всех возможных языковых средств наиболее уместные лексические единицы, характерные для той или иной сферы общения. Различия в стилистической окраске слова также можно отнести к узуальным расхождениям. Слово в оригинале может быть стилистически маркировано, в то время как словарное соответствие – нейтральным, и наоборот, слово в оригинале может быть нейтрально, а его соответствие – стилистически маркировано.

Следовательно, причиной отклонения от словарного эквивалента при переводе может стать расхождение стилистической окраски сходной единицы и ее соответствия, приводимого словарем. Ведь в задачу перевода входит не только точное изложение содержания мыслей сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения.

Л. П. Прокофьева

ЗВУКО-ЦВЕТОВАЯ КАРТИНА МИРА

Мир наполнен звуками как слышимыми человеком, так и не слышимыми. Практически все видимое порождает звуки – это стороны одного и того же процесса «чувствования» мира. Говорение, звучание, звук всегда представлялись творческим началом: «язык действует не только в полном согласии с воображением, продукты которого он выражает, но он творит сам по себе так, что рядом с мифическими идеями, в которых речь следовала за воображением, есть и такие, в которых речь шла впереди, а воображение следовало по проложенному пути» [1. С.89]. Эта мысль известного антрополога Э. Тайлора приводит к идее о взаимосвязи и взаимозависимости бессознательного и подсознательного, реализуемого языком и в языке.

Многомерность мира и многомерность сознания предполагает значимость всех видов общностей, среди которых звуку соположен цвет. При подобном соотношении выявляется асимметричность сознания и бессознательного, т. к. цвет и звук для человека являются непосредственным выражением психических переживаний, которые нельзя охватить, определить или выразить при помощи интеллекта. «Чистые абстрактные формы вначале апеллируют к интеллекту, в то время как цвета и звуки апеллируют в первую очередь и прежде всего к ощущению. Интеллект определяет и ограничивает, <…> цвет же дает нам теплоту жизни, ощущения, эмоции и все неописуемые нюансы опыта (переживания), которые интеллект не способен выразить или определить» [2. С.137]. Синтез ощущений осуществляется как внутри каждой отдельной сенсорной модальности, так и на межмодальном уровне. Реальный чувственный образ обладает полимодальной природой: зрительная картина мира согласована с тактильной, кинестетической и звуковой картинами мира: звук, исходящий от предмета, локализован субъективно в том же месте, где и зрительный образ данного. В целом форма единства чувственных переживаний характеризуется сочетанием единства и множественности: это множество отдельных чувственных переживаний, данное человеку в единстве. Элементарные ощущения не просто переживаются, но «сопереживаются», даны всегда на фоне каких-то других чувственных переживаний и сами воздействуют на характер этого фона.

Рассматривая гипотезу о существовании синестетически обусловленной звуко-цветовой картины мира, мы неизбежно

заметим, что в ней присутствуют все названные выше составляющие, которые особым образом организуют эту картину с учетом универсальной (бессознательной) способности человека ассоциировать звуки и цвета, национального (подсознательного) свойства отражать специфику взгляда на мир через конкретный язык в образно-логическом и эстетическом восприятии и индивидуальной (сознательно-подсознательной) переработки поступающей информации в конкретном акте речи, творчества. Обобщая и несколько упрощая, процесс восприятия можно представить следующей схемой: информация о звуке и цвете окружающего мира посредством бессознательных (физиологических и ассоциативных) и подсознательных (символических) реакций перерабатывается интеллектом, выходя на уровень сознания (рис. 1). Этот процесс в принципе не автоматизируется на последней фазе, т. к. во многом зависит от индивидуальности воспринимающего.

Рис. 1. Процесс восприятия и переработки звуко-цветовой информации.

Одной из разновидностей ассоциативной связи, активно используемой в искусстве, является синестемия (далее – Ст), которая в отличие от собственно синестезии (ненамеренного физического опыта межчувственной ассоциации) представляет собой проявление метафорического мышления человека. По нашему мнению, Ст – это познавательный процесс сам по себе, наполняющий ментальную жизнь человека, функционально не отличающийся от любого другого когнитивного процесса. В рамках Ст выделяются две разновидности – синестемия ассоциативная и метафорическая, которые не имеют непроходимых границ, но обладают спецификой: в литературном творчестве метафорическая Ст затрагивает, в основном, лексико-семантический уровень, тогда как ассоциативная – фоносемантический. Познавательная деятельность человека не протекает с опорой лишь на одну, изолированную модальность – напротив, любое предметное восприятие системно, оно является результатом принципиально полимодальной деятельности. Совместное координированное действие органов чувств становится

естественной основой для протекания синергетических процессов, а психофизиологические механизмы соотношения разных модальностей (слуха и зрения, например) составляют глубинную базу в любом языке. Так синергия и синестезия универсализируются в процессе познания роли Хаоса (беспорядка) и Космоса (порядка) в мироздании и культуре.

Бессознательное эмоциональное отражение окружающего, реакция на внешние события в сознании у каждого человека проявляется по-разному: мыслями, образами, звуками, цветом и т. д., при этом возможны различные их комбинации и формы. Так как явление внутреннего отражения действительности бессознательно, то оно не подлежит какому-либо осмыслению или оценке по факту своего проявления. Любой человек, в какой бы области творчества он бы ни работал, находится в постоянном противоречии между тем, что он реально воспринимает вокруг себя, и тем, что он интуитивно ощущает и какие образы эти ощущения вызывают в его сознании. Разница в форме представления тем не менее не скрывает общность исходной интермодальной сущности. Эту общность активно используют в прагматических целях современная реклама и PR – это и система «якорей» в нейролингвистическом программировании (НЛП), и новейшие японские синестетические разработки в области дизайна телефонов с различными ароматами. При помощи любого из указанных приемов формируется слабый условный рефлекс (на определенный звук, цвет, запах), который затем может использоваться для манипулирования (создание устойчивого положительного отношения к товару, услуге, идее и т. д.). Последствия, к сожалению, могут быть непредсказуемыми, т. к. осознанное направленное массовое бесконтрольное влияние на подсознание чревато различного рода «ответными реакциями».

Бессознательные реакции, вызываемые звуками довольно сложно зафиксировать и еще сложнее систематизировать, но общий принцип соотношения разных уровней сознания, сформулированный на уровне восприятия цвета, может быть использован и здесь. На уровень бессознательного выходят физиологические реакции, на уровень подсознания – ассоциативные, фиксирующие древнейшие архетипические значения, на уровень сознания – сложно организованные системы, прошедшие проверку временем и культурой. Например, музыкальные произведения, колокольный звон и под. Безусловно, восприятие сложных систем многослойно, т. е. включает и бессознательные, и подсознательные реакции, но организующая

роль все-таки принадлежит сознанию. Современный музыкант Хазрат Иннаят Хан образно выразил движение этих двух важнейших субстанций: «Цвет и звук являются не только языком, посредством которого человек общается с внешней жизнью, но и языком, с помощью которого он общается с жизнью внутренней. …Не только внешние звуки, но также и внутреннее состояние видимо и слышимо» [3. С.167].

По представлению язычников, звук отражал гармонию божественного творения, божественный порядок, в отличие от Хаоса, располагающегося на периферии. Эти идеи нашли отражение практически во всех религиях мира и духовных практиках. Показательны в этом отношении названия духовных практик в йоге: Рагавидья – учение о музыке и звуке как первооснове бытия; Нада-йога – путь звука; Нада брахмо – учение о звучании Абсолюта; Свара-шрути – учение о музыкальных звуках; Нама рупа – учение о проявлении мира в звуках и образах; Ахата-анахата нада – учение о временном и вечном звучании. Интересно, что концепция относительности, по утверждению Альберта Эйнштейна, родилась в его голове из вихря зрительных образов, причем «психические сущности, которые, вероятно, служат элементами мысли, – это определенные знаки и более или менее ясные образы, которые можно «произвольно» воспроизводить и комбинировать между собой… Обычные слова и другие знаки приходится мучительно изыскивать лишь на втором этапе, когда упомянутая игра ассоциаций достаточно установилась и может быть по желанию воспроизведена…» (цит. по [4. С.273]). Ср. с художественным ви́дением процесса творчества у А. Блока: «Миры, предстающие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся щемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти *слова*. Вместе с тем, они начинают *окрашиваться* (здесь возникает первое глубокое знание о цветах) … начинается чудо одинокого преображения» [5. С.143].

Звуко-цветовая картина мира, по нашему мнению, представляет собой универсальное образование, обладающее ярко выраженными национальными особенностями, внутри которых выделяются относительно равнозначимые в данном культурном контексте проявления. «Смысл культуры цвета и причинность его многовекового существования стали вопросом XXI века», – пишет известный исследователь хроматизма Н. В. Серов [6. С.17]. Нам близка его точка зрения, сформулированная в фундаментальной монографии «Цвет культуры», что в хроматизме интеллект

подразделяется на определенные компоненты согласно его основным функциям: *биологическое* (бессознание), *психологическое* (подсознание) и *социальное* (сознание). Рассматривая гипотезу о существовании синестетически обусловленной звуко-цветовой картины мира, мы неизбежно заметим, что в ней присутствуют все названные составляющие, которые особым образом организуют эту картину с учетом *универсальной* (бессознательной) способности человека ассоциировать звуки и цвета, *национального* (подсознательного) свойства отражать специфику взгляда на мир через конкретный язык в образно-логическом и эстетическом восприятии и *индивидуальной* (сознательно-подсознательной) переработке поступающей информации в конкретном акте речи, творчества. Ответить на эти вопросы стало возможным, получив результаты экспериментов по звуко-цветовому ассоциированию в различных языках и проверив гипотезу практическими методиками анализа художественного текста разных авторов с одновременными аудиторскими экспериментами по восприятию этих текстов [7].

Экспериментальное исследование схожими методами звуко-цветовой ассоциативности (далее – ЗЦА) в двух неблизкородственных языках позволило составить национальные матрицы для русского и английского языков. Значительные совпадения в оценках одних и тех же графонов, далеко выходящие за пределы случайных, а также устойчивость в сохранении ассоциаций в течение длительного времени (3 серии экспериментов 1985, 1995, 2005 гг.) свидетельствует об их реальной системности и повторяемости в рамках сообщества, говорящего на одном языке. При этом обнаружено, что не все графемы в языке имеют одинаковые ассоциативные возможности и что это связано не столько с особенностями языка, сколько с особенностями деятельности мозга человека. Отмечено, что названия цветов, безусловно, оказывают существенное влияние на ассоциирование графонов, но это влияние абсолютным не является: 58% в русском языке, 54% в английском. Максимальной активности русские речевые межмодальные ассоциации достигают к старшему подростковому, раннему и среднему юношескому возрасту, гендерный признак (в отличие от случаев истинной синестезии) существенного значения не имеет.

Любой язык обладает глубинной цветовой матрицей, зафиксированной в национальной протосистеме ЗЦА, причем набор ведущих цветов не только социально и культурно детерминирован, но и отражает картину мира на уровне

фоносемантики. Цвет как одно из важнейших ощущений восприятия образует своеобразное поле, в которое наряду с визуальными представлениями входят синестетически мотивированные аудиальные. Ядро поля русского языка составляют 25 графонов (А, Б, В, Е, Ё, Ж, З, И, Й, К, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Х, Ц, Ч, Ш, Ы, Ю, Я), периферию – 6 (Г, Д, Л, Ф, Щ, Э); ядро английского – 11 графонов (A, B, D, G, I, M, O, R, X, Y, Z), периферию – 15 (C, E, F, H, J, K, L, N, P, Q, S, T, V, U, W). Таким образом, ЗЦА палитра русского языка, зафиксированная на фоносемантическом уровне тяготеет к черно-белой, синей и красной гамме, а английского – к красно-желто-зеленой. По гипотезе Э. Сэпира и С. Цуру, национально обусловлены лишь цветовые ассоциации согласных, тогда как фоносемантический потенциал гласных позволяет относить их ассоциативность к универсальным феноменам. Результаты наших экспериментов не подтверждают это положение: лишь ЗЦА графонов А и О с высокой степенью вероятности представляет универсальное явление, тогда как система ЗЦА остальных гласных и согласных в большей степени национально обусловлена.

Проанализированные нами факты исследования ЗЦА на материале различных языков [7] свидетельствуют о неизменном интересе к явлению синестезии в лингвистике, психологии, медицине. Определяющая доля естественнонаучных исследований (в сравнении с собственно лингвистическими), сопряженных с недостаточной определенностью в понимании феномена синестезии, не позволили создать целостные национальные системы звуко-цветовой ассоциативности, но смогли подготовить методологическую и экспериментальную базу для дальнейших обобщений. Идеи Р. Якобсона, Э. Сепира, подхваченные и развитые К. Леви-Строссом, С. Ульманом, А. П. Журавлевым, С. В. Ворониным и др., нашли отражение в теории фонетического значения и стали составляющей частью фоносемантики. В последние 7-10 лет в связи с открытиями в области искусственного интеллекта интерес к автоматизированным методикам анализа фоносемантической составляющей речи и текста активно начали проявлять западные специалисты по прикладной лингвистике. Так, например, грантовое финансирование Министерства образования Испании получил коллектив авторов из Universidad Autonoma de Madrid, занимающихся разработкой алгоритма автоматического измерения фонетического значения с использованием результатов исследований М. Магнус, выявившей и зафиксировавшей в специальном словаре универсальные минимальные звуковые

паттерны. Продолжение подобной работы, объединение усилий отечественных и зарубежных исследователей фоносемантики может открыть новые горизонты в процессе познания картины мира, зафиксированной в языке.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
2. Говинда лама Анагарика Основы тибетского мистицизма согласно эзотерическому учению великой мантры Ом Мани Падме Хум. – СПб.: Изд-во «Андреев и сыновья», 1993. – 317 с.
3. Хан Хазрат Иннаят. Мистицизм звука. – М.: Сфера, 1998. – 329 с.
4. Демидов В. Е. Как мы видим то, что видим. – М.: Знание, 1987, – 273 с.
5. Блок А. А. Собр. соч. в 6 тт. – М.: «Прогресс», 1982.
6. Серов Н. В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. – СПб.: Изд-во «Речь», 2004. – 672 с.
7. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: Изд-во Сарат. мед. ун-та, 2007. – 280 с.

Т. М. Рогожникова

ЧЕЛОВЕК КАК АКАДЕМИЯ СЕМАНТИКИ: ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В октябре 2007 года в Уфе в рамках Инновационной образовательной программы подготовки кадров в области информационных технологий проектирования, производства и эксплуатации сложных технических объектов в Уфимском государственном авиационном техническом университете для преподавателей кафедры языковой коммуникации и психолингвистики А. А. Залевская прочитала авторский курс «Язык как достояние индивида: инновационные методы современной лингвистики, психолингвистики и лингводидактики».

Смена общенаучных метафор, о которой говорила А. А. Залевская в ходе лекционного курса в Уфе, (см. также: [1]), оказала влияние на анализ языковых явлений и в частности на решение проблем лексической семантики.

Оформление новейшей общенаучной метафоры «живого знания» означает, что интегративный подход к языку, к которому призывают психолингвисты, становится неизбежен. Мировая наука приходит к признанию «невозможности более не замечать

различий между значением, описываемым с позиций логико-рационального подхода, и значением, реально функционирующим у человека» [1. С.26].

Продуктом интегративного подхода не может считаться перечисление и механическое сложение результатов исследований в ряде наук, подобно тому «как значение высказывания не является простой суммой значений, составляющих его слов, но «магически» возникает как итог сложного взаимодействия того, что лежит за словами в сознании и подсознании воспринимающего это высказывание индивида» [1. С.32].

Динамические аспекты значения слова начинают входить в круг наиважнейших составляющих современной психолингвистики. Исследование семантического развития предполагает анализ тех семантических изменений, которые происходят со словом по мере общепсихического развития индивида. Актуальной становится проблема построения новой теории, способной объяснить разнообразные и порой разрозненные данные о динамических закономерностях функционирования слова.

В рамках данной статьи остановимся на некоторых исследованиях, которые вносят в названную проблему определенный вклад и способствуют созданию такой теории. Все эти исследования ведутся на кафедре языковой коммуникации и психолингвистики в УГАТУ.

Сегодня хорошо известны работы, направленные на изучение семантической динамики у детей и взрослых, но в отечественной психолингвистике практически нет исследований развития значения слова у пожилых людей.

В то же время можно отметить, что зарубежные исследователи стали уделять этой проблеме пристальное внимание, особенно в последние годы. В работах анализируются эмпирические данные о развитии концептуальных знаний, рассматриваются репрезентационные структуры знаний, процессы воспроизведения значений, содержащихся в семантической памяти пожилого человека [2; 3; 4; 5].

Предположения о том, что именно интеллектуальная активность является одним из факторов, которые тормозят темпы нарастания возрастных изменений психики на поздних этапах онтогенеза [6. С.172], придают изучению данной проблемы особую актуальность.

В работах Т. Ю. Касаткиной [7, 8, 9, 10] исследуется специфика развития значения у лиц пожилого и старческого возраста. Автор

проводит сопоставительное исследование, которое позволяет выявить универсальные и специфические особенности, обусловленные психофизиологическими и интеллектуальными изменениями в семантической структуре памяти; зафиксировать смещение идентификационных опор с семантических на формальные, что, по мнению автора, связано с динамикой интеллектуальных способностей престарелых людей.

Т. Ю. Касаткина, опираясь на полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента материалы, делает вывод о том, что характер опознаваемого слова, возрастные и интеллектуальные особенности пожилых людей влияют на соотношение и вступление в действие процессов, лежащих в основе динамических изменений в семантике слова: генерализации, дифференциации, типизации, а также характеризующее – определительного сдвига в семантике слова. Это определяет специфику семантического развития внутри выявленных групп реакций. Специфика развития у лиц пожилого возраста отчетливо выявляется при сопоставлении с данными, полученными от школьников и взрослых испытуемых, у которых процесс развития семантики слова, представленный спиралевидной моделью [11], аналогичен постепенному восхождению по спирали с увеличивающимися по мере восхождения диаметрами витков.

Как отмечает Т. Ю. Касаткина, у пожилых людей 60-75 лет нормальное протекание процессов генерализации и дифференциации прослеживается при идентификации слова в большинстве случаев по линии смысловых признаков. В более позднем старческом возрасте (80–90 лет) происходит постепенное изменение доли участия того или иного процесса семантического развития, что проявляется у испытуемых в обращении к единицам поверхностного яруса лексикона. Наблюдается ослабление смысловых связей между словами. Итогом проведенного исследования стала модель, описывающая существенные свойства развития значения слова в индивидуальном сознании пожилого человека. Графически модель семантического развития в старости представлена автором в виде спирали с постепенно сужающимися диаметрами витков [9; 10].

Результаты ассоциативного эксперимента показали, что сила семантических связей постепенно ослабевает, что согласуется с данными, полученными зарубежными коллегами, по мнению которых семантические процессы пожилых людей отличаются меньшей глубиной, сложностью, что приводит к выявлению возрастных дифференциаций.

Полученные результаты позволили Т. Ю. Касаткиной предположить, что, несмотря на сохранность семантической структуры памяти, «семантическое пространство» в старости теряет свою «плотность», становясь более разреженным. Но и в период поздней взрослости, по мнению автора, идет процесс развития значения слова. Различные изменения в пожилом возрасте направлены на актуализацию и использование потенциальных, резервных возможностей, накопленных в период роста и формирующихся в геронтегенезе. «Старение не может рассматриваться как простая инволюция, угасание или регресс. Это продолжающееся развитие, включающее многие приспособительные и компенсаторные механизмы» [10. С.163].

Масштаб рассматриваемой проблемы обязывает обращаться к полярным условиям интеллектуальной деятельности человека. Работы Р. Н. Гариповой [12; 13; 14] посвящены сопоставительному изучению закономерностей семантического развития в индивидуальном сознании нормального и анормального человека. Р. Н. Гарипова исследует семантическую динамику у умственно отсталых испытуемых разных возрастов. Такой вариант психического дизонтогенеза был выбран автором не случайно. Анормальные испытуемые, несмотря на недостаточность высших и базальных психических функций, владеют определенной оценкой конкретной ситуации, ориентируются в простых практических вопросах, и поэтому способны воспринять и правильно выполнять инструкцию экспериментатора [14. С.11].

Испытуемые владеют фразовой речью, не подвергаются воздействию психотропных средств в отличие от испытуемых с другими вариантами психических отклонений. Дети с дефицитом интеллекта обучаются в специальных (коррекционных) школах, профессиональных училищах или содержатся в психоневрологических интернатах. Последний фактор позволяет провести эксперимент с количеством испытуемых, достаточном для получения достоверных данных.

Для анализа перестройки ассоциативного поля анормального испытуемого автор вводит понятие ассоциативного массива слова. Под ассоциативным массивом понимается совокупность реакций, увязанных с лексико-семантическим вариантом (ЛСВ), которые актуализируются во всех группах испытуемых. Структура массива остается неизменной на всех этапах развития анормального человека [14. С.18]. Автор устанавливает внутри массива по количественным показателям актуальности доминирующие и вспомогательные ЛСВ. Формальные реакции были также

включены Р. Н. Гариповой в массив, поскольку они явились неотъемлемой частью ассоциативного реагирования.

Исследователь предлагает модель семантического развития слова в условиях патологии. Графически это ограниченная рамками юлообразная спираль [14. С.20]. Ассоциативный массив характеризуется устойчивостью и ограниченностью; расширение и сужение спирали представляют специфику семантического развития слова в условиях патологии.

Работы С.Г. Абабковой посвящены изучению специфики развития значения слова в условиях разных типов одаренности [15; 16; 17]. В проведенных ею ассоциативных экспериментах приняли участие музыкально и художественно одаренные, а также математически одаренные дети.

Специфика модели семантического развития в условиях одаренности, по мнению С.Г. Абабковой, определяется протеканием процессов генерализации, дифференциации, типизации и характеризующе-определительного сдвига, соотношение и вступление в действие которых зависят как от характера опознаваемого слова-стимула, так и возрастных и интеллектуальных особенностей индивида. Графически модель представлена в виде конуса с расширяющейся поверхностью пересечения кругов, которые обозначают четыре выше названных процесса. Развитие значения слова в условиях одаренности – это увеличивающаяся поверхность пересечения и взаимодействия процессов генерализации, дифференциации, типизации и характеризующе-определительного сдвига [17. С.5]. Доля участия основных процессов развития зависит как от характера опознаваемого слова, так и возрастных и интеллектуальных особенностей человека.

Ценность исследований С.Г. Абабковой заключается еще и в том, что автор рассматривает полученные результаты в ряду аналогичных процессов, реализованных в условиях «нормы» и «не нормы». Сопоставляя данные, полученные от нормальных (материалы Т. М. Рогожниковой), анормальных (материалы Р. Н. Гариповой) и одаренных испытуемых, С.Г. Абабкова приходит к выводу о том, что процессы генерализации и дифференциации, определяющие семантическое развитие у разных типов испытуемых, протекают с разной скоростью. Автор обнаруживает смещение ассоциативного поиска, обусловленное разными возрастными и интеллектуальными возможностями человека.

Л. В. Газизова [18; 19; 20] исследует стратегии идентификации слова с позиции динамических закономерностей функционирования семантики. Автор делает вывод о том, что стратегии идентификации слова как достояния пользующегося им индивида являются результатом эволюции основных путей семантического развития, выявленных и описанных в работе [11]. Динамические закономерности функционирования семантики, проявившиеся в различных направлениях изменения семантического пространства, не утрачиваются с возрастом и, как считает автор, составляют основу идентификационных стратегий в условиях зрелого интеллекта. Исследования Л. В. Газизовой построены на материале разносистемных языков. Анализу подвергнуты 7200 ассоциативных реакций на татарском и башкирском языках, для межъязыкового сопоставительного анализа были использованы экспериментальные материалы на русском языке.

Поиску оптимальных путей исследования проблемы идентификации слова посвящены работы Н. М. Ткаченко [21; 22; 23]. Автор изучает идентификационные стратегии через незнакомое слово, так как «именно незнакомое слово, точнее – лишенное предметной отнесенности псевдослово, способно замедлить идентификационный процесс настолько, что становится возможным выявление базовых опор и установление исходных универсальных стратегий идентификации слова» [23. С.3].

Феномен псевдослова, специфика его функционирования в индивидуальном сознании носителя языка изучены мало. Данная проблема пока скорее ставится, чем решается. Это связано с трудностями экспликации идентификационных стратегий и опор, полный перечень которых до сих пор не установлен, а вопрос об их универсальности открыт.

Н. М. Ткаченко попыталась смоделировать «идеальную» экспериментальную ситуацию, основной характеристикой которой является возможность изучения не только изолированного псевдослова, но также анализ его функционирования в вербальном контексте, состоящем также только из псевдослов.

Признавая стратегическую природу процесса идентификации, автор выделила стратегию идентификации через формальные мотивирующее элементы как основную в условиях внеконтекстного эксперимента; в качестве основной в контекстном варианте эксперимента была выявлена стратегия идентификации через внешний вербальный контекст.

Перечисленные выше исследования можно отнести к разряду уже состоявшихся, поскольку авторы защитили свои результаты на уровне кандидатских диссертаций и апробировали их на многих конференциях различного уровня. Коротко хотелось бы остановиться на некоторых промежуточных результатах тех авторов, которые пока не завершили свои исследования, но уже выявили интересные тенденции.

В работах Р. А. Даминовой [24; 25; 26] излагаются результаты исследования фонетического значения единиц ядра языкового сознания индивида. Автор анализирует эти наиболее стабильные образования, обладающие большим количеством связей, и их ассоциативное окружение с целью выявления их взаимосвязи и взаимодействия. Используя инструментарий фоносемантики, психосемантики, Р. А. Даминова делает вывод о том, что большинство слов, входящих в ядро языкового сознания носителей русского языка, имеют положительную фоносемантическую оценку (73% единиц ядра). Фоносемантические факторы позволяют по-новому подойти к вопросу создания экологически благополучных вербальных продуктов. По сути речь идет о способах сохранения экологии коммуникации и об алгоритмах создания благовоздействующих вербальных моделей.

Особенности развития значения слова в индивидуальном сознании людей, принадлежащих к разным психологическим типам, интересуют С. В. Закорко [27, 28]. Автор пытается разобраться в стратегиях ассоциирования, преломляющихся через различную психологическую установку: интровертированный тип vs экстравертированный, при этом учитывается гендерный аспект проблемы.

Эскизно изложенные результаты изучения динамических аспектов семантики слова свидетельствуют о сложном взаимодействии того, что лежит за словом в сознании и подсознании человека. За рамками статьи остались концепции телесного ощущения значения, анализ соматических корней в структуре значения слова, изучение семантики цветового значения и символической потенциальности цвета и многие другие вопросы, которые позволяют говорить о значении слова как о живом знании и рассматривать язык как достояние пользующегося им индивида.

За кадром остались также наши попытки компьютерного моделирования звукоцветовых соответствий и создания звукоцветового эффекта путем особой организации звуковой ткани текста.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Залевская А. А. Общенаучная метафора «живое знание» и проблема значения слова // Вестник Тверского гос. ун-та – 2007. – Серия «Филология». – Вып. 7 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.18–33.
2. Burke D. M., Peters L. Word association in old age: Evidence for consistency in semantic encoding during adulthood // Psychology and aging. 1986. – Vol. 1. – № 4. – Pp. 283–292.
3. Burke D. M., Mackay D. G., James L. E. Theoretical approaches to language and aging // T. Perfect and E Maylor (Eds.). Models of cognitive aging. – Oxford, U. K.: Oxford Unir. Press, 2000. – Pp. 204–205.
4. Beier M. E., Ackerman P. L. Current – events knowledge in adults: an investigation of age? Intelligence, and nonability determinants // Psychology and Aging. – 2001. – Vol. 16. – Pp. 615–628.
5. Verhaegen P. Aging and vocabulary score: a meta – analysis // Psychology and Aging. – 2003. – Vol. 18. – Pp. 332–339.
6. Холодная М. А., Маньковский Н. Б. Своеобразие уровневых, структурных и стилевых характеристик интеллекта в пожилом возрасте // Психология старости и старения: Хрестоматия. – М.: Академия, 2003. – 416 с.
7. Касаткина Т. Ю. Интеллект и его особенности в старости // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. – С.195–200.
8. Касаткина Т. Ю. Процессы ассоциирования у пожилых людей // Вопросы обучения иностранным языкам: методика лингвистика, психология. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – С.154–159.
9. Касаткина Т. Ю. Идентификация значения слова пожилыми людьми в ходе ассоциативного эксперимента // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Вестник МГЛУ. – М.: МГЛУ, 2007 а – Вып. 541. – С.125–131.
10. Касаткина Т. Ю. Специфика развития значения слова в геронтегенезе: Дис. … канд. филол. наук. – Ижевск, 2007 б. – 184 с.
11. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. – 242 с.
12. Гарипова Р. Н. Экспериментальное исследование специфики семантического развития слова в условиях патологии: предварительные результаты // Человек. Язык. Культура. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С.13–22.
13. Гарипова Р. Н. Особенности ассоциирования в условиях патологи // Вестник УГАТУ. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – Т. 8 № 1 (17). – С.152–160.

14. Гарипова Р. Н. Специфика развития значения слова в индивидуальном сознании в условиях нормы и патологии: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 22 с.
15. Абабкова С. Г. Некоторые вопросы идентификации одаренности в психолингвистическом исследовании семантики слова // Человек. Язык. Культура. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5 – С.3–7.
16. Абабкова С.Г. Моделирование процессов идентификации слова в условиях разных типов одаренности // Вестник УГАТУ. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – Т. 8. № 1 (17). – С.148–151.
17. Абабкова С.Г Развитие значения слова в индивидуальном сознании в условиях разных типов одаренности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 22 с.
18. Газизова Л. В Об особенностях ассоциирования носителей татарского языка // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – С.31–37.
19. Газизова Л. В. Вопросы исследования процессов идентификации слова // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С.28–36.
20. Газизова Л. В. Интеграция опор в процессе идентификации слова // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. Материалы конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – С.57–60.
21. Ткаченко Н. М. Роль контекста в определении значения слова // Вопросы обучения иностранным языкам, методика, лингвистика, психология. Материалы конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2005. – С.282–284.
22. Ткаченко Н. М. Исследование психологической структуры значения псевдослова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивные аспекты. – Вестник МГЛУ. – М.: МГЛУ, 2007 а – Вып. 541. – С.274–277.
23. Ткаченко Н. М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Ижевск, 2007 б. – 20 с.
24. Даминова Р. А. Вопросы исследования фонетического значения слова // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С.43–49.
25. Даминова Р. А. Результаты фоносемантического анализа ассоциативного окружения единиц ядра ментального лексикона // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. Материалы конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – С.93–97.
26. Даминова Р. А. О некоторых исследованиях в фоносемантике // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика,

психология. Материалы конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2007. – С.101–108.
27. Закорко С.В. Структура семантики слова и разные психологические типы: история вопроса // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. Материалы конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – С.119–122.
28. Закорко С.В. Свободный ассоциативный эксперимент в исследовании семантики слова: предварительные результаты // Языковое существование человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы IV Международных Березинских чтений. Вып. 14. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. – С. 84–91.

Э. А. Салихова

ДИНАМИКА СВЯЗЕЙ В АССОЦИАТИВНОМ ОКРУЖЕНИИ СЛОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРИМЕНТОВ)

Основной целью анализа материалов свободных ассоциативных экспериментов (САЭ), проведенных нами с детьми младшего школьного возраста трех деревень Кармаскалинского района Республики Башкортостан в 1996–1998 гг. [1] и повторно с теми же испытуемыми (ии.) – 80 учащимися выпускных классов в 2006 году, явилось изучение психологической структуры ассоциативных полей (АП) ряда слов у детей младшего школьного возраста (6-7 лет) – носителей одного (русского, башкирского или татарского), двух или трех (русского, башкирского, татарского) языков с последующим повторным (через 10 лет) сопоставительным исследованием материала, полученного от тех же участников эксперимента, для установления универсальных закономерностей и особенностей связи между словами в индивидуальном лексиконе с социо- и психолингвистических позиций.

Полученные данные позволяют увидеть различия в ассоциативных связях слов, которые обусловлены рядом факторов (возрастом, полом, языком постоянного общения, местом постоянного проживания ии. и др.). Обсуждаемый материал содержит, на наш взгляд, свидетельства о возрастных изменениях ассоциаций у одних и тех же респондентов. Кроме результатов трендового эксперимента, когда «в двух разнесенных по времени обследованиях изучаются различные, но обладающие идентичными наборами социальных характеристик индивиды», в нашей работе представлены и итоги лонгитюдного исследования, при котором «с определенным временным интервалом изучаются

одни и те же объекты», что дает «наиболее точные данные о динамике процессов» [2. С.322–323]. Так, мы имеем возможность сравнить данные, характеризующие «использование одних и тех же единиц разными поколениями того или иного сообщества» [там же. С.324], а также представителями одного поколения, но с временным интервалом в десять лет. Объем выборки составил 22 единицы, что характерно для подобных исследований, приемлемых для микросоциолингвистических работ. Попытаемся представить усредненную картину ассоциативных полей, характерную для респондентов рассматриваемых возрастных групп в отдельности. Устанавливая факты тождества и различий между ними, мы полагаем, что выявленные отношения можно условно спроецировать на процесс развития ассоциативных связей в школьные годы, учитывая, конечно, вероятностную природу получаемых выводов.

Сопоставление ассоциатов русских детей и билингвов на стимулы-существительные и местоимения выявило, что в обоих случаях были получены те же стратегии реагирования: через противопоставление (ответы-антонимы и оппозиты), соотнесение лексемы с близкой по значению единицей лексикона (реакции-синонимы и симиляры), включение в контекст потенциально возможного высказывания. Можно полагать, что на рассматриваемом возрастном диапазоне отличия в стратегиях реагирования детей-носителей разносистемных языков не столько качественные, сколько количественные. Если у русских детей доминирующей являлась стратегия противопоставления, затем по количеству ответов заняли симиляры и реакции, включенные в контекст, то у башкир и татар не обнаружено преобладания какой-либо стратегии реагирования: из перечисленных два первых способа составили примерно одинаковое количество, третье – чуть меньше. При анализе ответов на стимулы-прилагательные преимущественное положение занимала стратегия противопоставления, особенно в ответах башкир и татар; следующими по количеству стали оценочно-признаковые и реакции, образующие миниконтекст, высказывание. Реакций симиляров в ответах на исходные прилагательные было замечено немного: МЯГКИЙ – *пушистый, теплый, меховой, йомшак кына* (тат. мягонький, негромкий), *йомшак күңелле (*тат. мягкосердечный*), йылы (*баш. о погоде, климате, досл. теплый*)*; ТЕМНЫЙ – *черный, страшный*, *бара, буркыныҫ/буркыныч*. Примечательным является тот факт, что наблюдается почти полная параллель в стратегиях реагирования на

исходные прилагательные как русскими, так башкирскими/татарскими детьми. На стимулы-глаголы, напротив, было получено больше синонимических, ответов-симиляров, уточняющих действие или признак действия; на втором месте – реакции включения в контекст высказывания; следующую группу составили ответы-антонимы (оппозиты): ЛЮБИТЬ – *ласкать, целовать, уважать, ухаживать; ярарға* (тат. в знач. угодить, заискивать), *мактарға* (баш. хвалить). Обнаруженные параллели в идентификации значения исходных слов детьми-монолингвами и билингвами показательны в том отношении, что они носят универсальный характер. Это подтверждается и отдельными исследованиями речевого онтогенеза.

Анализ результатов подобных исследований не всегда учитывает обусловленность типов реакций ии. характером предъявляемого в эксперименте стимула. Возможно, это стало одной из причин формирования несовпадающих, порой противоречивых мнений относительно связи между возрастом участников экспериментов и преобладанием тех или иных ответов на исходное слово. Признавая важность изучения общих тенденций реагирования, мы попытались построить возрастную типологию ассоциаций несколько иначе: сопоставить не только принципы реагирования, а строение ассоциативных полей одних и тех же слов-стимулов у младших школьников и тех же испытуемых через десять лет. В рамках настоящей публикации не представляется возможным описать все выявленные факты и дать им подробный научный комментарий, поэтому остановимся на отдельных фрагментах, характеризующих становление ассоциативного окружения слова и его изменчивость.

Характеристика типа АП выявляется с учетом того, каково соотношение единичных реакций, какую долю ответов на данный стимул составляют так называемые «нулевые реакции», отказы, количество разных ответов к общему числу реакций на данный стимул, имеется ли «разрыв» между долей частотных ответов и следующей по рангу частоты и др. Сопоставление АП одного и того же стимула в разных возрастных группах ии. по перечисленным параметрам позволит выявить динамику реагирования.

Так, в рассматриваемых возрастных группах наиболее частотными реакциями на стимул ЧЕЛОВЕК являются *хороший* и *сильный* (см. таблицу). Доля самой частой реакции постепенно уменьшается с 16,13% до 13%. Несколько уменьшается и

совокупная доля первых двух реакций (с 27,89% до 22,88%), а разрыв между ними заметно сглаживается. Доля нулевых реакций при этом изменяется: в группе старшеклассников они отсутствуют, у младших испытуемых они составили 5,07% от общего числа ответов. Видимо, это отчасти объясняется тем, что реакции первоклассников чаще отражают основные характеристики окружающих их субъектов. Часто реакции представляли собой персонифицированные ответы – *мама, папа, Мария Александровна, картатай, Дамир абый (дядя, брат)* и т. п.

Таблица 1. Частотные реакции на стимул ЧЕЛОВЕК

Ответы респондентов	
Возраст – 6-7 лет	*хороший*, *яхшы* (16,13%), *сильный, акыллы (умный)* (11,76%), «нулевые» реакции (5,07%)
Возраст – 15-16 лет	*хороший, добрый, друг* (13,01%), *башлы, умный, сильный* (9,87%), «нулевые» реакции (0%)

Такая возрастная динамика характерна для структуры полей, образованных реакциями на те стимулы, которые в течение школьной жизни существенно обогащаются и усложняются. Во-первых, как демонстрирует материал экспериментов, меняется лексическое наполнение секторов содержания ассоциативного поля ЧЕЛОВЕК. Например, к положительным характеристикам ЧЕЛОВЕКА, представленным в ответах первоклассников, относятся: *хороший, сильный, умный, большой; яхшы, абыллы* в ответах старшеклассников появляется все больше негативных качеств: *сердитый, вредный, глупый, урод, тварь, изверг,* в том числе с оттенком грубости и вульгарности – *тупой, лох; яман, насар, әшәке (*отвратительный*)*. К реакциям, выражающим связанные с человеком положительные эмоции (*любовь, счастье, семья*), добавляются и такие – *ужасное существо, дьявол, исчадие ада, әшәке, насар* и т. п.

Во-вторых, в ответах испытуемых старшей возрастной группы выделяются дополнительные группы реакций: *забота, ответственность, обязанность; свадьба, семья; напряги, ненависть; парланырга* (жениться, составлять пару*), х1йл1к1р* (хитрость). Уже эти особенности демонстрируют подвижность и постепенное усложнение анализируемого ассоциативного поля. Слово ЧЕЛОВЕК, несомненно, относится к активному словарю школьников. Они часто использовали его в формах *человеком, человеки, о человеке, люди, народ, кешел1р* в качестве реакций на

другие различные стимулы – СИЛЬНЫЙ, РАССКАЗ, Я, МЫ, ДУМАТЬ и др. Заметим попутно, что в парах ЧЕЛОВЕК – *святой*, СВЕТ, ЗЕМЛЯ – *человек* (последняя, правда, дана информантами второй возрастной группы) можно видеть отражение того, что человек в сознании испытуемых не только «живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи и мысли…», но и «носитель каких-то внутренних качеств, свойств, личность», как определяется это значение в [3. С.1247]. Думается, это еще одна линия усложнения содержания слова, объясняющая характер динамики его ассоциативного поля.

Данным типом возрастной динамики ассоциативного поля характеризуется развитие целого ряда слов, среди которых, например, − слова ОКЕАН, МУЗЫКА, ДУМАТЬ, ГОРЬКИЙ. Но выделяется и группа слов-стимулов, выявляющих динамику другого типа, противоположного описанному по ряду признаков. Типичный пример таковой дает стимул РАССКАЗ. Доля наиболее частотной реакции на этот стимул (*книга, читать*) не только не убывает в направлении от первого к выпускному классу, но заметно возрастает: 23,67% (1 класс) и 35,71% (10-11 классы). У старшеклассников ответ *книга* составляет около половины реакций на стимул РАССКАЗ. Соответственно этому с 15% до 47% увеличивается разрыв между первой и второй (*читать*) ответами. При этом доля отказов от реагирования столь же заметно убывает, и если у младших испытуемых отказы составили 7,05% их ответов, то у старшеклассников на предложенное слово встретился лишь один отказ.

Можно сказать, что возрастная динамика поля РАССКАЗ – типичный пример процесса стандартизации ассоциативной структуры, – процесса, завершившегося в период учебы в школе. Об этом свидетельствует и изменение показателя ассоциативной силы стимула (о расчете последней с введением понятия энтропии см. [4]): с 0,152 в 1-ом классе он возрастает до 0,358 у старшеклассников. Структура данного поля в основном сложилась уже в начальном звене, и ее последующее изменение совершается путем все большего согласования индивидуальных, личностных ассоциаций, что проявляется в уменьшении разброса ответов. Можно указать ряд слов (ГОВОРИТЬ, ВОЛК, МЫ, Я и пр.), демонстрирующих ту же динамическую модель, что и слово РАССКАЗ. Отметим, что подобные модели носят универсальный характер и присущи не только носителям русского, но и башкирского/татарского языков. Кроме того, подтверждается положение о том, что слова-стимулы, отличающиеся большей

величиной ассоциативной силы (к таковым относится и рассматриваемое нами), обладают максимальным текстообразующим потенциалом: РАССКАЗ – *совсем скучный, в учебнике, читает/рассказывает воспитатель, 1с1й укып утыра* (мама сидит и читает) и т. п.

За время обучения в школе ассоциативные поля некоторых слов (среди них в основном преобладает отвлеченная лексика книжного характера), по-видимому, не успевают стабилизироваться. Наиболее частотные лексические реакции на такие слова, использованные в качестве стимулов, у школьников рассматриваемых групп не совпадают. Например, на стимул МУЗЫКА младшие школьники давали реакции – *тихая, громкая, звучит*, а старшеклассники – *ноты, отдых, классическая, рок*. Характерным признаком таких полей является низкий показатель ассоциативной силы стимула. Вероятно, слова-стимулы данного типа находятся на периферии лексического ядра школьников: они редки среди ответов и приводятся ими на небольшое число стимулов.

Исследование на материале АЭ показывает, что некоторые из рассмотренных нами параметров ассоциативных полей связаны между собой закономерными отношениями, позволяющими дать типологическую оценку строению поля. Выделенными выше направлениями в развитии ассоциаций, конечно, не исчерпывается все многообразие динамических линий в ассоциациях: полученный от школьников – носителей разных языков – материал содержит большое число переходных структур и типологических вариантов. Отдельного внимания, на наш взгляд, требуют случаи использования разных языков би- и трилингвами, поскольку в рассматриваемых возрастных группах эти процессы выполняют различные цели. Одни и те же выделенные динамические типы могут проявлять себя на обоих участках возрастной шкалы и развиваться с неодинаковой скоростью, что значительно усложняет их идентификацию. Однако можно утверждать о наличии определенной взаимозависимости между ассоциативными типами и возрастной динамикой словаря школьников. Изучение этой взаимозависимости позволит расширить наши представления о психолингвистической и социолингвистической компетенции школьников-билингвов(трилингвов) и монолингвов.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Салихова Э. А. Изучение структуры ассоциативных полей слов: опыт теоретико-экспериментального исследования: Монография. – Уфа: Восточный ун-т, 2002. – 168 с.

2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебное пособие. – М.: КомКнига, 2001. – 440 с.
3. . Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: в 4-х тт. – М.: Русские словари, 1994.
4. Береснева Н. И., Дубровская Л. А., Овчинникова И. Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). – Пермь: ПГУ, 1995. – 254 с.

Т. Н. Синеокова

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ

Состояние эмоционального напряжения оказывает доминирующее воздействие на общую жизнедеятельность человека, в том числе определяет особенности его речемыслительной деятельности. Познавательная и практическая значимость изучения вербальных экспонентов эмоциональных процессов не вызывает сомнения, о чем свидетельствует множество работ, посвященных данной проблеме.

В статье рассматриваются несколько взаимосвязанных исследований аффективной речи, выполненных в Лаборатории социопсихолингвистических исследований Нижегородского государственного лингвистического университета в 2000–2007 гг. Данные исследования представляют собой единый комплекс работ, дополняющих и поддерживающих друг друга. Они образуют логическую цепочку, непротиворечивость которой может рассматриваться как подтверждение моделей и положений, служащих их общей основой. Предметом обсуждения являются шесть взаимосвязанных направлений исследований.

1. Разработка принципов классификации синтаксических структур аффективной речи, создание классификации структурных форм и выявление их значимых корреляционных связей с типом измененного состояния сознания (далее – ИСС) говорящего.

2. Аналогичное исследование в области вербального описания внешних проявлений аффекта, т. е. разработка принципов классификации авторских ремарок, создание классификации авторских ремарок и сопоставление их с типом ИСС.

3. Сопоставление результатов первого и второго исследований с целью проверки и уточнения лежащих в их основе постулатов, предположений и методических принципов.

4. Тестирование инструкций для идентификации синтаксических структур аффективной речи на однозначность восприятия «средним» экспертом и их последующая корректировка.

5. Выявление корреляционных связей между конструктивными формами речи и другим, отличным от ИСС, экстралингвистическим коррелятом, в качестве которого в исследовании рассматривается пол говорящего, понимаемый как биологический, а не социокультурный (гендерный) фактор воздействия.

6. Оценка пригодности разработанной структурной классификации (см. п. 1) для описания других типов деформированной речи путем выявления значимых дифференциальных признаков аффективной и псевдоаффективной (политической и судебной) речи.

Проводимые исследования имеют прагматическую ценность, так как в конечном счете способствуют идентификации типов психологического состояния и, следовательно, прогнозу поведения человека в состоянии эмоциональной напряженности. Такая возможность ценна, например, в криминалистике, при тестировании дееспособности в экстремальных условиях и т. п. Однако в статье сделан акцент на методологическом аспекте упомянутых исследований.

В основу проводимых исследований положено несколько постулатов.

1. Основным фактором влияния эмоциональной сферы на структурные особенности речи являются не качественные характеристики конкретной эмоции или группы эмоций, а характер их воздействия на речемыслительные процессы – деструктивный (деформирующий) или конструктивный (благоприятный). Поэтому в качестве психофизиологических коррелятов конструктивных форм целесообразно рассматривать обобщенный фактор: психологические состояния – «измененные состояния сознания», – оказывающие непосредственное влияние на речемыслительные процессы. К ним относятся состояние *диссоциации* (далее – ИСС 1), состояние *эвстресса* (далее – ИСС 3) и пограничная фаза перехода от состояния диссоциации на промежуточную программу адаптации – *поисковое* состояние (далее – ИСС 2). При этом ИСС рассматриваются не как болезненные, патологические, а как особые психические состояния, возникающие в условиях проявления не вполне обычных социальных и биологических факторов и влияющие на специфику вербального и невербального

поведения человека. Выделенные типы ИСС представляют собой устойчивые физиологические состояния, они дискретны, образуют в состоянии эмоционального напряжения полный набор взаимоисключающих, альтернативных состояний, и, что особенно важно, уверенно идентифицируются в ходе лабораторных биохимических и психофизиологических тестов [1].

2. Особенности речи в состоянии эмоционального напряжения обусловлены специфическими механизмами протекания речемыслительных процессов при ИСС. Речь при ИСС характеризуется собственными базовыми элементами и определенными закономерностями их функционирования. Синтаксическая специфика такой речи способна передавать значимую дифференцированную информацию о типе психологического состояния говорящего.

3. Являясь особым видом речи, речь при ИСС представляет собой функциональную разновидностью разговорной речи. Разработанные классификации могут использоваться в качестве инструмента для решения общих психолингвистических задач выявления механизмов речеобразования и восприятия речи.

Из данных постулатов вытекает ряд важных следствий, которые и проверяются в ходе упомянутых выше исследований.

1. Влияние ИСС на строй речи проявляется, в основном, в деформациях «ядерного» предложения. Поскольку отклонение реализуемых форм от структуры «ядерного» предложения является важнейшей чертой аффективной речи, классификация реализуемых структурно-семантических вариантов ядерного инварианта может служить основой для изучения других видов «деформированной» речи, например, ораторской (псевдоаффективной) речи, речи билингвов и т. п.

2. Доминантный характер ИСС предполагает их фильтрующее действие в отношении внешних факторов влияния на речевые характеристики, проявляющееся в блокировании или значительной нейтрализации факторов социокультурного плана на фоне глубинных биологических факторов. Представление о фильтрующей функции ИСС позволяет предположить, что в аффективной речи возможно выделение прямого воздействия пола как биологического фактора независимо от социокультурных (гендерных) влияний, тогда как в нейтральной речи этого сделать не удается.

3. Комплексный характер проводимых исследований предоставляет хорошую возможность оценить возможность использования литературных произведений как практически

неограниченного источника для изучения «наиболее ярких типизированных эмоциогенных ситуаций» [2. С.347]. В то же время, поскольку представления исследователя-лингвиста о психофизиологическом состоянии персонажа основаны на авторских описаниях, для уверенного использования данных необходимо проанализировать, формализовать и тестировать целый ряд специфических приемов лингвистического анализа текстов.

Рассмотрим далее упомянутые выше направления исследований, находящихся на разных стадиях разработки.

Первое исследование [3] является основополагающим в рассматриваемом комплексе. Его задачей было, главным образом, установить способность аффективной речи передавать существенную и дифференцированную информацию о типе ИСС. Классификация типов ИСС была (с незначительными корректировками – исключением из рассмотрения таких типов ИСС, как сон, гипноз и т. п.) заимствована из психологии (см., напр.: [1]). В основу классификации синтаксических структур было положено представление о деформированном характере реализуемых при ИСС форм, описание которых основывалось на анализе структурных и функциональных отличий реализуемых признаков от признаков ядерного предложения. Было выделено 39 классификационных признаков, которые по отдельности или в сочетаниях могли характеризовать конструктивные особенности любого высказывания. На данном этапе было принято, что исследователь в состоянии обеспечить однозначность (воспроизводимость) идентификации классификационных признаков на основе разработанных инструкций. Впоследствии этот положение подверглось проверке, но было в основном подтверждено (см. п. 4 ниже).

Исследование проводилось на базе 8000 высказываний из произведений 98 современных англоязычных драматургов. В процессе исследования приходилось одновременно определять тип ИСС персонажа на основе авторских ремарок и общего контекстуального анализа. Хотя такой способ не вполне объективен и неизбежно дополнительно размывает картину, удалось установить связи, достаточные для прогнозирования типа ИСС говорящего на основании синтаксической структуры его речи с достаточно высокой точностью. Сам факт успешного выявления значимых корреляционных связей может служить убедительным (хотя и косвенным) подтверждением работоспособности использованных классификаций, в том числе и достаточной

степени их однозначности. При этом практически совсем не наблюдалось пропуска редкого в выборке (5%) состояния диссоциации, обычно соответствующего агрессии.

Оценка значимости выявленных корреляционных связей проводилась путем пробной идентификации представительной тестовой выборки аффективных высказываний. Результаты идентификации ИСС сопоставлялась с контрольным ключом, определенным упомянутым выше способом (на основе ремарок и контекстуального анализа). Идентификация рассматривалась, таким образом, как прогноз – на основе синтаксических структур – «того, что покажут ключи». Для объективной оценки качества прогноза был выбран параметр уменьшения энтропии тестовой выборки относительно определенных по ключам ИСС до и после проведения прогноза (напомним: типы ИСС при аффекте образуют полный альтернативный набор свойств, что является необходимым условием вычисления энтропии). Начальная энтропия тестовой выборки из 1000 элементов (ИСС 1 – 5%, ИСС 2 – 12%, ИСС 3 – 82%) составила Но=0. 89 бит; после прогноза Нрез=0. 44 бит. Оценочный интегральный параметр «информативность прогноза» (меняется от 1 при идеальном прогнозе до 0 при отсутствии прогноза) составил II=(Но-Нрез)/ Но=0. 46 (описание параметра приведено в [4]).

Анализ результатов показал следующее.

1. Проведенная идентификация типа ИСС на основе анализа текста и авторских ремарок не всегда однозначна и объективна, а предложенные описания структурных классификационных признаков (инструкции) в ряде случаев не обеспечивают полной однозначности при их идентификации любым экспертом. Задачи создания правил идентификации ИСС и инструкций для однозначной идентификации синтаксических признаков решались на данном этапе лишь в первом приближении, так что некоторое количество неточностей было неизбежно. Это не могло качественным образом изменить общую картину, поскольку при обработке большой базы данных неточности усредняются и нивелируются. Тем не менее, для широкого практического использования разработанной классификации необходимы: а) повышение надежности идентификации синтаксических структур по инструкциям и б) независимое от речевых характеристик распознавание типа ИСС. Решение этих задач может, по-видимому, может существенно улучшить качество прогноза.

2. Поскольку работоспособная классификация позволяет обычно установить значимые связи с разными факторами [5],

выявленная синтаксическая специфика может, вероятно, коррелировать не только с ИСС. Так как сами ИСС обладают фильтрующим действием относительно факторов социокультурного плана, влияние глубинных биологических факторов может быть легче обнаружено именно в условиях ИСС.

3. Далеко не все выделенные синтаксические признаки реально используются при прогнозе ИСС. Это подтверждает то, что по существу разработанная классификация является, прежде всего, классификацией деформированных относительно ядерного предложения синтаксических форм. Поэтому ее целесообразно использовать при изучении других форм «деформированной» речи.

Второе исследование, связанное с формализацией процесса идентификации ИСС, должно было обеспечить основу для использования почерпнутых из художественной литературы данных [6]. Его предметом являлись драматургические ремарки как наиболее информативный и формализованный элемент авторского описания психологического состояния персонажа. Исследование было проведено на базе 2915 ремарок, содержащих описания невербальных проявлений аффекта, и соответствующих им аффективных высказываний, заимствованных из пьес 80 современных англоязычных драматургов.

Классификация включает две основные группы элементов: косвенные номинации ИСС и прямые номинации ИСС. Средства косвенной номинации ИСС дифференцируются на основе изображаемого невербального компонента коммуникации (мимики, позы, жеста, перемещения, голосовых характеристик, тактильного и визуального контакта, манипуляций с предметами, вегетативных характеристик) и психофизиологического механизма реализации. Средства прямой номинации представлены лексическими единицами, дефиниции которых содержат указание на специфические характеристики различных типов ИСС (психофизиологический механизм, интенсивность, динамику, фазу протекания).

Особенностью классификации является то, что, базируясь на современных представлениях о функциональных особенностях измененных состояний сознания, она позволяет: а) соотнести – через словарные дефиниции – прямые номинации в художественном тексте с узкоспециальной терминологией, используемой в теории ИСС; б) соотнести используемые авторами косвенные номинации со специфическими внешне наблюдаемыми проявлениями ИСС. В силу указанных причин разработанная классификация может быть основой для выявления

корреляционных связей между гипотетически реальными типами ИСС и особенностями их описания в драматургической ремарке.

Всего было выделено 82 классификационных признака, на основе которых разрабатывался алгоритм идентификации: 73 уникальные структуры, рекомендуемые для прогнозирования типов ИСС. Проведенное тестирование дало следующие результаты. Из 2915 ремарок прогнозом было охвачено 97,4%, при этом 92,4% из них были идентифицированы правильно. Неопределенность в результате прогнозирования снизилась с Но=1,2 до 0,42 бит, т. е. почти в 3 раза. Информативность прогноза равна 0,65. Таким образом, существенно, что, хотя номинации и описания не содержат прямого (в терминах психологии) указания на ИСС, они все же в большинстве случаев позволяют судить о типе ИСС, под воздействием которого, по мнению автора, находится персонаж.

Третье исследование представляет собой сопоставление первых двух и позволяет сделать ряд интересных наблюдений и выводов. Такое сопоставление необходимо по трем причинам. Во-первых, соответствие результатов идентификации может косвенно подтвердить правильность исследований и положенных в их основу постулатов и предположений, подтвердить объективность обоих алгоритмов и классификаций. Во-вторых, сопоставление результатов идентификации типов ИСС по двум критериям позволяет выявить возможные расхождения и помочь уточнить границы разных типов ИСС. В этом смысле исследования 1 и 2 составляют систему типа «ключ-замок», самодостаточную в логическом отношении. В-третьих, независимо от лабораторных биохимических и психофизиологических тестов такого рода сопоставление позволяет определить сущности, обладающие характерными для ИСС свойствами (полнотой и альтернативностью набора) и потому допускающие интерпретацию тождественности с ИСС.

Сопоставление результатов прогнозов было проведено на основе тестовой элементной базы, используемой во втором исследовании. Для оценки результатов использовался параметр «сходство» множеств элементов выборки, включающей элементы с прогнозом «ИСС_М» и «ИСС_N». Параметр «сходство» определяется как $C=\sqrt{(m_n^2 / m*n)}$, где m и n – мощность множеств, а m_n – мощность их пересечения. Параметр «сходство» меняется от 0 (не пересекающиеся множества) до 1 (совпадающие множества) [4], [5]. В идеальном случае (прогнозы или совпадают, или один из способов прогноза не дает) в матрице из элементов

ИСС 1, ИСС 2, ИСС 3 все недиагональные элементы равны 0 (см. табл. 1).

Таблица 1. Матрица сходства (идеальный случай).

Прогноз Ключ ИСС	**ИСС 1**	**ИСС 2**	**ИСС 3**
ИСС 1	1	0	0
ИСС 2	0	1	0
ИСС 3	0	0	1

В табл. 2 приведены результаты прогноза на основе тестовой выборки. Диагональные элементы были нормированы и приведены к 1, а недиагональные непосредственно характеризуют отклонение от идеального случая.

Таблица 2. Нормированная матрица сходства (реальная матрица).

Прогноз Ключ ИСС	**ИСС 1**	**ИСС 2**	**ИСС 3**
ИСС 1	1	0.13	0.09
ИСС 2	0.24	1	0.21
ИСС 3	0.03	0.20	1

Как видим, вторая матрица хорошо иллюстрирует согласие между системами групп прогноза, выделенными на основании анализа конструктивных особенностей высказывания и ремарок.

Четвертое исследование занимает в ряду рассматриваемых работ особое положение. Непосредственная цель работы – усовершенствовать инструкции по идентификации синтаксических структур, предложенные в исследовании 1, сделав их более доступными «среднему» эксперту и гарантировать однозначность идентификации структур разными экспертами [7].

Исследование строится следующим образом. Шести экспертам предлагается определить классификационные признаки для группы аффективных высказываний согласно данным инструкциям. Эталонным считается решение, принятое большинством экспертов, так как при заданной вероятности ошибки отдельного эксперта вероятность мажоритарной ошибки относительно воображаемого идеального эталона быстро падает с ростом числа экспертов.

Вычисляется относительное количество ошибок всех экспертов относительно общего числа идентификаций, раздельно для ошибок типа «пропуск признака» и «ложное обнаружение». Путем несложных расчетов результаты пересчитываются для случая, когда исследуемый признак встречается в 50% примеров тестовой выборки. Определенные таким образом параметры складываются, и их полусумма (от 0 до 1) принимается за меру ошибки по исследуемому параметру. Исследование оказалось очень трудоемким, т. к. для получения статистически значимых результатов в ряде случаев для каждой итерации исправления инструкций приходится обрабатывать 100 и более примеров. Поэтому пока получены предварительные результаты. Тем не менее, используемая методика позволяет определить основные причины ошибок экспертов и подсказывает пути корректировки инструкций.

Следует отметить, что задачи исследования оказались гораздо шире предполагаемых. Опыт показал, что идентификация синтаксических структур – сложный процесс, требующий от эксперта высокой квалификации и длительной тренировки. Поэтому работа по усовершенствованию инструкций, их тестированию и объективной оценке качества является самостоятельным и принципиально важным исследованием, лежащим на стыке лингвистики, когнитологии и общей научной методологии.

Пятое исследование имеет целью подтвердить два положения, лежащие в основе рассматриваемого комплекса работ: а) разработанная синтаксическая классификация отражает существенные закономерности протекания речемыслительных процессов и, следовательно, способна описывать связи не только с ИСС, но и с некоторыми другими экстралингвистическими коррелятами; б) речь в состоянии аффекта отображает факторы воздействия иначе, чем нейтральная речь: некоторые (в основном социокультурные) факторы ослабляются, другие на их фоне подчеркиваются. В качестве возможного коррелята для проверки этих положений выбран пол говорящего [8; 9].

В ходе работы решаются две принципиальные задачи. Во-первых, задача выявления статистически достоверных инвариантных относительно социокультурных факторов особенностей мужской и женской речи в состоянии аффекта. Во-вторых, разработка методики нивелирования стилистических и гендерных предпочтений авторов художественных произведений. Сложность решаемых задач привела к осознанному сужению поля

исследования. Рассматривалась лишь одна структурная модификация – транспозиция, – типичность использования которой в мужской или женской речи является предметом наиболее острых разногласий. Пока не удалось рассмотреть влияние ситуационного фактора (однополые и разнополые коммуниканты), который также может иметь прямые биологические корни. Не учитывалось взаимодействие фактора пола и ИСС. По-видимому, в работе были выявлены далеко не все связи, а оценка выявленных сильно занижена из-за заданных ограничений. Однако основная задача – установить сам факт наличия статистически значимых корреляционных связей между некоторыми синтаксическими структурами и полом, инвариантных относительно социокультурных факторов, – была решена.

Шестое исследование имеет целью применить классификацию синтаксических форм деформированной речи к объектам, не представляющим собой аффективную речь. В качестве объекта исследования выбрана ораторская речь. Работа не завершена и находится на стадии уточнения постановки задач и планирования. Однако некоторые результаты в этом направлении получены, а поскольку формулирование цели и задач, выбор материала для анализа, методики, критериев оценки полученных результатов и т. п. являются существенной (часто определяющей) частью любого исследования, представляется целесообразным остановиться на некоторых аспектах работы.

1. Понятие ораторской речи на данном этапе предельно сужено – под ораторской речью подразумевается только речь, направленная на инициацию у слушателей определенных эмоциональных реакций.

2. Предполагается, что способом внушения слушателям («заражения» слушателей) желаемой эмоции является имитация ее самим оратором. Очевидно, что с этой целью оратор сознательно использует синтаксические структуры, реализуемые в речи при ИСС.

3. В рамках исследования интерес представляет не эффективность использования той или иной структуры с точки зрения ее воздействия на слушателя, а установление соответствия данной структуры имитируемому типу ИСС и выявление их корреляции.

4. Анализ структурных особенностей ораторской речи требует дальнейшей дифференциации характерных структур и психофизиологических механизмов их реализации, используемых с целью идентификации собственно ИСС.

Таким образом, проводимые исследования подтверждают наличие значимых корреляционных связей между психологическим состоянием человека (ИСС) и синтаксическим строем речи. В ходе работы разрабатываются приемы, позволяющие устранить специфические искажения, неизбежные при анализе художественных текстов, и, тем самым, позволяющие объективизировать полученные данные; создаются методики обработки массивов аффективных высказываний; апробируются статистические параметры оценки результатов, претендующие на достаточную универсальность при исследованиях, подобных рассмотренным; исследуются возможности использования классификации в качестве инструмента изучения разнообразных экстралингвистических факторов влияния на речемыслительные процессы.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Спивак Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания: Дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 1998. – 351 с.
2. Шаховский В. И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики эмоций // Речевая деятельность. Речевое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. М., 30 мая – 2 июня 2006 г. – Калуга: «Эйдос», 2006. – С.347–348.
3. Синеокова Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2003. – 244 с.
4. Синеокова Т. Н., Райнер М. М. Математическая статистика в лингвистике. Что это такое и зачем она нужна? // Курс лекций для студентов и аспирантов лингвистических вузов. Часть I. Основные задачи и понятия теории вероятностей. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2006. – 117 с.
5. Бейли Н. Математика в медицине и биологии. – М.: Мир, 1970. – 326 с.
6. Безруков В. А. Средства номинации измененных состояний сознания в драматургических ремарках (на материале английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2007. – 17 с.
7. Чернышова Е. И. Некоторые аспекты корректировки инструкции по идентификации синтаксических признаков аффективной речи // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: Сборник научных статей. Вып. 2. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. – С.123–135.
8. Лисенкова О. А. Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи (на материале английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2007. – 18 с.

Е. Г. Субачева

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Точка зрения на метафору как на неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных, познавательных целей сформировалась в глубинах античной науки.

Феномен метафоры исследовался виднейшими мыслителями – от Аристотеля и Руйаки до Ж. Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегеля, Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета, Дж. Лакоффа, А. Ричардса, М. Блэка и др. Определение метафоры множилось, а интерес к ней со стороны ученых все более возрастал.

Аристотель описал в «Поэтике» метафору как «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или по аналогии» [1]. Ему принадлежит одна из первых классификаций метафоры, к которой апеллируют едва ли не все современные исследователи. Аристотель определяет метафору как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [2. С.196]. Метафора, согласно Аристотелю, представляет собой субъект, обозначаемый одним словом; при этом метафора может выражаться не только существительным, но и другой частью речи, главным образом глаголом или прилагательным.

Аристотель определяет метафору как сравнение: Между сравнением и метафорой он не видит существенной разницы: «все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения, наоборот, будут метафорами, раз отсутствует слово сравнения (“как”)» [2. С.180].

В трудах античных философов широко распространена также мысль о том, что метафора служит «украшению речи» и является непременным атрибутом поэтического языка. Эти труды создали ту базу, на которой стали развиваться современные направления в исследовании метафоры, а также складываться представления о структурной организации и значении метафорических переносов.

Метафора участвует в процессе формирования новых понятий, изменяет повседневный язык людей, одновременно меняя их восприятие мира, а также и способы его постижения.

Метафора играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности. Статус метафоры трансформировался из украшающего речь тропа в статус когнитивного осознаваемого средства, организующего мысли и, структурирующего язык [3; 4].

В последние десятилетия наблюдается отчетливая тенденция рассмотрения метафоры в качестве «фатальной неизбежности, единственного способа не только выражения мысли, но и самого мышления» [5. С.11]. Метафора описывается как «неизбежное явление человеческого мышления и человеческого языка, несущее важнейшую функцию в познании и описании мира» [6. С.245], как «инкорпорированная способность человеческого мышления» [7. С.185]. Метафора способна обозначать неизвестное, новое через уже известное, зафиксированное в виде определенных языковых единиц. При этом чрезвычайно важна ее роль в создании языковой картины мира. Метафора является средством познания действительности, средством организации опыта взаимодействия с внешним миром.

Проблема метафоры связана с психофизиологической организацией человека и потому актуальна в аспекте междисциплинарных исследований.

Оживление интереса к феномену метафоризации, к его структурно-языковой специфике, к психолингвистическим основаниям и закономерностям метафорического употребления слов, несомненно, является выражением обостренного внимания исследователей к проблеме семантики как в лингвистическом, так и в философском аспектах.

В своей работе мы используем широкое понимание метафоры. В соответствии с этим подходом метафора объясняется как когнитивный процесс, основанный на соответствии двух ментальных структур друг другу. Таким образом, мы не отделяем непосредственно когнитивную концепцию метафоры от интеракционистской, с которой традиционно соотносят теорию М. Блэка.

С точки зрения М. Блэка [8], импликациями нужно считать общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом. В некоторых случаях это может быть и нестандартная авторская импликация.

Цель метафоры заключается не в простом названии предмета или явления, а в его экспрессивной характеристике. Метафора является одним из наиболее распространенных разновидностей

тропов, т.к. сходство между предметами и явлениями основывается на самых различных признаках.

Анализ работ исследователей, описывающих концептуальную (когнитивную) метафору, свидетельствует о существовании двух взаимообусловленных основаниях ее когнитивности. С одной стороны, это – образование в процессе метафоризации нового концепта особого рода, а с другой – способность метафоры формировать и передавать новые знания, основанные на интерпретации данного новообразованного концепта.

Так, Э. МакКормак [8], описывая формирование нового понятия в метафоре, отмечает ее суггестивную функцию. В. Н. Телия [9. С.143] отмечает синтез нового концепта на базе гетерогенных предметных и непредметных сущностей. В другой своей работе В. Н. Телия [10], описывая референтные отношения в процессе метафоризации, отмечает, что, выбирая уже готовое наименование, пригодное для метафорического взаимодействия с основной сущностью, мы тем самым идем от значения этого наименования к его обозначаемому (в актах номинации – к эксенсионалу).

При метафорическом употреблении слов сходство при переносе значения может относиться не только к самым разнообразным сторонам предметов и явлений, но и к различным социокультурным реалиям. Механизм переноса значений основывается на сопоставлении явлений или фактов, в которых новое метафоризированное значение слов и выражений узнаваемо на основе известного старого. Поэтому именно в метафоре содержится ключ к пониманию основ национально-культурного видения мира: метафора – «языковой феномен, которому соответствует некая модель действительности, определяемая мышлением человека и влияющая на выбор альтернатив в процессе принятия решений» [11. С.180].

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Аристотель. Поэтика // Античные теории языка и стиля. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1936.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Лит., 1998. – 1391 с.
3. Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): Монография. – М.: Изд-во «Народный учитель», 2003. – 195 с.

4. Попова Т. Г. Языковое сознание как основополагающий фактор общения // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. – М.: ИЯ РАН, 2006. – С. 229–231.
5. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
6. Попова Т. Г. Метафора как продуктивный способ построения языковой картины мира // Стилистика и теория языковой коммуникации. – М.: МГЛУ, 2005. – С. 244–247.
7. Попова Т. Г. О роли когнитивной лингвистики в изучении метаязыка права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 2 (14). – С. 187–197.
8. МакКормак Э. Когнивная теория метафоры: Пер. с англ. // Теория метафоры / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-ценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.
11. Попова Т. Г. Metaphors as Discourse Interaction // Research Methodology: Discourse in Teaching a Foreign Language: Международный сборник научных трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – С. 180–187.

О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Для адекватного восприятия и понимания художественного текста необходимо осознание его ведущего замысла, поэтому анализ текста подразумевает рассмотрение объекта в его горизонтальной и вертикальной проекции.

Горизонтальный аспект текста подразумевает план содержания, иными словами, взаимодействие всех языковых единиц, входящих в текст. Сопоставление разных элементов текста и установления отношений между ними в горизонтальной проекции помогает выявить смысловой аспект текста.

Взаимодействие плана содержания с контекстуальной информацией порождает глубинный смысл текста – явление более

высокого уровня. Исходя из положения о том, что единицы текста сообразуются с логикой внеязыковых предметных отношений, а не только логикой изложения содержания, элементы разных уровней текста и отношения между ними рекомендуется рассматривать в процессе «вертикального» анализа, который позволяет развернуть систему понятий и ценностей произведения и выявить его глубинные, подтекстовые значения.

Итак, для выявления характера концептуализации мира в художественном тексте необходим анализ как по горизонтали, так и по вертикали, поскольку для осознания концептуализации важны отношения и поверхностного, и глубинного уровней. Эту задачу помогает решить лингвистический анализ текста.

Основная задача литературоведческого анализа – изучение приемов индивидуально-авторского использования языковых средств, тогда как важнейшей целью лингвистического анализа, по определению М. Р. Львова, является «выявление системы языковых средств, с помощью которых передается идейно-тематическое и эстетическое содержание литературно-художественного произведения», а также «выявление зависимости отбора языковых средств от прогнозируемого автором эффекта речевого воздействия» [1]. Иными словами, если литературоведческий анализ – это форма, то лингвистический – это соотношение формы и содержания.

Построение модели анализа текста, таким образом, основывается на положении о том, что единицы текста сообразуются с логикой внеязыковых предметных отношений, а не столько логикой изложения содержания.

В рамках лингвистической интерпретации текста релевантным оказывается подход, предложенный И. Р. Гальпериным [2]. Согласно этому подходу, в тексте скрыто три вида информации:

а) содержательно-фактуальная (*о чем* и *что* говорится в данном произведении);

б) содержательно-концептуальная (*о чем, что* + *как* рассказывается это событие, с помощью каких средств и приемов оно передано);

в) содержательно-подтекстовая (*о чем* + *что* + *как* + *зачем* + *с какой целью*).

Подобный подход доказал свою состоятельность как при анализе целого произведения, так и отдельного отрывка. Рассмотрим возможную схему анализа отрывка и целого художественного произведения, которая включает следующие этапы:

1. общая характеристика произведения и автора
2. определение типа текста и общего стиля
3. определение отправной точки повествования
4. контент-анализ

1. Общая характеристика произведения и автора

Общая характеристика дается с учетом ряда параметров, а именно:

с точки зрения характера развития событий, увлекательности сюжета, вызываемых эмоций, богатства стилистических средств, отдельных особенностей произведения, характеристики автора, общей оценки книги.

Далее дается общая характеристика текста.

2. Определение типа текста и общего стиля

Сначала необходимо определить тип текста (нарративный, описательный, текст-рассуждение, текст-объяснение); здесь можно выделить:

exposition(текст-объяснение), где автор объясняет, описывая и информируя;

narration (текст-повествование), в котором предполагается изложение событий в хронологическом порядке;

argumentation (текст–рассуждение), где автор пытается убедить читателя в справедливости какой-то идеи или в необходимости того или иного действия;

description (текст-описание), в котором автор использует прием описания посредством создания многочисленных деталей для воздействия на органы чувств читателя. Далее определяется, какое место занимает описываемый отрывок в целостном произведении – он может принадлежать завязке, являться частью развития сюжета, относиться к кульминации и под. При этом важно осознавать, к какому этапу сюжета относится анализируемый отрывок.

Завязка (*Introduction)* – начало произведения, знакомство с героями, обстановкой, в которой развиваются события. На этом этапе происходит событие, которое приводит сюжет в движение.

Развитие сюжета (*Rising Action)* – события осложняются, появляются препятствия, выявляющие конфликт.

Кульминация (*Climax)* – точка наибольшего напряжения и поворотный момент в произведении. Кульминацию часто можно разложить на три фазы:

- герой получает новую информацию;
- принимает эту информацию (но не обязательно соглашается с ней);

- предпринимает какое-либо действие, которое является решающим фактором, определяющим, достигнет ли он свои цели, или нет.

Нисходящее действие (*Falling action)* – события близятся к развязке.

Развязка (*Denouement*) – развязка, разрешение конфликта.

3. Определяется отправная точка повествования (points of view).

Повествование может вестись в следующих ключах:

Innocent Eye – глазами ребенка: события представлены через восприятие ребенка, которое отличается от восприятия взрослого человека.

Stream of Consciousness – поток сознания – у читателя возникает ощущение, как будто он находится в голове героя и знает все мысли, ощущения героя.

In the First Person – от первого лица. Повествование ведется от лица главного героя или того, кто с ним связан. Используются местоимения *я, мы, мне* и пр. Читатель видит события глазами рассказчика, воспринимает происходящее через его ощущения, знает, что он думает.

Omniscient – от третьего лица. Это так называемая «всевидящая» точка зрения. Автор движется от одного персонажа к другому, от события к событию, имея свободный доступ к мыслям, чувствам героев. Существуют два вида этого повествования:

Omniscient Limited – автор рассказывает историю от третьего лица, используя местоимения they, he, she, it, но мы знаем только то, что известно рассказчику, чувства и восприятия других героев становятся доступны только если автор откроет их нам;

Omniscient Objective – автор рассказывает историю от третьего лица, будто следуя за камерой, которая беспристрастно фиксирует события, не предлагая комментариев или интерпретации происходящего – читатель истолковывает события самостоятельно.

При этом можно поставить вопросы, которые могут помочь определить характер повествования и точку зрения рассказчика:

Каков фокус повествования? Насколько совпадает рассказчик с автором? Какова дистанция между ними? Доступны ли рассказчику мысли всех персонажей? Знает ли рассказчик все или его знание ограничено? Важно ли отношение рассказчика к читателю? В какой временной период происходят события, описываемые в произведении? В каком времени употребляются глаголы? Если это воспоминания, то насколько они отчетливы?Является ли рассказчик участником происходящих событий или это история, рассказанная ему кем-либо еще? Зачем рассказывается эта история? Каковы мотивы?

Далее переходим к контент-анализу.

4. Контент-анализ

Исходя из точки зрения на текст, принятой в указанной работе И. Р. Гальперина [2], в ходе анализа рассматриваемого отрывка следует соблюдать следующие этапы:

А) *Начать с анализа содержания (Text Interpretation Syllabus)*

Определяется *содержательно-фактуальная информация*:

формулируется, о чем в целом идет речь и где и когда происходит действие, так как среда, в которой развиваются события, часто связана с системой ценностей, представлений и образов произведения. Эти подробности привносят в произведение важные оттенки смысла, помогают создать необходимую атмосферу, важную для воздействия на читателя, более рельефно «вылепить» образы героев. Иногда элементы окружения могут быть важным компонентом для понимания темы произведения. Декорации, на фоне которых развиваются события, включают место, время и настроение, атмосферу произведения. При анализе окружающей обстановки необходимо рассмотреть все эти аспекты и ответить на следующие вопросы:

Где происходят события? Как местоположение влияет на повествование? Где происходит действие (имеется в виду исторический период, время суток, года и пр.). Каковы погодные условия?

В процессе создания пейзажа, не только природного, но и городского важна цветовая палитра, звучание, движения окружающего мира, которые всегда связаны с героями и с авторской мыслью.

Нужно ли интерпретировать описание окружающей среды? Может ли среда сигнализировать о настроении персонажей, общей атмосфере? Является ли это среда частью реального мира или же это символическое место? Как описывается среда обитания героев? Сразу же или частями, постепенно? Каков быт героев? Есть ли в описании какой-нибудь местный колорит (особенные обычаи, особенности речи, одежды)? Производит ли обстановка ощущение довольства и комфорта или наоборот?

Очень часто детали интерьера помогают постичь характер героев, сделать выводы о том, в какой атмосфере проходит его жизнь, и свидетельствуют о том, счастлив ли герой или нет.

Б) Переходим к анализу содержательно-концептуальной информации, неотъемлемой частью которой представляется характеристика героев (протагониста) и ответ на вопрос Что собой представляет протагонист, как описываемые события характеризуют героя (персонажей).

Можно выделить действующие лица в произведении (characters): Protagonist и Antagonist, главный герой и персонаж, противостоящий главному герою.

Характеристика героя (героев): Автор может передавать информацию о герое разными способами. Важное значение может иметь:

- *имя героя первое появление героя*
- *речевые характеристики (что и как говорит)*
- *портретные детали*
- *взаимоотношения с другими людьми*
- *авторское отношение*
- *проявления героя в поступках, действиях, мотивы поступковвнутренний мир героя (чувства, мысли, фантазии)*

Совокупность этих характеристик поможет сделать выводы о мировоззрении героя, его системе ценностей.

Герои произведения могут быть: Developing – «развивающимся» персонажами, которые к концу произведения

претерпевают изменения, к лучшему или худшему;

Static – стереотипные персонажи, характеристика которых сводится к одной двум характерным чертам, которые не изменяются в ходе произведения: например, злая мачеха, законченный проходимец, скупой человек и пр.

Переходим к обсуждению того, о чем говорится в произведении \ отрывке.

На данном этапе могут помочь следующие вопросы:

Что происходит? Какова тема отрывка? Как описываемые события характеризуют персонажей, которые в них участвуют?

В каком порядке описываются события? Хронологическом? Ретроспективном? В виде воспоминаний? Как цепь последовательных событий или разрозненных эпизодов? Как через эту последовательность выявляется авторская мысль?

Следующей существенной частью контент-анализа служит *характеристика конфликта*. Конфликт – это события, развивающиеся в любом произведении, представляют собой противостояние каких-либо сил, этот конфликт приводит сюжет в движение. Конфликт не сводится лишь к открытым спорам, это может быть противостояние в разных формах.

Существуют два типа конфликтов: внешний *(external)* – борьба героя с внешними силами, и внутренний *(internal)* – борьба героя с самим собой, когда он вынужден принять какое-либо решение, преодолеть боль, страх, справиться с соблазнами.

Внутри этих типов может быть четыре вида конфликтов:

Man vs. Man (physical). Конфликт заключается в физическом противостоянии главного героя другим людям, животным, стихии.

Man vs. Circumstances (classical) Главный герой борется с судьбой или с обстоятельствами.

Man vs. Society (social). Главный герой борется с идеями, представлениями, стереотипами.

Man vs. Himself / Herself (psychological). Герой борется с собой со своими представлениями о том, что правильно, а что нет, мучается с выбором, с физической немощью, переживает муки совести и пр.

Анализ конфликта позволяет ответить на следующий вопрос: *Как будет развиваться история с этого момента и какое место занимает данный эпизод в сюжете произведения?(завязка, кульминация и пр.)*

С) *Содержательно-подтекстовая информация*.

Данный этап предполагает рассуждения на тему, как данное событие может повлиять на ход событий – например, на жизнь героя и какова его роль в общем развитии сюжета. Делается вывод о том, что *хотел сказать автор***.** Это может быть взгляд автора на жизнь, поведение людей, однако выводы на основе сюжета, характеристики героев читатель делает сам.

На конечном этапе анализа рассматриваемый отрывок анализируется с точки зрения *языковых средств*, с помощью которых автор решает поставленные задачи: читателю предлагается ответить на вопрос *«О чем говорится в произведении и как?»*.

Этот этап анализа предполагает знакомство с основными стилистическими средствами: сравнение, метафора, аллюзия, аллитерация, консонанс, ассонанс, олицетворение, ономатопея, оксюморон, символы, преувеличение, литота, игра слов и пр.

Этот этап можно назвать анализом стилистического рисунка текста, который осуществляется на нескольких уровнях:

- *на фонетическом уровне.* В художественной литературе (и, прежде всего, в поэзии) сложилась своя традиция деления звуков на эстетичные и неэстетичные, «грубые» и «нежные», «громкие» и «тихие». (Это не противоречит оценке звуков, полученной в результате научных экспериментов). Употребление слов, в которых преобладают те или иные звуки, может стать в художественной речи средством достижения определенного стилистического эффекта.

Аллитерация – это повторение одинаковых или сходных согласных. Этот прием подчеркивает те смысловые отношения,

которые складываются между словами в тексте. (Например, нагнетание глухих шипящих и свистящих звуков – аллитерация звукоподражательного типа, вызывающая ассоциации с шорохом опавшей листвы).

Ритм – это повторяемость определенных явлений через установленные промежутки. Очень выразительную стилистическую функцию порой выполняет контраст коротких и длинных слов. (Например, скопление коротких слов передает неожиданное резкое движение (удар), а длинные слова, в которых заключается описание, – медлительность, размеренность движений).

- *на лексическом уровне:* анализ семантики слов помогает понять настроение героя и проникнуться атмосферой повествования в целом. (Например, высокая частотность глаголов движения придает повествованию динамику, в то время как упор на статичные глаголы замедляет темп течения времени, делает повествование созерцательным и неспешным).

Предлагается найти сравнение, метафоры, аллюзии, оксюмороны, гиперболы, литоты.

- *на синтаксическом уровне*: интонационно-смысловое выделение и ритмомелодическая организация участков текста (восклицания, возгласы, вопросы; инверсия; синтаксические параллелизмы; перечисления) и средства синтаксической характерологии (воспроизведение устно-разговорной речи, стилизация, пародирование).

Делаются выводы: о чем, как, зачем были задействованы перечисленные языковые средства и какая задача решена с их помощью.

Таким образом, следуя такому простому плану, уже на начальном этапе знакомства с произведениями определенного автора, а также литературой, культурой и в целом системой культурно значимых представлений, можно выработать коммуникативно-релевантные навыки, а именно:

– умение определить предмет сообщения,

– охарактеризовать действующих лиц ситуации с точки зрения выполняемых ими ролей,

– задать характеристики ситуации и ее проекцию на последующий ход развития событий,

– при этом определить и оценить языковые средства, при помощи которых автор реализует замысел.

Разбор произведения согласно предложенной схеме на отдельные части (обстановка, герои, сюжет, тема, конфликт и

прочее) помогает увидеть, как эти части соединяются в единую картину и соединяются в художественную прозу. Понимание и интерпретация руководящей идеи произведения и ее систематического освещения автором помогает полнее оценить произведение, выработать свою позицию, научиться аргументировано ее представлять. Предложенный подход к анализу художественного произведения поможет привить навыки «глубокого проникновения в суть художественного замысла», чувствительность к языку и в, конечном итоге, решать задачу совершенствования языковой компетенции.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка. – М.: Академия: Высш. шк., 1999. – 271 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 140 с.
3. Бородулина М. К., Карлин А. Л., Лурье А. С., Минина Н. М. Обучение иностранному языку как специальности (немецкий язык). – М.: Высш. шк., 1982. – 255 с.

И. А. Тарасова

КОГНИТИВНАЯ ПОЭТИКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Когнитивная поэтика (далее – КП) – филологическая дисциплина интегрального типа – рассматривает когнитивные закономерности порождения художественного текста и механизмы его читательского восприятия. Направленность исследования преимущественно на одно из звеньев цепи автор-текст-читатель предопределяет существование двух типов КП – условно – порождающей КП и КП восприятия. По мнению одного из основателей КП Р. Цура, ее задача состоит в систематизации психофизиологических эффектов, вызываемых художественным (прежде всего, поэтическим) произведением [1]. Иной подход предложен в работах Л. О. Бутаковой, где КП предстает как методология моделирования индивидуально-авторской концептосистемы в категориях когнитивного признака, когнитивной структуры и когнитивного поля. По словам исследователя, когнитивным следует признавать такой тип анализа, «результатом применения которого является определение того, какие компоненты каких когнитивных структур актуализированы

на определенном участке текста [2. С.76]. В наших публикациях реализован системно-структурный, а не текстовый аспект представления концептосферы писателя; предложена модель художественного концепта и разработан алгоритм его описания [3].

Проблема реконструкции писательской идеосферы сближает КП с дисциплинами литературоведческого и отчасти психологического цикла. Однако КП может быть рассмотрена и в лингвокультурологической перспективе. Эта перспектива возникает, когда в фокус нашего внимания попадает соотношение художественного концепта и концепта культуры. В работах авторов, затрагивающих это соотношение, намечается два понимания художественного концепта: как индивидуального образования, принадлежащего исключительно авторскому сознанию [4], и как «универсального художественного опыта, зафиксированного в культурной памяти и способного выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [5. С. 42]. В первом случае, на наш взгляд, правомерно говорить об индивидуально-авторском концепте, во втором – о национальном художественном концепте как варианте культурного.

Признавая художественный концепт уникальным индивидуально-авторским образованием (нам очень близка психолингвистическая трактовка концепта, представленная в работах А. А. Залевской [6] и В. А. Пищальниковой [7]), мы считаем вполне правомерной постановку вопроса о соотношении в художественном концепте национально-обусловленного и индивидуально-специфического: авторская идеосфера представляет собой часть национально-культурного пространства, и многие ключевые мотивы и символы поэтического идиостиля предопределяются именно им. С другой стороны, художественные тексты могут служить полем извлечения культурных смыслов, эталонов, образов национального сознания. Изучение авторского сознания как сознания национально-обусловленного может обогатить и лингвокультурологию, и КП, предложить свои ответы на вопрос о соотношении индивидуального и национального в содержании когнитивных феноменов. И в этом плане особенно перспективной представляется методология контрастивного анализа, предполагающего сравнение разнокультурных ментальных образований.

Контрастивный подход используется в лингвистических исследованиях довольно широко, но авторов, применяющих его к

изучению форм художественного сознания, – немного. В 90-е годы в работах И. Я. Чернухиной [8] была выдвинута идея контрастивной поэтики как сопоставительного анализа универсальных категорий художественного мира (время, пространство, человек, событие); эта идея берется нами в «когнитивном варианте», применительно к концептам как единицам авторского сознания. Алгоритм исследования, выработанный нами в процессе творческого научного общения с нашим постоянным соавтором Л. Ю. Семейн [9], заключается в следующем:

– рассмотрение содержания индивидуального художественного концепта на фоне концепта культуры (реконструкция образно-перцептивного, понятийного и ассоциативного слоя по данным лингвистических словарей разных типов, в том числе ассоциативных тезаурусов);

– анализ языковых репрезентаций концепта на фоне общехудожественной нормы и нормы литературного направления (с использованием словарей поэтических образов, символов, выборки из репрезентативных текстов национальной художественной литературы);

– реконструкция образно-тропеического и ассоциативно-символического слоя национального художественного концепта;

– проекция индивидуально-авторского концепта на концепт культуры и национальный художественный концепт;

– этап контрастивного анализа. т. е. сопоставление содержания концептов, принадлежащих разным этноязыковым сообществам (выполняется нами на материале русской и английской лингвокультур);

– выход на основные категории ментальности, отраженные в структуре индивидуально-авторского и национально-художественного концепта; вывод о лингвокультурной обусловленности/специфичности сравниваемых концептов.

Так, проведенный нами анализ содержания художественного концепта «зимняя непогода» позволил утверждать, что этот концепт является своеобразным маркером русского художественного сознания: символический слой, архаические ассоциации отражены в текстах русской литературы в большей степени, чем в литературе англоязычной, где символический слой сведен до минимума и на первый план выступает образно-перцептивный компонент. В русской поэзии постоянно актуализируется оценочный знак данного концепта,

предопределенный представлением о враждебности природной стихии (ср. «дышала злобой вьюга» А. Блока, «сволочь-вьюга» С. Есенина, «окаянный хохот пурги» у Н. Клюева и др.) Традиционная для русской литературы поэтическая коннотация «вьюга-нечистая сила» освящена именем А. С. Пушкина («Бесы»), что позволяет поставить вопрос о влиянии, оказываемом сильной языковой личностью на содержание художественной концептосферы. Символический слой художественного концепта наиболее ярко отражен в поэзии А. Блока и С. Есенина, развивающих символику метели-революции, вьюги-смерти. В то же время генетическая связь символического слоя с архаическими представлениями обусловливает его воспроизводимость и в произведениях современных русских поэтов (Е. Евтушенко, М. Петровых и др.) (подробнее см. [10]).

Сравнение национальной символики, зафиксированной в произведениях художественной литературы, несомненно, наиболее увлекательный этап лингвокультурологического анализа. Так, наблюдения над функционированием концепта «трава»/»grass» в произведениях русскоязычной и англоязычной литературы позволяют сделать вывод о том, что в русском художественном сознании центральными ассоциациями являются «трава – жизнь», «трава – творчество», «трава – единство духовного и природного» (особенно показательна в этом отношении лирика А. Тарковского). В англоязычной литературе основными символическими коннотациями, связанными с травой, являются «жизненная сила», «молодость», «безмятежность» (ср. «Fern Hill» Д. Томаса).

Художественный концепт – главный, но не единственный объект когнитивного поэтологического анализа. Другим возможным объектом контрастивного исследования является когнитивная, в том числе традиционная, метафора.

Так, объектом нашего исследования стала традиционная метафора «жизнь-сосуд» в аспекте ее языковой реализации и этнокультурной специфики в русской и английской поэзии. Материалом для сопоставления послужили стихотворения поэтов позднеромантического направления – прерафаэлита Д. Г. Россетти и старшего символиста И. Ф. Анненского. Проведенный анализ показал, что этноспецифические особенности реализации базовой метафоры в стихотворениях английского и русского поэтов определяются ориентацией на различные культурные коды концептуализации (античный и христианский), отраженные в выборе базовой лексемы метафорического образа: чаша/vase. Показателен и тип лирического героя. Герой Анненского более

статичен: он перемещается исключительно вокруг чаши (ср. заглавие стихотворения «С четырех сторон чаши»), и, вообще говоря, пассивен: выбирая лишь способ поглощения жизненного напитка, он не может повлиять на его состав. Герой Д. Г. Россетти занимает активную жизненную позицию: он сам готовит напиток, смешивая ингредиенты. Это, на наш взгляд, в целом отражает европейский тип мышления, который традиционно противопоставляется ориентальному типу мышления, с характерной для него созерцательностью и определенной пассивностью [11]. Отличным представляется и прагматическое, ценностное наполнение традиционной метафоры: жизнь ценится по тому, сколь содержательно и красиво она прожита (*Vase of Life)* /жизнь ценится за то, что она есть дар (ср. у Пушкина «Дар напрасный, дар случайный... »)

Таким образом, сами поэты являются типичными представителями своих языковых сообществ, и эта этноспецифическая «аура» накладывает определенный отпечаток и на индивидуально-авторский способ репрезентации базовых метафор, и на содержание и структуру ключевых концептов писательского сознания.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics. – Amsterdam: Elsevier (North Holland) Science Publishers, 1992. – 260 p.
2. Бутакова Л. О. Когнитивная поэтика: вариант интерпретации текста // Предложение и слово: Межвуз. сб. научн. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – С.74–81.
3. Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 280 с.
4. Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: Автореф... . канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 24 с.
5. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
6. Залевская А. А. Текст и его понимание. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
7. Пищальникова В. А. Психопоэтика. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 176 с.
8. Чернухина И. Я. Основы контрастивной поэтики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 197 с.
9. Семейн Л. Ю., Тарасова И. А. Когнитивные аспекты лингвокультурологии. – Омск: «Вариант-Омск», 2005. – 72 с.
10. Тарасова И. А., Семейн Л. Ю. Концепт «зимняя непогода» как

маркер национального сознания // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – Вып. 4. – С.173–184.
11. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

Н. Н. Трошина

О МЕТОДЕ ОЦЕНКИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Перевод представляет особый интерес для современного антропологически ориентированного научного знания, поскольку в осмыслении проблем перевода пересекаются проблемы соотношения языка и культуры, языка и мышления, стиля и жанра, первичности и вторичности текста, проблемы текстовой деятельности и т. д. Все компоненты этого перечня, который мог бы быть продолжен, имеют один общий содержательный элемент – отнесенность к речевой деятельности homo loquens, которая, как известно, протекает только как порождение текстов [1. S. 212]. Поэтому не удивительно, что во многих определениях перевода акцентируется его текстовый аспект; при этом перевод понимается и как процесс, и как результат профессиональной деятельности переводчика.

Во второй половине 20 в. в гуманитарных науках произошла «текстуализация» мира, культуры и сознания, пишет Н. М. Нестерова в книге «Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм» [2. С.7]. В основе этого концептуального поворота лежит теоретическое положение, выдвинутое одним из отцов французского структурализма К. Леви-Строссом: «Язык можно рассматривать как фундамент, предназначенный для установления на его основе структур, иногда более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре, рассматриваемой в ее различных аспектах» [3. С.74] (цит. по: [2. С.35]).

Текстуализация мира, культуры и сознания обусловила подход к переводу с позиций лингвистической теории текста, в соответствии с постулатами которой переводчик имеет дело с текстом не как с конгломератом отдельных языковых элементов, а с целостным образованием, и «отдельные языковые трудности он должен решать в рамках конкретного текста» [4. С.3–4].

Такой подход означает, что переводной текст должен соответствовать семи критериям текстуальности – когезии, когерентности, интенциональности, приемлемости, ситуативности,

информативности, интертекстуальности, сформулированным Р. А. де Богрaндом и В. Дресслером [5], а также восьмому критерию – культурной соотнесенности, выявленному У. Фикс, Х. Пете и Г. Йос [6].

Проблемы перевода, обусловленные стилем, оказываются так или иначе связаны с проблемой эквивалентности, спроецированной на критерии текстуальности. Из этого следует, что текст оригинала и текст перевода необходимо сравнивать в плане соответствия каждого из них вышеперечисленным критериям. При этом стиль как качество текста, обусловленное его прагматической установкой [7], является именно тем феноменом, в котором пересекаются и взаимодействуют все эти критерии. Таким образом, выстраивается следующий ряд взаимосвязанных характеристик переводного текста: переводческая эквивалентность – критерии текстуальности – стиль. Следовательно, без стилистической эквивалентности не может быть эквивалентности.

Проблема оценки стилистического качества перевода относится к разделу общей теории перевода, называемому критикой перевода. Задача этого раздела состоит в «выработке объективных критериев и соответствующих категорий научного аппарата анализа языкового текста оригинала и оценке его перевода. Они должны установить границы перевода оригинала, их объективную и субъективную обусловленность и создать тем самым основу критики перевода, т. е. “проверяемости” качества перевода» [8. С.6].

Как же можно оценить стилистическую эквивалентность перевода? Рассмотрение перевода с позиций лингвистики текста позволило снять проблему эквивалентности в прежней ее трактовке, так как переводческая эквивалентность рассматривается уже не на уровне отдельных языковых единиц, а на уровне текста как коммуникативной единицы: «Хотя значения слов и не совпадают в разных языках, но предметная ситуация, представляющая содержание исходного текста, а также его смысл могут быть выражены средствами другого языка» [9. С.132–133]. Особо следует отметить в этом подходе два момента, важные для рассмотрения вопроса о стилистике перевода: 1) акцент делается на межтекстовых соответствиях оригинала и перевода; 2) различаются понятия «содержание» и «смысл» текста, при этом смысл текста трактуется как результат интерпретации текста реципиентом. Интересна позиция Н. М. Нестеровой по этому вопросу: «Различие смысла и содержания (ментальных образований) заключается в том, как они проецируются на сферу сознания: содержание – это

проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст» [2. С.46].

Проблема переводимости стиля (самая сложная для переводчика) решается в рамках текста, так как именно в тексте может быть передана стилистическая структура оригинала как один из аспектов его общей структуры. Этот аспект формируется на основе **повторяемости (кооккуренции) стилистических компонентов значения** текстовых единиц – абсолютного стилистического значения и нередко также контекстуального стилистического значения. Аналогично семантической кооккуренции, обеспечивающей семантическую связность текста, существует и стилистическая изотопия, на которой строится стилистическая связность текста. В тексте возникают стилистические цепочки, основанные на дистантном стилистическом согласовании. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» стилистическое согласование определяется как «стилистическая непротиворечивость языковых единиц в рамках одного контекста; использование одинаковых по стилистическому значению (или коннотациям) стилистических средств для реализации определенного стилистического задания» [10. С.493]. Участвуя в формировании стилистической структуры текста, стилистически значимые его компоненты выступают как «элементарные конституенты стилистического потенциала текста» (там же).

О существовании именно стилистической структуры текста писала уже 1984 г. Б. Зандиг в статье «Общие аспекты стилистического значения или: Хамелеон «стиль», предлагая различать стилистическую структуру текста (конфигурацию стилистически значимых элементов текста) и стилистическую функцию этой структуры (стиль как качество текста, оказывающее определенное воздействие на реципиента) [11]. В своей последней книге «Немецкая стилистика текста» Б. Зандиг пишет: «Стилистическая структура формируется как пучок взаимодействующих повторяющихся признаков (Bündel miteinander vorkommender kookkurierender Merkmale), которые могут быть описаны как принадлежащие к различным уровням языковой системы, а также к области параязыковых феноменов или к другим типам знаков» [12. S. 67] (речь идет не только о вербальных, но и о поликодовых текстах. – *Н. Т.*).

Сохранить при переводе стилистическую структуру оригинала значит сохранить его стиль, а значит, и основную коммуникативную характеристику исходного текста, его

стилистическое задание. Для того, чтобы сохранить стилистическую структуру оригинала, при переводе используются приемы **стилистической компенсации и стилистической замены.** Их суть излагает Н. А. Фененко в статье «”Непереводимый” Зощенко в переводе на французский язык»: «… не сумев избежать утраты какого-либо стилистического или смыслового элемента, переводчик воспроизводит этот элемент в другом слове или в другом месте текста, где в оригинале его нет … В результате – потеря отдельного “непереводимого” элемента не ощущается на фоне обширного целого: он как бы растворяется в целом или заменяется другими элементами ... Именно такой подход позволяет преодолеть непереводимость на уровне отдельного элемента (диалектизм, реалия, речевая ошибка) и обеспечить эквивалентность содержания исходного текста и переводного текста на уровне текста в целом» [13. С.128].

Таким образом, приемы стилистической компенсации и замены позволяют воссоздать стилистическую структуру текста на языке перевода, интенционально эквивалентную стилистической структуре оригинала, обеспечивающую стилистическую когезию переводного текста. На этом основывается способ оценки стилистической адекватности перевода, при котором оценивается соответствие стилистических структур оригинального и переводного текстов, а также сравнивается их стилистическая плотность.

Здесь необходимо провести параллель с семантикой текста. В лингвистике текста используется понятие «семантической плотности текста» (например, в монографии П. Блюменталя «Семантическая плотность: Ассоциативность в языке поэзии и рекламы» [14]. Семантическая плотность определяется количеством, распределением и взаимодействием повторяющихся семантических признаков текстовых единиц. С такой же точки зрения можно посмотреть и на стилистические признаки единиц текста, т. е. выделить цепочки единиц с одинаковой стилистической окраской, и посмотреть, как они пересекаются и взаимодействуют в рамках каждого текста.

Пример использования приема стилистической компенсации находим в текстах, приведенных в Приложении[2]: *Viele alte Männer haben eine unerklärliche Leidenschft für den Strafvollzug. Ist Ihnen das*

[2] Текст оригинала и его перевод опубликованы в альманахе, выпущенном Ин-том им. Гете в рамках проекта «Зебра» в 2004 г. На страницах этого альманаха представлены отрывки из прозаических произведений десяти современных немецких авторов в оригиналах и переводах на русский язык. – *Н. Т.*

schon einmal aufgefallen? Leider kennen nur sie allein die Methoden, um ihn zu verbessern: die Wiedreinführung der Todesstrafe, des Prangers, des Bocks, der Sippenhaft, des Schuldturms, ***blablabla.***

У многих пожилых людей есть необъяснимая страсть к вопросу о судебной ответственности. Не замечали? К сожалению, только им одним известны способы ее усовершенствования: возвращение смертной казни, позорного столба, пыток, долговой ямы, перенос долга на других членов семьи и так далее, ***что там еще бывает.***

В немецком оригинале нет слов, буквально соответствующих словам «что там еще бывает», но переводчик добавил их, чтобы их разговорная стилистически сниженная окраска скорректировала стилистически нейтральные слова «и т. д. ».

Стилистическая замена заключается в использовании при переводе единиц с иными, нежели в оригинале, стилистическими характеристиками, например (см. в текстах Приложения): Tätowierungen (нейтр.) – наколки (жарг.).

Для оценки стилистической эквивалентности оригинала и перевода необходимо сопоставить стилистические структуры обоих текстов, т. е. сравнить:

а) количество стилистических цепочек в каждом тексте и б) количество звеньев в этих цепочках (по этим параметрам можно сравнить стилистическую плотность текстов оригинала и перевода), а также количество пересечений стилистических цепочек в пределах каждого текста. Если все эти параметры в обоих текстах приблизительно одинаковы, то это свидетельствует о стилистической эквивалентности перевода и оригинала.

В завершение статьи приведем пример применения предложенного метода на материале текста Г. Освальда «Все, что в счет» в оригинале и переводе.

Анализ проходит следующие этапы:

1) выстраивание стилистических цепочек в текстах оригинала и перевода, в которые входят единицы текста с одинаковой функционально-стилистической окраской (эти единицы могут принадлежать различным уровням языковой системы):

Оригинал:

книжн.: leptosom, Strafvollzug, Todesstrafe, Sippenhaft, sportpädagogische Projekte,

soziale Eingliederung, gemäßigtes Exemplar, zuteil werden (8 звеньев);

разгов.:

- обих. -разг.: sülzen, Knacker, stinken, blablabla, Trottel, mit. etw dabei sein, wie sollte es

es denn anders sein, der Kurze, der Lange, Kostenpunkt, gut so, weglesen, auf

die Nerven gehen, dieser hier (14 звеньев).

обих. разг. Pranger, Bock, Schuldturm (3 звена);

полутермины:

професс.: Segeltörn, sich als . . verstehen (2 звена).

Перевод:

книжн.: замечательно, судебная ответственность, смертная казнь, назначать лечение,

стоимость, спортивно-педагогические проекты, социальное объединение

общества, предусматривать (9 звеньев);

разгов.:

обих. -разг.: жирная тетка, за версту несет, старый хрыч, действовать на нервы,

старикашка, треплется, коротышка, длинный, как же без него, что там еще

бывает, из умеренных, простофиля, парфюм (13 звеньев);

обих. -разг. позорный столб, дыба, долговая яма (3 звена);

полутер-мины:

жаргон.: наколки (1 звено).

2) выявление стилистических приемов, использованных при переводе:

а) стилистическая компенсация: «blablabla – что там еще бывает» (см. выше);

б) стилистические замены: dicke Frau (нейтр.) – жирная тетка (обих. -разг.), Parfüm

(нейтр.)– парфюм (обих. -разг.), gut so (обих. -разг) – замечательно (книжн.);

leptosom (книжн.) – длинный (обих. -разг.), gemäßigtes Exemplar (книжн.) – из

умеренных (обих. -разг.), Tätowierungen (нейтр.) – наколки (жар.), Kostenpunkt

(обих. -разг.)– стоимость (книжн. .), sich als ... verstehen (проф.)–

предусматривать (книжн.), Segeltörn (проф.) – путешествие под парусом (нейтр.).

Пять стилистических замен сделаны с понижением стилистической окраски: dicke Frau, Parfüm, leptosom, gemäßigtes Exemplar, Tätowierungen. Четыре стилистические замены сделаны с

повышением стилистической окраски: gut so, Kostenpunkt, sich als …verstehen, Segeltörn. В целом, эти стилистические замены уравновешивают друг друга.

3) определение точек пересечения стилистических цепочек в текстах оригинала и перевода:

В тексте **оригинала:**

в слове Knacker пересекаются две стилистические цепочки: a) обих. -разг. – Trottel, der hier, der Lange; der Kurze (четыре звена) и b) книжн. – leptosom, gemäßigtes Exemplar (два звена);

в слове Strafvollzug пересекаются три цепочки: а) книжн. – Todestrafe, Sippenhaft (два звена), б) обих. -разг. полутерм. – Pranger, Bock, Schuldturm (три звена), в) обих. -разг. blablabla (одно звено).

В тексте **перевода:**

в слове «старикашка» пересекаются две стилистические цепочки: а) обих. -разг. – старый хрыч, длинный, коротышка, простофиля, из умеренных (пять звеньев): б) нейтр. – узколобый (одно звено);

в словосочетании «судебная ответственность» пересекаются три стилистические цепочки: а) обих. -разг. – что там еще бывает (одно звено); б) книжн. – смертная казнь (одно звено); в) обих. -разг. полутерм. – позорный столб, пытки, долговая яма (три звена).

Подведем итоги проведенного анализа:

1) в тексте оригинала и в тексте перевода обнаруживается одинаковое количество стилистических цепочек (по пять);

2) общее количество звеньев с различной стилистической окраской: в тексте оригинала – 27, в тексте перевода – 26;

3) количество пересечений стилистических цепочек в обоих текстах совпадает (по два пересечения);

4) стилистические замены практически уравновешивают друг друга на стилистической шкале (5:4).

Поскольку выявленные стилистические характеристики текстов оригинала и перевода совпадают или почти совпадают, можно сделать вывод о стилистической эквивалентности обоих текстов.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Hartmann P. Zum Begriff des sprachlichen Zeichens // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – B., 1968. – Jg. 21. – S. 205–222.
2. Нестерова Н. М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. – Пермь: Пермс. гос. тех. ун-т, 2005. – 202 с.

3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М., 2001. – 512 с.
4. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста. – 2-е изд-е, испр., доп. – Курск, 1999. – 223 с.
5. Beaugrande R. A. de, Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen, 1981. – XIII, 290 S.
6. Fix U., Poethe H, Yos G. Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger: Ein Lehr- und Arbeitsbuch / Unter Mitarb. von Geier R. – Frankfurt a. M., 2001. – 236 S.
7. Трошина Н. Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста // Проблемы современной стилистики: Сб. обзоров. – М., 1989. – С.134–152.
8. Брандес М. П. Критика перевода: Практикум по стилистико-сопоставительному анализу подлинников и переводов немецких и русских художественных текстов. – М., 2006. – 238 с.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974. – 216 с.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка /Под ред. М. Н. Кожиной. – М., 2003. – 693 с.
11. Sandig B. Generelle Aspekte stilistischer Bedeutung, oder: Das „Chamäleon Stil“ // Kwart. neofilol. – W-wa, 1984. – № 31, z. 3. – S. 264–284.
12. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. – 2., völl. neu bearb., erw. Aufl. – B., New York, 2006. – 583 S.
13. Фененко Н. А. «Непереводимый» Зощенко в переводе на французский язык // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2006. – Вып. 7, ч. 1. – С.124–131.
14. Blumenthal P. Semantische Dichte: Assoziativität in Poesie- und Werbesprache. – Tübingen, 1983. – XI, 195 S.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Georg M. Oswald. Alles was zählt:

Ich schaue einer kleinen dicken Frau, die nach süßem Parfüm stinkt, über die Schulter und lese in ihrer Abendzeitung. Als sie es bemerkt, dreht sie sich ein wenig zur Seite und duckt sich über das Gedruckte, damit ich es ihr nicht weglesen kann. Gut so!

Plötzlich gehen mir zwei alte Knacker rechts neben mir auf die Nerven. So ein leptosomer Weisshaariger, mindestens siebzig, sieht aus wie ein in die Jahre gekommener Hochspringer und sülzt über den oberen Rand seines „Spiegels“ auf seinen zwei Köpfe kleineren Begleiter herunter, der auch nicht jünger ist.

Er regt sich, wie sollte es anders sein, über den Strafvollzug auf! Viele alte Männer haben eine unerklärliche Leidenschft für den Strafvollzug. Ist Ihnen das schon mal aufgefallen? Leider kennen nur sie allein die Methoden, um ihn zu verbessern: die Wiedereinführung der Todesstrafe, des Prangers, des Bocks, der Sippenhaft, des Schuldturms, blablabla. Dieser hier ist allerdings ein gemäßigtes

Exemplar, vermutlich ein Intellektueller. Er liest seinem Freund etwas vor: “Dem fünfzehnfach vorbestraften Gefangenen, der sich durch seine Tätowierungen beinträchtigt fühlt, wird eine Laserbehandlung zuteil, Kostenpunkt: siebzehntausend Mark. Als sportpädagogische Projekte, zu denen Strafgefangene gelegentlich eingeladen werden, weil sie der sozialen Eimgliederung dienen, verstehen sich mehrtägige Skitouren und Kanufahrten. Der Vierzehnjährige, der hundertsiebzig Straftaten hinter sich hat, wird mit einem Betreuer auf einen Abenteuerurlaub nach Lateinamerika verschickt, Kostenpunkt: dreiundsiebzigtausend Mark. Andere sind mit einem Segeltörn zu sechzigtausend Mark pro Person dabei”.

Der Kurze fragt den Langen: “Und? Wer schreibt das?“

Der Lange antwortet: „Ein gewisser Enzensberger“.

Der Kurze sagt, recht habe er, wenn er so was höre, müsse sich schließlich irgendwann jeder, der sein Leben anständig verbracht hat, vorkommen wie ein Trottel.

Георг М. Освальд. «Все, что считается»:

Смотрю через плечо низенькой жирной тетки, от которой за версту несет приторно-сладковатым парфюмом, и читаю е вчерашнюю вечернюю газету. Заметив это, она чуть-чуть разворачивается и нагибается так, чтобы я не смог украсть у нее ни кусочка текста. Замечательно!

И тут два старых хрыча справа начинают действовать мне на нервы. Один из них, длинный узколобый седой старикашка за семьдесят, похожий на состарившегося прыгуна в высоту, треплется, глядя через верхний край своего «Шпигеля», с коротышкой-приятелем, который тоже, наверное, не моложе.

Он (как же без него!) волнуется по поводу исполнения какого-то приговора. У многих пожилых людей необъяснимая страсть к вопросу о судебной ответственности. Не замечали? К сожалению, только им одним известны способы ее усовершенствования: возвращение смертной казни, позорного столба, пыток, долговой ямы, перенос долга на других членов семьи и так далее, что там еще бывает. Сегодняшний старикашка из умеренных, видимо, интеллектуал. Читает своему приятелю: «Отбывающему в пятнадцатый раз срок наказания заключенному, который хочет расстаться со своими наколками, будет поведено лазерное лечение стоимостью семнадцать тысяч марок. Заключенные приглашены для участия в спортивно-педагогических проектах, предназначенных для социального объединения общества. Проекты предусматривают многодневные лыжные походы и поездки на каноэ. Молодой человек четырнадцати лет, имеющий за плечами сто семьдесят уголовно наказуемых деяний, отправлен с сопровождающим в турне по Латинской Америке. Расходы составляют семьдесят три тысячи марок. Несколько человек совершают путешествие под парусом, расходы – шестьдесят тысяч марок на каждого».

Коротышка спрашивает длинного: «Ну и что? Кто это все пишет?»

Длинный отвечает: «Некий Энценсбергер».

Его приятель говорит, что когда слышит такое, то понимает: если человек достойно прожил свою жизнь, то он самый обыкновенный простофиля.

Н. Д. Федяева

НОРМА: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ СТАТУС

В нашем сознании существуют представления о средне-нормальных объектах определенного класса – нормативные представления о предметах, свойствах, действиях и т. п. Эти представления становятся основанием для идентификации и квалификации объектов восприятия и характеризуются высокой степенью обобщенностью, так как предполагают невнимание к большому числу допустимых отклонений. Таким образом, норма – это обобщенные представления о существенных свойствах объектов, в пределе – о существенных свойствах всего мира, то есть одна из категорий мышления.

Понятие нормы востребовано науками о человеке, при этом в понятии можно выделить универсальный (междисциплинарный, общенаучный) компонент. Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», норма – это 1. средняя величина, характеризующая массовую совокупность событий, явлений; 2. общепризнанное правило, образец поведения или действий, с помощью которого осуществляется упорядоченность и регулярность социального взаимодействия [1].

По мнению философов, наличие норм – характерный признак мира человека. Специфика человека заключается именно в том, что каждое истинно человеческое действие связано с наличием некоторого «как должно быть», то есть норм, принятых как благо, ценность в себе и для себя [2. С.26]. Нормы детерминируют все многообразие жизненных ситуаций, в которых может оказаться человек, и в конечном итоге составляют культуру соответствующего общества. Нормы многообразны: они могут быть представлены как в непосредственно вещной форме – в виде образцов и эталонов, так и в виде правил и схем деятельности. Они могут относиться к внешним для человека объектам, к определенным ситуациям социального взаимодействия, к индивидуальному развитию личности [3]. Таким образом, норма – специфически человеческое явление, основная функция которого – регуляция поведения. Классический пример – юридически зафиксированные нормы права или освященные обычаем нормы морали.

С другой стороны, норма – это некая точка отсчета, эталон, стандарт для сравнения с другими состояниями того же объекта и других объектов. В этом качестве норма сближается с представлением о среднем, типичном, традиционном, массовом. По

сути, такая норма оказывается практически неопределимой – она уникальна, однако в зависимости от целей исследования норма предстает как среднестатистический параметр, среднее желаемое/ожидаемое в данной ситуации, среднее с определенным диапазоном допустимых отклонений. Так как нормативные представления вовлечены в операцию сравнения, значимой является не только сама норма, но и отклонения от нее. Как следствие, для наук, оперирующих понятием «норма», характерно существование понятия антинормы (так, в медицине – это понятие патологии, для психологии – девиации и т. п.).

Итак, в науке реализуются две основные интерпретации нормы: императивная и статистическая. Эти две интерпретации имеют общие моменты. Во-первых, норма признается специфически человеческим явлением: представления о норме формируются и применяются в социуме. Во-вторых, норма воспринимается как мерило, соответствие которому устанавливается; результат сравнения становится основанием для характеристики объекта. В-третьих, отклонения от нормы, случаи несоответствия норме являются предметом специального осмысления.

Из традиционно выделяемых категорий мышления близки норме категории тождества-различия, качества-количества, границы. Связь категорий можно сформулировать следующим образом:

– Если норма – это представления об обычном, соотнесение с ней позволяет установить тождество-различие объекта по сравнению с другими объектами класса.

– Нормативные представления содержат указание на такое соотношение количества и качества, которое для данного свойства считается традиционным, «классическим».

– Граница – это предел действия одной нормы, в котором качество, несмотря на возможные количественные изменения, сохраняет тождество самому себе.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем норму как *семантическую* категорию, то есть как понятийную категорию, заключенную в грамматических, лексических, словообразовательных значениях языка и их речевых реализациях (о таком подходе см.: [4]).

Категория образована по бинарному принципу и включает значения «соответствует – не соответствует норме» (по другому, «норма – не норма»). Оба значения могут быть выражены как внутри-, так и внесловно.

Норма может быть рассмотрена как *двухъярусная* семантическая категория, так как реализуется на лексическом и словообразовательном уровнях (имеются специальные лексемы и морфемы для выражения соответствующего значения) и демонстрирует связь семантического признака с грамматическим значением (см. грамматику качественных прилагательных).

Семантической категории нормы свойствен эксплицитно-имплицитный характер. Это можно увидеть на примере лексических значений. Так, в значении базового слова «норма», его квазисинонимов, многих параметрических прилагательных значение «норма» входит в состав лексического значения, наличие этой семы осознается говорящими. С другой стороны, для многих слов верно следующее утверждение: нормативные представления составляют само лексическое значение этого слова (*нормальный стол* – это и есть стол: существенные признаки класса и образуют лексическое значение), но это никак специально не выражено и не осознается.

Из двух значений – норма и не-норма – имплицитным чаще оказывается значение нормы (что связано со слабой осознанностью нормы вообще), в то время как значение «не соответствует норме» всегда имеет формальное выражение.

Сопоставим содержание категории нормы и значение соответствующей лексемы. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова отмечает существование у слова «норма» двух основных значения: 1) узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь; 2) установленная мера, средняя величина чего-нибудь.

Первое значение нормы актуализирует сему императивности: *норма* – признанный обязательным *порядок* чего-нибудь; *порядок* – *правильное*, налаженное состояние, расположение чего-нибудь; *правильный* – не отступающий от *правил*, норм, пропорций; *правило* – постановление, предписание, установленный *порядок* чего-нибудь. Таким образом, норма представляет собой некое правило, выполнение которого признается в данном обществе обязательным. В этом значении слово «норма» входит в синонимические ряды с доминантами «правило», «порядок».

Во втором значении выделим две семы: ‘установленная мера’; ‘средняя величина’.

В значении «установленная мера» актуализируется смысл границ, в рамках которых явление соответствует традиционным представлениям о нем: *норма* – установленная *мера*; *мера – предел*, в котором осуществляется, проявляется что-нибудь; *предел* –

пространственная или временная *граница* чего-нибудь; *граница – предел*, допустимая *норма*. Заметим, что с первым значением связь осуществляется за счет семы «установление, разрешение» (генетически установление может восходить как к законам, так и к обычаям, привычкам).

Значение «средняя величина» заключает представление об особенностях выведения нормы как своеобразного среднего арифметического: *норма – средняя величина*; величина – размер, объем протяженность предмета; *средний* – представляющий *величину*, полученную делением суммы величин на их количество. Такое понимание позволяет в ряде случаев прояснить, какова установленная мера, однако эта связь возможна далеко не всегда: например, норма выпадения осадков – это и мера, и средняя величина, а норма температуры тела – мера, но не средняя. С другой стороны, верно, что средняя величина выступает мерилом для качеств объектов восприятия. Таким образом, видна следующая смысловая зависимость: установленная мера – не всегда средняя величина, но средняя величина почти всегда мера. Кроме того, значение «средняя величина» неявно соотносится со значением установления, предписания: среднюю величину специально выводят и фиксируют. В связи с этим можно утверждать, что сема императивности является инвариантным смыслом для всех трех значений.

Выделенные значения наследуются производными. В гнезде на первой ступени производности расположены следующие лексемы: *норматив* – (спец.) экономический или технический показатель норм, в соответствии с которыми производится работа; *нормативный* – устанавливающий норму, правила; *нормальный* – 1. соответствующий норме, обычный, 2. психически здоровый; *нормировать* – установить пределы чего-нибудь, ввести в норму. Очевидна активность семы «предписание», кроме того, актуализируется смысл «норма – мерило, соответствие с которым устанавливается»; глагол «нормировать» содержит сему «граница, предел». Чрезвычайно важно, что прилагательное «нормальный», единственное из всех приведенных производных действительно общеупотребительное слово, наряду со значением соответствия норме имеет значение «обычный» – «постоянный, привычный».

Итак, судя по толковым словарям, сущность нормы заключается в ее императивном характере. Заметим, что это значение, унаследованное из латинского языка (норма – руководящее начало, правило, образец), традиционно ощущается как основное. Еще в словаре В. И. Даля *норма* – общее правило,

коему должно следовать во всех подобных случаях; образец или пример. Смысл «правило, предписание, порядок», во-первых, составляет отдельное значение слова, во-вторых, является связующим элементом для других значений, в-третьих, является базой для вхождения в синонимические ряды, в-четвертых, наследуется практически всеми производными.

Многозначность слова при явном доминировании одного из значений является фактором, усложняющим употребление семантического компонента «норма».

По мнению Е. В Урысон [5], употребление элемента «норма» противоречиво: лексикографы употребляют его в терминологическом значении, а читатели словаря понимают в обыденном. Различия между терминологическим и обыденным пониманием слова «норма» сводятся к следующему:

1. Для слова «норма» как для общеупотребительного слова характерно значение установления, предписания, действующего в социуме (*нормы поведения, морали* и т. п.). В таком случае с соответствием норме связывается идея положительной оценки, а с отклонениями от нормы – отрицательной.

2. Для термина «норма» характерно значение «среднестатистическое, обычное, типичное» (*норма осадков, содержания вещества и т. п.)*. Такое понимание, как правило, не сопровождается оценкой. Именно таким образом семантический компонент «норма» используется при толковании параметрических прилагательных.

По мнению Е. В. Урысон, выходом из ситуации является отказ от семантического компонента «норма» и его замена общеупотребительным словом «средний», которое, имея значение «обычный, типичный», лишено оценочного значения социально одобряемого установления. В связи с этим заметим, что употребление прилагательного «средний» не решит проблемы. Это прилагательное, как и лексема «норма», весьма коварно: с одной стороны, существует возможность его нейтрального употребления (*средний рост*), с другой стороны, частотно и оценочное употребление (*средние умственные способности*). Как и прочие общеоценочные прилагательные, слово «средний» – эксклюдер, требующий фразовой интерпретации, поэтому дефиниции, в которых компонент «норма» будет заменен компонентом «средний», вряд ли будут лишены тех недостатков, о которых говорит Е. В. Урысон. В этой связи показательны плеонастические дефиниции, используемые в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, например: *высокий – превышающий средний уровень,*

среднюю норму, значительный. Сочетание «средняя норма», конечно, избыточно, однако избыточность здесь может быть оправдана. Определение «средний» уточняет, какое значение слова «норма» имеется в виду: норма – средняя величина.

Другая сложность апелляции к норме связана с ее коллективно-субъективным характером. Так, М. А. Кронгауз [6] отмечает, что в словаре можно лишь обозначить общую идею соответствия/несоответствия норме, при этом норма в словаре будет пониматься как типичное, обыкновенное, среднее, в то время как в обыденном словоупотреблении нормой нередко выступают другие факторы, важнейшим из которых в высказываниях о человеке является сам говорящий, который промеряет окружающий мир относительно себя. Это прагматическое значение уникально, таким образом, оказывается, что значение семантического компонента «норма» более чем неопределенно.

Итак, к трудностям употребления семантического компонента «норма» относятся, во-первых, несоответствие терминологического и общелитературного значения и связанное с ним несовпадение оценочных характеристик, во-вторых, ситуативно-частный (эксклюзивный) характер нормы, проявляющийся в отсутствии нормы вообще и в зависимости нормативных представлений от круга объектов и прагматических факторов. Специфика толкований с компонентом «норма» заключается в том, что в обоих случаях недостаточно знать значения слов, составляющих дефиницию – необходимо знание самих норм. Таким образом, адекватное понимание слова с семой «норма» предполагает включение носителя языка в широкий нормативный контекст. Вне социально-культурного нормативного контекста любое определение, включающее компонент «норма», не будет безусловно понятным. Употребление этого компонента при толковании значений не лишено противоречий, вызванных объективными трудностями, прежде всего – много- и разнообразием самих нормативных представлений.

Очевидно, что слово «норма» и соответствующий семантический компонент только указывают на наличие нормативных представлений, но никак их не выявляют. Таким образом, значение оказывается существенно беднее реальных нормативных представлений. Одной из причин является, вероятно, квазинаучный характер слова «норма», которое сближается с одноименным термином, между тем нормативные представления коренятся в обыденном сознании носителей языка, выступают необходимым элементом процедур восприятия и сравнения.

Сложность и практическая неопределенность нормы не позволяют дать ей исчерпывающее лексикографическое описание, однако исследование нормы как семантической категории поможет приблизиться к ответу на вопрос о сути нормативных представлений и их конкретном содержании.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Философский энциклопедический словарь. – М: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 С.
2. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С.24–34.
3. Современный философский словарь /Под ред. В. Е. Кемерова. – М., Бишкек, Екатеринбург: Одиссей, 1996. – 608 с.
4. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. – СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2001. – 260 с.
5. Урысон Е. В. Понятие нормы в языке современной семантики (параметры человеческого тела с точки зрения русского языка // Слово в тексте и словаре. Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.243–253.
6. Кронгауз М. А. Норма: семантический и прагматический аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.137–142.

С. С. Чаплина

К СЕМАНТИЧЕСКОМУ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ОПИСАНИЮ ПЕРФЕКТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Перфект является специфической категорией, связанной с темпоральностью, аспектуальностью, таксисом, – тремя основными аспектами смысловой интерпретации категории времени [1. С.31]. Перфектные формы в германских и других индоевропейских языках неоднократно являлись предметом лингвистических исследований [1–9]. Однако существуют некоторые вопросы, связанные с употреблением перфектных форм, которые в настоящее время нуждаются в систематизации. Для современного немецкого языка к таким актуальным явлениям относятся так называемые случаи колебания вспомогательного глагола *haben*/*sein*. В настоящей статье мы попытались свести воедино материалы из различных грамматических источников и

сформулировать причины колебаний в выборе вспомогательного глагола.

Первоначально, как отмечал Г. Пауль, существовало правило: «Перфективные глаголы образуют перфект при помощи sein, имперфективные – при помощи haben» [10. С.219]. Справедливость этого правила он доказал на обширном материале. Отзвуки этого правила сохранились и до сих пор, например:

Das Meer hat gedunstet – Das Wasser ist verdunstet;

Es hat gefroren – Er ist erfroren;

Der Ton hat geklungen – Der Ton ist verklungen и т.д.

Такая дифференциация в употреблении вспомогательных глаголов, возникшая, конечно, не с целью различения видов, была, тем не менее, тесно связана с аспектуальным значением глагола. Это видно из тех случаев, когда один и тот же глагол, употребляющийся в перфективном и имперфективном значении, спрягался в зависимости от этого и с *haben*, и с *sein*. Об этом говорят грамматики XVII-XVIII веков в иных формулировках, но приводимые в них примеры Г. Пауль толкует именно в этом смысле. Например:

Ich habe schon mein Teil geritten – Ich bin nach Stettin geritten;

Ich habe meine Tage viel gereist – Ich bin nach Hamburg gereist.

Аналогичные примеры Г. Пауль приводит и из памятников средневерхненемецкого языка: *er hatte gevarn durch diu lant* (Herbort) ‘он ездил по странам’; *sit Fridebrant ist hin gevarn* ’с тех пор, как Фридербрант поехал туда’ [10. С.220] .

Однако из-за утраты видовых различий можно найти и много противоречивых фактов. Так, например, *durch dich mit im ich her gevarn hän* ‘из-за тебя с ним я приехал сюда’, где употребляется глагол *hän*, несмотря на перфективный смысл *varn* в этом контексте. Обратный случай мы имеем в следующем примере: *dö si gevarn wären volle niun tage* ‘они ехали целых девять дней’, где *varn* имеет скорее имперфективное значение. Любопытный пример Г. Пауль приводит из Бертольда Регенсбургского – *die müezent alle die vart varn die du gevarn hast und bist,* где совершенно непонятно, что автор хотел выразить, употребив оба вспомогательных глагола одновременно [там же].

В дальнейшей эволюции языка при полной утрате видовых различий произошло закрепление определенного вспомогательного глагола, независимо от перфективности или имперфективности его значения. При этом глагол *sein* получил распространение в двух группах интранзитивных глаголов. Во-первых, в глаголах движения (*gehen, fahren, fliegen*). Г.Пауль отмечает по этому

поводу: «Очевидно, вместо старой точки зрения получила значение новая: мы употребляем *sein*, если мы рассматриваем перемену места субъектом, как результат движения, будь глагол перфективным или имперфективным» [10. С.220].

Второй группой интранзитивных глаголов, спрягаемых с *sein*, являются глаголы становления, то есть перехода в новое состояние, что объясняется преимущественно их перфективным характером (например, *entblühen, erleben, aufwachen*). Однако это нельзя считать безусловно обязательным правилом. Так, например, глаголы *sitzen, liegen, stehen, bleiben*, хотя и не подходят к только что указанным категориям, спрягаются на юге Германии с *sein*. А сам глагол *sein* в литературном языке спрягается только с *sein*. Однако, как мы видим, в современном языке и эта точка зрения не получила закрепления, так как существуют некоторые непереходные глаголы, которые образуют сложные формы с *sein*, хотя объект не испытывает перемены места или состояния и наоборот. Следовательно, наиболее точной формулировкой правила выбора вспомогательного глагола в немецком языке была бы следующая: транзитивные глаголы спрягаются с *haben*; в интранзитивных глаголах имеется тенденция спрягать глаголы, при которых субъект претерпевает перемену места или состояния, с *sein*.

Важно в дидактических целях настаивать на том, что транзитивные глаголы образуют перфект при помощи *haben*, потому что они имеют также и формы с *sein*, но с совершенно другой семантикой (т.н. Zustandform). Вот почему в одном месте Германии можно сказать *ich bin gesessen*, а в другом *ich habe gesessen,* но нигде нельзя заменить, не исказив смысла, выражение *ich habe geschlagen* выражением *ich bin geschlagen*.

Рассмотрим теперь случаи колебания в выборе вспомогательного глагола *haben* / *sein* в современном немецком языке в функционально-семантическом плане.

1) Глаголы, обозначающие передвижение с уточнением его начала, конца или цели, подразумевающие это перемещение, а также глаголы изменения состояния и местоположения употребляются с *sein*: *reisen, eintreffen, fahren, fliegen, laufen, schwimmen, springen, rudern, reiten* и другие. Ср. *Er ist phantastisch gelaufen. Er ist ans Ufer geschwommen* [11. С.67]. *Wir sind über das Haff gesegelt. Ich bin über die Felder geritten* [12. С.322]. Если такого перемещения нет, а есть только движение, то употребляется вспомогательный глагол haben. Ср. *Die Fahne hat im Wind geflattert. Wir haben den ganzen Tag getanzt. Ich habe früher Ski gelaufen. Wir*

haben mehrere Stunden geschwommen. Ich habe als junger Mensch viel getanzt. Sie hat den ganzen Vormittag gepaddelt / gesegelt. Wir haben gestern gesegelt. Ich habe zu lange geritten [12. C.120].

При этом авторы данных грамматик [11. C.67; 12. C.322; 13. C.140] отмечают, что все же глаголы движения образуют перфект со вспомогательным глаголом *sein* независимо от того, что пространственные изменения в результате движения оказались сильнее, чем действие с точки зрения его продолжительности. А также указывают на то, что в современном немецком языке наблюдается тенденция употреблять с глаголами движения только вспомогательный глагол *sein*, даже если эти глаголы не обозначают никаких пространственных изменений.

2) Употребление вспомогательного глагола *haben / sein* может быть регионально обусловлено. Указания на региональную обусловленность выбора вспомогательного глагола мы находим в грамматических справочниках немецких авторов [12. C.120; 13. C.140]. Так, на юге Германии, в Швейцарии и Австрии при образовании перфекта от таких глаголов как *liegen, sitzen, stehen, sitzen* вместо закрепленного нормой литературного языка *haben* распространен более древний вариант с *sein*: *Ich bin gelegen / gestanden / gesessen* [12. C.120]. *Er ist an seinem Schreibtisch gesessen* [13. C.14]. При образовании перфекта от тех же самых глаголов на севере Германии употребляется вспомогательный глагол *haben*, что соответствует норме литературного языка.

3) Действие может быть определено как результат (в этом случае они употребляются с *sein*), как незаконченное или продолжительное действие (в этом случае они употребляются с haben). *Er ist rasch gealtert – Er hat rasch gealtert. Der Wein hat gegoren – Der Wein ist gegoren* [12. C.120]. *Der Lehrer hat schnell gealtert – Der Lehrer ist schnell gealtert* [13. C.141]. *Der See ist gefroren – Wir haben gefroren* [11. C.67].

4) На выбор вспомогательного глагола влияет способность полнозначного глагола выступать в роли транзитивного или интранзитивного. Так, при образовании перфекта у глаголов движения *fahren* и *fliegen* с *sein* с актуализируется еще дополнительное значение, указывающее на то, что субъект выступает в качестве пассажира (автомобиля, самолета). Напротив, форма с *haben* указывает на активную роль субъекта (водителя или пилота) как непосредственного исполнителя действия и сигнализирует о транзитивности глагола. *Ср. Er ist nach Dresden gefahren – Er hat einen Mercedes gefahren. Er hat eine DC 10 geflogen*

– *Er ist nach Warschau geflogen* [13. С.141]. *Er ist um 10 Uhr fortgefahren – Er hat den Schrank fortgefahren* [11. С.70].

5) Некоторые глаголы имеют различные значения и в зависимости от этого образуют перфект и с *haben*, и с *sein*. Так, например, глагол *bummeln* в значении ‘медленно, бесцельно гулять’ образует перфект с *sein*, по аналогии с глаголами движения. Второе значение этого глагола ‘медлить, работать медленно’, и в этом случае перфект образуется только с *haben*. Ср. *Wir sind/haben ein bißchen gebummelt* [12. С.121]. *Er hat ein Semester gebummelt* [13. С.141]. Глагол *kriechen* в значении ’ползти, ползать’, образует перфект со вспомогательным глаголом *sein,* а в значении ’угождать кому-либо’ с глаголом *haben*: *Er hat vor jedem Vorgesetzten gekrochen* [11. С.69]. Глагол *klettern* в значении ’лазать, лезть, взбираться’ спрягается с *sein,* а в профессиональном языке спорта в том же значении – с вспомогательным глаголом *haben*: *Er ist/hat an den Seilen geklettert* Глагол *biegen* в значении ‘поворачивать’ употребляется с глаголом *sein*: *Das Auto ist um die Ecke gebogen,* а в значении ’сломать что-либо’, т. е. в качестве транзитивного – с *haben*: *Ich habe den Zweig gebogen*. Глагол *einlenken* в значении ’поворачивать’ образует перфект со вспомогательным глаголом *sein*: *Das Auto ist in eine Seitenstrasse eingelenkt,* а в значениях ’уступать, направлять’ – с глаголом *haben*: *Man hat die Rakete in eine andere Bahn eingelenkt* [11. С.69].

Таким образом, анализ грамматических источников, описывающих колебания в выборе вспомогательных глаголов *haben/sein,* а также классификация их по группам позволяют сделать следующий вывод. Колебания в употреблении *haben/sein* в качестве вспомогательных глаголов в перфекте обусловлены такими факторами как: разница в передаваемой глаголом семантике движения (передвижение с уточнением его начала, конца или цели); региональная обусловленность; возможность транзитивизации; обозначение характера действия (продолжительное действие или его результат); семантическая дифференциация.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 128 с.
2. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого я зыка. – М.: Высш. шк., 1963. – 283 с.
3. Смирницкая О. А. Морфологизация аналитических глагольных конструкций в германских языках // Историко-типологические

исследования морфологического строя германских языков. – М.: Наука, 1972.
4. Смирницкая О. А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков: Категория глагола. – М.: Наука, 1977.
5. Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. – Л.: Наука, 1983. – С. 41–54.
6. Маслов Ю. С. Перфектность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 195–209.
7. Behaghel O. Der Gebrauch der Zeitformen. – Paderborn, 1901.
8. Reis H. Bildung und Gebrauch des Perfekts in der deutschen Sprache. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1910.
9. Comrie B. Aspect an introduction to the study of verbal aspect and related problems. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
10. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. – Halle, 1935.
11. Тагиль И. П. Deutsche Grammatik. – СПб.: Каро, 2002. – 320 с.
12. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim: Dudenverlag, 1995. – 763 S.
13. Helbig G. /Buscha J. Deutsche Grammatik. – Berlin: Langenscheidt, 2001. – 654 с.

С. А. Чугунова

«СТРЕЛА ВРЕМЕНИ» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Известно, что практически в любом языке мира темпоральность выражается метафорически в терминах трехмерного пространства и движения: *время летит, the time for a decision has arrived, Christmas is approaching*. Специалисты в области когнитивной метафоры заявляют, что человек пришел к осознанию времени через движение, последовательность сменяющих друг друга событий [1; 2]. Способность воспринимать движущийся объект имеет для организма фундаментальное значение, так как от этого зависит его выживание [3]. С самого рождения младенец воспринимает мир вокруг себя как бы в потоке еще до того, как научается самостоятельно передвигаться в пространстве. Таково устройство нашего зрительного аппарата (*the*

optic array), которое не зависит от культурных и географических различий [4].

Экспериментальные исследования показывают, что языковое поведение индивида направляется тем или иным когнитивным сценарием [2; 5; 6]. Поэтому, чтобы судить о специфике темпоральной картины мира субъекта как носителя определенной лингвокультуры, полезно сопоставлять имеющиеся языковые факты с выделенными когнитивной наукой моделями темпоральности, в том числе, структурирующими в себе концепт движения. На примере английского и других языков сторонник феноменологического подхода к вопросу о концептуализации времени В. Эванс [7] выделяет три когнитивные модели темпоральности, построенные на метафоре движения: «модель движущегося времени» (*the Complex Moving Time model*), «модель движущегося эго» (*the Complex Moving Ego model*) и «модель временной последовательности» (*the Complex Temporal Sequence model*). Различение метафор «движущегося времени» и «движущегося эго» началось с работы [8]. Дж. Лакофф [9] обозначил их как TIME PASSING IS MOTION OF AN OBJECT (moving time) и TIME PASSING IS MOTION OVER A LANDSCAPE (moving Ego) соответственно, считая их случаями общей метафоры – TIME PASSING IS MOTION. Метафора «движущегося времени» построена на ассоциации времени с движущимся объектом. Она, как правило, предполагает неподвижного наблюдателя (дейктический центр), относительно которого совершается движение: *Time flows by*. В метафоре «движущегося эго» дейктическим центром является само время (временное событие); при этом время ассоциируется с неподвижными верстами, вехами, относительно которых субъект осуществляет движение: *We are getting close to the start of the school year* [2]. Однако, если модели «движущегося времени» и «движущегося эго», построенные на базе выделенных метафор, предполагают обозревателя или в качестве дейктического центра, или в качестве движущегося начала, то «модель временной последовательности» исключает эго, и точкой отсчета для события/времени становится другое событие/время, т. е. разные события оцениваются относительно друг друга: *Tuesday follows Monday* [7].

Обратим внимание, что В. Эванс [7], иллюстрируя «модель временной последовательности» с помощью стрелки, направляет последнюю слева направо, хотя в «модели движущегося времени» (эгоцентрической модели), построенной на базе английского языка

и отвечающей, как считает автор, большинству языков мира, «стрела времени», направленная из будущего на субъекта, указывает наоборот – справа налево. При этом будущее на рисунке обозначено справа, а прошлое – слева. Таким образом, мы сталкиваемся с двумя противоположными направлениями времени, хотя известно, что метафора предполагает либо движение времени, либо движение субъекта, и время не может двигаться сразу в двух направлениях. При этом считается, что «лево» ассоциируется у нас с прошлым, а «право» – с будущим, что обусловлено анатомией человека. Более 70% всех людей – генетические «правши», и именно за правой рукой закреплена функция целенаправленного поиска неизвестного, т. е. цели. Даже на художественных полотнах известное помещается слева, а новое – справа. Однако есть культуры (например, арабская) с обратной локализацией времен. Исследователи связывают это с традицией написания/чтения текста – не слева направо, как это принято, например, у европейцев, а наоборот – справа налево. Получается, что направление времени на бумаге (слева направо или наоборот), а также локализация времен (будущее – справа, прошлое – слева или наоборот) не имеет принципиального значения, поскольку не отражает объективной действительности. Мы не располагаем языковыми свидетельствами, указывающими на темпоральную семантику пространственных отношений «лево–право», но многочисленные языковые факты из разных языков наглядно демонстрируют, что самыми востребованными у темпоральной концептуальной области оказываются корпореальные отношения «перед–зад» [10]. Это обусловлено анатомией человеческого тела, навязывающего миру свою асимметричность, которой он не обладает, в отличие от оси «верх–низ» – здесь асимметричность тела совпадает с асимметричностью самого мира как результата гравитации. Кроме того, естественная траектория движения человека – вдоль горизонтальной оси, поэтому случаи усвоения темпоральной концептуальной областью пространственных отношений «верх–низ» не являются типичными: ср.: яп. яз. *Ima kara sanbyaku-nu sakanoboru, Edo-jidai dearu now Abl. 300-years ascend-back Conj. Edo-era be = Ascending 300 years from now is the Edo era*). *Kamakura-jidai kara yonhyaku-nen kudaru to, Kamakuru-era Abl. 400 years descend Conj. Edo-era dearu be = Descending 400 years from the Kamakura era is the Edo era* [7]; англ. яз. *This tradition will last down into the future. The new year is coming up. This year went down in family history* [3]. Что же касается корпореальных пространственных отношений «лево–право», то в них не

усматривается очевидной асимметричности ни с точки зрения строения тела, ни с точки зрения внешнего мира [11]. Возможно, поэтому эта ось оказывается самой незначимой при концептуализации темпоральных отношений, о чем и свидетельствует отсутствие соответствующих языковых выражений.

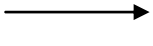
Таким образом, метафорическое представление временных событий как внешних объектов приводит к тому, что человек в качестве дейктического центра ассоциирует настоящее с собой и с тем, что рядом, поскольку тело человека – это не просто объект, это центр мира [12; 13]. Прошлое, которое он видел и знает, оказывается у него за спиной (*That was way back in 1900*), а будущее, предвкушаемая цель, локализуется перед его взором (*I look forward to seeing you*) [7; 3].

Выражение «стрела времени» было введено в 1928 г. английским физиком Артуром Эддингтоном (A. Eddington) в книге «Природа физического мира» (The Nature of the Physical World) (со ссылкой на [14]). Между тем физика, претендующая на исследование объективного времени, поскольку «существование восприятия времени не имеет отношения к изучению времени как объективного процесса» [15. С.21], по-разному относится к направлению времени и времени вообще. Классическая динамика, теория относительности и квантовая физика, постулирующие отсутствие различия между прошлым и будущим, отказывают становлению в объективности. Родившаяся в последние десятилетия физика неравновесных процессов относит стрелу времени к существенным свойствам реальности. По замечанию авторов работы [14], достижения последнего времени – открытие самоорганизации, хаоса и космологической эволюции – однозначно указывают в направлении физики с ориентированным временем. «Следовательно, утверждать, будто стрела времени – «всего лишь феноменология» и обусловлена особенностями нашего описания природы, с научной точки зрения абсурдно. Мы дети стрелы времени, эволюции, но отнюдь не ее создатели» [Там же. С.5].

Мы решили экспериментально проверить, учитывает ли сознание «стрелу времени», и если учитывает, то каковы особенности концептуализации этого понятия в мышлении индивида. Кроме того, во второй части эксперимента планировалось частично повторить исследование ряда зарубежных специалистов с целью верификации трех темпоральных концептуальных моделей, построенных на метафоре движения, но

уже на материале русского языка (см. [5; 6; 2]). Итак, в первой части пилотажного эксперимента 30 носителям русского языка, а именно студентам средних курсов факультета иностранных языков Брянского государственного университета (в основном представителям женского пола), был задан вопрос, сформулированный следующим образом: «Мы часто говорим: *время идет* (*бежит*, *летит* и т. д.). А откуда и куда бежит (летит, идет) время?». Половина реципиентов (группа А) должна была указать направление времени, используя стрелку, другая половина (группа Б) должна была ответить по собственному усмотрению. Каждый испытуемый (далее – и.) читал задание на индивидуальной карточке. По условиям эксперимента задание нужно было выполнять как можно быстрее. Эксперимент проводился анонимно. Полученные варианты ответов отображены в статистической таблице (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Группа ии.	Варианты ответов (кол-во ии.)			
А	(9) 	(3)	(2)	(1)
Б	*из прошлого в будущее* (2); *из прошлого в будущее, вперед* (1); *время летит из прошлого в настоящее* (2); *из вчерашнего дня в сегодня, из сегодня в завтра, и лучше сделать сегодня, чем забыть об этом завтра* (1); *от начала жизни и до бесконечности* (1); *от времени (даты) рождения определенного человека к старости, соответственно* (1); *время идет в вечность* (1); *откуда не знаю, а летит в никуда, может, в вечность* (1); *с древности в вечность* (1); *вместе с нами* (1); *от нас и не в нашу пользу иногда* (1); *не знаю* (2).			

Таким образом, мы видим, что там, где испытуемые (далее – ии.) должны были изобразить стрелку, подавляющее большинство, как и ожидалось, изобразило прямую линию, и только один и. отобразил идею циклического времени. Направление стрелок различно, хотя в 11 случаях стрелка указывает слева направо. Очевидно, что две трети ответов (6 vs. 9) не связаны с европейской традицией написания текста, а именно слева направо, хотя определенная взаимосвязь в большинстве случаев все же прослеживается. О последнем, на наш взгляд, могут

свидетельствовать и некоторые ответы, полученные в группе Б, а именно *из прошлого в будущее*, ведь как уже говорилось, «лево» ассоциируется у нас с прошлым, а «право» – с будущим. Безусловно, для надежных выводов необходимо участие большего количества реципиентов, однако гипотетические предварительные выводы возможны. То, что никто в группе А не уклонился от положительного ответа, а также 13 положительных ответов в группе Б, свидетельствует, на наш взгляд, о психологической реальности «стрелы времени», источником чего может служить целый ряд факторов.

Во-первых, здесь прослеживается влияние языковой метафоры, которая сама является лишь поверхностным проявлением концептуальной метафоры как способа думать об одной области через призму другой [16]. Известно, что сторонники теории концептуальной метафоры считают время высоко абстрактным концептом, артефактом, выводимым сознанием через сравнение наблюдаемых событий внешнего мира. Биологическая обусловленность темпоральности объясняется тем, что визуальная система человека способна воспринимать объекты, локализующиеся и движущиеся в пространстве, но не способна воспринимать время, чем бы последнее не являлось [7; 3]. То, что в основном ии. изображали прямую, происходит оттого, что, как уже упоминалось ваше, доминантный маршрут движения человека – вдоль прямой горизонтальной линии, хотя и циклическое время обусловлено конкретным внешним опытом индивида: ср. восход и закат солнца, смена времен года, колебание маятника, перемещение стрелок часов, вращение колеса и т. д.

Во-вторых, сравнительно пестрая картина ответов в группе А и еще более пестрая в группе Б убеждают в том, что человек действительно не воспринимает время вне себя, и куда оно движется, не знает. Вместе с тем, индивиду дано внутреннее ощущение длительности, которое является в высшей степени субъективным, но это чувство не помогает ответить на вопрос относительно направления движения времени. Насколько верно об этом может судить фундаментальная наука, затрудняемся ответить. Однако отсутствие в ней единого мнения в прошлом и до сих пор, а также тот факт, что в физике время существует только на уровне математических исчислений Vt, t^2, $-t$, не исключающих даже возможности величины времени, равной нулю или отрицательного времени [17], оставляют нас в большом сомнении по этому поводу. Стивен Хокинг как-то заметил, что «физическая теория есть просто математическая модель, и бессмысленно спрашивать,

соответствует ли ей какая-либо реальность» [18]. Вместе с тем, при анализе ответов ии. нельзя сбрасывать со счетов вмешательство коллективных воззрений, сформированных под влиянием, в том числе, научных идей. Полагаем, сюда можно отнести такие ответы, как *из прошлого в будущее*, *до бесконечности*, *в вечность*.

«Феноменологическая» установка (см. [7]) прослеживается в ответах *вместе с нами*, *от начала жизни*, *от времени (даты) рождения определенного человека к старости*, *от нас*, и даже в ответах *из прошлого в будущее*, *из вчерашнего дня в сегодня, из сегодня в завтра*. Современная когнитивная наука ориентирована на корпореальную семантику. М. Мерло-Понти одним из первых в наше время обратил внимание на первичность корпореального опыта и участие последнего во всех проявлениях умственной активности субъекта, включая пользование языком. Человек не просто живет и действует в мире, он сам создает этот мир через призму телесного мира, навязывая пространству вокруг себя собственное корпореальное пространство, свои отношения «перед–зад», «верх–низ», «лево–право» и т. д. [12; 13]. Человек всегда центр Вселенной, он всегда *здесь и сейчас*, поэтому концепты *настоящее*, *прошлое* и *будущее* являются в высшей степени корпореальными, они биологически обусловлены.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. – New York, NY: Basic Books, 1999. – 624 p.
2. Núñez R., Motz B. & Teuscher U. Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-Reference-Point distinction in metaphorical construals of time // Metaphor and Symbol. – 2006. – Vol. 21. – № 3. – Pp. 133–146.
3. Radden G. The metaphor «Time as Space» across languages // N. Baumgarten, C. Böttger, M. Motz & J. Probst, (eds.), Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprach-vermittlung – das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag, Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht [Online]. – Mei, 2003. – Jahrgang 8. – № 2/3. – S. 226–239. Verfügbar: http://www. ualberta. ca/~german/ejournal/ Radden. pdf.
4. Gibson J. The ecological approach to visual perception. – Boston: Houghton Mifflin, 1979. – 332 p.
5. Boroditsky, L. Metaphoric Structuring: Understanding time through spatial metaphors // Cognition. – 2000. – Vol. 75. – № 1. – Pp. 1–28.
6. Boroditsky, L. & Ramscar, M. The Roles of Body and Mind in Abstract Thought // Psychological Science. – 2002. – Vol. 13. – № 2. – Pp. 185–188.

7. Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004. – 286 p.
8. Clark H. Space, time, semantics and the child // T. Moore (Ed.), Cognitive development and the acquisition of language. – New York: Academic Press, 1973. – Pp. 27–63.
9. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // A. Ortony (Ed.), Metaphor and thought (2nd ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 202–251.
10. Gentner D., Imai M. & Boroditsky L. As time goes by: Evidence for two systems in processing space→time metaphors // Language and Cognitive Processes. – 2002. – Vol. 17. – № 5. – Pp. 537–565.
11. Tversky B. Functional significance of visuospatial representations // P. Shah & A. Miyake (Eds.), Handbook of higher-level visuospatial thinking. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Pp. 1–34.
12. Manjali F. D. On the spatial basis of conceptual metaphors // Texto *!* December 1996 [online] <http://www. revue-texto. net/Inedits/Manjali_Metaphor. html.
13. Manjali F. D. Metaphor and space // H. S. Gill (Ed.), Signification in Language and Culture. – Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2002. – Pp. 233–250.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени: Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
15. Рейхенбах Г. Направление времени: Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 361 с.
16. Лебедева С.В., Зубкова О. С.Медицинская метафора в современном языке. – Курск: Курский госуниверситет, 2006. – 128 с.
17. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Образ и действительность / Пер. с нем. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 688 с.
18. Хокинг С., Пенроуз Р. Природа пространства и времени: Пер. с англ. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика, 2000. – 160 с.

Л. А. Шарикова

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПТОЛОГИИ: МЕТОДИКА УРОВНЕВОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТА

В языковой картине мира концептосистема представлена в смыслах/ содержаниях, выражаемых через семантическую

характеристику языковых форм, информативное содержание текстовых/ речевых единств и их культивируемых (традиционных и новых) объединений – литературных, публицистических, научных (письменных) и речевых (устных) жанров. Концептосистема дискретна, разложима на отдельные концептосферы, далее – на отдельные концепты. Концептосферы сосуществуют в единой перманентно изменяющейся системе и имеют общие сегменты, перекрещивающиеся сектора. Отдельные концепты также объединены частями своих смысловых сфер друг с другом, что позволяет говорить о принципе контаминации в функционировании концептуальных единиц и возможности «перетекания» их от одного к другому. Два исследуемых уровня – концептуальный и языковой – сопоставимы/ коррелируют друг с другом на уровне смысла, выражаемого понятиями и входящими в них семами, элементарными смысловыми единицами, в сконцентрированном виде передающими информативное содержание. Понятия называются языковыми единицами, обладающими семантической характеристикой, и выражаются определенным набором сем.

Первый этап исследования концепта – анализ его номинаций

Номинативный инвентарь понятия традиционно в языкознании распределяется по языковым уровням: фонетическому, грамматическому (морфологическому, синтаксическому), словообразовательному и лексическому. Единицы всех языковых уровней представлены комплексно: имеют форму и содержание, означающее и означаемое, материю/ физику и идею/ метафизику. Сосуществование физического/ объективного и метафизического/ реального уровней сосредоточено в человеке, в процессе восприятия его органами чувств (зрением, слухом, обаянием, осязанием, вкусом) благодаря их функционированию в психофизическом процессе «ориентации» человека в окружающем мире. В результате процесса ментальной «ориентации» возникают, развиваются разноуровневые языковые единицы, называющие новые смыслы, передающие уровень знаний человека о мире.

Номинации этих смыслов представлены одновременно характеристиками всех языковых уровней. Например: концепт *WELT*, выражаемый понятием “Welt”, представлен множеством номинаций, лексических единиц, например: *die Welt, der Weltraum, der Kosmos, die Weltzeit, die Erde, der Erdball, die Umwelt, die Aussenwelt, die Menschenwelt, das Sozium, die Urwelt, die Modewelt,*

das Menschenalter, die Menschheit, der Mensch, die Innenwelt, die Welt der Familie, der Ballungsraum, die Welt der germanischen Götter, die Techno-Welt и пр. Номинации концепта *WELT* имеют разные лексические, грамматические, словообразовательные и семантические характеристики: **а)** относятся к разным разрядам грамматической категории рода; **б)** существительные относятся к разным типам склонения и по-разному проявляют себя в отношении возможности образовать форму мн. ч.; таким образом, словоизменительные характеристики у номинаций концепта *WELT* разные; **в)** по морфологическому составу эти существительные также неодинаковы, представлены разными словообразовательными моделями: от корневых (в нем. терминологии – основных) моделей без/ с чередованием, аффиксальных моделей до композитных моделей преимущественно детерминативного типа [1]; есть и сращения, которые позволяет выявить и объяснить только этимологический анализ слова: *нвн.* Welt**,** die; -en [*mhd.* we(r)lt, ahd. **weralt**, *eigtl.* = Menschenalter, -zeit] – *букв.* «человеческий возраст, время людей» [2]. Ранее этимологическая справка выглядела несколько иначе: *germ.* all/ alt/ ald трактовалось как «все, весь мир», а не его готский вариант alds «возраст, время». Поэтому ранее можно было трактовать это древнее сращение, состоящее из *i. g.* wer- "человек" + *germ.* all/ alt/ ald "все, все пространство" (*букв.* 'все, космическое пространство, весь мир людей'); **г)** по принципу «свой – чужой» номинации также неодинаковы: есть собственно германские слова типа die Erde, слова, возникшие позже – der Mensch [*нвн.* der Mensch 'человек' <= *свн.* mennisc(e) 'человек' <= mennisco 'человеческий' <= *двн.* man 'человек, муж, мужчина' и заимствованный из латинского суффикс прилагательного -isc] уже немецкого происхождения [3. S. 452], заимствования из других языков – der Kosmos, die Mode, das Sozium, Techno- с разной степенью ассимиляции в немецком языке; **д)** среди номинаций приведены не только слова, но и сочетания слов типа die Welt der germanischen Götter, и этот список сочетаний слов можно было бы продолжить.

Это далеко не весь перечень номинаций концепта *WELT*. Если же еще представить, какого объема лексические парадигмы стоят за каждым из этих понятий, то становится понятной высказанная С.Г. Воркачевым мысль о перманентном «перетекании» одного концепта в другой или одной концептосферы в другую в единой концептосистеме [4]. Принцип контаминации, то есть сосуществования и проявления отдельных составляющих сферы

сознания в совокупном психофизическом процессе «ориентации» человека в окружающем его пространстве, отражается разнообразными способами и средствами в объективирующих инструментальных КМ, в частности, ЯКМ.

Анализ номинаций концепта – слов, сочетаний слов, словосочетаний с разной степенью устойчивости – производится известными в лингвистической практике методами: 1) методом построения синонимических рядов с выделением **номинативной доминанты** понятия, соотносимого с исследуемым концептом; 2) методом установления **гипер-гипосемантических отношений** между номинациями, в значениях которых заложено больше категориальности, дополнительных коннотаций, оценочности и эмоциональности/ экспрессивности; 3) методом выделения **лексико-тематических групп** номинаций концепта, иерархическое построение которых (выделение номинативных блоков, групп, подгрупп и т. д.) наглядно показывают основные и дополнительные сферы употребления данных номинаций в языке.

Количественные показатели номинативного инвентаря концепта демонстрируют его «номинативную плотность» (термин В. И. Карасика: [5. С.111]) в рамках данной вербальной культуры. Благодаря учету количественных показателей «номинативной плотности» концепта можно также определить его концептуальную емкость (**экстернал концепта**), отражаемую человеческим сознанием как многомерную ценность для существования самого человека. Качественные показатели номинативного инвентаря концепта (**интеграл концепта**), устанавливаемые посредством иерархически построенного комплекса всех или нескольких ЛТГ, характеризуют смысловой спектр и предопределяют набор концептуальных признаков данной ментальной единицы, конструирующих **внутреннюю структуру концепта**.

Второй этап исследования концепта – анализ смыслов

Следующим этапом в исследовании концепта можно назвать этап выделения семного инвентаря понятия, репрезентирующего концепт, и конструирования его **внешней структуры**. Понятие представляет собой мыслительную единицу логического уровня работы человеческого сознания – мышления, аналитического процесса с ориентацией на возможные прагматические пути, способы использования этих знаний человеком. Данные неязыковые единицы не связаны непосредственно с языковыми единицами, а могут соотноситься с ними через смыслы или содержания (Inhalte; термин Л. Вайсгербера), заложенные в эту языковую (материальную) оболочку и культивируемые

человеческим обществом в ходе социально-исторического процесса. Смыслы становятся тем мостиком, который соединяет языковые единицы с единицами сознания и мышления, которые заложены системами естественных языков в значениях и функциях языковых единиц. В лингвистике эти смыслы называют семами или элементарными смысловыми единицами. Семы интегрированы в состав значений лексических единиц – слов и их сочетаний. Значения слов собраны в толковых, этимологических и прочих словарях: они представлены в лексикографической информации в качестве дефиниций лексем и лексико-семантических вариантов (проблема полисемии слова).

Семы, как элементарные смысловые единицы, отличаются интегральным характером: их можно называть в гипер- или гиповариантах, поэтому, как показывает практика, так трудно выделить состав сем из дефиниций значений особенно у многозначных слов, номинирующих концепт. Приведем пример*:* номинативной доминантой концепта *WELT* и понятия «Welt» выступает имя существительное die Welt, комплекс значений которого согласно электронной версии «Большого словаря немецкого языка» издательства Дуден состоит из пяти дефиниций лексем, которые далее делятся на дефиниции лексико-семантических вариантов слова: **«Welt,** die; -en: **1.** ***субсемы*** «**Außenwelt**», «Zeitraum des Menschen auf der Erde, **Leben**»; **2.** ***сема*** «Menschheit, **Sozium**»; **3.** ***субсемы*** «menschliche Gemeinschaften, soziale Formen» и «ihre Koexistenz und Zusammenwirken»; **4.** ***сема*** «**Innenwelt** des Menschen»; **5.** ***сема «*****Weltraum, Kosmos**». Далекий физический мир – космос – фиксируется словарем после более знакомого и родного пространства для людей, планеты Земля. Вероятно, поэтому словарь через указанную последовательность лексем/ значений слова фиксирует работу человеческого сознания в отношении рассматриваемого понятия и одновременно отражает релятивные коннотации человека к ним [2].

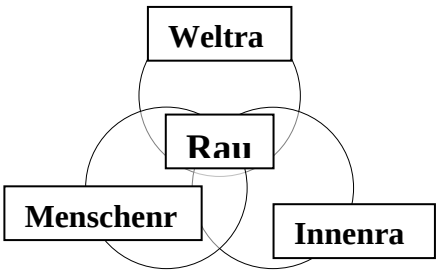
Итак, выделяется гиперсема «Raum» ‘пространство’, представленная семами «физический мир» с последующей градацией семы на дифференциалы, «социальный мир» со своей градацией семы и «метафизический (букв. ‘внутренний’) мир человека», где также можно выделить субсемы. В завершение анализа семного инвентаря понятия “Welt”, репрезентирующего концепт *WELT,* следует напомнить о специфике интеграла данного семного комплекса: он глобален в количественно-качественном смысле и с учетом первичности/ вторичности номинаций, сем, сегментов концептосферы и набора концептуальных признаков

может быть практически равен всей концептосистеме. При этом не следует забывать об объекте исследования, которым в данном случае будет выступать ментальная единица, совокупно отражающая окружающий мир и конструируемая в сознании человека. Следовательно, последний субконцепт, выражаемый семой «метафизический (букв. ‘внутренний’) мир человека», будет объективно вмещать в себе всю концептосистему, обрабатывать психофизические данные процесса восприятия мира, развивать полученные сведения в знания и сохранять их.

Третий этап в исследовании концепта – конструирование структуры концепта

С помощью «метода поля», точнее – его варианта, метода конструирования концепта как концептосферы, концепт представляется графически как единая ментальная сфера, обладающая своей внешней структурой. Термин «внешняя структура» не связан непосредственно с конкретными способами и средствами экспликации концепта. Внешнюю структуру составляют сегменты, разделяющие ее согласно количеству выделенных сем понятия, например:

Рис. 1. ***Внешняя структура концепта WELT с выделением сем.***



Данные семы понятия образуют, таким образом, отчасти накладывающиеся друг на друга сегменты концептосферы и представляют собой уровень субконцептов. Субконцепты также могут разделяться на микроконцепты, если возможно выделить не одну, а две и более сем, конструирующих данный сегмент концептосферы, например: субконцепт *WELTRAUM* разложим на микроконцепты Kosmos (Welt-Zeit-Raum), Sonnensystem, Planet Erde, Außenwelt; субконцепт Menschenwelt разложим на микроконцепты Sozialgemeinschaften (Formen) и Zusammenleben/ Zusammenwirken; субконцепт Innenwelt также может иметь свою микроструктуру. Сегменты концептосферы не распадаются на отдельные образования, так как все они «пропитаны» общим составом концептуальных признаков на уровне выделения их блоков. Набор и структурирование концептуальных признаков в парадигму образуют внутреннюю структуру концепта, цементирующую сегменты в единую концептосферу. Их можно рассматривать в едином наборе,

характеризующем всю концептосферу в общем, или раздельно, устанавливая наборы концептуальных признаков каждого субконцепта и микроконцепта с последующим их сопоставлением.

Ядром в каждой концептосфере служит смысловая характеристика понятия, репрезентирующего концепт через семный состав слова/ лексемы, зафиксированный словарной нормой. Ближе к ядру расположена приядерная зона, дальше от приядерной зоны – периферия и маргинальная оболочка, самые «двусмысленные» части сегментов концептосферы, контаминирующих (совпадающих, сосуществующих) друг с другом и, возможно, с другими концептосферами данной концептосистемы. Нарастание контаминации отражается и на уровне номинаций: ядро и приядерную зону концептосферы актуализуют номинативная доминанта и первичные номинации, являющиеся дериватами и нормативными синонимами номинативной доминанты концепта. Периферию и маргинальную оболочку концептосферы номинируют вторичные репрезентанты концепта, выделяемые только с помощью контекстуального анализа или имеющие слабые коннотативные связи с ней на уровне словаря, фиксируемые в последних значениях слов.

Типизация информации в виде дискурса, функциональных стилей и жанров, детерминированные прагматическими посылами коллективных и/ или индивидуальных авторов в процессе передачи/ фиксации информации, определяют характер концепта. Из этого следует, что «социальный заказ» в виде прагматической ориентации информации обусловливают разную степень актуализации каждой семы, составляющей семный набор понятия, а, следовательно, и различия в материализации отдельных сегментов и набора их концептуальных признаков. Нормативный (словарный) инвариант концептосферы и характеристик структуры концепта и другие их варианты (например: публицистический, мифологический, библейский дискурсы или общественно-политический, научно-технический функциональные стили, а также песенный, эпический жанр, жанр научной статьи или публичной речи) никогда не будут совпадать на всех отмеченных выше аналитических уровнях: номинативном – понятийном – концептуальном. Таким образом, в анализе концепта существенную роль играет и **четвертый – лингвокультурологический уровень анализа**, фиксирующий и поэтому объясняющий ценностные варианты типизированной актуализации концепта.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ
1. Fleischer W. Wortbilding der deutschen Gegewartssprache. Aufl. 4. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1976. – 363 S.
2. Duden. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache – 2000. In zehn Bänden [elektronische Version]. – Mannheim, Wien, Zürich: Bibliographisches Institut Dudenverlag.
3. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. 2. Aufl. / Hrsg. v. G. Drosdowski. Bd. 7. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. – 839 S.
4. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17. Вып. 2. – Краснодар, 2003. – С.268–276.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Л. И. Шварко

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ»

Активное использование в различных направлениях современной когнитивной науки таких понятий, как концепт, менталитет, языковое сознание свидетельствует об отсутствии терминологического единства.

В число таких «плавающих» терминов попадает и концептосфера, содержание которой трактуется неоднозначно. Во-первых, концептосфера – это некая совокупность концептов, фрагмент картины мира. Во-вторых, «концептосфера – область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков» [1. С.45].

Вероятен и третий подход, акцентирующий вторую часть термина «сфера»: некое *пространство,* но понимаемое психологически.

Объект нашего исследования – концептосфера социального явления – педагогической профессии. Определенная профессиональная принадлежность диктует содержательный набор концептов.

Теория психологических систем (далее ТПС. – *Л. Ш.*), представленная работами отечественных ученых О. К. Тихомирова

и В. Е. Клочко [2], дает методологическое основание для выделения концептосферы как репрезентации ментального пространства личности.

Ментальное пространство личности можно рассматривать как сложную самоорганизующуюся систему. «Ментальное пространство человека не субъективно, но и не объективно. Оно транссубъективно, а коммуникации, в которых оно формируется, логично было бы назвать транскоммуникациями... Транскоммуникация – это такие межличностные взаимодействия и взаимодействия человека с культурой, в которых формируется *транссубъективное пространство* человека» [2. С.125] (курсив наш. – *Л. Ш.*). С точки зрения лингвистики, приставка *транс-* в слове транскоммуникация является излишней, т. к. коммуникация уже подразумевает взаимодействие не менее двух коммуникантов. Но она потребовалась психологу для того, чтобы подчеркнуть надличностную сферу. В таком аспекте транссубъективное пространство человека можно назвать концептосферой. На наш взгляд, это вычленяет новый объект исследования и формирует реальную базу для социопсихолингвистики как практической деятельности по выявлению социальных устойчивых / неустойчивых структур: прогнозирование и даже адекватное воздействие на социальные отношения коммуникативным способом, учитывая при этом и невербальную сторону коммуникации.

О том, что наряду с экономическими и политическими факторами возможен анализ социальных отношений – другими словами, структуры социума – и через язык, говорится давно. Еще выдающиеся языковеды прошлых столетий А. Шлейхер, В. фон Гумбольдт, К. Бюлер [3; см. обзор в: 4] указывали на волновые (по типу социальных) характеристики языка, импульсность его существования, выразимость «духа народа» в жизни языка. И хотя прямой зависимости, вернее сказать, причинно-следственной связи между социальными изменениями и изменениями внутри языковой системы нет, постнеклассическая наука [5] открыла новые горизонты познания сложных систем, которые имеют свойства, неотделимые от систем.

Понимая под языком, согласно отечественной психологической теории А. Н. Леонтьева [6], речевую деятельность, имеющую субъективную бытийность и социальную субстанциональность, можно утверждать, что именно язык как естественная знаковая система обладает глубокими социально-прогностическими характеристиками.

Учитывая концептуальные параметры постнеклассицизма, выделим особенности прогностических характеристик языка. Прогностические характеристики, первое, проявляются как отношения в структуре целостной системы, т. е. социума; второе, имеют вероятностную разновременную представленность (из-за существования различных типов кризисных режимов системы); третье, верифицируют постнеклассическое понимание будущего не как того, что будет завтра, а как набор альтернативных вариантов развития [5]. Другими словами, в конкретных речевых действиях (спонтанных или заданных) человек явно или латентно фиксирует свою картину мира, определяя этим варианты своего самоосуществления, начиная от физических, физиологических действий и заканчивая построением ментального пространства.

Современная лингвистика признает нерелевантным рассмотрение языка в отрыве от человека. А если обратиться к сложноорганизованным системам систем, например, к эволюционной теории У. Матураны и Ф. Варелы [7], то генетические истоки коммуникации (которая возникла гораздо раньше, чем человеческий язык) следует искать в согласованном, координированном поведении живых организмов для обеспечения защиты и безопасности. Согласно такому подходу коммуникация неразрывно связана с социальными явлениями (в биологической концепции У. Матураны и Ф. Варелы социальные явления связаны не только с человеческим обществом, а и с жизнью живых организмов). «Так как структура социальной системы приводит к реальному коонтогенезу ее компонентов, она же вызывает и их взаимную структурную сопряженность, и любой индивидуальный организм является членом некоторого социального единства лишь до тех пор, пока он остается составным звеном взаимного структурного сопряжения. Следовательно, мы можем описать поведение как взаимную координацию между компонентами. Мы называем коммуникацией координированное поведение, которое взаимно запускают друг у друга члены социального единства... особый тип поведения (при наличии нервной системы или без таковой) в функционировании организмов в социальных системах. Как и во всех разновидностях поведения, если мы можем отличить инстинктивное социальное поведение от возникшего через обучение, то можно различать и филогенетические и онтогенетические формы коммуникации» [7. С.171–172].

Итак, возникшие из инстинктивного поведения первые средства коммуникации и их модели закрепляются в памяти организма через реакцию среды. В эволюционной теории

поведенческий акт становится коммуникативным актом: биорелевантное становится семиотическим (Ю. С. Степанов). Коммуникация – «это обособившаяся часть совместной деятельности, направленная на регуляцию самой этой деятельности (метадеятельность)» [8. С.22]. Поэтому еще один параметр, который следует учитывать в ментальном пространстве личности, – это невербальная коммуникация. Эволюционно невербальная коммуникация является более древней, поэтому либо сохраняется в реликтовых формах, либо переосмысливается. С другой стороны, вербальная коммуникация – наиболее универсальная и порождающая бесконечный континуум смыслов.

Невербальная коммуникация осуществляется всегда при личном контакте, как сопровождая речевую деятельность, так и самостоятельно от вербальных средств. Среди невербальных знаков личности, вступающей в коммуникацию, выделяют три основные группы: язык тела (жесты, мимика, положение тела, проксемика, тактильная коммуникация); паралингвистические средства (вздохи, междометия, свист, тон, интонация, громкость); одежду и украшения [8]. Элементы невербальной коммуникации, предъявленные в качестве стимулов коммуникативного взаимодействия, на наш взгляд, могут увеличивать мерность ментального пространства личности либо что-то добавляя в интерпретативную модель, либо меняя ее на другую. Поэтому вербальные и невербальные компоненты коммуникативного воздействия формируют структуру концептосферы, а по речевым реакциям возможно установление ее содержательной характеристики.

Таким образом, анализ продуктов речевой деятельности отдельного индивида проецирует варианты его самоосуществления, но когда мы определяем содержательные и структурные компоненты речевой деятельности разных социальных групп, устанавливаем частотные характеристики и тенденции построения концептов по результатам речевой деятельности – речевым реакциям – возможно прогнозирование социальной нестабильности, деструкции социальных явлений.

Педагогическая профессия в истории человеческого общества всегда была в центре структуры социума. В современной России педагогическая профессия оказалась в фокусе затянувшегося кризиса не столько образовательной системы, сколько ценностной ориентации социума. На наш взгляд, индикаторами ценностной ориентации являются языковые процессы, начиная от ассоциативных реакций и заканчивая содержательной и

формально-грамматической характеристикой дискурсов относительно поступающей по разным (вербальным и визуальным) каналам восприятия информации. Таким образом, построение социально-значимых концептов (ядро, центральная часть и периферия которых – это все языковые единицы) может свидетельствовать не только о ментальной сущности явления, но и его месте (роли) в социуме.

В ходе анализа речевых реакций в психолингвистической парадигме возможно определение концептологических характеристик педагогической профессии и личности педагога в преемственной вертикали: воспитатель – учитель – преподаватель высшей школы.

Конкретный речевые реакции репрезентируют результаты восприятия как понятые смысловые комплексы. Только в этом случае речевые реакции обладают когнитивными характеристиками и способны проявлять прогностические потенции.

Итак, личность мы рассматриваем как социальный феномен, находящийся с обществом в состоянии средового взаимодействия. Исходя из концепции нелинейной коммуникации, речевые реакции это объективированный (т. е. внешний) показатель изменения состояния сознания индивида.

Программа нашего экспериментального исследования включает два этапа проведения психолингвистического эксперимента. Первый этап связан с наиболее традиционной для отечественной психолингвистики методикой – свободным ассоциативным экспериментом. Учитывая психологические аспекты восприятия и три типа социализации личности, мы посчитали необходимым провести эксперимент в четырех социальных группах. Первая группа – это воспитатели и педагогические работники детских садов (краткое определение – воспитатели). Вторая группа – это представители различных профессий, связанных с работой в детском саду, но не педагоги /медицинские работники, повара, кадровики, водители и т. д. (краткое определение – «околовоспитатели»). Третья группа – родители детей старших групп детского сада (краткое определение – родители). Четвертая группа – потенциальные родители или родители детей старшего возраста: представители различных профессий /милиционеры, рабочие, инженеры, преподаватели, менеджеры, студенты, домохозяйки/ в возрасте от 18 до 55 лет (краткое определение – «общая» группа).

Свободный ассоциативный эксперимент (в анкете предъявляются не только интересующие нас стимулы, а ряд разноплановых языковых единиц) показал, что **первая группа** (воспитатели – 63 человека) самого **воспитателя** воспринимают через оппозиции – *дети, ребенок, детский сад, воспитанник* (51% реакций) – и через его личные, ярко положительные характеристики – *доброта* (9%), *добрый* (9%), *добросовестный* (3%), *ответственный* (3%), *активный, взрослый,* а также: *с улыбкой, в юбке и который кормит*. Воспитатель как профессия для воспитателей не является актуальной – реакции *(работа, должность, педагог, учитель)* составляют всего 14%, если не учитывать *«детский сад»* как место работы 18%. **Детей** воспитатели воспринимают как *радость* (21%), *цветы жизни* (15%), а также: *жизнь, счастье, будущее, праздник, любовь, забота, продолжатели рода, игрушки, игра;* характеристики, которые они дают детям, имеют позитивную эмоциональную направленность – *хорошие, неугомонные, игривые, прекрасные, счастливые, маленькие;* это *класс, ребята, сын, Софья (вероятно, реальная), семья*. **Детский сад** для воспитателей – это прежде всего *дети* (78%), *малыши, бандитики,* во вторую очередь – *воспитание* (4%), *детство* (4%), *веселье* (4%), *будущее* (4%), и только в конце – *работа* (3%), *«Василек», большой, второй дом, учреждение*. **Педагог** для воспитателей – это *учитель* (25%), *умный* (16%), *воспитатель* (7%), *наставник* (7%), *строгий* (2%), *бог, личность, помощник, профессионал, психолог, специалист, ученый;* на втором месте оппозиции – *ученик* (8%), *дети* (7%), *школа,* а также сам процесс – *урок, обучение, знания, уважение, конференция*. Для стимула **учитель** наиболее актуальной оказались оппозиции *ученик* (16%) и *школа* (15%), во-вторых, это *справедливый* (13%), *человек* (12%), *альтруист, друг, личность, Макаренко, наставник, педагог, грамотный, гуманный, вежливый, строгий,* в-третьих, абстрактные характеристики и вещный мир: *любовь, пример, русский язык, математика, книга, знания, разум*. Такие реакции, как *специальность* и *профессия,* составляют всего 3%.

Для **второй группы** респондентов (38 человек) – **воспитатель** воспринимается через частотные реакции *дети* (13%), *детский сад* (12%), *помощник* (12%), *человек* (12%), *друг* (6%) и единичные реакции: *воспитание, вторая мама, детский, добрый, защитник, игра, книжка, наставник, няня, оратор, педагог*. Дети – это *радость* (15%), *забота* (12%), помимо этого – *счастье, любовь, цветы, улыбка, люблю жутко их,* но и *мучение, крик, много,* а также *детский сад, детский, хоровод, песни, играть*. **Детский сад**

имеет ярко выраженную позитивную эмоцию, это не только *дети* (18%), но и *счастье* (13%), *бантики* (8%), *смех* (8%), *малыши, качели, дом, заботливый, помощь родителям;* реакции – характеристики профессии вновь не столь частотны – *работа* (2%), *воспитание* (1%). **Педагог** для «околовоспитателей» – это *учитель* (54%), *человек* (15%), *наставник* (12%), который вызывает *уважение* (7%), ведет *урок* (2%), находится *в школе, в костюме,* а название его деятельности – *учеба*. Жизнь **учителя** для этой группы респондентов несколько разнообразнее жизни педагога – это *человек* (12%), дающий *знания* (12%), вероятно, *историк* из *первого класса, сельский, знакомый, наставник,* ведет урок по *коммуникации, с интересом, в очках, с глобусом и конспектом* (наша несколько вольная синтагматика последовательности реакций фиксирует вербальные и невербальные компоненты ментального пространства). Как видим, из полученных реакций от респондентов, непосредственно связанных работой с детьми предшкольного возраста, не складывается концепт образа профессии, но рисуется достаточно живой и эмоциональный образ доброго, счастливого, веселого человека (без определения его гендерной характеристики), заботливого наставника, окруженного детьми, песнями, хороводами, своеобразная «Мэри Поппинс», но просто человек. Для людей, наиболее близко связанных с профессией воспитателя (в современной концепции образования – педагога предшколы), профессиональные характеристики не имеют своего статуса. Таким образом, можно прогнозировать большую вероятность принятия этой профессии в личностном аспекте, т. е. тот, кто будет выбирать эту профессию, скорее всего, соотносит свои личные качества с вышеизложенным списком реакций. Но авторитетного закрепления как профессионального занятия воспитатель, как впрочем и учитель, пока в социальной иерархии профессий не получает.

Для того чтобы верифицировать или опровергнуть полученные выводы, мы продолжили наше экспериментальное исследование на двух других группах респондентов по другой методике – направленный ассоциативный эксперимент. Респондентам также предлагалось написать первое пришедшее в голову слово, но стимульный список состоял только из названий различных профессий, о чем респондентам говорилось перед началом эксперимента. Задачи эксперимента заключались в следующем: мы предполагали получить не только компоненты концепта личности в профессии (например, воспитатель, водопроводчик, программист и

т. д.), но и сравнить структуру концептов разных профессий в проекции на воспитателей, педагогов, учителей, няней и т. д.

Респонденты **третьей группы** (150 человек) **воспитателя** воспринимают в большей степени не личностно *(внимательный, друг* и *помощник* – 8%), а в оппозиции – *дети* (56%), *ребенок* (16%), *детский сад* (12%), единичные реакции – *друг, игрушки, любовь, педагогика, порядок, ясли.* Как видим, структура концепта несколько отличается от приведенных выше реакций первой и второй группы: во-первых, резко увеличивается количество частотных реакций, нет такого разнообразия в описании характеристик, а во-вторых, меняется содержание концепта, это не просто добрый, хороший человек, а тот, кто присматривает за детьми в детском саду, и хотя отрицательно эмоциональных оценок нет, но и позитивные оценки не столь разнообразны и частотны. В речевых реакциях прослеживается достаточно спокойное отношение к профессии, но в структурном плане – описание личности в профессии через то, с чем/кем ты имеешь дело и где это происходит – концепт «воспитатель» соответствует структуре таким концептам, как «водопроводчик», «летчик» и «водитель». На стимул **педагог** группа респондентов-родителей дала больше всего отказов 25%, что в принципе отсутствовало в группах воспитателей и «околовоспитателей». Полученные ассоциации – *воспитание* (8%), *образование* (8%), *ученик* (8%), *дитя, зануда, костюм, книги, обучение, педагогика, праздник, соратник, учеба, учебник, я.* Эти результаты свидетельствуют о диффузности восприятия личности педагога респондентами этой группы. Большее количество реакций носят абстрактный характер *(воспитание, образование, обучение, педагогика, учеба),* не связаны с личностью (исключая реакцию «я»), но и не создают образа профессии. Предметный мир представлен только *костюмом, книгами* и *учебником,* а в купе с стилистически окрашенной лексической единицей *«зануда»* рисуется прямо неблагоприятный образ. **Учитель** как профессиональный образ, так и личностный портрет гораздо богаче педагога (хотя отсутствует концентрация частотности реакций): *школа* (16%), *ученики* (12%), *знания* (8%), *работа* (8%), *дети* (2%), *наставник* (2%), *наука (2%), класс* (1,2%), *костюм* (1,2%), *оценки, парта, правило, радость, студент, тетради, указка, урок, школьный журнал, товарищ;* отказы 4%. Таким образом, именно учителя группа респондентов-родителей видит профессиональную личность по наиболее частотным реакциям – это работа в школе с учениками, дающая знания. В список направленного ассоциативного эксперимента мы включили и такой стимул, как

«нянечка», предполагая, что сама форма слова вызовет эмоционально и личностно позитивные реакции. Респонденты третьей группы практически не откликнулись на грамматическую «уловку», кроме двух одиночных реакций (*тетечка* и *мамочка),* более всего обратили внимание на субъект профессионального воздействия – *ребенок* (16%), *дети* (12%), *уход за ребенком* (8%), а в основном – это *горшки* (14%), *фартук* (8%), *пеленки* (4%), *посуда* (3%), *уборка, чистота, ясли;* а сама она – *добрая* (12%), заботливая (3%), *сиделка, уборщица*. Как видим, родители воспринимают «нянечку» больше в ситуативном аспекте и личностно, а по структуре концепт «нянечка» более всего совпадает с концептом «военный», причем эти концепты где-то пересекаются и содержательно, например: наличие реакций не только стилистически эмоционально позитивных *(добрая, здоровенный),* но и сниженных *(уборщица, нищий)*.

Четвертая – «общая» – **группа** респондентов (158 человек) воспринимает **воспитателя,** в основном, в оппозиции *дети* (36%) и указывает место работы – *детский сад* (21%); остальные частотные реакции – *учитель* (9%), *женщина* (7%), доброта (5%), *няня* (5%), *ясли* (5%); единичные реакции – *добро, задание, кадр, козел, мяч, образование, Ольга Анатольевна, ответственность, оценка, палка, стульчик;* отказы 2%. На стимул **педагог** респонденты этой группы также дали большое количество отказов 16%, частотные реакции – *учитель* (12%), *знания* (7%), *школа* (7%), *указка* (5%), *университет* (5%), *ученик* (5%), *книга* (3%), *наука* (3%), *умный* (3%), единичные реакции – *библиотека, воспитатель, дети, дисциплина, класс, мел, наши, работа, развитие, страх, тетрадь, требование, труд, урок, учебник, учение*. На стимул **учитель** отказов было уже гораздо меньше – 3%. Восприятие личности учителя: частотные реакции показали профессиональную закрепленность – где, с кем/чем имеет дело, предметное окружение и кто такой: *школа* (21%), *указка* (12%), *добрый* (9%), *доска* (7%), *мел* (7%), *ученики* (5%), *задание* (3%), *преподаватель* (3%), *физ-ра* (3%) (вероятно, самый любимый-нелюбимый предмет в школе). Единичные реакции – *биология, ботаник, воспитание, всезнающий, дневник, душевный, журнал, знания, книги, Любовь Ивановна, мазохист, наука, парта, ручка, святой, справедливый, Тамара Георгиевна*. На стимул **нянечка** общая группа репрезентировала не только субъекта профессионального воздействия, но и наиболее устойчивые стереотипы массового сознания, причем с учетом современных реалий: *дети* (21%), *ребенок* (21%), *Арина Родионовна* (5%), *бабушка* (5%), фартук (5%), *Вика Прудковская*

(4%), *детский сад* (4%), *пеленка* (4%), *соска* (4%); единичные реакции – *бессовестная, брат, бутон, воспитание, добродушие, коляска, любимая, малыш, молодая, на дом, подгузник, слюнявчик, суп, цветочек;* отказов 4%. Интересно, что по структуре этот концепт совпадает с концептом «программист», в котором примерно в тех же пропорциях представлен объект профессионального воздействия и устойчивые стереотипы, имеющие эмоциональную окраску и ориентированные на современные реалии (*компьютер, монитор, гений, хакер* и т. д.).

Итак, в аспекте понимания концептосферы как транссубъективного пространства психолингвистическое экспериментальное исследование представляет язык в качестве объективного индикатора сформированности / несформированности в структуре социума определенного явления как системы социального порядка; речевые реакции в таком случае не только репрезентирует сложившиеся концепты, но и фиксируют их структуру, а также динамику изменения этих структур.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. – М.: Изд. Гр. «Прогресс», 201. – 528 с.
2. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 256 с.
3. Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности. – Томск: ТГУ, 2005. – 174 с.
4. Лесков Л. В. Футуросинергетика: универсальная теория систем. – М.: ЗАО «Изд-во Экономика», 2005. – 170 с.
5. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. – М: Смысл, 2000. – 511 с.
6. Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 223 с.
7. Пищальникова В. А. Общее языкознание. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – 284 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.

Е. А. Шестерина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ХАРАКТЕРА РАСХОЖДЕНИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

Главный вопрос многих гуманитарно-естественных наук – взаимоотношение языка и сознания, мышления и речи - до сих пор остается нерешенным. Актуальный сегодня антропоцентрический подход позволяет рассматривать язык как средство доступа к ментальным процессам, осуществляемым в человеческом сознании. Это дает основание устанавливать корреляции между оперативными единицами сознания и объективирующими их языковыми знаками. При этом перевод, как специфический вид речевой деятельности, становится естественным способом получения объективных данных о работе человеческого мышления. При исследовании переводческой деятельности формирующихся билингвов можно более наглядно наблюдать формирование мысли, построение адекватного оригиналу смысла, так как в переводе выбор языковых средств целенаправленно ограничен исходным текстом. Это в известной степени позволяет проследить некоторые этапы «свершения мысли в слове». В настоящее время отсутствуют комплексные объяснительные концепции и модели, помогающие приблизиться к осознанию того, как язык отражает человеческий опыт, представленный в *этнически обусловленном сознании*. Понимание же процесса перевода как «диалога культур» [1.С.34] помогает связывать переводческие трудности с различием национально специфических компонентов в сознании коммуникантов, с несовпадением их концептуальных систем. При переводе именно способность переводчика понять содержание и структуру концептуальной системы продуцента текста способствует адекватной речемыслительной деятельности реципиента (переводчика), приводит к адекватному пониманию инокультурного текста. Если же образ сознания, представленный в тексте, неизвестен переводчику, то понимание не осуществляется и текст лакунизируется. Адекватный перевод осуществляется в том случае, когда реципиент способен вычленить, интегрировать в исходном тексте *доминантный авторский смысл*, репрезентированный в тексте определенными речевыми компонентами, *намеренно актуализированными* в структуре текста. Переводчик *реконструирует* доминантный смысл на базе собственной концептуальной системы/картины мира.

В ряду методов реконструкции языкового сознания традиционно для отечественной психолингвистики особое место занимает ассоциативный эксперимент, который позволяет исследователю максимально приблизиться к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам человека. В нашем исследовании ассоциативный эксперимент используется наряду с другими экспериментами для изучения особенностей протекания ассоциативного процесса в условиях формирующегося (учебного) билингвизма, для объяснения характера расхождений иноязычного и переводного текстов. Изучение ассоциативных связей слов в последнее время позволило сделать заключение, *что ассоциативное поле слова отражает его коммуникативный потенциал*. Под коммуникативным потенциалом слова понимается способность слова участвовать в общении в качестве элемента высказывания, носителя определенного знания.

С позиций психолингвистики функция языка состоит не в «передаче» информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, а в *ориентации* личности с помощью языка в процессах познания. В этом случае язык рассматривается как система ориентирующего поведения, и поэтому так называемые коннотации, понимаемые в систематической лингвистике как компонент значения, являющийся добавочным к основным, могут играть в речевом поведении индивида решающую роль. Естественно и повышение значимости субъективных характеристик коммуникативного акта для речевой деятельности говорящего.

Ассоциативная структура «стимул – реакция» адекватна семантической структуре представления ситуации в сознании говорящего человека. Она играет роль смысловой опоры в высказывании и передает его смысловую цельность. Стратегия развертывания высказывания аналогична стратегии развертывания ассоциативной структуры. Следовательно, можно предположить, что разница ассоциативных полей эквивалентных слов отражает разницу в способах развертывания и представления смыслов, что не может не сказаться в текстовой деятельности переводчика. Отсюда очевидна роль ассоциирования в процессе понимания текстов.

Межъязыковое сопоставление ассоциативных полей выявляет общие стратегии ассоциирования, а также различия национально-специфического характера, причем несовпадения чаще всего обусловлены различиями глубинных этнопсихологических установок и спецификой разного коммуникативного опыта –

влиянием культуры этноса. Наличие же характерных базовых и периферийных различий и совпадений в массовом сознании разных этносов вскрывают причины возможных межэтнических интерференционных «сбоев» в процессе общения.

Целью нашего эксперимента являлось выявление состава содержательных компонентов некоторых образов сознания иноязычного и переводного текстов, а также определение их специфики, обусловленной различием характера ассоциирования автора и переводящего. Материалом для анализа послужили метафорические выражения, полученные методом сплошной выборки из оригинальных немецких текстов. Метафорические выражения были избраны в качестве материала анализа вполне осознанно: в них в наименьшей степени представлено *конвенциональное* содержание языковых единиц. Следовательно, их восприятие и понимание должно осуществляться на субъективных основаниях, хотя и на базе общих психолингвистических механизмов. Отсюда *совпадение* в характере и качестве понимания метафорических выражений может служить основанием для выводов об общности содержания образов сознания или их различии. Тексты вначале были подвергнуты исследовательскому анализу. В результате интерпретации текстов на основе контекстного анализа были выявлены «ключевые» слова в каждом из текстов. Они являются знаками-овнешнителями компонентов определенных образов сознания и отражают доминантные смыслы и доминантные эмоции исходных текстов. На первом этапе исследования произведены анализ и моделирование содержания образов сознания а) по результатам данных ассоциативного эксперимента и б) толковых словарей немецкого и русского языков.

На *втором* этапе в экспериментальных условиях респондентами были переведены фрагменты выбранных для эксперимента текстов, смысловую доминанту в которых представляли лексемы, проанализированные нами на первом этапе исследования. Цель второго этапа эксперимента – определить содержание доминантных образов сознания, возникающих при переводе метафорических выражений. Необходимость проведения двух этапов исследования обусловлена предположением о том, что если реакции, данные респондентами в ходе ассоциативного эксперимента, являются стабильными компонентами их ассоциативно-вербальной сети, они могут стать смысловой опорой при переводе. Если же ассоциации респондентов, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, не будут значимо

использоваться респондентами, то можно предположить, что переводимый текст – это определенный ментальный контекст, существенно влияющий на содержание ассоциативно-вербальной сети реципиента и/или задающий определенные стратегии ассоциирования.

Приведем в качестве иллюстрации хода эксперимента один из этапов ассоциативного эксперимента и анализ соответствующего текстового фрагмента.

Анализ образа сознания ***der Schinken****/ ветчина*

В русском толковом словаре отражены следующие признаки образа сознания, репрезентированного словом *ветчина*:

- просоленное, копченое мясо свиного окорока.

В результате собственного ассоциативного эксперимента, проведенного нами среди русскоязычных реципиентов, владеющих немецким языком, были получены следующие ассоциации:

der Schinken – на завтрак 6, свинья 3, корова 2, мясо 5, свинина 2, колбаса 3, окорок 2, бутерброд 11, бутерброд с ветчиной 6, хочется съесть бутерброд с ветчиной, с капельками жира, смерть, вредно 3, вкус , вкусная 9, окорок, вкусный тамбовский окорок, банка, в натуральной оболочке 6, свежая 7, розовая 2, ветчина

Таким образом, в ходе ассоциативного эксперимента *русскоязычные* респонденты актуализировали следующие компоненты этого образа:

1. Внешний вид – 35 ассоциаций (свежая, розовая, с капельками жира, в банке, бутерброд и т.д.);
2. Вкусовые качества – 12 ассоциаций (вкусная и др.);
3. Время употребления – 6 ассоциаций (напр., на завтрак);
4. Из чего производится – 5 ассоциаций (свинья, корова);
5. Вредные качества – 4 ассоциации (напр., смерть, вредно)

Некоторые участники эксперимента дали прямой перевод слова – ветчина (5 респондентов) или написали различные синонимы: окорок, мясо, колбаса и т.д. (12 респондентов).

Семантическая структура слова ***der Schinken*** представлена в немецком толковом словаре следующим образом:

1. кострец убойного скота, который употребляют в копченом или вареном виде;
2. *груб.*: бёдра, ягодицы;
3. *разг. шутл. или презр.*: а) большая толстая книга;

б) большая картина (незначительной художественной ценности);

в) длинная (не новая) пьеса, фильм большой продолжительности (обладающий незначительной художественной ценностью);

Немецкоговорящие участники проведенного нами ассоциативного эксперимента дали следующие реакции на лексему ***der Schinken*:**

klopfen, dick, fett, Speck, Knochen, saftig, salzig, würzig, kräftig, geräuchert, rot, Knochen, Gemälde, Schwein, Fleisch, Tiertransporte, Fleischerei, morgens, Brot, Butter, Spargel, Eier, Österreich, Bayern.

Реакции на лексему ***Schinken***, полученные в результате ассоциативного эксперимента, проведенного с *немецкоговорящими* респондентами, можно условно разделить на несколько групп и подгрупп. Подчеркнем, что выделение подобных направлений и групп реакций – это лишь попытка моделирования черт данного феномена, а не собственно феномен. Кроме того, результаты эксперимента являются лишь временным срезом, останавливающим поток сознания, тогда как язык есть не только сознательное оперирование категориями, но и «неосознаваемый и непрерывный поток сознания» [2.С.63]. Поэтому некоторые признаки слова, указанные в толковом словаре, реципиентами не упоминаются, другие же, не отмеченные словарной статьей, наоборот, выходят на передний план.

На основании реакций *немецкоязычных* респондентов мы смоделировали следующую схему образа сознания:

1. Вкусовые качества – 9 реакций (z.B. saftig, salzig, würzig, kräftig, geräuchert);
2. Место, время употребления, с чем употребляется – 7 реакций (z.B. morgens, Brot, Butter, Spargel, Eier, unterwegs);
3. Вредные качества – 3 реакции (dick, fett, Speck);
4. Из чего производится, как пере/обрабатывается – 6 реакций (z.B. Schwein, Fleisch, Fleischerei, klopfen);
5. Где производится – 2 реакции (Österreich, Bayern).

Переносное значение слова der Schinken – *Gemälde* было актуализировано лишь одним участником эксперимента.

3 слова-ассоциата не классифицируются по причине их единичности (klopfen, Tiertransporte, Fleischerei). Однако это не означает, что полученные реакции являются немотивированными и неадекватными. Как замечает А.А. Залевская, «ассоциативный эксперимент отражает продукты не только прямых, но и многоступенчатых связей между единицами лексикона», «используя или воспринимая то или иное слово, человек подсознательно учитывает актуализируемую этим словом систему знаний» [3.С.109]. Таким образом, результаты эксперимента выявляют вербальные и невербальные связи разной степени опосредованности и пути формирования ассоциативного значения

того или иного слова. *Эти связи отражают определенные способы концептуализации картины мира в языковом сознании индивидов, которые не всегда возможно проследить без обращения к исследованию ассоциативных связей.*

По результатам проведенного эксперимента можно сделать вывод, что словарные значения слова ***der Schinken*** */ветчина* значительно различаются: в немецком языке образ сознания шире за счет широко представленных переносных значений, однако вербальные ассоциации носителей немецкого и русского языков продемонстрировали совпадение основных понятийных компонентов психологического значения слова.

Рассмотрим экспериментальные варианты перевода фрагмента текста, сопоставляя их с исследовательской версией перевода и обосновывая исследовательскую переводческую стратегию.

Ein Brechmittel von Papierkorb mit Spielkartenmuster, ein Nylonbettvorleger (wo ich gegen Kunsfasern doch allergisch bin), neue Vorhänge mit Klatschmohnmotiv, ***eine Unmenge verstaubter Schinken*** in meinem Bücherregal, „Angelique“ und so.“ [4. C. 41].

Отвратительная корзина для мусора с узором из игральных карт, синтетический коврик перед кроватью (и это при том, что у меня аллергия на синтетику), новые занавески с дикими маками, ***куча пыльных толстых книг*** *на моей книжной полке: «Анжелика» и тому подобное.*

Толковые словари немецкого языка дают разное толкование переносного значения лексемы ***Schinken***: 1. разг. шутл. или **презрит**. большая толстая книга (**часто имеющая небольшую художественную ценность)** [5.С.211]. 2. шутл. большая толстая книга (первоначально переплетенная в свиную кожу) [6.С.572]. В русском языке лексема «ветчина» не имеет таких значений. Выбранный нами вариант перевода основывается на контекстуальном актуальном значении этой лексемы и системе ассоциативных связей, характерных для носителей немецкого языка: в Большом немецко-русском словаре - пухлая книга [7.Т. 2, с.302]. Презрительное отношение к увиденному передает лексема «куча». Софи возвращается в свою комнату после долгого отсутствия. Она с ужасом замечает все произошедшие там изменения. Свое отношение к увиденному она выражает с помощью негативно-оценочных определений и метафорических выражений.

Треть опрошенных (30%) не поняла контекстуального значения метафоры. Недостаточная языковая компетенция реципиентов, а также *отсутствие в русском языке ассоциативных*

связей между лексемами «книга» и «ветчина» привело к буквальному, т.е. в данном случае неадекватному переводу лексемы ***Schinken***: *… запылившаяся ветчина на книжной полке, …множество засохшей ветчины на моей книжной полке, …заветренная ветчина, …свиной окорок на моей книжной полке, … кусок грязной ветчины в моей книжной полке, … кусок запакованной ветчины на моей книжной полке, … запыленный кусок ветчины.* Таким образом, отсутствие в русском языке ассоциативных связей между лексемами привело к отсутствию базы для сравнения фрагментов разных культур, стоящих за словом, и, как следствие, к отказу от интерпретации текста.

10 человек (16 %) отказались от перевода всего метафорического контекста, не сумев выявить какого-либо доминантного смыслового признака в силу отсутствия необходимых ассоциативных связей в родном языке.

Более половины участников эксперимента (54%), уловив метафоричность отрывка, поняла контекстуальное содержание лексемы и предложила такие версии перевода*: … огромное количество пыльных книжек, …невероятное количество запыленных литературных глыб, …куча различной запыленной ерунды, …запыленные корочки книг, … новые книжки в шкафу, их я в жизни не стала бы читать, …целая пыльная куча чтива, … масса старых зачитанных романов, …куча пыльных талмудов, … множество запыленных томин (?), … бесчисленные тома, …книжки, которые только собирают пыль, … пыльная куча всякой ерунды, …большое количество запыленных толстых книг, множество ненужных книг, … масса пыльных «дешевых» книжонок*. Считаем, что степень отображения личностного смысла исходного текста в этих переводах высока. 16 из вышеуказанных 33 реципиентов опять выбрали стратегию встречной метафоризации (глыбы, ерунда, пыльные корочки). Совпадение стратегий интерпретации – тоже показатель понимания текста.

Таким образом, лишь половина участников эксперимента поняла авторский смысл, уловила метафоричность контекста и отразила это в своих переводах, что связано в данном случае не столько с уровнем языковой компетенции, сколько с отсутствием определенного культурологического содержания, устойчиво соотносимого носителями немецкого языка с метафорическим выражением ***verstaubter Schinken***, с отсутствием, следовательно, определенных ассоциативных связей в ассоциативно-вербальной сети..

Анализ первого этапа эксперимента показал, что образ сознания ***Schinken***, более сложный структурно и содержательно в

немецком языке по сравнению с русским (за счет частотных переносных значений), практически не нашел отражения в результатах эксперимента (лишь один участник эксперимента – немецкий испытуемый – актуализировал одно из переносных значений лексемы ***Schinken****: Gemälde)* . Образ сознания немецко- и русскоязычных реципиентов, отраженный в их ассоциативных реакциях, оказался почти идентичным. Они актуализировали лишь основное значение лексемы ***Schinken*** (мясо свиного окорока) и связанные с ним ощущения/переживания: вкусовые, временные, пространственные представления, из чего изготовляется и где производится, вредные качества.

Переводческий эксперимент показал, что переносное значение лексемы ***Schinken*** (несмотря на наличие, казалось бы, прозрачного контекста, который подсказывает реципиенту правильный вариант перевода), не представленное в образе сознания русскоговорящих реципиентов, не позволило многим из них (30 %) адекватно передать и в некоторых случаях (16%) даже понять смысл текста. Этим участникам эксперимента не удалось понять образы сознания носителей другой культуры, поскольку когнитивной базы для рефлексии над различиями образов своей и чужой культур просто не было. Таким образом, еще раз подтверждается предположение о том, что разница в ассоциативно-вербальной сети является основой непонимания в процессах межкультурной коммуникации.

По результатам проведенного экспериментального использования, можно сделать вывод, что одного ассоциативного эксперимента для решения поставленных задач недостаточно. Вербальный ассоциативный эксперимент условиями своего проведения задает вербальную реакцию, отражающую языковые системные связи, которые не могут представлять содержание сознания в целом и поэтому не могут в полной мере использоваться при реконструкции образов сознания. Использование в исследовании переводческого эксперимента позволяет верифицировать данные ассоциативного эксперимента и расширить представление о содержании образа сознания. В переводческой деятельности актуализируются все аспекты речемыслительной деятельности индивида, что позволяет установить не только отдельные содержательные образы сознания, но и их реальную структуру как функциональное целое. Моделирование образов сознания на основе их структурно-содержательных признаков является, на наш взгляд, более перспективным путем исследования содержания образов сознания, поскольку в этом случае

восстанавливается реальная иерархия содержательных компонентов образа сознания, а не просто их состав.

Сопоставление результатов ассоциативного и переводческого этапов эксперимента позволяет говорить о том, что актуализация компонентов концептов в ходе ассоциативного эксперимента позволила участникам переводческого эксперимента адекватно передать доминантный личностный смысл автора текста. Образы сознания, совпадающие в немецком и русском языковом сознании по своим основным содержательным компонентам, (что подтверждает анализ словарных статей и результатов ассоциативных экспериментов), не вызвали затруднений и при переводе. Сходство в ассоциативно-вербальных сетях стало базой адекватного перевода. Отсутствие же в русском языке ассоциативных связей между концептов и его переносным значением привело в большинстве случаев к буквальному, т.е в нашем случае неадекватному переводу (например, в образе сознания *der Schinken*: переносное значение лексемы *der Schinken*, не представленное в образе сознания русскоговорящих реципиентов, не позволило многим из них (30%) адекватно передать и в некоторых случаях (16%) даже понять смысл текста. Этим участникам не удалось понять образы сознания носителей другой культуры, поскольку когнитивной базы для рефлексии над различиями образов своей и чужой культуры просто не было.) Таким образом, еще раз подтверждается предположение о том, что разница в ассоциативно-вербальной сети является основой непонимания в процессах межкультурной коммуникации.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – 124 с.
2. Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания. – М., 1989. – С. 5–92.
3. Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. – Калинин: КГУ, 1979. – 84 с.
4. Dagmar Kekule. Die kalte Sophie. – Rotfuchs, 1998.
5. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Dudenverlag, Mannheim /Wien /Zürich. – 1989.
6. Wahrig Deutsches Wörterbuch. – Mosaik Verlag. 1980.
7. Большой немецко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1980. – 656 с.

Э. Б. Яковлева

АНТИЦИПАЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПЕРЦЕПТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ ЕДИНСТВ ЗВУЧАЩЕГО СПОНТАННОГО ПОЛИЛОГА)

Слуховая перцепция как иерархический процесс предполагает сложный аналитико-синтетический путь обработки входного сигнала по разным параметрам: акустическим, семантико-синтаксическим, смысловым. Семантические и просодические факторы играют в этом процессе ведущую роль.

С целью выяснения степени преференции в ориентациях слушающих либо на семантические, либо на просодические факторы при реконструкции смысла высказывания был проведен аудитивный эксперимент на материале спонтанных звучащих полилогов с участием носителей немецкого и русского языков.

В данном случае следует учитывать факт получения слушающими информации в полилоге (смысловой и просодической) от нескольких участников в результате многосторонней речевой деятельности. Здесь важно проанализировать характер связи между репликами и релевантность для слушающего семантических и просодических факторов при восстановлении реплики-стимула (S) по предъявленной реплике-реакции (R) и наоборот.

С целью реконструкции смысла высказывания (реплики-стимула (S) или реплики-реакции (R) как членов диалогического единства (ДЕ)[1] в составе полилогического единства (ПЕ) слуховое восприятие речевого фрагмента (либо реплики-стимула (S), либо реплики-реакции (R) осуществлялось в режиме элиминации его из контекста ПЕ.

Основная **задача** эксперимента состояла: 1) в выявлении лингвистических и экстралингвистических признаков, обусловливающих просодико-семантическое варьирование компонентов спонтанного звучащего полилогического дискурса; 2) в разработке методики многокомпонентного анализа смыслового декодирования звучащего многостороннего аутентичного дискурса

[1] Взаимозависимость единиц в полилоге иная, чем в диалоге. В диалоге она *гомогенна,* то есть существует только между однородными простыми и сложными ДЕ (двучленными и многочленными); в полилоге эта взаимозависимость *гетерогенна,* то есть может существовать также и между разнородными формами единиц: ДЕ и ПЕ.

с учетом квантитативного фактора и социальных характеристик коммуникантов.

В качестве основного теоретического положения использовался тезис о том, что перцептивно ориентированная реконструкция смысла высказывания (реплики-реакции, реплики-стимула) в процессе восприятия речевого фрагмента, элиминированного из контекста, основана на антиципации. Прогнозирование смысла высказывания осуществляется с опорой на семантические и просодические признаки.

В эксперименте принимали участие 15 информантов: носители русского языка (5 студентов-германистов, изучающих немецкий язык в качестве 1-го иностранного языка и 5 экспертов фонетистов-германистов), 5 информантов: носители немецкого языка, студенты-слависты, изучающие русский язык в качестве 1-го иностранного языка.

До начала эксперимента было проведено анкетирование участников эксперимента с целью выявления их социальных и социолингвистических характеристик для детального анализа и интерпретации эмпирических данных, их достоверности, объективности и возможности последующей верификации при создании речевой базы данных.

Логика предложенных в анкетах вопросов и их количество соответствовали целям исследования и служили получению информации, которая проверяла выдвинутую гипотезу. Максимальная конкретность сформулированных вопросов предусматривала получение исчерпывающей информации о каждом участнике эксперимента. По результатам анкетирования были составлены социограммы, иллюстрирующие стратификационные и социально-психологические характеристики участников эксперимента.

В **задачу испытуемых** входило: 1) прослушать исходные реплики-стимулы (S) и реплики-реакции (R); 2) предложить ответные варианты реплик-стимулов и реплик-реакций на исходные; 3) выделить из предложенных на выбор факторов, релевантные для принятия того или иного решения с целью адекватной реконструкции смысла составляющих ДЕ реплик.

Анализируемые полилоги были оценены по принципу полноты, завершенности, соответствия нормам их построения, количества участников, числа реплик и реализуемых тем, а также изменения конфигураций взаимодействия коммуникантов. Для эксперимента были выбраны пары реплик – S и R на немецком

языке, имеющие разную степень связности, элиминированные из контекста полилогических единств (ПЕ).

Эксперимент проходил в два этапа. На **первом этапе** аудиторы прослушивали предъявленные реплики-S (13 фрагментов звукозаписи на немецком языке) и записывали свои варианты реплик-R на них. **Второй этап** эксперимента предполагал процедуру обратного характера. Аудиторы прослушивали реплики-R (13 фрагментов звукозаписи на немецком языке) и записывали свои варианты реплик-S. Стимулы и реакции предъявлялись троекратно с небольшими паузами между ними.

На первом и втором этапах эксперимента при прослушивании реплик-S и реплик-R аудиторы в специально подготовленных протоколах отмечали, какие факторы заставили их принять то или иное решение при прогнозировании ответа на предъявленные стимул и реакцию (**интегративное смысловое содержание высказывания, ключевое слово** или **словосочетание**, **просодические факторы: мелодика, громкость, темп, акцентная выделенность**), а также другие факторы.

По результатам эксперимента были сделаны следующие **выводы**.

Оценки аудиторов – носителей русского и немецкого языков при выборе факторов принятия решения относительно декодирования прослушанной реплики и реконструкции смысла требуемых реплики-R и реплики-S в целом совпадают, за исключением семантических факторов. Для ***носителей русского языка*** одинаково релевантны *интегративное смысловое содержание высказывания* и *ключевое слово или словосочетание*. Для ***носителей немецкого языка*** более значимым фактором является лишь *интегративное смысловое содержание высказывания*.

В результате эксперимента были получены следующие данные:

– общее количество предпочтений при восстановлении **реплики-R**, отданных признаку «*интегративное смысловое содержание высказывания*» составило 56,7%, признаку «*ключевое слово или словосочетание»* – 66,3%, признаку *«мелодика»* – 65,3%, признаку *«акцентная выделенность»* – 68,2%;

– общее количество предпочтений при реконструкции **реплики-S**, отданных фактору «*интегративное смысловое содержание высказывания*», составило 66,3%, «*ключевое слово или словосочетание*» – 66,8, *«акцентная выделенность»* – 62,5%, *«мелодика»* – 69,0%.

Полученные результаты подтверждают данные проведенных нами ранее исследований и указывают на тот факт, что перцептивный процесс осуществляется на нескольких уровнях и может быть определен как многоуровневый, иерархический. Несомненный интерес представляют *темпоральный и динамический* факторы как наименее предпочитаемые (в нашем эксперименте группами студентов) при выборе решения о формировании смысла высказывания. Была выявлена общая зависимость восприятия от темпа звучащей речи и характер этой зависимости. При медленном темпе речи усложнялось синтетическое обобщение впечатлений в законченный образ, быстрый темп мешал аналитическому восприятию речевого потока. В предложенных на восприятие искусственно «отторгнутых» из спонтанного контекста репликах ускоренный темп в значительной степени ограничивал перцептивные потенции аудиторов-студентов как наименее опытных по сравнению с экспертами-фонетистами.

Недостаточная громкость также отмечалась как отрицательный фактор при декодировании смысла звучащего речевого образца.

Оценка аудиторами в качестве *других* факторов, способствующих пониманию сообщения, **хезитационных периодов** свидетельствует об их исключительно положительной роли при декодировании семантической стороны услышанного. В данном случае их можно рассматривать как «опоры», дающие возможность слушающему ориентироваться при восприятии потока речи. В хезитационные периоды слушающий декодирует услышанное и антиципирует дальнейшую речевую программу говорящего.

Отмеченные в качестве *других* грамматические факторы (**инверсия, препозиция ремы**) также можно выделить в качестве положительных в сложной перцептивно-мыслительной деятельности.

Экспериментальное исследование просодико-семантической вариативности многоуровневых вербальных компонентов звучащего спонтанного дискурса позволяет говорить об осмыслении речевого сообщения с позиции психолингвистики.

Планирование слушающим ответной реплики-R / исходной реплики-S можно изобразить в виде следующей схемы:

предъявление *исходной* **реплики-S**
(сообщение, обусловленное логикой ожидания)
↓
понимание сообщения
↓
планирование *ответной реплики-R*
(´большая степень однозначности)

предъявление *ответной* **реплики-R**
(модифицированное сообщение с позиции экспектаций слушающего)
↓
понимание сообщения
↓
планирование *исходной реплики-S*
(меньшая степень однозначности)

Эта схема представляет усложнение степени антиципации вероятных вариантов выбора исходных реплик-S и их селекции при данной ответной реплике-R, поскольку смысл прослушанной ответной реплики-R как бы «задает» обратный ход стереотипной логике прогнозирования. Реплики-R, в отличие от реплик-S, в большей степени принадлежат одному семантическому полю, однако могут располагаться с разной степенью удаленности от его смыслового центра.

Согласно полученным данным по «успешности» восстановления составляющих диалогических единств, среднее число ассоциативных ответов, предложенных информантами при восстановлении реплик-R выше, чем среднее число этих ответов при реконструкции смысла реплик-S. Можно говорить о том, что восстановленные реплики-R отличаются большим разнообразием, чем восстановленные реплики-S. Разнообразие ответов снижается, когда семантическая область диалогических единств сужается. Следует отметить, что «успешно» восстановленными считаются реплики, относительно близкие в смысловом отношении к пропущенным. При этом наиболее значимым является наличие/отсутствие семантической связи между репликами диалогического единства. Там, где она явно выражена, возрастает и вероятность восстановления требуемого. Сравнительно большее число «успешно» восстановленных стимулов (вопросов) связано, по-видимому, с тем, что во многих случаях информантам предлагались вопросно-ответные единства. У информантов при

прослушивании реплики-S всегда остается искушение дать личностный ответ, оставляя «за скобками» задание «восстановить» имеющуюся ответную реплику. Прослушивание реплики-R не допускает подобной раздвоенности мотивов, которые в этом случае совпадают: информанту необходимо обнаружить в ответе скрытый вопрос, независимо от того, руководствуется ли он мотивами личностного смыслового поиска или мотивами информанта-диктора.

СОДЕРЖАНИЕ

Баянкина Е. Г. Когнитивный аспект патентного текста……. 3
Беляева Н. В. Проблемы понимания гипертекста……... 12
Бернштейн В. Л. Стратегический компонент дискурсивной компетенции студента-нелингвиста……. 17
Бутакова Л. О. Проблемы экспертного лингвистического анализа речи. 24
Винникова Т. А. Особенности восприятия кинофильма иноязычной аудиторией……... 34
Гейко Е. В. Манифестация оценки запаха в русской языковой картине мира……. 39
Голикова Т. А. Этнокультурологическое содержание концепта «Алтай»: материалы к словарю……. 47
Гриценко Е. С. Вклад когнитивной теории в разработку проблемы значения и понимания текста……. 55
Гуц Е. Н. Экспериментальные методики изучения ядра языкового сознания подростка……. 61
Давлетбердина А. Р. О национально-культурной окраске устойчивых сравнений…… 69
Евсеева О. В. Национально-культурная специфика языкового сознания носителей английской, французской и русской культур (на примере страха)…….…….. 77
Закорко С. В. Свободный ассоциативный эксперимент в исследовании семантики слова: предварительные результаты……... 84
Залевская А. А. Актуальные проблемы психолингводидактики…… 91
Игнатова Е. М. Место концепта «РОДИНА» среди культурных концептов……. 96
Каримова Р. А. Представление результативной деятельности в публицистическом дискурсе…….. 102
Кинцель А. В. Языковое сознание человека и методы его исследования в современной лингвистике……... 104
Коноваленко И. В. Интенции и их речевое воплощение в публичной «дуэли» политических ораторов…… 109
Леонтьева О. А. Рецептивный аспект коммуникативного поведения старшеклассника……. 114
Лещинская О. Г. Проблема поля восприятия в языке города (на примере лексики зрения)…… 120
Масленникова Е. М. Культурная переориентация текста как окказеональная модификация…… 125
Мельникова А. А. Прецедентные феномены литературного происхождения: по данным ассоциативного эксперимента…… 133
Михалёв А. Б. Психолингвистическая проблематика фонестемы…….. 140
Мырзашова А. К. Казахско-русские фразеологизмы с семантическим компонентом «ум»/»глупость» ……. 148
Мякишева Е. В. Стереотипы красоты и их репрезентация в

современной русской речи……. 155
Нестерова Н. М. Перевод как вторичная текстовая деятельность, или «сказать почти то же самое»…….. 163
Никуличев М. Ю. Причастно-номинативные композиты с метафорическими значениями……... 171
Певнева И. В. Конфликтообразующие факторы в коммуникации……. 179
Пешкова Н. П. Понимание текста как процесс субъективного переживания…… 185
Подгорная Е. А. К вопросу о понятии компьютерного дискурса…….. 192
Попова Т. Г. Перевод как когнитивный процесс во взаимодействии культур……. 198
Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая картина мира……. 202
Рогожникова Т. М. Человек как академия семантики: динамические аспекты значения слова…….. 208
Салихова Э. А. Динамика связей в ассоциативном окружении слова (по материалам экспериментов)…….. 217
Синеокова Т. Н. Психолингвистические аспекты изучения измененных состояний сознания……. 223
Субачева Е. Г. Метафора как средство познания действительности……. 234
Сулейманова О. А., Беклемешева Н. Н. К проблеме лингвистической интерпретации художественного текста (на материале произведений современной художественной литературы)…….. 237
Тарасова И. А. Когнитивная поэтика в лингвокультурологической перспективе……. 245
Трошина Н. Н. О методе оценки стилистической эквивалентности перевода…… 250
Федяева Н. Д. Норма: категориальный и языковой статус……. 259
Чаплина С. С. К семантическому и функциональному описанию перфекта в немецком языке…… 265
Чугунова С. А. «Стрела времени» в сознании носителей русского языка. 270
Шарикова Л. А. Исследование сознания человека в концептологии: методика уровневого анализа концепта…… 277
Шварко Л. И. Структура и содержание концептосферы «Педагогическая профессия»……. 284
Шестерина Е. А. Использование ассоциативного эксперимента для объяснения характера расхождений иноязычного и переводного текста.. 294
Яковлева Э. Б. Антиципационный принцип перцептивно-ориентированной реконструкции смысла высказывания (на материале вопросно-ответных единств звучащего спонтанного полилога)……. 303

ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ
ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА: КОГНИТИВНЫЙ И
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

МАТЕРИАЛЫ
IV МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕРЕЗИНСКИХ ЧТЕНИЙ

Выпуск 14

ИНИОН РАН
Московский государственный лингвистический университет

Оригинал-макет М.А. Петровой

Подписано в печать 12.05.2008 г.
Объем 19,5 п.л. Формат 60x90x16. Тираж 1000 экз.
Заказ № 38
Адрес редакции: 115093, Москва, ул. Люсиновская, 29
ГУП «Типография на Люсиновской»